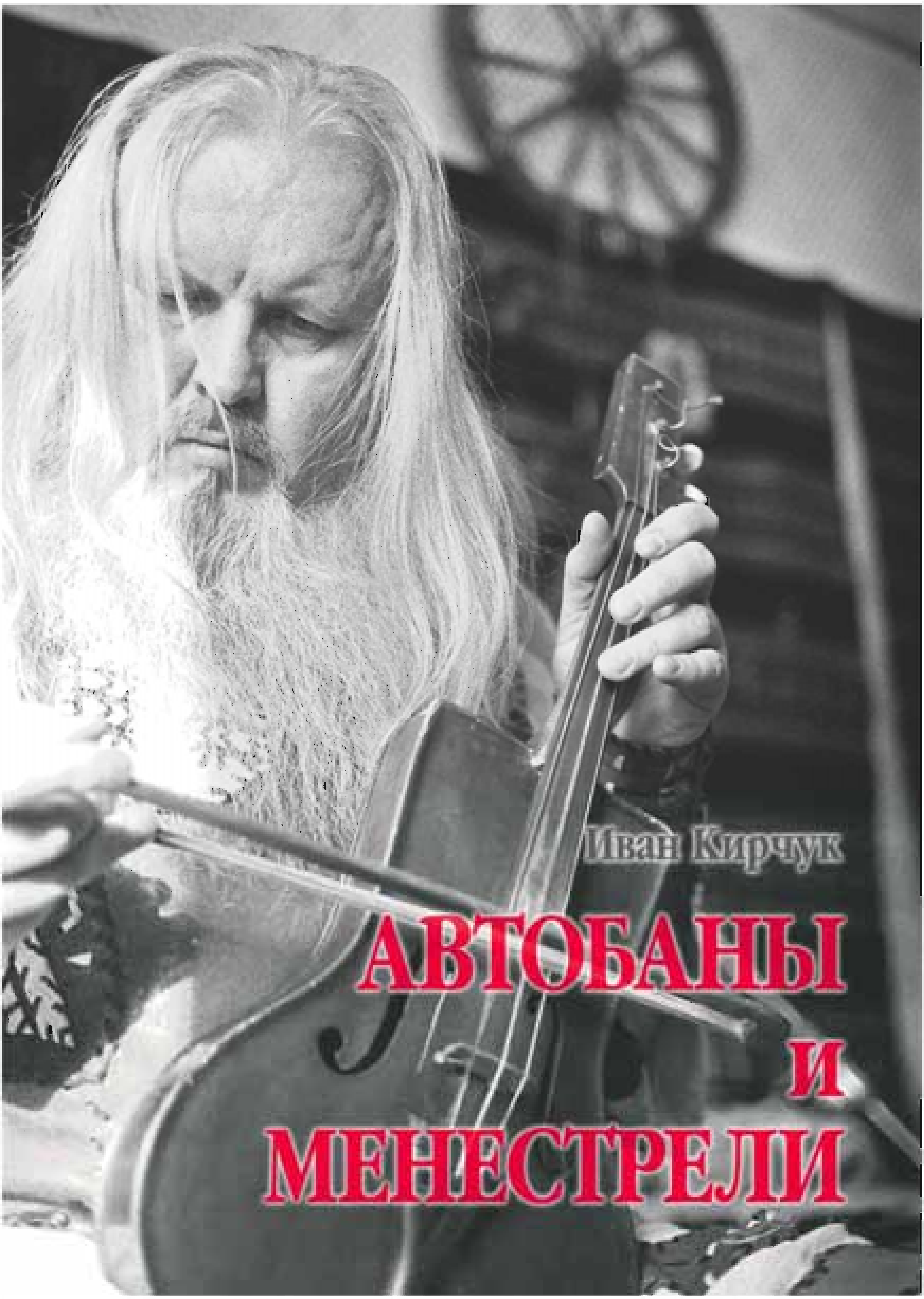

Иван Кирчук

АВТОБАНЫ и МЕНЕСТРЕЛИ

Иван Кирчук

АВТОБАНЫ
И
МЕНЕСТРЕЛИ

ISBN 978–985–6756–58–3

КЧЗ
УДК
ББК

Иван Кирчук. Автобаны и менестрели — 2008 г.

ЭТО БЫЛО ТАК АЗАРТНО!

Видно, так было угодно Небесам…

В 1975 году, когда я ещё был учащимся Лидского музыкального училища, мне посчастливилось выехать в этнографическую экспедицию. Собирать песни для предмета «Расшифровка» выезжали учащиеся с преподавателем. Меня и ещё одного парня взяли «носильщиками», так как в то время магнитофоны были больших размеров. Мы записывали песни в Лидском районе, жили в палатках на берегу реки, по вечерам орали под гитару песни. Местные жители обходили это место стороной. Цветные палатки и песни до утра почему-то напоминали им о цыганах.

Я не помню, как записывали песни, зато хорошо помню кусок свежего — прямо из печки — белого хлеба с молоком. До сих пор я такого нигде больше не ел. Кажется, глаза и руки той бабушки, что угощала «важных» горожан, я вижу до сих пор.

Это была одна из первых моих экспедиций.

Собирательство…

Всё началось совершенно случайно. Если только не считать того, что в детстве я собирал марки…

Через семь лет, в 1982 году, меня взяли на работу в Минское культпросветучилище преподавателем «Практикума по фольклору». Для реконструкции народных обрядов и праздников мне понадобился реквизит. Летом я посетил этнографические музеи Латвии, Литвы, Украины. Они меня поразили. В Институте этнографии и фольклора Академии Наук все экспонаты смотрелись жалко и сиротливо. И я загорелся идеей собрать себе маленький музей. Для работы.

Мне очень помог отец. Он проехал со мной по родственникам из Беларуси и Литвы. Он умело вёл беседы, и я гордо укладывал в мешки и коробки наши первые экспонаты. К началу учебного года мы с отцом привезли машину предметов народного быта, и я счастливо расставил их в кабинете. В углу повесил икону. Директор училища В.В. Таран заглянул и сказал: «Хорошо! Но Боженьку сними». Время было другое…

Потом ежегодно я проверял студентов на базах практики почти по всей Беларуси. Так постепенно втянулся я в сбор и песен, и экспонатов. Иногда набиралось столько всего, что увезти в автобусе не мог. Тогда заказывал машину и вновь ехал, таскал, грузил, привозил в Минск, чистил, мыл.

Часть экспонатов гибли от времени, моли, плохих условий хранения. А часто их вообще воровали. Позже я придумал, что все экспонаты «заговорены» и, как ни удивительно, народ прекратил воровать. Правда, однажды пропал старинный самовар с десятью медалями. Я устроил скандал, потом потерял надежду найти его. Но «заговор» подействовал магически: самовар кто-то принёс в училище на вахту.

Много экспонатов привозили заочники, к которым у меня было особое отношение и уважение.

Постепенно я собрал около пятидесяти «рушнікоў», тридцать «посцілак», глиняные горшки, изделия из дерева, металла, берёсты, предметы народной одежды, сундуки и многое-многое другое. Все это очень помогало в работе со студентами и в концертах «Дива».

Меняя места работы, я, как черепаха, перетаскивал с собой свой «скарб», который с годами пополнялся.

В 1988 году из училища искусств я перевёз всё в Дворец профтехобразования. Несколько недель в Минске красовались афиши «Скарбонка Дзіва». Это была моя первая выставка.

В 1989 году — подвал под ГУМом (Каляндар).

В 1992 году — радиотехнический колледж.

В 1994 году — училище искусств, где стал строить «Хатку».

В 1995 году — Национальный центр творчества детей и молодёжи.

В 1997 году — Государственный педегогический университет имени Максима Танка.

Это наиболее крупные переезды. А сколько было просто перетаскиваний с этажа на этаж, из кабинета в кабинет! Выставки, поездки! И везде — «со своим самоваром»…

За двадцать один год в моей памяти отложились сотни встреч. С разными людьми, в разных регионах. Как мозаика судеб, как звёздное Рождественское небо. Ведь каждый простой человек — это Звезда, несущая через миллионы километров свой тонкий, едва уловимый свет. Свет, в котором сотни, тысячи Предков, их чувства, их голоса, звучащие, невзирая на новый Век и на новый Мир. Он, Человек, запрограммирован какими-то необъяснимыми Силами в каждой капельке крови!

Не знаю, есть ли слова, которыми можно передать чувство гордости, что я родился на Этой земле, что я могу собирать Эти сокровища — Песни...

Эх, экспедиции! Я даже не знал, как это назвать, ведь меня никто не посылал и не заставлял это делать. Но это было так азартно!

Где-то я оставался на ночь, записывал песни, покупал экспонаты и спешил дальше. Где-то я ступал только на порог дома, так как не всем старичкам было до песен. Где-то мне просто дарили кувшин, полотенце. Где-то бережно несли до калитки с явным нежеланием расстаться с памятью Предков. Что-то я записывал, где-то делал паспортизацию, часть вносил в ежедневники. Какой-то системы, как у учёного, у меня не было. Часть песен я сдал в архив фонолаборатории Института этнографии и фольклора. Часть отставлял для работы. За песней, сказкой, за каждым экспонатом, вещью стояли люди, их судьбы. Сколько же их было!..

Все мои коллективы работали и работают на экспедиционных материалах. В том числе и созданная в 1995 году «Троица». Вот уже более десяти лет она достойно представляет Беларусь на многочисленных международных фестивалях.

1997 ГОД НА ФЕСТИВАЛЕ OEROL

17 июня.

Голландия. OEROL — крупнейший голландский фестиваль на острове Терсхеллинг, расположенном в Северном море. Фокусники, театралы, жонглёры и музыканты. Я еду, как «чудо» — лысый, выбритый. Поражает дорога — шесть полос! Мосты, баржи, каналы, старые башни, мельницы... Красотища!

Клубы, пивбары — всё ново! Люди. Свободные люди! И это видно сразу — могут ходить, разговаривать во время выступления артистов. Правда, удивляет внешний вид. Одежда — будто нищие, бомжи. Но, оказывается, — это приличные люди, это их стиль. Много ярмарок: национальная одежда других стран, музыкальные инструменты. Кстати, их многие покупают как сувениры. Маски. Украшения. Всего хочется…

Вегетарианская кухня? «Тьфу!», — говорят некоторые. Семечки, орехи и т.д. Но сколько пользы!

Были у «Шефа» (Шэф Виирсмаа) в гостях. Он — коллекционер. Его музыкальная библиотека имеет 25 тысяч пластинок, кассет, CD! Архив старичка с седыми усами просто шокирует! Всё содержится в полном порядке. Дали небольшой акустический концерт у камина. Голландцы любят барабанную музыку — сразу начинают раскачиваться в такт, кивать головами.

За спиной «Mundial» — крупнейший в Европе музыкальный фестиваль. 220 тысяч зрителей! Хотели «ударить», но дождь испортил всё. У нас «полетели» все народные инструменты (их строй) — жалейка, смык. А практики в этом, к сожалению, у меня вообще нет. Обидно. Фестиваль мощный. Белорусы не скоро такое смогут организовать. Я был режиссёром городских праздников, знаю, чего стоит один минский. А здесь около десяти крытых подиумов!

Играли на фестивале OEROL и на улице. Так делают многие музыканты, заодно приглашают на свой концерт. Я видел это много раз, сам участвовал в «таком». Но как меняются люди при виде денег!

Водоворот воспоминаний. С 1996 года мы робко начинали вкручивать своё «творчество» в привычную музыку Беларуси. С таким тру-

дом! В феврале в Белоксе (Обществе культурных связей) мы выступили на вечерах дружбы с Индией, Шотландией, перед американской делегацией. Их цепляло! Что цепляло? Такой минимализм — и брал?!

А 9 октября состоялось знаковое событие: нас пригласил на свой концерт Юрий Шевчук (ДДТ), и мы потрясли к/з «Минск».

Всё — будто бы сон... А теперь вокруг нас море. Как и море лиц, музыки, впечатлений.

18 июня.

Моё любимое море. Парусная регата! Мельница-ресторан.

Остров. С одной стороны — зелёное поле, в середине острова — сосны и деревеньки, чистые, аккуратные, будто сказочные. В центре острова — озерца, тропы, скамейки в лесу.

Длинный — на 20 км — песчаный берег. И велосипеды для всех возрастов! Тебе подберут с учётом твоего возраста и веса, проверят тормоза, выдадут насос. И с такой любовью к технике это делают!

Передвижные ярмарки до обеда по деревушкам. Фокусники, клоуны.

Порт, корабли. Отлив, прилив! Во время прилива и отлива устраиваются соревнования по бегу. Между островами нужно пробежать за время прилива-отлива. Далеко, но дно плотное. Здесь, оказывается, заповедник, национальный парк. Множество птиц, зайцев.

Море — грязновато-тёмное. Ветер, на волнах всегда пена. Я ежедневно здесь, будто у алтаря. «Кайф» — оно ведь холоднющее! Купался. Я говорю с ним и прошусь сюда на следующий год…

19 июня.

Главная сцена, рядом — карусель. Наш голландский друг Мартин дул в трубу, созывая всех на «Троицу». Народ лежит прямо вокруг сцены, загорает, дети вокруг, как муравьи. Пиво, еда и мы. Чем берём? Вокал? Аранжировка? Не знаю. Но что-то явно происходит!

Где-то за спиной — «Рок-фестиваль» в Питере, «Песнярок» в Минске, где мы играли «Рэчаньку» в сквере Янки Купалы, фестиваль блюза, праздник «Урожай» с Лёней Нарушевичем, выступление в «Star club». Это всё на Родине. А пока тут, на острове, будут звучать наши песни!

К вечеру изучаем достопримечательности острова. Театр в амбаре, зритель сидит на тюках сена. Слышится музыка: на сцене De Kift — концерт известной голландской группы. Антураж — крест, гроб, зимние шапки — что-то о «Баренце». Выступают на эмоциях, на надрыве — здорово! Группу с народными инструментами снимаем на видео. У му-

зыкантов чем-то похожим на бинты обмотаны руки и ноги. Медные духовые инструменты, фисгармония. Актёры! Сложная музыка и голландский язык. В Минске у зрителя от них был бы шок! Много декламации, рваного ритма, странных непривычных аранжировок.

Так что на этом фоне наше пение — ещё ничего…

20 июня.

Впечатления! Жонглёр на одном колесе жонглирует факелами, на лбу — кружка пива, которую он выпивает через шланг. И такого циркачества много — веселят народ.

Сыграли концерт под Башней (главная площадь на острове). Наши музыкальные инструменты вызвали интерес у англичан.

«Элефанты» — тряпочные трубы, подсоединенные к выхлопной трубе трактора — в небо. Видны далеко. Трепещут, зовут! Зрелищно и очень красиво!

Видели Тувинскую группу «Хун-хур-ту». Это что-то! «Вершки да корешки» — ещё один странноватый проект. Но слушают люди! Сколько разной, добротной музыки я услышал и ещё услышу! Эх, увидели бы родные всё это: и Голландию, и каналы, и море, и людей. Хоть одним глазком…

«Dodorama» — музыкальный магазин в Роттердаме. Теряю дар речи при виде инструментов. Трогаю, перебираю, не всё по карману, а жаль. А так скупил бы всё. Откуда у меня такая к этому страсть? Может потому, что братья деда делали скрипки? Нужно расспросить маму о предках.

РУССКАЯ ТОСКА

6 сентября.

Россия. Москва. Центр Стаса Намина. Мы рядом со «звездой». К нам большой интерес. Хорошая гостиница. Стас пригласил на вечеринку. Многие узнают нас по программе «А». Понимаем: Шевчук помог. Россия — как новая галактика, со своими «закидонами» и прежними отношениями к союзным республикам.

Словно Духи из земли,
Ряд берёзок — к Небу!
И в космической дали
Звездопады — к хлебу.

Осень моется дождём,
Словно кошка лапой.
Мы ещё не раз взгрустнём
Под звездой крылатой.
Сморщен лист и позабыт.
Цвет давно потерян.
Возраст — бомба, динамит -
Сединой усеян…

7 сентября.

Красная площадь! Слева — «прощальный» концертище Иосифа Кобзона. Справа надрывается Лучано Паваротти. С 21.00 будем выступать мы! На КРАСНОЙ! И список стран участниц впечатляет. Вообще, Красная площадь — даже не для восходящих «звёзд», а больше для потухших, что греются в толще московской земли у Кремлёвской стены.

Музыканты и страны! Индия, Англия, Болгария, Тува, Израиль, Палестина, США и Беларусь.

Ошибка Стаса Намина в формировании программы. Начал с «рока»: «Ва-Банк», «Чайф». И Жанна Агузарова — явно из другого мира, своего. Она вышла в странных одеждах, с авангардной модой! Мне понравилась идея, но не музыка и песня «Мои мужчины». Подумал: «Если бы я написал о своих женщинах, была бы оратория в семи частях»!..

И что дальше? Зазвучал никому не нужный этнос! Толпа ревела и рвала Пространство, то ли от возмущения, то ли от того, что этнос кружил голову. Потом небо украсили чьи-то «отмытые» денежки: сорок салютов над Москвой. Я слышал, как возмущался народ в метро: «Деньги — в воздух, а тут жрать купить не на что».

Плохо организованный проект. Мы сидели притихшие и грустно смотрели через окно автобуса на «монстра» Москву. Москва «стёрла», «заглотнула» нас. И простые, задушевные белорусские песенки утонули в рёве толпы, захлебнулись тем пивом, что пронесла молодёжь сквозь «кордоны».

Я видел белых птиц, что парили над Мининым и Пожарским: они летели на полесские болота. Домой! Это были наши песни.

Мне не понравилось предложение Стаса Намина: он хотел, чтобы все музыканты импровизировали под его песню «Мы желаем счастья вам». Что получилось? Бред. Ведь многие этнические инструменты имеют свой строй, и их не подстроишь в нужную тональность, но разве

кто-нибудь об этом думал? Пусть бы эти слова стали гимном фестиваля. А ковырять и искать близкие ноты к этой затёртой песне было смешно и грустно…

9 сентября.

Сегодня мы приглашены на вечеринку к Стасу в Центр. Странно-модерновое оформление помещения. Люди, собаки, художники, музыканты. Вино и сыр. Жанна Агузарова чем-то напоминает пациентку из «палаты №6». Так смотрится со стороны, а может и нормальная девка? Так, игра…

Наша ошибка, что поддались на импровизацию с музыкантами Стаса. Зачем? Мы не так сильны в этом. Потом переживали.

Говорили Ноги с опавшей листвой:
«Каково вам сверху — вниз головой?»
Отвечали Листья глупым Ногам:
«По весне мы снова взлетим к Небесам».

10 сентября.

Центральный Дом Художника. Фестиваль мировой музыки объединил группы «Вершки да корешки», Инну Желанную, «Хун-хур-ту» (Тува) и «Троицу» из Беларуси.

Очень хорошо выступили, но и очень устали. Как-то после Красной площади, где к нам совершенно не было внимания, тут мы всем были нужны и интересны. Это радовало и придавало силы. Песня «Ійшла Купала сялом» очень пробрала жену Стаса, и она не скрывала своего удивления, даже слёз. Да, это песня о жертве, древней жертве Божеству. Может, в прошлой жизни её и вели к такому Божеству? Кто знает? А мы лупили в барабаны… Будто древний погребальный марш. Трудно объяснить, как появляются аранжировки.

Стас спросил о контракте. Но с нами никто ни о чём не говорил. Мы всем на удивление. Особенно тем, что обошли «их высочества»: «Как это вы — по заграницам, без нашего ведома?» Простите, не спросимшись… А Вы (Москва) — кто? Ваше время давно прошло! Мы — свободное государство, наверное. И потом — приглашали белорусский фольклор, а не русский…

Опаздывали на поезд. Нас подвозил Стас Намин. И я когда-то плакал под его песню «С целым миром спорить я готов»…

Эх, Москва! Песни-то красивые, но как-то не радушно…

1998 ГОД
ДУХ СЕВЕРНОГО МОРЯ

15 июня.

Голландия. Радио в Амстердаме — как кабак! Все пьют, едят, хлопают — и это всё во время эфира?! Но атмосфера и обстановка очень дружеские.

На трассе загорелся и «полетел» двигатель нашего автобуса. Через пару минут — полиция, «аварийка», фотограф и грузовая (увозить сгоревший хлам?). Окружили нас. Обошлось. Еле доехали — серьёзная поломка, на две тысячи $. Странно всё начинается…

Душ и сон в гостинице! Переживания за всё.

16 июня.

Мартин занят ремонтом авто. У меня мелькнул план: соединить «Троицу» и «Батлейку». А вообще-то, новое всегда идёт тяжело — ведь тут не только работа с куклами, режиссура, но даже погружение в другой мир, который мы не знаем. Зато как бы мы украсили свои концерты!

Первый концерт прошёл успешно — нас помнят!

Не обошлось без приключений! Ночью (в 4.00) поехали всей «Троицей» на авто к морю купаться, но застряли в песке на берегу моря. Темно. Безлюдно. Копали руками песок — без толку. Начался прилив. Заволновались, что нас с машиной унесёт в море. Чего только не придумаешь себе на пустынном пляже ночью!

Мы с Виталиком пошли в гостиницу будить и «радовать» Мартина. Должен же кто-то нас спасать? Может быть штраф. По пляжу можно ездить только полиции! Обошлось. Как-то Мартин решил и эту проблему. Но до утра даже не вздремнулось...

17 июня.

Утро, море, сок, клубника.

Перенос концерта с 12.00 на 16.00, потом на 17.00. Но выступили удачно, стали подходить зрители, спрашивали, как мы на этот остров попали.

Смотрели в 22.00 концерт клоуна из Англии. В 23.00 обалдели от дуэта клоунов «Елоу энд Грин». Вот работают люди!

Рябины вспыхнули костром,
Краской залили даль.
Годы-птицы, качнув крылом,
Летят — не жаль.
Ночь не догонит Рассвет —
Бессмертный бег...
Что ж за полётом лет?
Уйдёшь — узнаешь, человек.

18 июня.

Концерт. Большой успех! Мы не надеялись расшевелить такую разбалованную публику. А тут удивили! Наверное, плясовая «Яблань» вытащила. О нас вышла статья в какой-то голландской газете.

Ночью пошли с Виталиком купаться, но не дошли до пляжа. Дождь, выбились из сил. Лес пах сыростью, с неба моросило. Извини, морюшко, в другой раз…

Зато днём до 14.00 катались на велосипедах везде, где могли. Кажется, весь остров изучили. О нас говорят. Узнают. Все благодарят. Наверное, мы не зря здесь.

19 июня.

Один на пустынном морском берегу. Море. Чайки. Отлив. Величественно и грустно. Манит этот остров! Радует и притягивает.

Последний день фестиваля. Ещё один концерт. Прощай, чудо-остров, до свидания!

Нас ещё ждут другие фестивали в Голландии («Roots», «Haarlem»). Фестивали, фестивали, лица, музыканты, подиумы. Но ты, «Oerol», уже в копилке памяти.

Это — Дух Северного моря, размером с цветастый «элефант», что рвётся к небесам! Это — сосны, колючее море, жёлтый, цвета одуванчиков, песок. Это — мудрые и очень красивые северные люди, которые так гордо живут на этом островке в холодном море.

Мысли —
Крылья астральных птиц —
В будущее взмывая,

Мелькнули
Редкостью небылиц
Прошлого земного Рая.
А я?..

ДОРОГА НА АДРИАТИКУ

27 июня.

Австрия. Мы едем в Словению. Но в Австрии дали один концерт в церкви (не похожей ни по убранству, ни по духу на привычные церкви Беларуси). Как филармония. Ссора из-за микрофонов: тяжело решить, сколько их надо в таком помещении. Звук хороший, но у нас барабаны, и для такого зала — это проблема. Играли два раза по 45 минут! Еле вытянули. Очень тяжело играть после «сквотов» — нежилых зданий Голландии и Германии — зритель другой… Он будто классику ждал, а мы приволокли фолк-рок. Но народ сидел тихо и слушал. Слушай, Австрия, песни белорусских бабушек!

Ужин в шумном (джаз!) ресторане — мрак для мозгов, глаз и нервов. Как никогда хотелось тишины после такой трудной дороги.

Ночь без сна в огромной, как футбольное поле, кровати с ТВ-пультом. На такой кровати провести бы пару медовых месяцев! Но… Работа и дороги уже стоят под дверью. Спать!

Гулял, наслаждался видом гор. Утром бросился в глаза кровавый рассвет — Великие Роды Матери Природы! Из-за горизонта показался красный, гладкий черепок Новорождённого. Возможно, где-то в Иных Мирах кто-то стонал, метался, кричал, как земная роженица, упираясь ногами в Планеты, царапая звезды. И вот — результат! Оно, именно Оно (не Он, не Она) — выкатилось. Ком красного света. Оно — живое, здоровое!

Сегодня насыщенный день — в Словению! Опять дорога? Австрия! Горы, замки, туннели — 4, 5, 6, 7 км! Граница со Словенией. Господи, как это знакомо — запахло «совком». Нас раздевали! Понятно, из Голландии ехали. Один вопрос: «Где «трава»? «Везде растёт», — хотелось сказать. Вот так — заходили по одному и устраивали мужской «стриптиз». Ха-ха!

Движемся дальше. Радуют горы в дымке. Насчитал 15 туннелей! Гостиница у моря. Тёплая встреча на тёплом берегу моря.

Город Изола. Здесь нас ждёт фестиваль. И, похоже, без должной рекламы, ибо собралось всего двадцать пять зрителей! Компенсацией

такого «фестиваля» было купание в тёплом нежном море. Ночь. Огни Италии где-то рядом. А мы заняты поиском жилья.

4.00. Рассвет. Купание. От купания на рассвете такой кайф! Но душу бередит осадок вчерашних «троицких» разговоров. Тут и проблемы творчества, и быт. А нам ведь работать. В отрыве от родных дорог и домов ещё и терзания о близких всегда рядом.

Дома над моей головой висит фото двух моих бабушек — Полины и Кати. Часто смотрю на них. В какой-то день муторно на душе, глянул, а они с фоток будто хитровато улыбаются: «А нам каково было?»

Человек — Свет! И уходя, он наполняет Землю (не Небо) необыкновенным Светом, невидимым для простых смертных. Этот шар Света, может быть, видят «уходящие»? Это — Душа Земли. А горы, реки, леса, будто тело Человека — его кости, кровь, кожа. Что-то стареет, умирает. Но остаётся Свет, сотканный из миллионов светлячков — человеческих Душ. А небо? Оно для тех, кто мудрее, чище, сильнее. Это щит, защита (в чёрной Галактике) шарика Света, наполненного душами моих родных, близких, знакомых.

О, как далёк, как долог путь к Престолу Всевышнего! А может кому-то и нет туда пути? Может поэтому бабушки «улыбаются»?

Много мыслей. Мы с сестрой Машей часто ходим на Кальварийское кладбище, хоть там и нет «наших» могил. Ставим свечи, светильники, молимся ушедшим священникам, думаем о своих родных — грешных, земных. Мир Праху…

28 июня.

Словения. Порторош. Фестиваль в честь 70-летия Радио Словении. Поразили подарки фестиваля: кружка, майка, сумка! В 18.30 — саундчек (настройка звука), а в 20.00 — концерт. Встретил родную душу — Татьяну Песнякевич с Белорусского радио! Эта добрая женщина в 1982 году сделала радиопередачу о моём скромном творчестве. И после этого вот уже шестнадцать лет она помогает материалом, программами и эфиром. Наши разговоры, её волнения — мы ведь из Голландии ехали.

Концерт на одном дыхании, на какой-то внутренней силе! В общем, успех! Коньяк, пресса — приятно. Поляк из Люблина «обалдел» от нас, зовёт на фестиваль. Вот так выстраиваются цепочки концертов, связей. Такие вещи самые дорогие. Не зря страдаем…

23.30. Банкет поражает изобилием. После дорожной «сухомятки» — раки, мясо, пиво. Из грустного: «подколки» латышей. Заело их, что ли? «У вас не народные песни». «Ага, партийные», — хотелось посту-

чать по темечку. Тем более, что почти все, не считая этой приморской братии, благодарили нас и восторгались белорусским фольклором. Видимо, мы сегодня выглядели лучше их.

Глупо ревновать в творчестве. Вы ведь тоже были интересны. А удача, успех — порой случайны. Так что лучше хорошо думать. Любая мелочь вершит свой суд над нами, над нашими поступками и особенно над нашими мыслями. В течение дня можно многое подметить — где Ангел руку подал, а где чёрт подножку подставил…

29 июня.

Городок Копер. Мы в молодёжном центре Марко Брицелли, известного музыканта! Спим на полу, прямо в центре странного помещения, напоминающего деревенский «клуб» где-нибудь в Ждановичах.

Грустим, скучаем. Даже рядом с морем. Наверное, от того, что нас тут не ждали. С годами такое очень чувствуешь. А деваться некуда — тур, ты в графике. Не нужен дома и не нужен здесь. А потом… Сколько же здесь надо выступить, чтобы ты понравился, чтобы тебя полюбили (с этой музыкой), а уж потом ждали и приглашали?

Расслабься, Вано. Наслаждайся Адриатическим морем.

30 июня.

Странно: я весь в долгах, а покупок сделал!.. Будто собираюсь всю жизнь то ли играть, то ли инструменты собирать: купил потрясный мастеровой гонг. Мастер — Стив Хаббак. Он тоже фанат. Только с металлом возится, делает и инструменты, и парковые скульптуры. В звуках гонга — голоса Космоса: вибрации, как пантеры, залезают в душу. И это надо мне, а не барабанщику. Заодно купил еще стойку, варган, колокол.

Концерта, к счастью, нет. Даже не было рекламы. День на море. Тоже ничего.

Ужинали с какой-то группой, что записывалась в «клубе» на сцене, где мы спим. Разговора не получилось: мы — не «звёзды», да и они, похоже, такого же полета.

Завтра виза в Хорватию, за которую нужно заплатить 50 DM. Одни затраты...

1 июля.

Городок Селия. Концерт в какой-то гостинице, без усилителя. И сон там же. Да, мы тут вообще никак не вписываемся. А впереди ещё две недели работы! Наша музыка с таким трудом пробивает уши Сло-

вении. Вслушайтесь, какие древние тексты, неужели никак не пробирают? А мелодии? Разве у вас такие есть?

Поломался инструмент — смык. Наверное, от горя, что его не слушают. Сны-кошмары...

2 июля.

Платный пляж. Прости, г. Копер, лезем через забор — экономим. От такого настроения — ни тела на пляже, ничто уже не интересует. Заплыл далеко в море. Тёплая Адриатика, очень. Красиво и тоскливо. Разве эта та работа, о которой мечталось дома? Позже три часа грустил о родных, близких.

Мои ошибки — сыновья.
Мои грехи — моя семья.
И одиночество сейчас —
Как очищенье от проказ.
Родных слезинки...
Да, Беда —
Мои гремучие года!
Девичьих рук, глаз вереницы,
Их сладко-нежные темницы...
Мои Молитвы и Посты —
Как избавленье от Беды,
Как поиск Предков в темноте,
Как пыль на мраморной плите.
И в этой звонкой тишине —
Свечи огарок на окне...

22.30. Концерт. Всего 10 зрителей. Но стараемся, рвём струны — будто зрителей тысячи. Может и такое будет?

Опять ночное море «обалдело» от белорусов. Они с криками носились по пляжу, который еще не успел остыть от дневного светила и дарил тепло. И нам становилось легче, как от затухающих углей, в которых где-то глубоко лежит печёная картошка.

Нас зауважали и после концерта принесли бельё. Ага, завтра отъезд, самое время. Словения, я тебя не понял, и ты, видимо, меня тоже. Иначе всё здесь с нами было бы по-другому. Но уже поздно: мы уезжаем в Хорватию. Пока, Словения!

Сколько мыслей! Правильно ли мы аранжируем песни? Почему одних они шокируют, других — никак? Влияют ли наши ссоры, отноше-

ния на творчество? Влияют ли наши семьи, близкие на нашу музыку, обсуждая наше творчество? Что даёт нам самим то, что мы входим в мир другого звучания, менее привычного? Вопросы, вопросы…

3 июня.

Хорватия. Пажин — город, где мы остановились. Здесь будет наш первый концерт в Хорватии. Красивый мощный замок на обрыве. Массивные стены! Музеи и концертная площадка прямо во дворике замка. В горе видны гроты. Внизу шумит вода, но видны только макушки деревьев — глубоко. На обрывах и скалах как-то уместились домики.

Заселили в хорошую гостиницу. Покушали в ресторане, размещённом в скале. Познакомились с Дуней Кнэбл. Она — певица, знает русский язык, поёт народные хорватские песни. Концерт «Троицы» совместно с ней.

Во дворике замка красиво, каменные экспонаты, ступени. Стали расставлять инструменты, но прогнал дождь. Пришлось играть в одном из залов музея. Опять перетаскивали инструменты, менялась концертная площадка, естественно, — звук. Играли акустику. Да, «Троица» — шок для неподготовленного слушателя. Многие так и не шелохнулись с первого аккорда до последнего.

Дуня оказалась интересной собеседницей, но от дорог такая усталость, что хочется молчать. Завтра мы увидим другой город — Загреб.

4 июля.

Утром прогулялся по городу, с интересом рассматривал достопримечательности — всегда новое погружение в неизвестность.

Разбудил Виталика Шкилёнка, и пошли гулять в ущелье. Вот где красотища! Лазили по горам — страшновато. «Тоже мне, альпинисты!» — шутили мы.

Дорога в Загреб длинная: тоннели, мосты, вид на море с высоты.

За скорость Мартина оштрафовало местное ГАИ на сумму 100 «куна». Он матерился. Смешно слушать мат не по-русски...

Загреб — 1 млн. жителей. Джазовый клуб. Здесь будет концерт? Перед концертом с Дуней съездили на искусственное озеро. Купались.

Беда в том, что мы попали в футбольный сезон: вокруг болельщики, флаги, барабаны, крики.

Наш концерт в этом бедламе! Отвратительный звук, мы играли и ничего почти не слышали. Зато публика, то ли из-за футбола, то ли музыка «зашла» — десять раз вызывала на «бис». Мы спели всё, что знали. Как никогда.

После концерта долго добирались к Дуне домой. Футбольные фанаты наводнили город, забили улицы, тротуары. Это — зрелище! Выстрелы! Шум! Крики! Толпа — рекой! Хлопали руками по автомобилю. То ли от радости, то ли от горя, что кто-то проиграл. Нам бы ваши проблемы! Я никогда не любил футбол. Правда, баскетболом занимался лет семь.

У Дуни уютная, с высокими потолками квартира (раньше жила в Москве), много музыки, книг. Приятная атмосфера. Воспоминания: что видели, слышали, вкусили-пожили...

Одиночество женщин —
Дисбаланс во Вселенной.
Одинокий мужчина —
Табак и вино.
По утрам опускаюсь
В метро-муравейник:
Лица, судьбы —
Немое Кино...

5 июля.

Ужин плавно переходит в завтрак. Опять разговоры о компакт-дисках, о записях народной музыки, о её афишах и плакатах. Меняемся носителями: мы — компакт-диск, она — кассеты. Интересный обмен: хорватские народные песни на белорусские.

Всё, мы едем дальше, в Боснию. У нас ещё столько дорог! Даст Бог — ещё увидимся.

6 июля.

Тысячи километров за спиной — Голландия, Германия, Австрия, Словения, Хорватия. Горы, мосты, красивейшие места со следами войны: разрушенные городки, обгорелые автомобили на обочинах дорог, горы мятой, ржавой бытовой техники у домов без окон и дверей, порой простреленных снарядами насквозь.

Мы едем в Боснию, в одну из разрушенных деревень, где запланирована конференция в разбомбленной церкви (с прессой и TV). Покалеченная земля, страна и людские судьбы. Увиденное не укладывается в голове.

7 июля.

Босния и Герцеговина. Конференция почему-то не состоялась. Нас ждал только сараевский друг Мартина — музыкант Дарко.

Ныли ноги, я лёг на траву и думал, глядя на разрушенные дома, о людях, что любили, жили, о чём-то мечтали, ругались, как мы. Итог — руины. Война, как и ссоры, всегда оставляют за собой руины. Виталик нашёл где-то гильзы, страшно брать их в руки, вдруг это чья-то смерть? Мне и не важно, чья...

Перед вечерним концертом в «Босански Културни Центр» гуляли по старому городу: мечети, мечети, мечети. Это ново. Огромная сцена среди мечетей — Международный фестиваль танца. Вот бы тут выступить. Встречай, Сараево, «музыкальный дискант». Можем только мысленно запищать у такой огромной сцены.

8 июля.

Жара. В местной газете вышла «негативная» статья, что в Сараево из трёх концертов только у «Троицы» платный (цена билета — 2 DM). Мартин зол: банка пива стоит дороже.

День болтались по радиостанциям, по дороге рассматривали разбитый город. Оказывается, во время войны многие радиостанции работали, был даже рок-концерт.

По краям дорог — жёлтые ленты с надписями «MINE!» Но рядом ходят спокойные люди. Привыкли. Высотные дома, простреленные насквозь. Рядом с дырой от снаряда — занавески. Жизнь продолжается. Жуть!..

На концерте в огромном зале было человек пятьдесят. Грустно. Однако понимаем: не Европа, кто нас знает? Надо отдать должное — афиши классные: на фоне зеленоватых скал — символы четырёх религий. Это — в наших душах. Мы — музыканты, а не религиозные фанатики.

Вечером Мартин хотел затянуть нас еще в рок-клуб. Отказались. Мы стали понимать, где мы ко двору. Думаю, что устали. Не от музыки, конечно, от увиденного и от впечатлений. А потом — дома у каждого в архивах столько рок-музыки, что порой квартира просит «отдыха», а от услышанного крыша дома съезжает. Но тут? Не до этого.

9 июля.

Дороги в горах с картинками войны. К этому, наверное, не привыкнуть никогда. Тем более, еще четыре-пять дней назад мы были на фестивале в Словении на Адриатическом море. И после тех пляжных

картинок, огней — это тревожит душу! Будто попали в другое время, в другой мир.

У мечети, синагоги —
Кто ругаться мог?
Храмы с Храмами воюют?..
Всех осудит БОГ...

Мостар — город, разделённый рекой и войной на две части: тут проходили самые жестокие бои. Когда-то берега соединял огромный каменный мост, которому было четыреста лет. Взорвали. До сих пор живёт вражда по берегам реки.

Мы выступали в супермодерновом здании — «Pavarotti Center». Было человек сорок. Пока не ощущаешь значимости концертов в Боснии...

10 июля.

Мы выехали из Минска 3 июня, а сегодня 10 июля! Визы, границы, дороги, досмотры. Мартин — голландец, а мы — белорусы. Странная команда, да?

Полдня ехали по извилистым горным дорогам, перевалам. Вода в горных реках изумрудного цвета! Так хотелось окунуться, тем более, что воду мы нигде не пропускаем. Но график тура жёсткий. Вновь и вновь прокручивается калейдоскоп разрушенных деревень.

Приехали в «Царство Берендея»! Экологический Центр, построенный художником по имени Боро (учился в Питере). Он соорудил в одном месте все мельницы своего деда. Арт-галлерея и много деревянных домиков на речушечках и ручейках. Мостики, кострища. Здорово!

Пора сенокоса. Боро не до нас, и концерт не организован. Обидно, столько ехали... Даже купание в ледяной воде не обрадовало. Вечером сидели у камина, слушали новые песни «Троицы» на аудиокассете, мечтали о будущем. О хорошем. Угольки в камине весело подмигивали мне: «Не горюй, что-то ждет вас и получше таких туров».

Мартин в вечернем разговоре «пугнул»: «Завтра едем в Югославию (Новы Сад), нужно проскочить «экстремальную» зону. Этого нам еще не хватало!

Странно, но в Боснию больше не хочется.

Угольки потрескивали в камине, мы слушали записи «Троицы», и приходили слова…

УГОЛЕК

ПРИТЧА

Бородатый дядька-Ветер налетел на костёр, разлохматил своими невидимыми лапами языкастое пламя.
Возмущённо взорвалось потревоженное рваное пламя сотнями искр-криков в глазастое небо: «У – у – у – горю – живу!»
От обгорающего ствола треснул, отскочил Уголёк. Он упал недалеко от костра.
«Ой, мам... — блеснули его глазёнки. — Почему я здесь?»
И будто в ответ, седой Прародитель сладко-горький Дым призраком проплыл над Ним, молча растворившись в траве.
Уголёк снова хотел в Круг, снова хотел ходить своими босыми ногами в тёплом огне, кутаться в горячие языки пламени — быть как Все.
Его озорушки-сёстры загребали к себе жар руками, подбрасывали этот огненный дождь над головами, бегали, смеялись и кокетничали нахальными, голыми языками пламени.
И совсем не замечали Его.
Братья-малыши, набегавшись по брёвнам, перегорели, устали, перемазались тёплой золой и сладко спали на ложе из застывшей смолы в Магическом Круге, среди высокой острой травы.
А седые добрые Поленья ворчливо потрескивали мудростью и заботливо укутывали, согревали своим жаром корни, ветви, веточки, листочки — Всех!
Только Уголёк был без внимания.
Как хорошо, спокойно и надёжно было со Всеми!
«О, Кострище — лоно Предков! О, Пепел Родных! — кричал, дымясь, Уголёк. — Я хочу быть с вами!»
Но никто не слышал Его тонюсенький голосок в какофонии Огня.
Никто и не заметил, что Уголёк вне семейного тёплого Круга.
Тоскливо, холодно, грустно и одиноко лежал Уголёк в траве, пугая мотыльков и удивляя тружениц с полными ведрами мёда.
Улиткой уползал День, ставя вехи в чьей-то потухающей жизни, убегая от Злой Ночи с её страхами и пугающими, жуткими криками-хлыстами.
Ещё долго-долго догорал Костёр, держа в Круге негу, тепло, уют и надёжность тех, кто был вместе.

И лишь Огненный Дух в дымке ночи возносил Души-искры к
Небесным Пращурам — хвостатым, гордым кометам...
А Уголёк лежал, тлел, тлел и — потух...
Случайность? Судьба?

11 июля.

Венгрия. За спиной разрушенные деревни Боснии, вокруг кукурузные и подсолнечные поля Венгрии. Большие каменные кресты в полях.

Позади семь тысяч километров. И полтора месяца работы, более тридцати концертов. Интересная и сложная работа: приехать, расставиться, настроиться, отработать, собраться и — вновь лететь в ночь! Чтобы утром увидеть новые города: приехать, расставиться, настроиться и т.д.

«Kalaka World Music Festival». Интереснейший фестиваль в огромном замке города Мишкольц. Успех. Мы даже вызвали интерес у венгерского телевидения! Помогает, старается Мартин, переводит. Не знаю, как у него это получается, — с голландского на венгерский? Так как венгры английский язык вообще игнорируют. Завтра последний день тура.

Дорога в г. Сопрон, где проходит другой, очень престижный фестиваль — «Ethno Fest». Но — переезд 400 км!

Ехали молча. Каждый думал о своём: кто-то о музыке, кто-то о доме, а кто-то о даме. Святая тишина.

Приехали! Фестиваль поразил местом проведения: грот с концертным залом. В пещерных глыбах акустика фантастическая! Но мне было там жутковато. Война оставила свои следы, и эти следы вползали в душу во время концерта. Фестиваль длился четыре часа, выступили четыре коллектива. Программы разные, музыка разная, много интересных инструментов. Всё здорово!

Нам дали каждому в гостинице по отдельному номеру. И это после стольких дней неудобств!

Выпили венгерскую «Палинку» и поговорили о наболевшем — об отношениях в коллективе. Это всегда невесело. Так как в хорошем коллективе таких разговоров не бывает. Завтра домой.

Эх, тур! Не просто устали! О Венгрии можно говорить и писать часами — удивительная страна. Со своей уникальной культурой, архитектурой. Венгры — очень музыкальный народ! Как они слушают! Это в памяти навсегда.

ПИРЕНЕЙСКИЕ МЫТАРСВА

26 июля.

Вчера приехали со «Славянского базара». Был рядом с Валерой Дайнеко, Афанасьевой, веселились с «Палацем». Среди «базарной» суеты встретил старого знакомого. Поёт в ансамбле «Чистый голос». Да, витебский «Славянский базар» — настоящий базар! И это после европейского тура...

Неожиданная новость: в Лиссабоне — Экспо-98! Мы приглашены! Будут Азия, Африка и другие страны и континенты. Выставка будет проходить с 1 по 10 августа. 2 августа — открытие, 8-го — закрытие. Отъезд 29 июля. Снова ехать, хотя я уже «прощался» с Виталиком и Димой. Что-то не лежит у меня больше душа работать вместе.

Музыканты, певцы, в принципе, и художники — они, как цветы и кустарники. Если судьба, то растут кусты только в одной местности и знает их лишь одна деревня. А если другая судьба, то растут цветы во многих странах, может быть, даже на Марсе! «Троица» — второе, но здесь и отбор, селекция поответственнее. Так было и с «Дивом». Видимо, один цветок из букета скоро выпадет — это я о себе...

29 июля.

Закупка продуктов — серьёзнейший вопрос: надо запастись на три дня туда, три дня обратно. Спасибо Маше — помогла приготовить рюкзак еды. Взял в дорогу воду, «наговорённую» знахарем из Логойска. Не близкий путь. Дома всё вверх дном, как на вокзале — скоро в путь!

30 июля.

Отъезд уже на нервах! Дима Лукьянчик опять опоздал на два часа! Не зря я хочу уходить. Все не просто злились.

Дорога, граница с Польшей — восемь часов в пути. Вспоминаются старые добрые времена поездок с «Дивом» (1989-1993 гг.). Сколько тут настоялись в очередях, намучелись в автобусах и легковых автомобилях. И вот — новые впечатления. Новые лица вокруг, мы в составе группы. Весёлый, хмельной автобус наматывает километры пути!

Белый дым разрезал вдоль
Ночь.
Жар рассвета.
Вороньё — прочь!

Звёзды лягут
В колыбель Сна.
А терзаниям моим —
Нет дна.
Будто сам распял
Христа…
Слаб!
И желаниям своим —
Раб.

31 июля.

Ночью едем по Польше. Все взяли много сумок с вещами и продуктами. Едим, а что ещё делать? Звучит много хорошей музыки: джаз, рок, разное. И тут спасибо Филу Чмырю (из Drum Ecstasy) — у него хороший вкус. Но морщатся водители автобуса — да, не попса! А мне нужно переписать у него много музыки. Не везде такую красоту послушаешь.

Дозвонились Мартину в Голландию. Узнаём: его в Португалии не будет, тешит нас планами на Японию. Ох, уж этот «летучий голландец»!..

Дорога. Это вечная философия. В пути чем-то нужно занимать голову. А в ней, в голове, есть что поковырять. И в прошлое, и в настоящее, и в будущее заглянуть. Правда, оно у меня такое туманное…

1августа.

Граница Польши и Словакии. Стоим полтора часа и мучаемся. Опухают ноги: жара, питьё, еда. На стоянках некоторые играют в мячик.

Знакомства в автобусе, разговоры и симпатии. Кто-то потягивает виски. Какой мячик? Мы с Виталием пока отдыхаем. «Висками» народ «отмечает» проход каждой границы. А их будет немало!

Вот мы уже и в Германии. Три водителя! Ленивые, никакие. Кто их нанял? Как бурундуки — всё спят! А кто будет ехать? Приближаемся к границе с Францией. Ничего не видим — автобан. Что за поездка?

А вот уже едем к Испании. Так можно перечислять страны без конца, будто листаешь карту. Просто дорога. Никуда не заезжаем, ничего не видим. И от этого только тоскливее. Сидеть, как инвалиду, в кресле сутками!

2 августа.

Ну, вот — началось! Ночью «летит» топливный шланг в автобусе.

Красота! С 2.00 до 5.00 стоим. Темно, и непонятно — где мы? Вызвали «аварийку», а услуга не из дешёвых — 400 долларов. Кто платит? Народ шокирован. Трудная поездка. Очень хочется сладкого. Пухнут ноги без движения. Сегодня открытие фестиваля, а мы ещё в дороге. Впереди ещё 1 500 км. И что мы успеем?

Франция запомнится автобанами, огнями городов и замков. Холодно. Дождит. Но народ не киснет — шутит, греется вином, водкой, виски. Для некоторых — это как очередное приключение. А нам?..

23.00. Ещё находимся в Испании. Барселона! Красивейший город. Шок-город! Экскурсия из окна! Глупо, почему не остановиться? Не соберём толпу назад? Возможно, ведь наша белорусская пунктуальность просто убивает.

Каньоны и большие фанерные черные быки на горизонте. Горы красные! Горы серые! Испания, я влюблён в тебя! Ещё ехать и ехать!

«Троица» купила какую-то «левую» шоколадку весом полтора килограмма. Едим, всех угощаем. Устали от тушёнки. Ноги — бездельники, живот — резина. А глаза — ненасытные, всё фотографируют!

3 августа.

Мы в Мадриде. В 2.00 на автобане снова поломка автобуса. Так сколько чертей сидит на крыше?

Вертят похоти и страсти
То к Кресту, то от Креста.
Я к Молитве —
Чёрт у власти…
Неспроста.
Ох, неспроста!

Вызвали полицию и легли в кресла, с которыми уже так сроднились (попытались спать). Ужас ночи! До стоянки — 500 м, но дотащить автобус до нее стоит 150 долларов. Можно я потолкаю? Что за цены, люди?

10.00. Нет ремонтной бригады. Автобус сдох! Мы, пассажиры, разошлись кто куда. День загорать и волноваться. Ни вперёд, ни назад. Наша «главная» — Лена — проявляет удивительное спокойствие. Знает португальский, английский и другие языки. Сидит на телефоне, ищет варианты. Боевая девушка. С мужской хваткой!

Ждём. Я загораю, как-то тоскливо, и никуда не хочется. Оно и сразу никуда не хотелось. Вот теперь пожинаю, слушай своё сердце, Ваня.

Ремонт автобуса — четыре тысячи долларов. Во! Новая аренда

автобуса до Лиссабона — полторы тысячи долларов. Кто решит все проблемы? И до Родины далеко. Рука выводит какие-то каракули в этой духоте.

Облака упали валунами.
Боже, Боже, сколько их над нами!
Облака упали валунами —
Да, во всём мы виноваты сами!
Облака…

Но! Наконец снова едем! На дорогу выделяют время с 18.30 до 24.00. Нас ждут! Ещё ждут? А я думал, пойдём пешком, и разгляжу красавицу Испанию…

Едем в автобусе — новом, длинном, частном. Все успокоились. Жди, Лиссабон! Мы приедем к Тебе! Условия водителя: четыре часа едем — один час отдыха. Вина много не пить — остановок не будет! Жестоко. А народ уже привык «подзаправляться».

Красивейшие места Испании! И дороги! По трассе увидели минчан, мирно шагающих в Лиссабон — наши! Но водитель не остановился, сколько не просили. Вот такие у них правила.

Остановка в городе Сан-Педро! Дикие апельсины (горьковато — халявные) на улице, прямо над головой. Инжир у дороги. Рай! Гребём и радуемся — пища! И снова «летим» на встречу с «непонятками». Ночная Испания — космос! Невероятно красиво смотрятся подсвеченные башни и замки — будто летят в темноте. Любуюсь.

4 августа.

2.00. Приехали! Не верим! Но вокруг — подтверждение! «Экспо-98»! Закрытый «город». Людей — семь тысяч человек. Ждали аккредитации два часа. Упали возле оргкомитета, как шкурки от бананов. Ощущение, что никто и не ждал людей из всех «волостей». Это надо видеть! Кругом палатки, музыка, шум, люди — дурдом! Хочется спать после всех приключений. Где? Ищем место палаткам, как идиоты, среди стран, континентов, флагов. А вокруг — всемирная радость: танцы и крики!

Кое-как влез в спальник, но не до сна — шум, гам, как тут жить неделю? Залягу в лиссабонский «жёлтый дом». Да? Не знаю, как всё это выдержать…

Завтрак в огромной «столовой» под деревьями. Сколько людей! Все хотят есть! Но обслужили быстро, и после дорожной еды эта пока-

залась очень вкусной.

Океан! Атлантический океан! Доехали! Горячий песок, и ужас какой холодный океан. А на улице — плюс 40 градусов. Купались с Виталиком, загорали с 12.00. Потом до 17.00 в бассейне. Тут вода — как молоко. Потом опять — Океан. Сам лагерь давит звуками разношерстной музыки, шумом, запахами еды и тысячами лиц. Кажется, все континенты соединились в один! И японки, и негритянки, и испанки, и… даже трудно определить, кто, — пошли парадом перед моими глазами. Формы, глаза, одежда, даже больше элементы одежды. И говор из всех углов. Вот был бы один язык для всех! Я бы тогда обязательно перезнакомился с доброй сотней этих разноцветных глаз.

Ужин. Пока всё разглядываем. Народ ушёл дегустировать вино в деревушку — здесь, на территории фестиваля, всё дороже. Удивительное месторасположение «городка»: в двух-трёх километрах от Лиссабона.

Вечером концерт «загорелых» из Африки. Посмотрим! Музыки много, разной, развлечений тоже. Но у меня такая тоска по дому!..

Решили идти спать, но вокруг лагеря палатки других стран и дискотеки до 5.00! А тут ещё ночью почти над ухом надували воздушные шары. Зрелище, но хочется отдохнуть. Люди, дайте сна! Я сплю на улице: в те палатки, что нам дали, не вмещаюсь.

С 5.00 до 7.00 — благословенная тишина. Дима, как и многие, спит на берегу океана. Там потрулирует полиция. Тут их много. На наших «полицейских» никак не похожи. Почему? Вслушиваюсь в шум волн, но ответа не слышу. Океан глух к таким вопросам.

5 августа.

Сидим под деревянными настилами под соснами. Красиво! Любуюсь народом.

К обеду мы все сели на огромный пароход и поплыли в Лиссабон. По дороге я разговорился с «земляком» — парень в составе делегации из Украины (их, как и русских, — 100-150 человек). Нас из Беларуси — 45. Он облазил уже все деревушки, знает где, что, почём. Ночами украинцы ехали, а днями смотрели Париж, Мадрид и т.д. Хитро или разумно? Что ж мы, белорусы, не дотумкали? Почему у нас всё не так, как у людей? Ведь когда ещё доедешь до Эйфелевой башни?

Рыбный ресторан! Всё очень вкусно! И что больше всего удивило — весь штат ресторана — отец и дочь. И успевают! Народ подсел на «молодое зелёное вино». Мы с Виталиком пока «постимся». Успеем.

Лиссабон! Красивейший город! Христос — огромная скульптура над рекой! Жара — плюс 40 по Цельсию! Хочется пить и пить. Живот

и так уже на коленках.

Лодка, и наш отъезд в «лагерь». Пейзажи. Мысли. Желания. Смотрим и переживаем за своё. Вечером слушали концерт американцев — не впечатлили. Но организация на уровне: огромная сцена, звук, свет, мониторы, видеоэкраны по всему «лагерю». Не можешь подойти к сцене — лежи на лужайке и смотри, как артисты резвятся на экране.

Тучи-голодранцы
Тащат Мысли в Небо:
«Хлеба нам и Зрелищ!»
«Зрелищ нам иль Хлеба?»

Аттракционов! Народу всех «мастей»! Все веселы, пляшут и поют! Комсомольцы всех стран — соединяйтесь! Мне это всё напомнило пионерлагерь. Увиденного — море! Впечатлений — тонны!

Главная сцена расписана:

3.08.98 г. — Карибы;

4.08.98 г. — Африка;

5.08.98 г. — Африка;

6.08.98 г. — Европа — (в этот день выступает «Троица»!);

7.08.98 г. — Азия;

8.08.98 г. — Арабы.

И музыка, и выставки, мастер-классы и конференции — надо же чем-то людей занять. Семинары! Спортплощадки! Всё грандиозно!

6 августа.

Утро. Шумит океан. Сегодня наш концерт! Мы готовимся к концерту. Переживаем. Подумали и решили поехать со всеми на выставку: давали майки, кепки, сумки. Снова потерялся Дима! Ходим с Виталиком, как «двоица».

Плыли на «ЭКСПО» по реке на пароходах. Семь тысяч человек! Все пели, орали: взрослые люди, а как дети! Зрелище! Смешно и непривычно находиться в такой большой компании. Если бы отснять всё, вошли бы в книгу рекордов Гиннеса как самая большая поющая молодёжная толпа.

Приехали. Куда идти? ЭКСПО-98 поражает! Может, за день и обойдёшь. Ходили, смотрели. Смотрели, ходили… Устали.

Вернулись в лагерь. Нужно готовиться к концерту. Саундчек, а Димы нет! Ожидание, злость. Наш концерт не на большой сцене. Всё не в кайф! Думалось и мечталось, что будет по-другому. Мы работаем

ночью с группой из Литвы. Возможно, не всегда должно «катить»…

Духота и жара. Вокруг красивые загорелые тела. У меня облезли нос, лоб, щёки — дозагорался. Где Дима? Опаздывает? На столько?

7 августа.

Концерт прошёл, но осадок страшнейший! «Абы што» было! И литовцы, и мы. Они начали играть в 1.30. Мы в 2.30. Старались, но нервы и злость сделали своё дело. Концерт не получился. Кому-то понравились, но мы-то сами понимаем и чувствуем, как что прошло. Зрителей было мало — а кто нас знает? Кому играли? И как? С каким настроением? Дима опоздал часов на десять. Группа белорусов — поддержка с флагом, но всё равно грустно. Ночной белорусский концерт на берегу Атлантического океана — для кого? И концерт ли это?

После концерта (огорчённые «успехом») у костра мы «топили горе» в водке и вине. В палаточном городке с белорусами. Роднее лиц не было.

Кострище распласталось мертвецом,
Раскинув головешки-руки.
Огонь уснул усталым мудрецом,
А в памяти его — и радость искр, и муки.
Как Старцы уходящие — угли…
Пока ещё живёт в них жизни тленье —
Они оставят мудрость поколеньям,
Тем, что уже на смену Им пришли.
И упозает память в полумрак,
Разворошив горячий пепел Века...
Не оставляй, Всевышний, Человека!
А где-то барабан — как жертвы знак...

А я хотел ещё «Батлейку» сюда везти и музей! Вот натаскался бы или вовсе оставил бы тут.

Завтрак, океан. Грусть и осадок после вчерашнего концерта нужно было «утопить»… Поход в деревню за «вином» был единственным выходом из этой тупиковой ситуации. Вот и приморская деревушка, магазинчик. Огромные, однако, пятилитровые бутыли. И дешёвые.

Мы сидели с Виталиком под соснами, было душно и жарко, вино не радовало. Страшно обидно за выступление, за белорусскую музыку, которая почему-то здесь «не выстрелила».

Ужин, усталость. Свою миссию «Троица» выполнила? А ещё три-

пять дней. Чем заниматься? После концерта — осадок, не до отдыха. Уже ничего не хочется. А вокруг шум, гам, музыка. Всё это ещё больше раздражает.

Страшно хочется домой!

8 августа.

Закрытие фестиваля. Слава Богу! Салоны, салоны… Один из них на десять тысяч человек! Очереди, очереди — везде, кроме белорусского павильона. Заходим: телевизоры, велосипеды, лён. А почему мы тут не сыграли? Вот здесь мы прозвучали бы и вызвали бы интерес. И Родину представили бы достойно. А то утонули на открытой площадке в середине ночи.

Вечерняя дегустация португальского вина. Усталость. Быстрее бы домой!..

9 августа.

Океан! Еда! Океан! Вечерние «излияния» за водкой и вином. Думаю, все устали. Хотя многие сдружились. Сворачиваются палатки. Многие страны и артисты уезжают. А мы? Что за наказание?

10 августа.

Демонтаж всего. День проводим на пляже. Нас ещё кормят. Думают, наверное, португальцы, как отправить эту надоевшую «делегацию». Да и мы сами уже двумя ногами дома, это голова тут на пляже, и в неё всё ещё капает португальское вино…

11 августа.

Океан уже не радует. На территории лагеря всё валяется. Я и Валера «подбрили» 50-литровый бак пива: «валялся однако!». Чем-то открыли и напоили всех. Насмеялись! Поставили его в палатку и удивляли всех: «Хочешь 10 л пива?» Разгулялись на жаре, разошлись.

Домой! Отправьте нас домой! Ничего не радует. Да, нашлись CD «Троицы», которые прислали из Голландии. Они, оказывается, были высланы Мартином на этот фестиваль. Часть пропала, часть валялась в оргкомитете, а ведь могли порадовать слушателей хотя бы музыкой на компакт-дисках. У Димы пропали бонги. Но во всех переделках португальского «тура» не пропали мы. А жаль…

12 августа.

Отъезд! Не верится! Есть общий билет! Люди, собирайтесь! Но собрать белорусскую делегацию по всей территории нелегко. Долго

собирались, долго ехали, попали в пробку. А поезд не ждёт. Часть «Троицы» с чемоданами, покупками, «клунками», инструментами уехала! И — о, горе! — часть осталась на перроне. Лена в шоке. У нас опять проблемы!

Позже встретились все на остановке ЭКСПО-98 и остались на сутки! Ждать свою «электричку». Это было равно гильотине…

Ещё сутки! Легли прямо на станции, достали спальники. Вокзал, свет, гремит музыка. Кто-то ещё пил. Остаток ночи я провёл с открытыми глазами. Ради чего ехала «Троица»? Чего достигли, чего добились?

Лазили в океан и «сербанули» вина? Второе — можно сделать и не выезжая из Минска. А творчество? Наверное, оно растаяло, как морская пена на берегу океана. Да и между собой не очень-то получается…

Благо, у меня есть основная работа.

13 августа.

6.30. Всех будит полицейский. Придурок, мы так хотим спать! За какие грехи этот Крест? Да, всё это неспроста. «Черти курят ладан»…

Я и Виталик съели последнюю банку тушёнки. Глядеть на неё не хочется! Только в 18.00 мы должны уехать. От всего плохо. Вновь ходят полицейские, всех будят, но все падают, словно мухи. Скорей бы в поезд, может выспимся?

13.00. У нас пять-шесть пересадок! Этой толпой? С багажом? С инструментами и аппаратурой? Придётся попотеть. Если всё будет хорошо, то завтра окажемся во Франции. Вот он час отъезда! Как крепко ты нас держишь, Лиссабон! Событие! Всё, захват «паровоза»! Мы едем! Гудит вагон! Ну, не скучайте, португальцы, даст Бог, увидимся. И все будет по-другому!

14 августа.

Чуть-чуть чем-то перекусили. Просто радует то, что мы едем домой! Главное — всё дальше и дальше от Лиссабона!

Познакомились с австралийцем: красивый молодой парень с гитарой, не пьёт — путешествует!

Мелькали города, пейзажи. Домой!

Сон?! Шесть человек в одном купе лежат «валетом». Кто-то прямо в проходе вагона в спальнике — «пофиг!». Кто-то ещё что-то пьёт, веселится. Есть силы? Приехали на границу с Францией. Главное — ничего не забыть при выгрузке-погрузке.

Отъезд в 10.40. На перроне нас ждёт супер-поезд. Скорость — 300 км в час. Полетим пулей! Переход с одной станции метро на другую с

вещами, толпой. Эх, видели бы это родные!

Всё! Париж! Вокзал. Нищие, шум, гам, русская речь. Где я? Но и эти картины меняются очень быстро! В 20.40 движемся на Берлин. Нужно опять «захватить» вагон. Кто-то бродит по Парижу, а я на охране сотни сумок. Устал. Смотрю на усилитель, который поломался до концерта (зачем тащили). Он размером с гроб — оборвал руки. Хоть бы его кто украл, но не берут и парижские «бомжи». Свой Крест — неси сам…

15 августа.

Хорошая ночь. Да, в шестиместном купе мы с Виталиком спали лёжа, а не сидя, как другие. Неужели? После таких недосыпов!

Мелькает Германия. Чем дальше от Португалии, тем больше всё, что было, похоже на сон. В 9.00 будем в Берлине. Опять пересадка. Привыкли мыться в вагонах, спать стоя, как боевые слоны. Хочется отдыха, хочется покоя. За окном рассвет. Мысли. Родители. Дети.

Речи — холодные, холодные, холодные.
Жёны — голодные, голодные, голодные.
Дети — залётные, залётные, залётные.
Радости — нотные, нотные, нотные…

Кто-то вышел во Франции. Ещё хочется приключений?..

5.00. Раздают бесплатно «кока-колу»! Рекламная акция. Кто-то десять банок схватил. Опять тушёнка! Ожидание.

Музыкальный магазин. Мы с Виталиком провели в нём больше двух часов. Дима вновь не купил барабан. Всегда «жрёшь» глазами инструменты. В них какая-то магия. Тронешь струну — и все очарованы. Но нужно умело купить и умело дёрнуть. Пока — ни того, ни другого.

16 августа.

Чуть не забыли одного парня: конечно же, Диму! В Варшаве бегом с вещами! Тридцать минут между электричками. Как ты там, Родина? Мы уже близко!

3.00. Заполняем декларации. Бегом — чуть не сдохли — к электричке. А там — пьяные поляки. Отец и сын — зрелище! Картинки Португалии меркнут…

Осталось в Бресте сесть в последний поезд. Последняя пересадка! Так что к вечеру, думаю, буду пить чай дома.

В 6.50 выехали из Бреста. При загрузке, увидев музыкальные инструменты, проводницы обрадовались «предстоящей» музыке. Но только все зашли, как сразу же уснули. И до Минска была гробовая тишина. Девушки! Если бы вы только знали, сколько «концертов» было в Португалии? До тошноты! Да какие!

Обидно, что ни Португалия, ни другие участники «ЭКСПО-98» так и не услышали аутентичную музыку моей Родины!

О, эти сумасшедшие километры дорог до Португалии и обратно!.. О, этот парад этикеток дурманящих напитков!.. О, этот разговор с «живительной» влагой в огромных бутылях!.. Только с годами понимаешь свою слабость перед «Великим Зелёным Змием». Когда-нибудь я напишу об этом книгу. О том, скольких моих близких, родных, знакомых он проглотил, невзирая на их положение и силу…

О, соль океана! О, ночи без сна!..

О, эти лица, лица, лица!.. И не чудо ли — увидеть весь Мир в палаточном городке? А речь, танцы, песни, глаза, запахи, голоса и люди — немыслимое зрелище! Люди! Люди! Люди! Цветной калейдоскоп тел!

И среди всего этого — «Троица», немного нашей музыки.

Вот её-то и жаль — «сиротку» нашу. Не прозвучала, не «зацепила», даже диски запоздали.

Может, наши отношения в «Троице» привели к такому результату? За что-то обидно. За что-то стыдно. Теперь долго будут заживать сердечные «порезы» португальских событий. А что-то и не заживет, так и останется рубцом на сердце.

Я должен решить о дальнейшем пребывании в «Троице»…

«ПАХВАЛЕНЫ ЕЗУС ХРЫСТУС»

11 декабря.

Польша. Привычно докатили в поезде до Варшавы в вагоне первого класса. Балует нас «фольклор»!

В 9.00 пересели на Люблин. Город Люблин нас встретил, но не встретил никто из организационного комитета. С нашими «цацками» загрузились в такси и добрались до места.

Так как много коллективов, и нам не хватило места, нас поселили за городом. Позже мы это оценили — частная гостиница на берегу замёрзшего озера. Шикарный обед в уютном кабачке! Конечно же, гостиницу и такси нам оплачивают.

Концерты фестивальных групп с 18.00 до 21.00. Люди, команды — одуреть! Сколько музыки, сколько групп, инструментов! Из всех стран мира! Так что «Троица» очень рано возомнила, что «затарилась» балалайками. Здесь столько инструментов, что глаза вылезают из орбит!..

Мудрость убаюкана Зимой.
Дерева беременны Листвой.
Колыбель — искристый Вальс для мух.
С ледяными шпорами петух.
Оберег его глухих следов
Не встревожит деревянных снов…
Песни альбиносов-светлячков!
Я притих.
Я зачарован вновь.

На фестивале есть «святое» место, где после и до концертов отдыхают музыканты (без «курева» и пива!). Разумно. Много говорили с Богданом («Миколайки фольковэ») обо всём, как старые друзья, хотя совсем недавно встречались на фестивале в Словении. Это всё, что мы имеем сегодня — цепочка оттуда.

В Люблине 400 тысяч жителей, 40 тысяч студентов. Фестиваль проходит уже восьмой раз. Всё здесь нравится, а больше всего — с какой любовью подготовлен каждый уголок на фестивале. Вот бы где пристроить мой музей и «Батлейку»!

12 декабря.

Утро началось с завтрака. Еда на выбор, на десерт — мёд: давай, смазывай связочки — напрягать буду! Оплаченное организаторами такси — что-то из жизни «звёзд»? Но ведь едем!

За пультами звуковой аппаратуры сидят специалисты, и это чувствуется сразу: все делают без суеты, спокойно и быстро. Ходим, всё изучаем, интересуемся. Прямо как на экскурсии.

18.00. Открытие фестиваля. Музыка, музыка, музыка… Как здорово — все играют! Волнуемся. Скоро наше время.

Мы играли 60 минут, тяжеловато, а я ещё пытался «вести» на давно забытом польском языке. А ведь до школы, пока бабушка Катя из Гродно не приехала, другого не знал.

После концерта познакомились с каким-то дедом. Он собирает инструменты, обменялись адресами, звал в гости. После, усталые, по-

сидели в кафе. Познакомились со шведами, слушали в зале Латвию. Их гусли — волшебные звуки!

2.00. Мы в гостинице. В голове звучание музыки всех услышанных групп. Одна польская группа пела (аутентично!) без сопровождения белорусские народные песни! Вот это сюрприз!

Не спалось. Сколько лет я скитался по Польше с ансамблем «Диво»! Музыка позволяла. Но время было странное. Базары, тряпьё, электротовары, водка — на продажу и вовнутрь. Границу проходили — сутками стояли в очередях. А кто нас тут знал? Не «Песняры». Вечные проблемы с паспортами, вкладышами к ним, взятки, «блатные» в придачу к ансамблю. Страна вывозила в это время всё! Глупая действительность. Вывозила и ничего не ввозила, кроме мятых «зелёных». Зелёная болезнь была практически у всех!

Воин ночи спать не хочет —
Стук сердец мешает очень.
Рог в сомбреро колет брюхо.
Люди — звёзды легче пуха…

Я глядел в небо — и мысли, мысли… Самолеты распороли брюхо Неба. Оттуда хлынула кровь Заката. Растянулся белый шов между домами и потух. Чей это почерк? Чья рука? Что запомнит Небо за день… о Нас?

13 декабря.

Завтрак в тёплом, уютном кафе. Интервью для милой польки Агнежки (студентка, помогает на фестивале). Что-то отвечаем. Важные.

Вновь такси по заснеженным дорогам Польши. Эх, дороги!.. Знакомство со старым Люблином. Сколько же в этом году мы увидели? Сколько городов? Не считаю.

Посещение магазина закончилось покупкой индийской дудки. До сих пор ещё одна моя любимая, загадочная страна. Я когда-нибудь тебя увижу, Индия?..

На фестивале прослушали две группы:

– итальянцы из Сардинии (четверо мужчин) — а капелла вся программа. Песни пастухов. И слушали!

– Из Познани — три цитры. Эксперименты! А мы думали, что только мы в поиске?

22.00. Нас познакомили с материальной базой «Миколайки фольковы». Кроме «горы» инструментов — фотоальбомы, экспедиции.

Много работают! И сразу же вспомнились мои попытки создать такую же базу в Беларуси, в центре «Каляндар». Грусть. Одному всегда такой «воз» не по силам. Нужна надёжная команда единомышленников. У них это получилось.

Мы будто месяц в Польше, всё говорим, всё знакомимся, кому-то мы приглянулись, с кем-то что-то будем делать. В Беларуси мы должны рассказать об этом фестивале. Здесь идёт культурная жизнь.

И самим надо больше думать, совершенствоваться, особенно с игрой на инструментах. Местами звучим очень убого. Нужны «примочки» или что-то в этом роде. Многие используют. Зато какие тогда звуки! Решится ли Виталик на расходы и на такие новшества? Завтра в 15.00 — на Варшаву.

Дни фестиваля пронеслись, как скорый поезд. А в 19.00 — на Минск.

Я жадно пил бирюзовое Небо до дна.
Я ел зрачками умирающий Снег.
Я был сыт этой Зимой…

14 декабря.

Прощание. Думаю, мы у многих остались в памяти. А может и музыка наша? Агнежка собрала нам еды в дорогу. Милая девочка! Как это по-польски — «канапки»!

Мы ехали в тишине. Мы устали. Скорее всего — друг от друга… Как работать вместе, если молчим? Были моменты в Польше: Виталик уходил один в гостиницу пешком. Я оставался смотреть концерты. Что-то внутри «Троицы» не ладится и уже давно. Нас «съел» быт? Что-то очень личное, какая-то обида, что ли. Не знаю.

Увидим ли мы тебя, Польша? Этим составом?

Как звоночки ни звенели,
А вернулись вновь Метели.
Как природа ни форсила,
А Зима явила силу.
В жизни нашей всяк бывает:
Ждёшь, когда Беда растает,
Но проходят дни, недели,
А меж Нами — лёд, метели...

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

Беларусь. Город Мозырь.

В первый компакт «Троицы», записанный в Беларуси, вошли записи, сделанные в студиях в 1996, 1997, 1998 годах. Больше всего запомнилась студия в городе Мозыре (известной в то время группы «Отражение» на базе нефтеперерабатывающего предприятия). Работы было дней на восемь-десять, и мы сняли трёхкомнатную квартиру. Подошли к записи серьёзно.

Работа в студии есть работа. Тут и подготовка инструментов, и разговоры о том, как и что писать. Это — творческое содружество группы и звукорежиссёра. По-моему, мы были друг другу симпатичны, поэтому работа шла спокойно и хорошо. Мы успели записать четырнадцать песен, чему были рады. Хотя впереди ещё был ответственный момент: фольклор моих бабушек, который долго искал себе место, не до конца определился в Нидерландах.

«Троица» во время работы в студии сохраняла удивительное спокойствие по отношению друг к другу: видимо, все осознавали важность мероприятия. Споры, ссоры, злость тихонько ждали своего времени. Но пока что и в студии, и в быту было без нервов — все взаимно уступали и соглашались друг с другом.

В это же время Министерство культуры обрывало нам телефон: предлагали поездку в Канаду на чемпионат мира по каноэ — приглашение было на ансамбль «Диво». Просились, как всегда, «хвосты». Билеты, визы — всё это было нашей проблемой. Мы собирались, но не нашли денег на билеты, которые стоили баснословно дорого! Спонсоров даже на один билет не нашли!

Мы честно и старательно работали в студии. Я очень благодарен судьбе за первую попытку «оставить» что-то на CD. Первая запись осталась в памяти, как Первая. Она не может обсуждаться или осуждаться. Для того, чтобы рассуждать о «кормилице», нужно не один, а десятки раз оглохнуть от прослушивания записанных инструментов, припухнуть от треков!

Этот компакт имел свою жизнь, он был первой ласточкой альтернативной белорусской музыки в Европе, а возможно и в Мире. Его и сейчас вспоминают во многих странах. Так что он был сделан не зря. Мы вписали первое слово в историю альтернативной музыки Беларуси.

В Чернилах нашей жизни круговерть —
Рожденье, Житие и наша Смерть!
Чернилами бурлит судьба юнца,
И старца в ожидании конца.
Чернилами бурлит судьба врача,
Судьба судьи и участь палача.
Чернилами бурлит судьба негодника,
И оборванца нищего, и модника…
И летопись моя полна чернил.
Всё в этом сочетаньи — Чернь плюс Ил!
В Чернилах — Бытие и море грёз…
И только Золотом —
ХРИСТОС!

ВЕШКИ

ПРИТЧА

I. В накидках из лёгкой пурпурной паутинки с Востока надвинулись розовые крепыши. Они легко, без суеты, потянули невидимые прочные канаты — и из чрева Земли появился огненный краешек Глаза: «Так, а что тут?»

Утренняя колючая роса, величиной с горошины, впитала ароматы лесных фиалок, подснежников и блестела, как забытая волшебная накидка Ночи из древних арабских сказок, — вся в холодных слезах.

Стройная и изящная красавица Весна с ликом Святой, на лёгких, призрачных крылышках мотыльков и бабочек опускалась с Небес, тихо и мягко кружась в их радужном хороводе.

Настоящую звуковую феерию устроили птицы своей долгожданной Богине!

Эти пушистые разноцветные комочки, казалось, от старания потеряют свои серебром звенящие колокольчики.

Родничок журчал детскими голосами. А воздух! Воздух в это удивительное время был переполнен запахами и чарующими звуками. Среди густо разросшейся, крупной сирени и высоких, стройных зеленоволосых каштанов, выстроившихся, будто гвардия в новых мундирах со своими царственно-белыми жезлами, красовалась поляна.

Но не она привлекала Её.

А скорее всего, играющий на этой поляне мальчик — неуклюжий, как молодой волчонок. Его чистые, голубые, как первые васильки в ржаном поле, глаза! Его трепетная Душа, ещё закрытая от чужих, злых, завистливых глаз в золотую, хрупкую Божественную табакерку. Он не ждал Её. Но почувствовал чьё-то Великое присутствие. Впервые!
Испуганно посмотрел по сторонам, напряжённо вслушался в каскад чарующих звуков. Никого. Только звуки обволакивали и влекли, тащили детское тело, гудящую голову в Свой, новый, непонятный мир! Будто волшебная дудочка из бабушкиной сказки, приоткрыла свои отверстия и что-то хотела сказать Ему. Что?
II. Теперь Он ждал Её.
Запыхавшийся летний День въехал на огромном коне из серобелых облаков, притащив с собой легкий Ветерок, тепло и какую-то необычайную тревогу. Солнце вскарабкалось по небесной лестнице на свой Золотой Трон. А оттуда, сверху, выплеснуло всё тепло, жар своего разгорячённого серебристо-золотого тела на Землю: «Золотись!»
Потом рассыпалось на множество круглых, тёплых зайчиков, которые побежали по гладким, скользким камешкам, качнули гибкие, тонкие берёзовые качели, захихикали и растормошили приснувший в колыбели дубовой рощи Ветерок.
Ненасытно у земли пели птицы, соревнуясь с небесными вокализами святых душ — жаворонков. Бурная Река неслась навстречу этому долгожданному Дню. Она щекотала берега, целовала охапки прибрежного полевого разноцветья, смеялась и таскала за косы слезливые ивы, драгоценными камнями-брызгами разгоняла прозрачных стрекоз, серо-зелёных кузнечиков и разных букашек, будто предупреждала: «Сейчас, сейчас».
А Он ждал Её. И Она вновь пришла. О, как Он изменился! Но Его, как некогда неуклюжего волчонка, выдавали всё те же голубые глаза. Чувства и желания переполняли его уже окрепшую грудь.
И вдруг Земля дивно загудела, как старинные, мастеровые гусли. Будто сам Владыка невидимой, большой и тёплой рукой трогал старые, жилистые, тянувшиеся за горизонт струны. Неземная музыка! Из нот, звуков, окружающих шорохов, вздохов, стонов понесла Его от этого уголка Земли далеко в небесные Райские Сады. О, Она!
III. Вечерело. Пышногрудая Осень со своей царственной свитой

величаво плыла, чуть-чуть касаясь своим дорогим убранством разленившейся Земли. От обрыва до убегающего за горизонт Моря. Ливень только что отговорил с обрывом, рассыпался клубками-яблоками, и пошёл дальше сплошной зеркальной стеной, разметав по всей Матушке-Земельке цветы-листья, дары-краски: зеленовато-жёлтые, ярко-красные, красно-коричневые, буро-жёлтые. Где-то далеко-далеко в море всё ещё буянил Гром, то ли с морскими Богами, то ли с небесными…

А Они встретились вновь. Их встреча была радостной, ожидаемой. Солнце, налюбовавшись Ливнем, очистилось, засияло в Радуге Света, приняло жертвенную древесную кровь.

Далеко в лесу, волнуясь и страдая, звучали гулкие барабаны и охотничьи рога. Да, Они встретились вновь. Счастливые лица, любящие взоры. Он — могучий, как медведь.

И пока вечерние зарницы светлячками не упали в мягкие, отцветшие травы, лесные хоры нимф, барабаны и далекие звуки рогов создавали Их общий пульс, сливая воедино трепет и ритм Сердец.

IV. Ночь Рождества раздвинула рваные створки и выкатила стыдливо-голую Луну. Её ледяной, искристый, меланхоличный свет заспешил на окоченевшую Землю. Седые стражи — горы — как уснувшие богатыри, вросшие по грудь живой массивной изгородью, окружали озеро в чёрно-белом сиянии льда и снега. У подножья гор редкие кусты и невысокие деревья в морозной пыльце, колючем инее и в пушистом, словно мохер, снегу напоминали чучела уснувших диковинных зверей-призраков.

Где-то далеко в горах, вызывая ужас, выли волки-метели. А на берегу озера одиноко стоял деревянный домик. В небольшом обледенелом окошке горел манящий свет.

В доме было тихо, светло, тепло и удивительно уютно. Над деревянным камином висели вязанки сухих грибов, рыбы, ягоды на кривых веточках, ароматные букеты летних трав и цветов. Весёлые языки пламени говорили с дымом, стремящимся в горы, блестели и лизали, как дети по весне сосульки, дубовые дрова, глазастые угли и угрюмый пепел. У камина молчаливо сидел Старик-исполин. На широкие плечи ниспадали локоны длинных белых волос. Пышная седая борода царственно лежала на груди. На крепком дубовом столе дымился свежезаваренный чай. О, этот удивительный напиток! О, этот аромат леса! Только Он мог заваривать такой чай. Он сидел в потоке своих мыслей неподвижно, будто озеро в

горах. И уже не ждал Её. Она пришла, как когда-то первый раз, неожиданно. Он вздрогнул, будто ощутил незнакомое рядом. Незнакомое?

Не было страстей, не было прежнего напора чувств, эмоций, но почему-то Им рядом было удивительно хорошо и спокойно. Внезапно зазвучала волынка — верная спутница дорог, много лет висевшая на стене как память о походах-странствиях, шумных вечеринках, о свадьбах родных и поминках друзей. Зазвучала вновь!

Зазвучала Гимном прожитых лет, листая пожелтевшие рукописи, листки с рисунками, выцветшие странички с нотами. Как прежде.

О Ней! О Музе.

1999 ГОД
И ПЛАКАЛА ЛИРА…

3 марта.

Венгрия. Будапешт. Хорватское посольство. Виза. И поездка в Сараево — около восьми часов. Впереди долгожданная дорога.

Везу лиру, смык, дудки, жалейки, окарины. Выстраиваю разные варианты программ, хотя из опыта знаю, что многое придётся переделывать и решать на ходу.

4 марта.

Босния и Герцеговина. Благодаря Фонду Сороса я вновь в Боснии.

Переводчик с русского на боснийский — Мустафа — мусульманин. Первый концерт в детском саду города Конец. Я забыл тексты в машине. Ну и выступил! Видели бы это мои студенты, какая импровизация получилась. А зрителям было всё интересно.

Второй концерт в школе. Много детей: шум, гам, а работаю без микрофона. Даю два-четыре преставления ежедневно. Выдержу ли?

Посетил музей резьбы по дереву. Он существует с 1929 года. Таких резных штучек я до этого не видел! Второй этаж разрушен во время войны. Дерево сохнет здесь естественным способом тридцать шесть лет!

На берегу горной речушки, обрамляющей мечети, — старые римские плиты! Прогуливаются красивые, в военной форме НАТО, девушки.

Вечером переписываю много этномузыки (у Мартина две тысячи аудиокассет и пятьсот CD). Я — как артист, исследователь, собиратель и путешественник. Здорово!

5 марта.

В Сараево мне выделили для проживания отдельную комнату. Заполнил её мешками, сумками, коробками с «батлейкой», куклами, инструментами. Всё своё ношу с собой. Артист-тяжеловоз!

Выступаю: в 10.00 — школа, в 14.00 — школа. Вечером в 20.00 — Дом Младих. Новая, но интересная работа.

Сегодня хорошо, уверенно работал с куклами. Конечно же, у детей интерес к маскам, а у взрослых — к инструментам. Доходят ли песни, пока не понятно...

Вечером в кафе «Тэра» работал на открытии арт-галлереи: пел и играл тридцать минут. Получилось! Мой первый сольный концерт. И где? Здесь, где в крови пульсирует национальная вражда! Разбитые мечети, разрушенные церкви и кладбища: годы помешательства. И тут звучали белорусские дудки, жалейки, плакала лира.

Как они непорочны — березы!..
Лишь на Пасху,
Слезу не скрывая,
Тихо грезят листвою,
Житие прославляя.
Наконец потянуло весною —
И в душе потеплеет скорее…
Как простить нам друг друга?
Как нам стать всем добрее?

Перед сном в глазах — всё, что видел за день. Трудно уснуть.

Мысли-уродцы,
Словно метели,
Снов испугавшись,
С сердца взлетели.
В Душу вгрызались,
Вьюгами выли.
Где мои беды? —
Не были, были…
Где мои беды? —
В космической пыли.
Были… были…

6 марта.

Баня Лука, 5.00. Разбудили голоса муэдзинов с мечетей. Порой звучит колокол. И что им мешает звучать вместе? Ночевали в Травнике у голландца, который помогает тут после войны. Вид из его окна фантастический! Крепость на горе. Мечети, как ракеты, уходят в небо.

Сегодня четыре концерта. Многие люди спрашивают о Беларуси, политике, просят спеть «Катюшу». Ха-ха! Послушайте настоящие белорусские песни о солдатах, например, «Ні парой, ты заря, занімаешся».

Голландец платит уже третий год за этот дом по 500 DM в месяц, а моя зарплата в университете вызывает у всех смех. Грустно. Увидев мой кукольный театр, кучу масок и инструментов, они называют меня «профессор».

Концерты вошли в привычное русло, импровизация помогает. На одном из концертов испытал шок: в детском саду мальчик пел со мной без слов все белорусские песни. Чудо! Самое приятное в конце: «ХВАЛА ЗА СВЕ» — их слова благодарности.

Вечером боснийцы извинились за сорванный концерт (по каким-то политическим «сбивкам») в Rock-кафе. Зато угостили рыбой в ресторане на горной реке.

Моросил дождик. Мы сидели в кафе над горной рекой. Ух! Мысли о нас, о них… О Вере.

Столпами Её не измерить,
Ангелов Света не счесть.
В Скитах запылилась Вера…
С Любовью браталась Месть.

7 марта.

Город Мркониц. Недалеко — Зеленковач (экологическая деревня с арт-галереей). Моё выступление! «Батлейка» в лесу, зимой, вокруг снег, нет микрофона, двадцать зрителей. Мне решать, выступать или нет. Я столько ехал, разве я скажу «нет»? Разрушенные мосты. Войска разных стран, охраняющие временные, понтонные мосты. Но моя «Батлейка» и сюда доехала. Да, выступать!

Конференция в арт-галерее. Вопросы о Беларуси, о «Троице», об инструментах. Хозяин Боро помогает с переводом. По просьбе Мартина пришлось «реветь» В. Высоцкого. Конечно, к этому «сподвиг» местный напиток.

Вечером концерт в кафе. Несколько залов заполнены девушками и женщинами — человек пятьсот, празднуют 8 Марта. Глаза «жрут» красоту!

Далеко за полночь упал спать — завтра часов двенадцать зимней дороги по горам. Успеваешь только перекреститься на виражах. У Мартина звучит много музыки, разной: от панка до чистого этноса. Тону в музыке к фильмам Горана Бреговича, а в македонских песнопениях слышу родные интонации белорусских песен.

8 марта.

Восемь часов дороги! Магазины, кафе, рестораны, заправочные станции по краям трассы. Еда на скорую руку — опаздываем. «Вива Жено» — центр матери и ребенка. Из трёх концертов успели только на один. Тяжёлые и длинные дороги среди гор!

Душ и сон — моя мечта. Впереди ещё четыре часа в Сараево. У мостов — ленты с надписями «MINE». Но на это уже не обращаешь внимания — едешь, как все.

9 марта.

Sarajevo zima festival! Театр в Сараево — фестиваль «Зима». Участники: Италия, Турция, Австрия, Франция, Иран, Египет, Болгария, Германия. И я!..

Зал с хорошим театральным светом. Много маленьких детей. Чувствую, что до должного уровня театра не дотягиваю, хоть и стараюсь. Сложно: сорок кукол, десять масок, музыкальные инструменты. Но всем понравилось, помог Мустафа с переводом.

Пазарич. Концерт в психиатрической больнице. Я волновался страшно. Но нет решёток, надзирателей. Все приветливы, хорошо слушали, только чуть боялись масок. Просили сигареты. Мартин купил им свистулек, тем самым отвлек их от моих кукол в ящике, пока я их складывал.

Да, где я только не выступал…

22.03. Cafe Fis. Отпел в шуме, гаме, среди зрителей, распивающих пиво. Здесь я точно не нужен со своим репертуаром. Устал. Осталось три дня.

Мартовский дождь
Съедает февральский снег.
Мартовский дождь —
Начало бушующих рек.

Мартовский дождь —
Ноты на все лады.
Мартовский дождь —
И оживут Сады.
Мартовский дождь —
Как колыбель весны.
Мартовский дождь —
Тают зимние сны.
Мартовский дождь —
Колокол Судного Дня —
Омой, очисти Меня…

10 марта.

Мостар. Один из последних насыщенных дней. Два концерта в школах сорваны. Причина — кресты на «батлейке». У директора школы у креста расстреляли родственников. Пришлось быстро упаковать «батлейку». Работаю с масками и музыкальными инструментами, успеваю схватить нужное по сценарию. Детей — человек двести-триста: орут, визжат, трогают маски. Жаль, они не увидели кукольное представление.

Днём гулял по городу, видел нищих детей: они копались в мусорках. Щемит сердце — дал им немного немецких марок.

Вечером сыграл соло в Pavarotti Center. Немногочисленная, но благодарная публика. Много говорили с Мустафой о сорванных представлениях, о войне, о людях.

11 марта.

Домой везу много информации. По трассе — каньоны, ущелья. Sarajevo — будто застывший великан после битвы.

Среди улиц и гор — «густонаселённые» кладбища не с памятниками и крестами, как у нас, а с белыми столбиками.

Концерт в доме слепых. Уже втянулся, и мне не сложно играть три-четыре представления, петь (горла хватает). Трудно морально. Много инвалидов.

Концерт в деревне SOS для двадцати детей с одним воспитателем. У детей есть всё, даже дома, но нет родителей.

Здесь вовсю весна! Копают люди огороды, т.е. долбят горы. Солнце, весна не радуют…

В национальном парке собрал толпу — купался в горной реке. Одна радость — смыть печали и тревоги…

Страшно видеть молодых мусульманок, укутанных с ног до головы в ткани. Но что-то в этом есть.

12 марта.

Город Тиния. Школа — столько детей я еще не видел — 800 человек! Шум! Явно последние ряды ничего не слышали. Зал бурно реагировал на маски. Я выкладывался: последний концерт с «батлейкой», когда ещё удастся?

Слава Богу, на еде сэкономил на гитару. Из грустного: приходится заниматься такой экономией в сорок один год, а не в четырнадцать.

Впереди — дорога в Венгрию на фестиваль «Kalaka», затем — в Беларусь! Вновь странное чувство — не притягивает этот край.

Встрепенулись чайки, заскользили утки
По прозрачной глади утреннего льда.
Умирают Боги — зимние тревоги.
Только след от Идолов — талая Вода.

И плывут по небу, Вечность измеряя,
Цифры золотые с Божьего холста.
И Земля рожает в продолженье Рода,
Славя Воскресенье Господа Христа!

12 марта.

Венгрия. Посетили китайский ресторан! Вкусно! В гостинице номер на троих — Мартин, его подруга Лаури и я. Люблю Венгрию. Гостиница с горячей водой, телевизор и скромный завтрак. А что ещё нужно странствующему музыканту? Я проездом из Боснии, усталый, как пони на детской площадке. Количество концертов непомерное! Ещё в глазах боснийские дети, больницы, дома, как в белорусской Хатыни. И какая-то боль за людей. Глупости нет предела! Где разум? В таких красивых горных местах всё полито кровью. Будто скалы просят какую-то жертву…За что?

13 марта.

«Каляка» — известный фестиваль этнической музыки в Венгрии. Здесь ждали «Троицу». А где я вам её возьму? Мы уже не вместе…

После всех вариантов сольных выступлений в Боснии уже роди-

лись несколько программ, где и песни, и белорусские народные инструменты сплелись в одну красивую нить. Буду стараться сплести из этой нити какую-нибудь красоту. Я грамотно выстроил программу и имел успех! «Взял» публику вокалом, «энергетикой» и музыкальными инструментами. Главное, слушали, не уходили. Вот за это я очень переживал, так как музыканты на фестивале были очень сильные. А я в своей жизни с сольной программой выступал только второй раз. На фестивале познакомился с Ronnie Drew (Ирландия). Гитарист из Англии подарил мне свою аудиокассету. А как играл один венгр на губной гармошке — фантастика! Казалось, что во рту у него «сидит» целый оркестр. Пожал ему руку, а он смутился. Общение моё с музыкантами фестиваля проходит через Мартина. Мой английский, к сожалению, потерялся где-то в пятом классе школы.

Завтра домой — работать и думать, думать и работать. И есть над чем. Две недели за спиной. Все это благодаря Мартину и Фонду Сороса, которые выделили средства для такой миссии. Судьба? Может. Ведь я и не мечтал всё это увидеть, тем более выступить в Боснии и Венгрии. А если ещё вспомнить, что и мой кукольный театр «Батлейка» с рождественским сценарием доехал в мусульманские районы — вообще, всё каким-то чудом покажется. Но, значит, это кому-то нужно?..

ЕСТЬ СУДЬБА!..

9 июня.

Голландия. Новый состав «Троицы»: Юрий Павловский, Юра Дмитриев и я. В 14.00 сели на паром. Доехали. Остров Терсхеллинг. Съели продукты (ещё свои). Юрий Дмитриев диктует перевод песен Мартину. Приятно — интересуются, о чём поём.

Сбылась мечта: «Oerol», да ещё с моим музеем! С «Батлейкой»! Дождались. Но, видимо, ожидание — тоже счастье.

24.00. Я один в номере. Гостиница та же, где была «Троица» два года назад, а ощущение, как будто вчера. Паром, парусники, Северное море — всё как обычно.

Ангар — для музея. Голландцы провели электрический свет. Два подиума. Кое-что расставили, прибили, благо, у них всё есть — и гвоздики, и молоточки, и проволочки.

Мы должны открывать фестиваль «Oerol». Это почётная миссия! Впереди много выступлений, и я волнуюсь. Может я много взвалил на свои «хрупкие плечи»? Посмотрим. Завтра продолжим работу — звук,

свет, установка «Батлейки», масок, кукол.

Вечером отъелись в местном уютном ресторанчике (со своим интереснейшим, как и подобает приморским «кабакам», дизайном). Сыро, моросит дождь. Клонит ко сну.

Золотом плачет стена Дождя.
Маски и Куклы — всё погодя…
Луч задел партитуру Дня —
Ангел и Чёрт будоражат меня…
Сон встре-пе-нул-ся…

10 июня.

Шикарные условия для проживания: номер, душ, шведский стол. И главное — тишина, только пение птиц. Как в Раю. Впереди трудовой голландский день у всей «Троицы».

Только в 24.00 зашли в номера, устали, как речные баржи, которым пришлось поскользить брюхом по песку. Заварили чай.

Весь день провели в ангаре. Оформляли мой музей, расставляли, примеряли, прибивали. Старались!

Расходы! На острове всё дороже, чем на суше. Аренда дороговата: 35 гульденов в неделю, умноженные на три человека, — 105! А хочется поколесить по острову, самому, без гида.

В 22.00 привезли аппаратуру, в 23.00 — хорошо поиграли. Завтра открытие фестиваля, устали — не до волнений. До моря ещё не дошли (видим, слышим, нюхаем его издалека). Дома всё представлялось по-другому. Думал, каждый день буду радовать море и себя. Сон. Падаю…

11 июня.

Дорога к морю через уже знакомый лес. И вот песчаный пустынный пляж. Пена, будто снег. Но как торжественно море и величественны грязные, солёные волны! Что-то несут на берег из своих скитаний. Так похоже на нас…

Сложно без переводчика. Ира Лобко — наш друг и помощник из Минска. Фотограф и участник множества молодёжных «тусовок». Она готовит перевод текстов «Батлейки». Главное, голландцы хотят всё знать! Нужен и перевод песен, и о чём поёт «Троица», и о чём куклы будут «шебуршать» на разные голоса. Правда, в одном лице — дяди Вани. А вот танцы («коза», «медведь») — это уже за Юрой Дмитриевым. Павловский будет за компьютером голландцев радовать пе-

реводом. Все при деле.

В 16.00 открыли фестиваль. Солнце. Море людей. Полетела струна… Но мастерски выкрутились. «Ревел» любовную песню «Трава мая травушка», а Дмитриев быстро менял струну. Народ явно это оценил.

Восемь дней по три концерта — это 24 концерта. Солидно, даже можно будет такой работой дома хвалиться.

Мы отказались от ужина с голландцами и уехали к морю. Шум волн, маячок вдали. Только созерцай! Незабываемые сумерки, разговоры… Нам комфортно вместе.

12 июня.

В группе складываются нормальные отношения, как я говорю, «Коллектив — живой организм». «Зубастое» молодое поколение. Для меня полный контраст со старой командой. Не знаю, как я для них. Но мы стараемся уживаться, предельно вежливы друг с другом.

Дали четыре концерта! Первый — «Батлейка». Я ожидал большего — всего двенадцать зрителей. В 14.00 — второе кукольное представление. Уже тридцать человек. И главное — ещё плюс два концерта «Троицы». Хорошо!

13 июня.

Полтора часа на берегу моря. Гулял, наслаждался видом моря. Мысли, мысли, мысли… Судьба музея? «Троицы»? Кто-то помогает уже. Та же Ира — переводит, старается!

14 июня.

Утром — море! Солнечно! Пение птиц — откуда их тут столько?! Кажется, дома их меньше.

Вечернее интервью в местную газету (вот язык — ни прочитать нормально, ни выговорить). Афиши «Троицы» расклеены даже на туалетах…

23.00. День позади. Почувствовался однообразный ритм: море, еда, концерты; море, еда, сон.

У Мартина «море» воздушных планов для «Троицы»: август — Балканы, декабрь — Германия, июнь 2000 — Испания. «Дай, Божа, чутае бачыць», — говорят в таких случаях мудрые белорусские старички.

15 июня.

6.00. Море, берег, пустота, одиночество. Где люди? 11.30. Все спят. Днём — концерты. Опять «берёт» людей «Яблань». Что же в этой песне? Не ору, берегу горло, а тут ещё и сквозняки. Иногда за песню мно-

гое передумаешь: и дом, и родители, и дети — вот бы посмотрели на «мой-наш» успех.

23.30. Три концерта. Очень пожилая публика. Обсуждаем каждый концерт. Правильно! Вышла третья статья о «Троице». Уже думаю о студии — впереди запись соло-CD.

На пляже вечером световое, лазерное шоу. Разве его опишешь? Это надо видеть!

16 июня.

Утро, море, сбор ракушек. Люблю море. Вот бы жить возле него! Концерты идут ровно, хорошо. Чувствую, что «Троица» — шок для местной публики! Днём отправил открытку родителям в Лиду. И днём «щемило» сердце — Ира ездила за валидолом. Нарастает волнение и беспокойство: как перевезти музей, где его оставить? За всё…

После концертов дегустировали местное фирменное вино. Сколько можно?

Почему я так слаб? И Святые не в помощь!..
А молитвы-прошенья —
Не дошли?
Неужели?
Лишь бессонниц теченье
В опустевшей постели.
Пирамиды терзаний!
И не падать так сложно —
Вереницы желаний!..
Но немножко же можно?..

17 июня.

Юрий Павловский уже соскучился по семье. Вечерний чудный закат, и птицы чёрные на его фоне — кадр из фантастических фильмов.

Вечером полные «кафешки», долгие разговоры — люди никуда не спешат. Одеты, кто в чём. Одна вырядилась в фиолетовую комбинацию, и на неё никто не «зырится»! Кто лысый, кто панк — улыбка в ответ, если на него посмотришь. У нас бы уже: «Чего вылупился?» Всё у них не так, как у нас.

У мельницы-бара был концерт голландской группы «Кранг». Дали жару на жаре! Интересно, слушали бы их в Минске?

Два часа на велосипеде изучал остров. Природа, воздух и новое для глаз! Осталось три дня. Устали.

18 июня.

Погода на острове испортилась, но ездили на велосипедах неведомыми тропами. Все красиво и необычно. Купили новый, если его так можно назвать, инструмент — «дерево дождя». Уже в нашей программе «играет». Осеннюю песню «Журавы» теперь украшает это колючее некогда «полено».

Юмор: я упал с «велика» на «электро-пастуха». Кричу (своим и голландцам): «Очень help!», то есть — «Помогите!». Смеялись все, кроме меня. Мог сегодня уже не петь.

А на концертах наших всё время разная публика! Потрясло! Инвалид — лежачая женщина на нашем концерте держала за руку мужа. Мы узнаваемы в городе. Улыбаются нам — приятно!

Огонь — Жизнь. Пепел — Прах.
Вроде бы жил. В душе страх…
Огонь — любовь. Губы — мёд.
Фаллос — мост в Фамилию, Род.
Огонь — Смерть. Дыхание — лёд.
Дым — крылья — к Предкам несёт…

19 июня.

Последний полный, насыщенный день в Голландии! Хорошо прошла «Батлейка». Мартин пообещал фестиваль кукольных театров в Голландии. Хочу!

Вечерний «сабантуй» с голландцами. Не умеют они пить, как наши. А мы пресытились информацией, увиденным! Ничего уже не соображаем. Столько впечатлений! Как довезти домой и как не расплескать увиденное?

20 июня.

Воскресенье. Мартин пообещал через год меня оставить в Голландии. Ой, чего он только мне не обещал?! Обещали мне и в Польше работу, и в Германии. Но магнит — Беларусь.

Последний концерт на фестивале «Oerol». Нужно ещё собрать музей — это большой кусок работы. Думаю, всё это (хотелось бы!) ещё не раз пригодится. Впереди студия — мой проект. Готов.

21 июня.

10.00. Паром. Все было, будто во сне. Народу, как на «Титанике» — везде — с вещами, детьми, собаками. Узнают нас и на пароме. С тоской смотрю на удаляющийся остров. Думаю, будем скучать по тебе, фестиваль «Oerol». Ты проник в сердце белорусов и прописался там навсегда. Запомнилось, с какой любовью и аккуратностью собрали голландцы мой музей!

Мы едем дальше. Гаага, Роттердам, Дортмунд… И только первого июля будем дома. Как там все? Живы? Здоровы? Это самое главное.

17.00. Гаага. Duotone Studio. Это уютный, красивый голландский городок с традиционными каналами, церквями, памятниками и высотными современными зданиями. Похоже на всё, что я видел в Нидерландах.

Вечером приехали в студию. Звукорежиссёр — Boyd Noorda — обычный голландец, только с частной студией. Живёт человек с семьёй, записывает разную музыку. Слушали его работы, говорили о моей. «Спадчына загінуўшых вёсак». Да, есть возможность писать «сольник» «в четыре канала». В Минске я мечтал о восьми! Что-то выстраивал в памяти и очень готовился. Перебирал сотни песен и привёз шестьдесят. Сегодня всё нужно попробовать и «гнать» чем побольше интересных песен. Начинают сбываться мечты — запись сольной программы. Работа планируется на семь дней. Потом — домой!

Поселились в каком-то «сквоте», больше похожем на проходной двор. Зато бесплатно, у друга Мартина. Вечером в ресторане Мартин заказал страуса! Я попробовал этот австралийский «деликатес» только в надежде, что когда-нибудь ступлю на этот далёкий континент…

22 июня.

Работа, работа в студии. То одно пробовал, то другое. «Орал» в три-четыре голоса!

Приехал Бернард Кляйкамт— (Pan-records). Он заведует звукозаписывающей компанией, которая пропагандирует этническую музыку около двадцати лет. Разговоры, разговоры — контракт. Опять работа! Работа — как «ёжик в тумане»: без нот, почти вслепую.

Вчера записал семь песен общим звучанием на десять минут. А нужно не менее пятидесяти минут. Много суеты, трудности с языком (т.е., с переводом), хоть Ира и помогает.

Нужно успокоиться и настроиться на работу.

23 июня.

Привычное утро. Солнце. Моя борода — её заплели в косу! И тут спасибо Ире Лобко. Милая девочка, которая помогает нам с переводом. Как трудно быть «безъязыким»! Завтрак в студии, обсуждение контракта. Я, честно, в этом ничего не понимаю. Да мне и всё равно — я хочу получить «носитель»! Так я условно называю компакт-диск, на который «лягут» песни, наигрыши.

Работа: запись, запись, запись. Главное, чтоб без ошибок и неточностей. У меня так мало времени! Потом никто не поверит, что всё записанное — импровизация!

Уже записано материала на тридцать минут! Двадцать одна песня без сопровождения (а капелла) и с музыкальными инструментами. Осталось дописать двадцать минут. Это очень-очень трудно. Я не пропишу барабаны, просто нет практики в этом! А по условиям контракта Юры не могут находиться в студии.

Сегодня Мартин уезжает к Лаури. Это как бы его жена, хотя во всех этих моментах (как голландская семья) нам, славянам, тяжело разобраться. Это же Голландия!

24 июня.

Сегодня работал, как «зверь» — до 21.00! Только в обед забежал в антикварный магазин и купил колокола. Прекрасный по звуку инструмент!

Юры ездили к морю, а что им ещё делать? Отдыхают после «Oerol». Оставили меня одного? Что ж — работа…

Записано сорок семь минут — тридцать одна песня! Тяжело, а время поджимает. Дома запись виделась по-другому. А тут: один голос прописал, сразу пою второй, потом пишу третий, четвёртый и т.д. Хватаю дудки, окарины, пробую чуть-чуть — и сразу на плёнку. СТАРА-ЮСЬ!

25 июня.

Последний день в студии. Сегодня приедет Мартин. Нужно дописать три минуты и свести весь материал.

Завтра концерт в Эйндховене. Утром ещё немного работы в студии. Успеть бы. Устал сильно. И ребята меня понимают.

«Продукт» готов. А что дальше? Покажет время. Трудно поверить, что второй CD записан в Нидерландах! А что дома? Забвение? Слава Богу, хоть в «Небесной канцелярии» не оставляют без внимания: соло-CD — вперёд, в Мир!

Но уже не бродят мысли о фольклорном спектакле с масками и куклами «Батлейки». И так всегда. Не успел записать «Наследие погибших деревень», а уже в другую сторону тянет. А ведь тот проект был задуман еще в 1995 году в Национальном центре творчества детей и молодёжи, когда я работал там заместителем директора и набрал в коллектив «Агняцвет» детей разного возраста…

Моя Муза, Музочка, Музычка… Порой не ощущение, а уверенность, что — ЕСТЬ СУДЬБА! Я выпускаю «Наследие…». Диск идёт в мир, оставляя красивые и добрые белорусские следы.

НЕ ВСЕ КОТУ МАСЛЕНИЦА!..

3 августа.

Венгрия. «Pepsi Sziget» — крупнейший и крутейший фестиваль!

10.00. Мы в гостинице. Заселились, но пришлось доплатить 100 долларов! Где Мартин? Как договаривался? Позади бессонная ночь с визитами «непрошенных» пограничников. Отсутствие приглашения в Венгрию! Каким-то чудом прошли! Завтрак, душ. Впереди концерт.

20.00. Я смог написать одно слово — «Усталость!»

4 августа.

Концерт в 16.00. Перед нами — венгерская классика, после нас «metal». И мы? Почему не этническая сцена? Пока нам непонятно, зачем мы тут. Кто так решил? Ходили, слушали, смотрели — но всё уже раздражает, хотя это начало тура. Лица, очереди, шум, гам, разношёрстная музыка из всех щелей! Спрятаться и просто тихо поговорить негде! За едой, питьём простояли до сумасшествия долго! Немного полюбовались многочисленными подиумами, краешком уха послушали всё — от фольклора до рока. Быстро в гостиницу!

В окна долетают удары мощных низких частот бас-гитары и трескотня барабанов. Но уже не до этого. Отдых — прежде всего.

Впереди — двадцать дней такого же калейдоскопа! А уши должны немного и отдыхать. Концерты, фестивали, дороги... И мысли, будто километры — обо всём, обо всех. Да, чему тут завидовать, друзья? Интересно, но…

Хорватия, Босния, Словения, Австрия, Германия, Нидерланды — как бусинки на чётках. Что ж, будем перебирать! Благо, есть время. Одна, главная мысль: «Убереги, Господи, в дороге!» НАС ВСЕХ.

5 августа.

Босния и Герцеговина. Мркониц Град. Незабываемая встреча с границей: возвращали два раза — нет визы! Россиянам и украинцам можно без визы, а нам — нет. За что так белорусам? Нас ведь ждут на Втором Международном фестивале джаза и музыки. Решили границу пройти на пароме — сломался. Двенадцать часов крутились у границы Боснии и Герцеговины и, о чудо! — пограничник говорит: «Белорусы, братья, проезжайте!» Как после этого не верить в чудеса?!

Ночная дорога в горах, темень. Опаздываем, поэтому гоним. И вдруг — много света, музыки, людей в лесу! Все рады — мы сразу на сцену. Играют Австралия, Сербия, Босния и мы!

Вся программа нашей группы под новым названием «Ethno-Trio Troitsa» — на ура! Толпа ревела и стонала. Мы не ожидали такого. Это, наверное, компенсация за то, что мучались. Спонсор из Англии — уже наш поклонник!

Спим в домике на ручьях. Лес до утра шумит музыкой и аплодисментами, но мы уже многое не слышим — спим.

7 августа.

Второй день фестиваля. До вечера ещё есть время, и мы едем в долину реки Сана через перевал на высоте 1200 м. Фантастические пейзажи! А ведь из-за визы мы могли этого не увидеть. Люди, будто в парке, гуляют под руку по берегу реки Grad — отдыхают. Тут же появляются передвижные кафешки: из авто достают стулья, диваны. Ящики с пивом ставят в ледяную воду — природный холодильник. Отдыхай! Местный «Добрынин» поёт под синтезатор местный фольклор. Чем не кабак?

Не будь мы белорусами: купались в этой ледяной воде на зависть всем отдыхающим. Две-три минуты — норма, а потом хрустальные капельки звенят по камням. Вылетаешь пулей! Ничего, впереди выступление — отогреемся.

Как и планировали, спели двадцать три песни. Получилось тридцать пять минут. Визг! Крики! TV! Успех. Группа «Хазар» предложила обменяться CD. Зовут в Югославию. Посмотрим, как и что получится.

Вечером слушаем Sarajevo Drum Orchestra — приличный звук, свет. И всё это в лесу. Организаторы носятся «в пене» — вот где работают!

Вокруг море пивных банок, бутылок! Это уже не экологический центр. Пожалуй, около двух тысяч зрителей собралось на этой удивительной «певчей» поляне.

8 августа.

Длинная дорога, затем граница. Из Венгрии в Хорватию. По пути — озеро Балатон. Ну и болото…

Море! Горы! Закат. И море огней ночью в бухте — будто рассыпаны драгоценности.

22.00. Мы в той же гостинице, что и в 1998 году, но вместо «Троицы» — «Этно-трио Троица». И песни поменяли свою «упаковочку». Лето балует теплом и красотами вокруг дорог.

Одуванчик — мёртвая планета…
Взрыв Вселенной —
Не дождался лет-а-а-а!..

9 августа.

Хорватия. Проснулись в 10.00. До завтрака пошли в Замок. Встреча, расклад, афиша с лицами старой «Троицы». Сами поехали развешивать новые маленькие афишки.

Город Мотован — чудо на пятачке горы, чем-то напоминает крепость. Как он мог там поместиться? Завтра открытие Фестиваля кино. Переезд в другой маленький городок — за 40 км. На горе фантастически красиво! Горы в зелени, речушки внизу. Я наслаждаюсь красотой.

Концерт в 21.00.

10 августа.

6.00. В голове вчерашний успех. Готовы к отъезду, а на душе хорошо — фантастическое оформление концерта в замке! Свечи, факела, флаги! Хорошо выставлен свет, хороший звук! Только я устал от дыма факелов, который нагло влезал в рот. Организатор-директор Санди — молодой, высокий, с американской улыбкой парень — трудился над оформлением сцены сам!

13.15. Концерт. В громадине из камня вновь звучали белорусские песни. Песни пилигримов. Звуки поползли по гладким камням, кажется, они обменивались с этой землёй музыкальными сказаниями.

После ужина едем в Дубровник. Это — 600 км по горным дорогам! Береги, Боже!

В городе Пажине подарили три кассеты: директору Санди, Дрони — в Ирландию и одну — в Австрию. Всегда надеешься. И даришь от души.

А дальше у нас шок от увиденного! Разве можно вместить в какие-то жалкие строчки всё, что увидели за тринадцать с половиной часов? Дорога по горам: обрывы в море разного цвета, река Неретва,

которая течёт и по Венгрии через город Мостар, где я выступал с «Батлейкой». Восемьсот километров по краю моря — жуткая дорога, по которой Мартин нёсся, не жалея ни нас, ни свой четырёхколёсный «рыдван». Только два часа, когда машину вёл Юрий Павловский, я ехал спокойно. Не шарахался и не ойкал от поворотов. У подножья гор, глубоко внизу, валялись побитые, ржавые машины… И немало!

Горы старые, рыхлые, серые. Замки, башни, часовни, церкви на островах. За всю дорогу — две остановки и купания в бирюзовых бухтах.

В 20.00 приехали в Дубровник — курортный город-чудо. Замок-крепость с башнями. Вечерняя прохлада. Ходили по гладким камням замка. Были в лучшем музыкальном клубе Югославии. Может, сыграем… Гризли, Дарко, Боро, Дэн, Эдвин — много разных имён музыкантов. Имена больше напоминают клички животных…

Ночь. Жарко. Я спал на мраморном полу — так легче. Другие вообще не спали. Как тут живут люди?

Давор — друг Мартина. Это маленький, сухонький, с гривой до ягодиц мужичонка. Он помог нам какими-то бумагами: есть разрешение полиции, будем играть свой концерт в старом городе вечером.

11 августа.

Дубровник. Живём в запущенном шикарном доме у замчища. Некоторые мои товарищи невзирая на жару свалились и спят. С потолка капает вода — прорвало трубу, хотел побриться — нет электричества, зажег свечу — потухла. Так и не побрился. Буду зарастать, как Йети.

Были на море. Здорово! Скалы, пещерки, огромные валуны над водой, удивительно красивая вода. Острова с оливами. Плаваем, болтаем, мечтаем о концертах, странах и континентах.

Позже подошла молодёжь, принесла затемнённые стёкла — сегодня в 12.30 — затмение солнца. Что за «этим» последует? Затмение всегда вызывает затмения… В мозгах, например…

До фестивального концерта есть пара свободных дней. В старом городе море туристов. Странно — узнают! Кто-то видел «Троицу» в Голландии.

12 августа.

Играли три раза по двадцать минут. «Боевое крещение» на площади у храма. Работа новая для «Троицы» и менее интересная. Нам бы хоть клуб…

Днём спали, готовили новые «вещи» в свой репертуар. Что-то рождается даже в таких условиях…

Купались. Море тёплое, но не радует. Обещал Давор заплатить за паром 300 DM, т.е. оплатить наш переезд на другой фестиваль. Но только обещал — ненадёжный «товарищ». Мы ведь ехали с такой надеждой, что везде люди порядочные. Его обещание было явно вызвано затмением...

13 августа.

Вчера тяжело игралось. Только после 23.00 собрали толпу. Были журналисты из Москвы: кого только не заносит сюда! Ночь, дождь, гроза, шумные соседи — не спали все.

6.30. Я покупался в бухте. Холодно. Мечтал, думал, глядя на скалы и море. Вернулся, разбудил своих парней. Проснулся небритый, немытый Мартин и сразу же лезет впереди всех за стол. Где он рос? Есть ли у него понятие коллектива. Благо, в новой «Троице» это понимают и ценят. Он раздражает нас, но другого варианта нет. Хочу вечером дождя и не хочу концерта на улице. Как-то это по-босятски. Даже в этой красоте! Мы тянемся к какому-то более высокому уровню, но пока всё серо…

14.00. Молодёжная радиостанция. Прямой эфир. Хорватия! Слушай белорусскую песню! Ну вот: жизненные краски вокруг «Троицы» заметно поменялись. Это — наше, веет профессионализмом.

18.00. Вернулись с моря. Оно грязное, как и обстановка вокруг фестиваля, но купались! Мороженое, открытки на память… какую и о чем?

14 августа.

Дубровник. Интервью для московской газеты: их интересует, как мы сюда попали и как из Беларуси со всеми инструментами добрались. Да, судьба занесла. А вас кто? Всегда Москва не радуется успехам белорусов, мы давно не в союзе, люди!

Туристы из Голландии здороваются. Знают нас? Лица их сияют от радости, будто мы их родня.

Наше выступление у Храма не шло. Ведь ещё был параллельно концерт в церкви рядом. Как только я заголосил «Яблонь», народ, который шёл на концерт классической музыки, остановился. Заслушался! И «Троицу» тут же остановили. Какой-то дядька прямо повис на руках Юрия Павловского! Мы явно мешали.

Пришли без настроения домой. Я открыл шампанское, позвал Мартина, но разговор не состоялся. Обычно, по-славянски, после «винопития» были кулачные бои. Кажется, я — мирный человек — был готов к славянским единоборствам! Но, думаю, без переводчика он всё понял.

Утром — море. Вечером — концерт на фестивале. Была радиопередача с «Троицей» — пятнадцать минут. Очень приятно, что мы про-

звучали в эфире: а вдруг кто-нибудь послушал?

Решили завтра покинуть гостеприимный Дубровник. Море, девушки, сухонькие старушки, дети, папы, мамы — все чёрные от солнца. Эх! Они на отдыхе, а мы зачем здесь?

15 августа.

Вчера произошёл полный облом (не всё коту масленица!): ни еды, ни сока, ни гонорара. Никакой организации фестиваля! А ещё международный. Тяжело всё понять! Хотя сыграли хорошо, при полном зале. С таким настроением выдавали белорусские песни!

Расстроились, вернулись «домой». Вся эта ситуация — ошибка Мартина, он договаривался. К тому же не оплатили паром, и нам теперь опять ползти по горному серпантину.

16 августа.

Юра Павловский сел за руль, и мы решили ехать медленно. А куда уже спешить? Осадок. С одной стороны — увидели красотищу, а с другой…

До Словении около восьмисот километров. Тяжелейшая дорога среди гор и обрывов. Всё прошедшее кажется нелепым и глупым. Мы ведь рассчитывали на серьёзные концерты.

Ради экономии не останавливались в гостинице. Спали на камнях, на берегу моря, под вопли и песни под гитару местной молодежи. Я вонзился коленками в прибрежные камни и уснул. Рядом сопел Юрий Павловский. Где-то в сухой траве — Юрий Дмитриев в спальнике. И наш голландский продюсер Мартин с «ароматными» носками — в авто. Я как-то предлагал «Троице» купить ему ящик новых, чистых носков. Наверное, бесполезно…

Вчера нарисовали «кое-что» и оставили на столе Давору — за всё! Не бить же этого «щавлика»? Тоже мне — организатор фестиваля! Таких и у нас хватает.

22.00. Заехали в город Риека. Город красивый, его обрамляет море, но море грязное: порт, промышленность. Мы разместились в номерах. Вот где себя чувствуешь настоящим артистом. Еще бы, после сна на камнях…

Съели по пицце, отдохнули. Потом лёгкая граница со Словенией — маленький пятачок с «важными погранцами». Прошли быстро.

Прощай, Хорватия! Красивейшая страна и такие бездарные организаторы этнических фестивалей. Дай, Бог, такое больше не видеть!

17 августа.

Вот и Словения. Город Любляна — четыреста тысяч жителей. Фестиваль с названием TRN. На фестиваль в связи с проблемами в Дубровнике мы прибыли на два дня раньше. Нас ещё не ждали. Но — чудо! — нас заселили. О, Ангелы-хранители, благодарствуем! Общежитие, душ! Здесь другой климат, дышать легче, не так душно. Соль Адриатики смыл в душе, но не в душе. Люблю море. И слушаем группу «Dead Can Dance». Последнее время всё скупил и тоже «обкушался» такой музыкой! Что-то в ней есть…

Хороший сон, хороший завтрак в ресторане. Вперёд — в день! У нас эфир на Национальном радио!

23.50. Отгуляли по ночной Любляне. Усталые, но счастливые! Днём была запись двух программ на радио. Хорошие вопросы, неплохие ответы. Программы получились насыщенные, интересные. Благодаря Ясной Видакович (знакомая Т. Песнякевич, поклонница «Троицы»). Она подарила четыре компакт-диска этнической музыки Словении. Беларусь, где твои компакт-диски с исполнителями по регионам? Ведь есть материал! Неужели это никто не может потянуть: и прибыль есть от дисков, и интерес в Европе.

Старинный город красив, как ухоженный пенсионер: каналы, фонтаны, статуи, колонны. Кто-то соскучился по «формам Евы». А их тут в летний сезон — глазам больно!..

Ясна Видакович заказала ресторан. Поболтали. Конечно же, была удивлена, как мы так вляпались с «менеджером» в Хорватии, и ушла, не прикоснувшись к еде. Вот это — уровень! Не нажраться за счёт организации, а выглядеть достойно.

Она очень украсила наш тур по Балкнам. Доказала, что в мире есть разные люди, и потому не надо злиться. Ведь мы ещё многое увидим благодаря всё той же белорусской песне.

18 августа.

17.00 — радио «Студент».

19.00 — запись на телевидении Словении.

21.00 — наш концерт на фестивале TRN.

Утром уговорили Мартина съездить в известнейшую пещеру «Постойна Яма». Это не близко (53 км), к тому же я боюсь пещер (мне нужно бояться ещё домашних животных: коров, коней).

14.30. Пещера длинной 20 км! 5 км открыты для обзора. Частично проезжаем в вагончиках, частично проходим пешком. Это — зрелище!

Из «ужастиков» — рыба без глаз с четырьмя ногами. Что она ест среди сталактитов? Жаль её: чем-то напомнила нашу «Троицу», снующую по ниве фольк-бизнеса. Входной билет стоил $15, но это того стоило. Один концертный зал под землёй — чудо из чудес. И не только по звуку.

В местной газете вышла статья о «Троице».

19 августа.

Концерт прошёл отлично! Хороший звук, хороший свет, хороший зритель. Не обошлось без скандальчика: убрали «ведущего концерта» Мартина, вечно восседавшего на краю сцены.

Итог — успех! А как нас народ провожал! Люди не скрывали своего удивления и радости. Это останется в нашей памяти о тебе, Словения!

А Беларусь? Ты как без нас?..

7.00. Прохладное утро, сегодня мы уезжаем. Жаль — теряем нормальные условия жизни.

Мне нравится моя новая «зубастая» группа, не то что старая. Даже Мартин чувствует эти перемены, и его это заметно раздражает: «Почему вы стадом ходите?» «А потому, что нам интересно вместе». Эх, ты, непонятливый, меняются «твои законы» — входит «Этно трио Троица». То ли ещё будет, ой — ё — ёй!..

20 августа.

Меняем город. Мурска Субота. Шикарный приём! Концерт в Графском замке! Свет! Звук! Гостиница, питание — всё оплачено фестивалем. Словения — мы тебя любим!

Концерт прошёл хорошо: спели двадцать песен. Даже записали нас на мини-диск. «Троица», в тебе что-то есть!

Утром — завтрак в гостинице. Бассейн! И мы с Юрием Павловским «оторвались» в волнах среди загорелых фигурок.

Через четыре часа вновь концерт.

21 августа.

Опять новый город. Железники. Ехали часа четыре по красивым и чистым дорогам Словении, среди альпийских гор. Словения — красивейшая страна, и удивительно добрые, приветливые люди.

Приехали в красивое место. Заселились у милых людей, дом которых разместился у самой горы. Вот бы тут пожить недельку!..

Моросило, и концерт из парка перенесли в бар (подвал). Концерт для 25-30 человек. Какие-то «рокеры», «панки». Работаем.

Ужин с вином и сон. В глазах «этот» зритель и наш бедный белорусский фольклор. Удивили бармена — выпили за концерт ведро персикового сока. В его практике такое первый раз. А то!.. Знай наших!

22 августа.

Добрались до города Копер за три часа. Нас снова встретил Марко Брицелли, угостил обедом. Но, странно, ни обед, ни море радости не принесли: чувствовали какую-то неприятность. Так и случилось.

В 20.00 приехали на пустынный пирс, поставили грузовик с аппаратурой (он же сцена?!), подключились. И стали ожидать зрителей. Ждать пришлось долго и почти безрезультатно. Концерт был, и мы пели в море. Рыбам? Да! В 22.15 мы начали концерт — десяток зрителей, друзья Брицелли.

Где люди? Где афиши? У нас шок. Словения — ты в контрастах… Грустные пошли спать. Осадок на душе, усталость. Мысли о хорошей, профессиональной работе «скормили» рыбкам. Видимо, придётся двадцать раз удариться головой, чтобы двадцать первый удар воспринимался менее болезненно…

В Копере прохладнее, почти пустые бары, кафешки: нет такой лавины туристов, как в Дубровнике.

23 августа.

С утра заговорили с Мартином о нормальных условиях работы, т.е. о контракте. Он обалдел. А что? Это тебе не старая «Троица». Наверное, он не готов? Мартин умолк, мы ушли на море. Но, учитывая то, что разговор, к которому мы готовились, не состоялся, солёная вода была не в «кайф»…

Зато влезли в нотную библиотеку, где пять тысяч CD! Потеряли дар речи! А я взгрустнул, вспомнив, что имею дома сотни две. То есть, ещё собирать и собирать.

22.00. Дневные стычки с Мартином дали о себе знать. Он ещё весь в мыслях, даже отказался от еды. Да, новая «Троица» — крепкий орешек, товарищ голландец!..

Пляж, арбуз, мороженое — всё не радует. Радуют репетиции, даже в таких условиях! Мы начали обрабатывать новую песню — «Сонюшка».

24 августа.

Проблемы Мартина растут, как снежный ком — в банке у него забрали карточку: прощай деньги! А дальше — больше! На границе с Венгрией полный досмотр автобуса, даже снимали местами обшивку.

Ничего не нашли. Была привлечена собака, всё обнюхала.

Нас долго держали пограничники, хитро посматривая на голландца. Что-то искали, хотя все бумаги на инструменты были в порядке. Чудом прошли! Думаю, молитвы нас выручили.

«Летим» в новую неизвестность — в Будапешт. Венгрия, не обижай «Троицу», ибо мы тут так нахлебались всего!..

У БОГА ДНЕЙ МНОГО

Бледно-розовым комочком, размазав первородные краски от Великого Престола Восточного Алтаря, выкатился Рассвет. Окрестился Святым Холодом, радостно захлопал, как птица крыльями, своими мягкими ресницами и улыбнулся. «Родился-пригодился».

У Бога дней много?..

Потаскуха ведьма — грязная Ночь! Ослеплённая меткими стрелами Огня Неба, полузасыпая, ещё какое-то время грозила чёрным волосатым кулаком. Но с последними, нервно-сумасшедшими криками летучих мышей растворилась во власти Света… Мои окна-глаза тоже приоткрылись, глупый умишко встал на новую тропу Дня, хотя тело, увитое обрывками снов, всё ещё валялось рыхлой ватой в сладкой берлоге Ночи.

Слегка притоптав матушку Лень, строю сегодняшние планы. Это у Бога дней много! А Утро-малыш на кривых неокрепших ножках уже бодро шагает по деревьям, домам, озабоченным людским головам. Пытаюсь поспевать за ним. Эй! Что ждёт меня? Кто? Где? Чей голос скользнёт слезой по моим душевным струнам? В чьи любопытные глаза я брошусь желанным камнем — на дно? Молчит розовощёкое Чудо, сопит и топчет дальше. «Вперёд!..» Звенят медные колокола, чистят Путь. И возносятся мои скромные Молитвы за Предков, родителей, сестёр, детей, родных, больных и здоровых. За всех! Стерильность Пространства в это Святое Время мелькает, как дикая ночная блудница-птица от нежелаемого Света Глаз... А вот уже и День! Сыплет сквозь сито глаз и фильтры мозгов суету, беготню, мгновения, встречи… Ух — у — ух! Он бурно бьёт фонтаном дневных событий, рассыпая вокруг брызги людских корявых судеб. И я спешу, спешу… Зачем?

У Бога дней много?..

На облаках-коврах улетают куда-то мои бурные мысли, глупые волнения, лавины страстей. Сумасшедшая карусель между Землёй и Небом. От кручения-верчения День будто возгорается. Всё происходит стремительно быстро: день — бой — вой — раб — ота! Слёзы секса,

«кайф» сытости, смех голода, утраченное время, злость сбывшегося. День — динь, день — динь, день — ещё один? Вселенский ритм часов, заведенных Чьей-то рукой миллионы лет назад…

Но вот догорает величественный погребальный костёр Дня. Печальный букет из запахов хлещет ноздри, гирлянды вкусных звуков заполняют уши-гроты. Жужжат. Было. Было. Уже было… Высоченные железные свечи вдоль дорог гордо очищают путь Домой! «Хватит, блудное дитя, — в колыбель!»

У Бога дней много?..

Дорога к Столу-Алтарю. Вечерняя трапеза Одиночества. Съесть, выпить — помянуть Прах Дня. Жаль Его. Не вернуть никогда…

Я втащил домой огромные мешки впечатлений, свалил в угол, как битую керамику, ящики пережитого, пузатые коробки увиденного. До потолка! Возможно, когда-нибудь разгребу. Сижу. Думаю, думаю… Порой хочу одно, а делаю другое! Я не решаю? А кто? О, проказники из Небесной Канцелярии. А я рвусь!.. Сумерки. Воины Вечера приходят вкрадчиво, как осторожные, хитрые монголы, выметая пушистыми лисьими хвостами золу Дня. И в сером, прозрачном Свете с удивительного тёмно-фиолетового зеркала Неба, в вуали из грусти, появляется меланхоличный Вечер. Он садится в тёплую золу, перебирает её своими ленивыми длинными пальцами, раскладывает головешки Дня. Итоги-тоги… Окна этажерок — многоэтажных исполинов — испуганно смотрят на шумную дорогу своими светящимися квадратами света. И ждут. Чей-то квадрат так и останется без Света.

Это у Бога дней много…

Мысли. Мысли — путина. Мысли — трясина. Мысли — водоворот.

Успокаиваются всплески машин за окном, расползаются натруженные двуногие муравьи по норкам. И с погребальными красками Ночи наползает Смерть Дня. Спать. Укладываю тело в «позу трупа». Но наглая, «цыцастая» Бессонница игриво таскает меня за волосы, прыгает голая по подушке, возбуждает, щипая ягодицы. Этот её эротический шабаш длится нестерпимо долго, то раздражая, то, порой, веселя, пока Она сама не засыпает у моих ног, как нагулявшаяся мартовская кошка. Сухим порошком плодово-ягодного киселя сыплется на город бледный рассвет. Не обращая внимания на свернувшуюся в клубок Бессонницу, появляется огромный Дух-Сон. Он отодвигает робко дремлющего у постели Ангела Хранителя, берёт моё заласканное, усталое тело в свои мощные, тёплые руки, кладёт в мягкий пух причудливых саней. И мы — летим! Ле—тим! Мелькают цветные, фантастические пейзажи, лики

Предков, незнакомые милые существа. Чьи-то голоса, но не разобрать, чьи и о чём. Что-то звучит, но не музыка. В какие-то секунды успеваем посетить Ад, Космос, Рай. Вернусь ли я из этих Стран (-ствий)? Не знаю…

Это у Бога дней много!

А у меня?..

Рассвет назойливо стучит влажными пальцами по мокрому, запотевшему оконному стеклу, как кабацкий пианист к утру. Будит. Спасибо, Боженька, что глазки открыл.

У Бога дней много.

Значит, ещё чуть-чуть и у меня…

ПИЩА ВЕТРА

Дым индийских ароматизированных травяных палочек выписывает в моей «келье» иероглифы-письмена.
То ли из Будущего, то ли из Прошлого. Читай. Сердцем. Душой.
Сгорит, и останется пепел — пища Ветра.
Минуты безделий — годы бездействия.
Успеть бы.
Многое?..

2000 ГОД
АВТОБАНЫ И МЕНЕСТРЕЛИ

17 января.

Беларусь. Утро, метель, снег — сказочная зима. Еле дошёл до проруби, но уж больно хотелось окунуться перед дальней дорогой.

Сегодня много дел перед отъездом в Германию: сестре Маше отпечатать списки музыкальных инструментов, сделать бланки, визы. Провести закупку самого необходимого: продукты, сигареты, водка. Это всегда спрашивают за границей. Грустно. Дом наполняется музыкой группы «Hevia» — электроволынкой и духом жгучего танца! Не радует.

18 января.

Ещё идут сборы! Еле уговорил Шугаева Сашу (моего коллегу по университету) ехать в среду рано утром. Мы едем вдвоём. Да, молчит давний друг из Берлина — Ханс. А у него с 1996 года четыре антикварных самовара. Я их еле провёз через границу — за них он обещал четыре тысячи DM. Но с бизнесом у меня всегда были нелады. Так что мои

волнения сейчас ненапрасны.

В Германии нас ждут новые люди, новые встречи. Вот только это и радует.

19 января.

5.20. Залит в дорогу чай с мёдом и лимоном. Благослови, Господи! Пусть будет хорошим наш путь. И пусть дома будет все хорошо.

11.30. Стоим на границе с Польшей. По дороге в Ивье Гродненской области оплатили штраф за мой непристёгнутый ремень безопасности. Страшные видения остались в памяти: разбитый новый автомобиль на посту ГАИ и два трупа. Думай, Ванька…

13.30. Всё ещё стоим. Разговоры, воспоминания: жёны, женщины, девушки — сколько их было! Они вертелись рядом, входили в мою жизнь, выходили. А я? Жил и живу.

Крест золотой, подкова в двери.
Осиновый Кол — от врагов береги!
Железом, цепями сердце сковал…
Что же так долго близким я лгал?..
Ржавый гвоздь в сердце вбит —
Что, очерствел? Не болит?
Бо-ли-и-и-т!

Очередь можно «обойти» за $10. Не рискуем. Так как вид у «собирателей» зелёных бумажек не внушает доверия.

22.00. Шестнадцать часов в пути. Метель. Шесть часов на границе: еда, чай — сидя в машине. Что ж, и к этому надо привыкать. Разговоры, разговоры… Наверное, чтобы не уснуть. Воспоминания об армейской службе. Благо, обоим есть чем удивить. Да, мне часто снится армия, и так хочется увидеть ребят.

Позади Варшава, много света, ёлок, лампочек — отзвуки Рождества. Польша всегда пахнет пончиками с повидлом в сахарной пудре. Это — дорогие картинки из детства, когда мандаринка в подарке под ёлкой вызывала детский шок!

20 января.

Германия. 7.00. Саша спит в спальнике — устал. Ночь, как всегда, неспокойная, холодная. Темно, дорога тяжёлая — слепят огнём фары встречных авто. Здесь, в Германии, мало снега, но морозно. Эх, дороги! Красные огни рекой текут по автобану за повороты, а жёлтые встречные

огни слепят глаза. Спешим на ра-бо-ту! Играть на улицах? Да. Педагоги университета хотят заработать! Посмотрим, что из этого получится…

21 января.

21.00. Приехали в Ганновер. Остановились у Наташи — Сашиной знакомой. Молодая женщина была замужем за немцем. Сейчас одна. Ей лет тридцать. В доме чисто, порядок. После дорожных ароматов сала, чеснока, бензина, носков — ароматы её дома кружат голову. Душ. Ужин. Гитара. И спать. Завтра ведь на работу, а то засиделись бы за болтовнёй…

Утром еле встали и уехали играть в город Целье — до обеда. Экономим на желудках. В центре города играл на ксилофоне парень из Ярославля. То есть, хорошее место уже занято. Мы бросаемся на поиск нового места. Людного! Ведь играть на пустынной улице — тоска.

Дорога и новое место для работы. Стынут пальцы. Холодно. Играем, поём до темноты. Но всё это не радует ни меня, ни моего коллегу. Потом самое интересное — нужно с автобана «домой» попасть. Сбились — намотали около 150 км. Ночь, скорость, где свернуть? Кое-как нашли, но нервы…

Мы у Наташи. Её нет, но готов плов. Завтра новый день: новые немецкие лица, глаза. Ра-бо-та. Только я не чувствую себя в своей тарелке.

22 января.

Вечер прошёл за разговорами. Пришёл Юра из Минска — мусорщик. Граница у него схвачена — возит автодетали, телевизоры, холодильники, стиральные машины. Во время ужина слушали рассказы, как проходит границы, как крадёт на немецких свалках и что имеет с этого. Оказывается много! В доме обилие русских кассет: музыка, видео — скучают бывшие соплеменники. Моей музыки тут нет. А я дома «обслушался» саксофоном Яна Гарбарека, его гирлянды импровизаций догнали меня и тут…

17.00. Играли в дождь и снег до обеда. Город Ганновер — море движущихся людей. Ноль интереса к нам. Холодно, замёрзли, где ужин? А на него мы хоть заработали?

Бедный фонарь ветры не качают.
Вздохи и взгляды порой долетают.
Цыгане Солнцем Луну зовут.
Её влюблённые молча ждут.
Лист промёрзший. Замри, не дыши…

Взгляд фонарный. Хруст Души.
Лай собаки будит сквер.
С тревогой в День приоткрою дверь.

23 января.

Эх, эмигранты Беларуси и России! После лыжной прогулки все завалили к русской немке. Еда, водка, анекдоты, песни под баян и гитару. Вот где забываешь о трудностях «работы» на улицах немецких городов…

Ярославский музыкант живёт у наркомана, в день зарабатывает игрой на ксилофоне 70 DM. А за жилье платит в месяц 100 DM. Работает?

Видел чудо: дед из Англии с гитарой! Исполняет кантри. Имеет свой автобус! А я? Да, не Теобальд — мюнхенский флейтист…

24 января.

Утром съезжаем с этой уютной «хаты». Меняем «базу». Нашли городок — сказка, много городской скульптуры. Но не играли — не было погоды и людей. Кому играть, и кто «подаст» копеечку?

Приехали. Встретила молодая женщина — бывший костюмер из фольклорного ансамбля. Уже девять лет живёт здесь. Послушали её рассказы. Да, натерпелась. Но остановиться у неё не можем — нет места для ночлега. Заселила нас к знакомой даме — тоже русской, была замужем за албанцем. Дочери три годика. Квартира четырёхкомнатная, богатая. Да и дама — будь здоров! Бывшая москвичка. Красавица. Высокая. Но тоже не всё хорошо, крутится на трёх работах.

25 января.

Играть на улице нестерпимо тяжело! Радуемся, если день прошёл не зря. Вечером дамы угощали нас немецким коньяком. Пятый день угощают эмигранты. Устали. Мы ведь не за этим ехали в такую даль! Мои деды спокойно крутили мельницы и жили красиво и достойно. А я? Чего бегаю? Это — работа?..

26 января.

День был удачным — были в двух городах. Так как в одном месте долго не разрешают играть, пришлось поискать «хлебные» места. Но потом целый час искали дом по незнакомым тёмным улицам!

Вечером имели приглашение ещё к одной эмигрантке. Её муж — немец. Восемь лет вместе. Но думает расходиться и вернуться к первому мужу-белорусу. Во! Шикарный дом за городом. Чего людям не хватает? Женские тоскливо-величавые разговоры за столом. Да, им есть

что с чем сравнить, тут под женский топор легли и русские, и немецкие головы всё тех же мужиков. Слушать такое самому не очень приятно. Тем более, что мы, как мужики, — на заработках! Легли поздно.

Снег, дождь, а мы съезжаем на другую квартиру — нас передают по эстафете. Новая квартира, новые лица. Русская, двое детей, двадцать пять лет, из Винницы, была замужем за негром. Он сидит в тюрьме. Ужин у неё. Разговоры об общих проблемах — здесь у них и там у нас.

27 января.

14.00. Дортмунд. Мы будто бы «дома». Нам убрали комнату, тихо, и никто не напрягает с ужином, песнями — мы у немцев, а не у русских. Друг «Троицы» Фридман придет позже.

Решили с местным музыкантом Михеем (старым другом по «Троице») поиграть 28-29 января в кафе.

Устали от гостей и «привычного сценария», ведь нужны силы. На душе от всего муторно. Что я делаю? Где творчество? Раздражаюсь.

Думаем «взять публику» народными инструментами — эксперимент продолжается. Нужно как-то отбить визы, потраченные $ и DM. На дорогу-то я взял в долг…

17.00. Осадок от их уровня жизни, магазинов, витрин. А у нас? Мысли, сравнения наваливаются! Стесняюсь, наверное. Одеваю очки. Пою, играю. Противно, что «подвизался». Обида, горечь… Нужно перестроиться, нужно! Саша устал — играет на баяне без устали и «рулит». Жалко и его, и себя. Не представляю, как он играл один.

Видим много красивых немецких городов! Аккуратно, чисто. Храмы, замки и много памятников, скульптур.

24.00. Спасибо Михею. Наш концерт прошёл хорошо! Рвали баян, рычала гитара, и африканский барабан Михея «подливал» в немецкое пиво запахи пустынь! Хохма. Но со стороны — неплохо.

А вокруг — люди, витрины, изобилие, еда. И нищие. Кто в дублёнке сидит, просит, кто в кожаной куртке с баночкой для «копеек». И педагоги университета имени Максима Танка!.. «Танком явно бы заработали», — подумал я.

29 января.

С утра — дождь. В январе в Европе так всегда. Валялись в кровати, слушая его шум. В 12.00 уехали.

13.30. Приехали в старый город. Льёт дождь, но невзирая на погоду музыканты играют под навесами, у магазинов.

Английский дуэт: звенит, гремит, дудка и губная гармошка; на

спине второй барабан — локтем бьёт! В руках — банджо, на ногах — верёвки. Когда переступает, верёвки дёргают тарелки. Цирк! Куда там нам с «Катюшей»…

Сели под навес. Играли часа три.

Вернулись в Дортмунд — горячий ужин, чай, разговоры с Михеем о сотрудничестве. Поднимаем себе настроение смехом.

Встретили русского: сам из Ростова, а у немцев строит что-то. На работу с друзьями выезжает в Данию. Горюет о «совке», но троих детей кормить надо. Людские судьбы вгрызаются в страны намертво. Их послушаешь, так и за свою жизнь порадуешься…

30 января.

Утром в клубе моего друга Фридмана «Хаос» молодая мама Кика провожала своего мужа Михея в тур, гремела посудой. Мы попили чая с мёдом, поели и снова в «бой», на работу. Уличная жизнь — уже десятый день. Что он принесёт?

Дождь лил всю ночь. Ещё сегодня хотим здесь переночевать, может им, немцам, мы уже в напряг?

Работа! С 13.00 до 17.00 — без перерыва. Народ гулял вокруг, слушал, немного радовал нас… Саша в шоке, я — спокоен: это реальность, таких, как мы, здесь много. Отбить затраченные деньги тяжело.

31 января.

Голландия. 19.00. В планы входило посетить не только Сашиных друзей, но и моих голландских. Переезд, нервы. Но наконец-то мы у давнего друга «Троицы» — Поли! Он жарит грибы — вегетарианец.

Главное, что здесь Мартин. Он вернулся из Африки, вдруг поможет нам подзаработать?..

1 февраля.

Вчера пришел Мартин — коричневый от африканского солнца. Много говорили об Африке, спрашивал о «Троице», о разном.

12.30. Здесь работа на улице тоже не радовала. Много, много сытых людей проходит мимо. Почему голландцы игнорируют нашу музыку, их что — не трогает?.. Думаем уезжать. Куда?

В 18.30 начали «бомбить», то есть, играть в кафе Лаури — подруги Мартина. Народ в восторге. Пили пиво, успокоились немного. Мартин планирует нам помочь. Люди в пивнушках, кафешках ценят вокал и инструментальные наигрыши.

Вернулись поздно — усталые, вонючие, и потные. Каково же

было удивление: Поли ест, не дождавшись гостей! Не Родина...

Вороньё агатами на ветках.
Снег притих — последний день Зимы.
В прорубь ледяную опускаю
Груз грехов своих и кутерьмы.
Будто снова я в огне родился
И горю у Бездны на краю…
И ласкают хрупкие снежинки
Душу-греховодницу мою.

22.30. Сумасшедший день! После обеда Мартин сводил в кафе. При этом резюмировал: «Талантливые люди всегда без денег». Это про меня?..

2 февраля.

Завтра планируем ехать в город Утрехт. Возможно, будет работа в кафе. Это идеи нашего голландского друга. Сам Мартин без работы, без квартиры, но со своими бредовыми планами.

Утрехт. Сели без настроения, и началось, будто знамение, — цок-цок — без перерыва. Старались!

Обед на трассе к Амстердаму — уж очень Саша захотел увидеть улицу «красных фонарей». Видел бы он этих девчушечек! Да, жалко их: стоят в ярких кабинках, кто в белье, кто в чём, стучат прохожим, зазывают. А вокруг ходят любопытные «жеребцы», кто-то торгуется, кто-то уже выходит, поправляя штаны. Работа у этих девочек тяжелее, чем наша…

Трасса — и мы в Эндховене. Утром планируем снова играть в городе Утрехте, а после обеда будем искать новое место. Так делают все музыканты.

3 февраля.

21.30. Вновь перенасыщенный день. Играли в городе Бреда. Вчера играли в кафе у Лаури — хорошо, но мало по времени. Там нас покормили. Саше нравится в Голландии. Ещё бы!

Город Бреда — красивейшие храмы, церкви, архитектура — творения рук человеческих. Но тяготеют к Небу. На земле — грязь, проблемы, а в Небе чисто и спокойно. Поэтому — вверх! Мысли, мысли, мысли… Несите меня к хорошему!

Храм. Колокольные аккорды. Это надо слышать! Хочу домой и

хочу послушать Чеслава Немана. В его работах так много колокольных созвучий! Как набат о своей, нашей жизни…

4 февраля.

16.30. Устали, замёрзли, полдня искали город, место, где играть. Вечером уже играли в кафе кинотеатра «Plaza». Нам только через неделю домой. Устали: бытовые проблемы, еда, дороги, чужие квартиры, сон на полу. Зато столько увидели! Пока на весах всего поровну.

Компас — подушка. Странник Дух — ввысь!
Каждая ночь — невесомость… Держись!
Никого не могу взять с собой.
Молюсь, боюсь…
В белый гроб — колыбель моих снов —
Ложусь.

Лица наши красные от ветра и солнца, бородатые. Много говорим со всеми о концертах. В Дортмунде оставил Фридману видео по своему музею: может, пристрою музей? У него есть планы: Англия и Ирландия. Дома он явно нужен только мне. А я столько денег и сил потратил на сбор экспонатов! Так и не могу понять, зачем?

5 февраля.

Успех! Повезло. Купил CD, продукты. Приглашены на ужин к давнему другу «Троицы» — коллекционеру, которого все зовут «шеф». Ещё с удовольствием согласились на вечеринку у Полиных друзей. Повезло и с погодой — солнце! Я сразу запел: «Да ты, яркае Сонца, не бывала ты ў наймі». У Поли сходили в сауну.

Море людей на улицах с детьми, покупками и велосипедами. Слушают, улыбаются, видимо, «немецкие» уличные музыканты ещё сюда не доехали, не надоели «Катюшей». Мы поражаем своими белорусскими песнями и танцами под баян с дудкой.

6 февраля.

Вчера были у Полиных друзей: тихо, полумрак, свечи — будто не день рождения, а похороны. У нас бы уже «лежали», а может, и личики помяли бы друг другу, даже приезжим. Мы спели, сыграли — понравились, нас пригласили на открытие офиса. Одно неудобство: будем ехать сюда из Германии. Поли угостил «своей» 70-градусной. Думал, не осилим. Эх, ты, мурзилка! Нам ли в этом есть равные партнёры?

Сегодня концерт на выставке и в кафе. Нет жилья, летят планы, нужно возвращаться в Германию. У! Летим в ночь!

Смеёмся со всего. Однажды, не разобрав текст, Саша купил вместо корма коту землю. 15 кг! Га-га-га! Вёз столько километров домой в подарок! В общем, юмора тут хватает.

23.00. Шум, гам, пьяные голландцы. Такой попойки в Голландии я ещё не видел! Заразили славяне? Мы устали и спим. А рядом — танцы, но у нас было четыре выступления. Нам тяжело, а они радуются — свой праздник! Может Поли так выпроваживает нас? Не такой уж и добрый гном…

7 февраля.

Усталость, безвыходность, грусть. И всё чужое вокруг. Остаётся только молиться, чтобы всё поскорее закончилось.

Комната — Склеп.
Мысли — Хлеб.
Исповедь Дома —
Тайна Моя!
Тело Христа —
Евхаристия.

8 февраля.

0.30. Ночь. Обмениваемся адресами с Поли. Были у «шефа». У него гости из Амстердама. Сказали, что «Троицу» знают в Лос-Анджелесе! Был шикарный ужин. Я растрогался и пел. «Шеф», заслушавшись белорусским фольклором, тоже запел голландскую народную песню. Растрогался? А то! Коллекционер, у которого двадцать три тысячи дисков разной музыки, своя музыкальная библиотека и выездной магазин. А вот же и его удивили!

15.40. Вновь дождь, но мы собираемся в дорогу. Планируем утром поиграть в Тилбурге.

Дорога в Германию. Вновь Дортмунд. Уютный, чистый дом. Позади 600 км: дожди, пробки, тишина в авто и мои записи.

9 февраля.

7.00. С трудом отработали в двух городах: холод, ветер, дождь. Играли замёрзшими пальцами. Не сахар. Этот «хлеб» не радует. Чего я пёрся? А ведь есть «Троица», лучше бы одно делать хорошо.

10 февраля.

Гослар. Красивейший немецкий городок, много богатых горожан. Часы с движущимися фигурками. Милые лица — слушают нас. Но такое бывает не каждый день. Приятно отработали.

20.00. Трасса, огни машин. Люди, машины… Вы куда? Ищем место ночлега.

12 февраля.

Голландия. Мы вновь в стране каналов и мельниц. Дорога из Германии заняла четыре часа. Саша устал. Ещё бы! Вечер играли в ресторане. Хозяин немец, ему пятьдесят лет, а жена — худая, старая и очень страшная женщина. Бизнес ведут с размахом: два зала, чучела, камин, двухэтажная гостиница, картины по 300-500 DM. На улице — летняя площадка. Играли долго: с 18.30 до 23.30! Вечером сумасшедший ужин с хозяином в его же ресторане.

Спали в детской комнатке. Ворочались. Кажется, мучения длятся вечность!..

Дома ведь тоже не спишь, думаешь, переживаешь. Достигнутое — не радует. Но дома лечит полынья.

ПРОРУБЬ

Как ни старались весёлые рассветные Братья, а ночные черноволосые, осыпанные звёздами Сёстры стянули бархат фиолетового одеяла на себя, обнажив розовые тёплые пятки Дня. Просыпайся! Шагайте ноги! Пришло Сегодня! Здесь никто не отчитывается: «почему позже» или «почему давно не был?»

Это годами отработанный добровольный выбор: встать в 5.30, в 6.00 мёрзнуть на остановке, вбиваться, как шпроты в банку, в полный «тролик», везущий на фабрику рабсилу. Прорубь. И обратно — в полный «тролик», везущий всех в метро. И туда и обратно — сонные, грустные, задумчивые лица пассажиров.

Поздний морозец будто заасфальтировал землю, покрыл её хрустящей коркой. Позёмка украсила всё, что смогла, к приходу Зимнего Бога.

Короткие фразы бывалых «моржей», гири. Чернеющая полынья в обрамлении сахарно-белого льда. Жертвы — осенние листья на дне — в покое и долгом сне. Влезаю. В какой-то момент погружения становлюсь и листком на дне, и отколовшейся льдинкой, и капелькой воды, хранящей в памяти любовные скольжения уток по весне, и мысли рыбаков в летних лучах солнца, и купания молодой обнажённой пары в

купальскую ночь. Всё! От растаявшей весной полыньи до этой, новой! Сколько в неё войдёт за эту зиму?

Влезаю и… пробкой от шампанского вылетаю из чёрной ноябрьской купели! День начат. Иглы ветра насквозь пронизывают голову, уши, тело. Мокрые, прилипшие к спине волосы. «Добровольное сумасшествие!» Тело не просто вспыхнуло! Горит! Холод обмотал ноги. Знаю, что скоро будет тепло, даже жарко, будет «валить» пар от голого тела. Но как будет радоваться Душа!

А пока всё ещё холодно. Разнеженная едой, фестивалями «биологическая машина» получила мощнейшую природную «пилюлю».

Оцепеневшая земля тянет щупальцы холода к воде.

Долгая осенне-зимняя ночь успевает всё больше и больше захватить всего в свои ледяные, прозрачные с голубизной сети. Огни лодочной станции в утренней, полусонной темноте, будто волчьи глаза, режут насквозь зимний парк. Провожают, зовут и ждут меня вновь. Приду!..

Побрился! За столько дней! А то как дикобраз горланил на улицах. Утром уехали вновь в Голландию. Мероприятие у Леона в офисе прошло великолепно. Гостей — море! Звучала дуда, играл баян. Мы старались, ведь тут не улица. Многие заслушивались нашим дуэтом и не скрывали восторга.

Но ночью вновь в Германию, здесь негде спать, а в машине — уже не выдержим.

Вновь дорога. Ночь. Пустынно. Больше четырёх часов тяжелейшей дороги после работы. Но доехали. Эх, дороженьки наши!

13 февраля.

Германия. 9.00. Хозяйка дома — Вика — убаюкала рассказами о жизни русских в Германии. Я так хотел спать, а она всё журчала и журчала. О женщинах, турках, деньгах, любви и т.д. Сегодня играем, думаю, последний концерт и — домой!

Как медведь из берлоги,
Из долгов вылезаю…
И вразвалку-вприпрыжку
Силюсь я…
Успеваю!
Вою волком в итоге,
И от скуки зеваю.

А спасенье — «берлога»?..
Снова в спячку в-па-да-ю-ю…

23.30. Всё кончилось! Успех. Прощания с русскими гостеприимными домами и дамами. Нет времени и сил для вас, красотуленьки!

В мыслях — Дом! И главное — для чего всё это было?

14 февраля.

День святого Валентина. С 6.00 Саша едет без перерывов. Молчим. Итоги работы в Голландии и Германии не радуют. Потрачены силы, время…

19.00. Тересполь. Очередь, холодно. Мороз. Родина. Очередь шумит, вот и «совок». Одна мечта — свой диван и чай. Саша прошёл Польшу за 11-12 часов и это при такой плохой погоде. Через шесть часов, возможно, будем дома. А после обеда — бегом на работу и к «Троице».

Едем с 21.00 до 5.30. Трасса. Сон. Вырубаемся. Ещё бы! Сон подобен огромному монстру — втягивает нас без жалости!

Они шли! Полчища! Разные — молодые и старые, мужчины и женщины, огромные и совсем маленькие, красивые и уродливые, здоровые, сильные и безобразно больные. Спешили. Заняли всю улицу и текли тёмной беззвучной массой. Меж домов, деревьев. Кто-то из них почему-то входил в ближайшие дома, дворы. Кто-то зависал на балконах. Кто-то карабкался в форточки. А кто-то проходил сквозь стены! Такого не видел МИР СМЕРТНЫХ! А моя подруга Бессонница «принесла» меня к окну, и я увидел Всё! Но с рассветом Они рас-та-я-ли. Наши Сны…

15 февраля.

Беларусь. Минск. В 5.30 наконец заявился домой. Впереди много дел — привычных, любимых и нет. А за спиной?

Кто-то по два-три раза в год выезжает на заработки в Германию. Я был в Германии и Голландии с 19.01 по 14.02.Результат плачевный. Не моё, хотя вот пришлось и этого «хлеба» попробовать. Просто хотелось поработать, а получилось — трата времени. Висят долги за инструменты, а ещё столько хотел всего купить. Это — чуждо мне. Да и возраст уже не молодецкий, чтобы таким заниматься. Вот «Троица», например. Сел в поезд, приехал на фестиваль — звук, свет, люди, CD! Другой уровень! И крепче нервная система, спокоен. Но из корявых буднейручейков наполняется река моей Жизни...

Из рыбацкой лунки
Ворон воду пьёт.
Из корявых веток
Детям гнёзда вьёт.
Миг! И не поможешь —
Чей-то Род умрёт.
А чёрный Воронёнок
Из лунки воду пьёт…

Какие-то буквы выводит рука…

Декабрь льёт вёдрами. Разложившиеся снежинки. Вода. Талый снег расстелился холодными бациллами, микробами, болезнями. И грустью… Эх, декабрь-декабрь! Где твои акульи зубы, щёки-яблоки? Путанье коньков-санок. Ухохатывается Январь, злится Февраль, издевается Март Будущего…

БАЛКАНСКИЕ СТРАСТИ

5 июля.

Беларусь — Венгрия. 5.00. Все мысли о дороге, которая будет длиться тринадцать-пятнадцать часов. Это — счастье, потому что порой кажется, что ты стоишь, а всё вокруг тебя куда-то летит! Любуйся! Впереди — «цыганские края», «инопланетный» язык и красивые, черноволосые (правда, коротконогие) девушки. Порой они, как прозрачные столбики, стоят у дороги, уже в купальниках. Работа или отдых? Спросить некогда — спешим.

6 июля.

Венгрия. 20 часов пути. И это в таких скрученных позах! Спешили. Только три раза вышли из машины глотнуть воздуха и вновь упали, как сельдь в консервную банку. Мартин гнал свою добитую машину со скоростью 120 км/час. Главное, прошли границу без досмотра!

Впереди четыре дня — четыре концерта! Нужно забывать трудности дорог и настраиваться на то, за чем ехали. Везли песни, и нам их как модниц на подиум выводить…

Будапешт — город детских мечтаний. А сколько фильмов венгерских смотрел! И вот я здесь. Вглядываешься в лица, слушаешь непонятный говор. Вдруг рядом чьи-то странные слова! Эмоции! О, они тоже злятся, радуются, как и мы. Это же надо!

Первый концерт. «Троица» берёт за живое», — говорят люди. Хотя ничего особенного на сцене не происходит. Сидим, анализируем «своё». И вспоминаются видеоконцерты профессиональных групп — Pink Floyd, например, их звук и — о, Боже! — свет! Тут понятно. Ну а что у нас берёт? Наверное, то, что мы никогда не сможем объяснить ни себе, ни людям. Как говорят старики — «або грай, або грошы аддай». Вот так и играем.

7 июля.

Город Печи. Здесь были советские войска. А мы первая после вывода войск российская, как они считают, группа, которая даёт концерт. Везде тяжело объяснять, что есть ещё и другая земля, и другие песни. Это «Катюша» да «Подмосковные вечера» были общими.

Нас слушали и принимали хорошо. Красивейшая площадь, ярмарка. Не обошлось без покупки венгерских народных инструментов. Это — уже здоровая болезнь музыканта.

8 июля.

Ехали долго. И вот он — город Мишкольц. Крупнейший фестиваль в руинах замка. Красивейший замок с башнями. Две сцены, наша оказалась в верхнем замке. Носили инструменты — сорок семь ступенек! Нашему другу Лайошу, который в оргкомитете этого фестиваля, безумно нравится наша музыка, чему мы приятно удивлены.

Концерт в замке, хорошая обстановка и очень внимательный слушатель. Но три раза отключалось электричество, и, естественно, пропадал звук! Разве нас уже чем удивишь? Играли не останавливаясь. Вышли на край сцены и заголосили «Яблынь» без микрофонов! Зал выл! Дали зрителям автографы — и в номера.

Людей, в сравнении с 1998 годом, мало. Может, дорогие билеты?

23.00. Концерт на другой сцене. Пыхтим, стараемся, хотя здесь звук хуже, поэтому и играется тяжелее. Песня за песней, как будто мы вновь должны осилить сорок семь ступенек. Но вот и последняя песенка. Всё! Вызывали пять раз «на бис»! Успех! Да, такого на Родине не было. Подходят, благодарят. Нравится им наша музыка. А то!

И ещё из приятного. Нам показали (в виде исключения) экспонаты замка: сорок восковых фигур из жизни королей. Впечатлило. Я держал за руку короля!

В Венгрии много эротики по телевизору — и это вдали от дома?

9 июля.

У нас одна песня в общем заключительном концерте на службе в Храме. Традиция фестиваля: все участники выступают после воскресной службы. Впервые видел у алтаря женщину-священника. После выступления не хлопают. Хорошо, что предупредили, а то подумал бы, что мы не понравились.

Нас узнают в ресторане: народ не скрывает восторга от творчества «Троицы». Разговоры, впечатления, мнения. Всё интересно, но у нас уже просыпается желание вернуться домой. Сказывается дорога. Хотя красавица Венгрия отпечатала свои картинки в мозгах, и я знаю, как они замелькают через два-три месяца перед сном в Минске. Но как бы хорошо ни принимали, какой бы вкусной ни была еда, — я хочу в Минск. На нашу, как я её называю, «перевалочную» базу. Переждать, передохнуть и вновь ехать, ехать. До тошноты от дороги, до «рвоты» от наших пограничников, которым всё равно, кто ты и куда едешь! Им не понять, что мы не вывозим, а ввозим. Ввозим слова благодарности, что звучали в Эту сторону. Да, это не их адреналин…

3 августа.

Балканы. Загреб. 6.00. Пересытились увиденным. Ходим, ищем что-то оригинальное в музыке. Сегодня концерт в местном клубе «Мочвара».

Мартин волнуется за зрителей: во-первых — лето, во-вторых, Балканы — земля, которая ещё не оправилась от войны. Да уж, мы помним и Дубровник, когда организаторы фестиваля поскупились на рекламу, и мы работали на полупустой зал.

Впереди — дороги, границы, жара, мелькание машин, музыка в пути из коллекции этого чумазого голландца. Благо разная и необычная.

4 августа.

12.00. Опять на границе проблемы — не оплатили визу! Только белорусы должны платить, остальным народам и народностям не надо. Вот когда «по матушке» вспомнишь политику! Песни, как птицы, — без границ. Может отсюда зареветь — авось, услышат?

Нашли клуб — приличный, хорошая афиша, на которой изображён один я. Юрий Дмитриев пошутил: «Вот и будете, Иван Иванович, выступать один».

Наша старая знакомая исполнительница хорватских песен тоже в

этом концерте. Мы будем играть вместе.

Концерт пролетает то ли пулей, то ли футбольным мячом.

Огромный успех, на который мы не рассчитывали. Хотя музыка «Троицы» сложновата. Мы не ждали такого успеха. Много прессы! Много вопросов и удивлённых глаз.

Дальше маршрут пролегает через Словению, Боснию и Герцеговину, Нидерланды, Германию. И только 21-22 августа — домой. Ещё столько должны увидеть, если даст Бог…

Церквушки в горах — вехи. Долины — память. Горы — вечность. И «Троица»! Каждый день — новая площадка, город, страна. Очереди на границах, волнения, нервы, штрафы, еда в пути, жара, пот. Радость, если приехали не зря: зал, звук, зритель, свет, сон, еда. И когда ещё попадём и попадём ли в этот город? Никто не знает. Кто-то хотел услышать белорусские песни. Кто? Наши желания — это одно, а действительность — другое измерение.

А пока — ложись, Хорватия, в «колодец памяти»…

18.00.Хорватия. Город Чрномель. Вновь платили за визу! И долго-долго по берегу озера искали клуб.

Я встретил свою знакомую Дуню Кнебл — исполнительницу хорватских народных песен.

Мы плохо отстроились: за пультом сидел молодой парень. Но, на удивление, — успех! Концерт прошёл «на ура»! Много прессы (ещё бы — белорусы доехали!). Закрытый театральный дворик и публика, соответственно, такая же. Но всё звучит хорошо. Камерно.

2.00. Я устал страшно, сел голос. Мы у Дуни дома. У неё новый диск. Она, как всегда, — опрятная, красивая, культурная. Слушание музыки, разговоры — это самое дорогое. Проблемы музыкантов одинаковы.

Ночи прозрачное дно…
Икона утра — окно.
Колодец скрипит — от скуки?
Вьюжит почивший цвет.
Вода, как молитва. А внуки
Увидят Фамильный след?
Сколько пота и сил!
Что ж — не впустую жил…

5 августа.

Венгрия. Провели три часа у посольства Словении. Визы всегда отнимают время. Что-то заполняешь, стоишь в очередях, рассматриваешь людей. Слушаешь, с каким они трудом делают то же самое, что и ты. И вновь поражаешься тупой ситуации — визам, запретам.

Pepsi Sziget — международный фестиваль. Фантастика: тысячи людей! Молодёжи! Крашеных, колотых во все места, бритых, заросших (ниже ягодиц!). Везде палатки, лагеря, разбитые среди деревьев, кустарников. Кто сидит, кто лежит просто на земле. Сотни ног, мусор! Пиво, запахи, панки, собаки. Концертных площадок — около сорока! Шикарный звук, свет, музыка и живая река людей — от площадки к площадке. Текут реки любопытных!

Мы послушали рок, джаз, блюз, фольк. На фестиваль приехали три тысячи музыкантов! На входе и на самом фестивале — около тысячи охранников (обыскивают вещи, сумки).

На главной сцене работала группа из Англии! Супер шоу? Нас что-то не вдохновило.

6 августа.

Фестиваль, несмотря на такое обилие групп, оставляет много впечатлений. Ведь тут супер-музыканты, фотовыставки, салоны татуировок, музыкальные магазинчики, этническая одежда, украшения. Много разных аттракционов. Рекой льётся пиво, хрустят под ногами пластиковые стаканы.

У главной сцены толпа раскачивается в такт — будто пульсирует живой неземной организм с одним туловищем и тысячами голов зрителей. Это — удивительный калейдоскоп…

Вот и наш концерт. Перед нами танцуют негры. Своими телодвижениями заводят зрителей. А за ними оркестр из Франции. У них множество народных инструментов! Любуюсь и завидую — хочу всё!

Начинаем играть мы. Песня за песней — и не замечаем, как отыграли программу. Сыграли так себе: открытая площадка, тем более, вокруг всё гремит, звенит — другие ведь тоже стараются. На нашем концерте были организаторы фестиваля. Им, наверное, интересно, что могут белорусы? Узнаем позже. А впереди — товарищ август, много-много дорог!

8 августа.

Босния и Герцеговина. Обед в рыбном ресторане с группой «Хазар». Постарались организаторы фестиваля. Мы очень понравились, и

нам предложили вечером выступить в этно-кафе. «Хазар» не согласился: их не устроил звук. «Троица» привыкла работать в любых условиях — не обижать же хозяев… В результате «бородатые белорусские дедушки» порезвились на «балалайках» в Српска Республика «на ура»! Не зря нас пропустил пограничник…

Сегодня едем в Сараево.

9 августа.

Обед над водопадом высотой с трёх-четырёхэтажный дом! Водопад — столько философии! Вот так катишься, пока не… Я так боюсь высоты, что и кусок в горло не лез. Юры смеялись.

Сараево. Концерт у огромного разрушенного высотного здания. Присутствует 250 человек, телевидение — три программы. У нас берут интервью. Успех.

Мартин снимает дом высоко на горе (200 DM в месяц). Дом запущен в связи с его частыми поездками. Тяжело идти в эту гору, удивляюсь, как беременные женщины идут с такой лёгкостью.

Босния, ты такая израненная! Теперь я уже хочу хоть изредка к тебе приезжать. Надеюсь на встречу…

10 августа.

Дорога в Нидерланды. По дороге — деревни, деревни, городки. Многие деревни, как Хатынь, — заросшие сельские усадьбы, разрушенные, брошенные дома. Но плодоносят сады. Для кого?

Порой какое-то глупое сравнение с Чернобылем: не будет песен, танцев, а ведь были. Я не умею переживать войну, хотя в детстве насмотрелся фильмов о ней. Знаю, что через два-три месяца дома буду ощущать это горе по-другому. Когда случайно включу TV, а там трупы, слёзы — война. Или открою свой фотоальбом.

А пока — прости, Босния, может, музыкальный белорусский фольклор подлечит хоть немного твои раны…

Деревянный готов Саркофаг —
Отсекла пуповину Косая…
Три дня плакала тихо Душа,
Обиталище покидая.
Год летел Саркофаг среди Звёзд.
В лунной пыли — Фамильные Ветки…
Я — блуждающий в Млечности гость.
Стосковались далёкие Предки?

Я скитался средь Марсовых Дуг,
Сон Галактики прерывая.
И завяжут на узел мой пуп…
Возвращаюсь на Землю!
Из Рая?

11 августа.

Любляна. 1.00. Да, все события и впечатления за день не опишешь. Трасса, трасса, какая-то еда такой жарой... И, конечно же, отравление у Юрия Дмитриева. И мы остались на сцене вдвоём с Юрием Павловским.

Молодёжный клуб. Полный зал! Сколько я не выглядывал, Юрий Дмитриев не вернулся на сцену — жестокое отравление. Потели вдвоём. Но — успех! Зал выл, стонал, то ли от сожаления, что нет Юрия Дмитриева, то ли потому, что им «закатил» белорусский дуэт? Жаль, что они так и не услышали «Троицу» в полном составе. Упаси нас, Господь, от таких концертов!..

Видимо, организаторы концерта в нас влюблены. Разговоры за столом обо всём. Интересно. Парень — мусульманин, его мечта сходить (как дед) в Мекку. Ни у него, ни у меня (католика) нет вражды, мы едим за одним столом. Наши ноги стоят на одной земле. А то, что в головах чуть-чуть по-другому, так от этого и общаться интереснее.

Юрию Павловскому нравится Словения, он в ней хотел бы жить. А я? Где бы хотел жить? Странно, ещё не решил. Горы, море — должны у меня быть!

Начинаем новый «перелёт»: Словения — Австрия — Германия — Голландия. На берег Северного моря, где проходит фестиваль уличных театров. У нас концерт, там мы ещё покажем «Батлейку». Хотя, думаю, лучше было бы показать большей части населения Голландии «Мойдодыр». Это по вопросу чистоплотности и запахов, окружающих «Троицу» из тура в тур. Меняются города, страны, а запах Мартина — нет! Словения, до свидания!

24 августа.

За спиной — тысячи километров. Хорватия, Словения, где мы шестнадцать дней колесили по красивейшим местам! На венгерской границе встали. Полный досмотр с собакой — искали наркотики. «Сало съели», — шутили мы.

Наркотик для музыканта — это хорошая музыка. И мы всё ещё в

восторге от музыки Ивана Смирнова, которую слушали в дороге. Для меня — это новый мир гитарной, да и не только, музыки. Какие-то новые чувства и трепет души.

Нас не пропускали на границе из-за каких-то бумаг. Говорить нам на венгерском не сподобилось — его даже Мартин не знал. Поехали на другой пункт, потеряв пять часов. Тут нас тоже огорчили: «Штраф за инструменты — 630 DM!» Нужно в будущем готовить хорошие документы для таможни, на всех языках. Как-то прошли. Юра Павловский сел за руль авто. Я, как ни старался, всё равно «собрал глазки в кучку» и провалился в глубокий сон…

Чёрная ночь. Ищем дорогу на Будапешт. Заблудились, с трудом читаем на дорожных знаках названия населённых пунктов, состоящие из 15 букв. С одной-двумя гласными!

Но вот он — Будапешт! Моргает огоньками. Душа просится поскорее в подушку.

Отель, нервы, сон…

25 августа.

Странная гостиница и номер, в котором мы ночевали. Всю ночь видели кошмарные сны: кто-то стонал, кряхтел, завывал. То ли явь, то ли сон. Решили, что на самом деле тут не обошлось без какого-нибудь печального происшествия. Ну и номер!

Лёгкий завтрак. А нам бы подкрепиться поплотнее. Но судьба балует! Сегодня мы приглашены к Лайошу — организатору фестиваля на день его рождения.

Венгры с интересом рассматривали наши инструменты. И вот мы начали, не спеша и не очень громко — «Ай, кося, мой, кося»… Как наши деды, завели музыкальные рассказы о прошлых жизнях.

Всем гостям понравилось наше пение. А нам в диковинку их венгерский бальзам «Уникум»…

26 августа.

Мы второй день гостим у Лайоша. Обед — национальная венгерская кухня. Разговоры и пожелания — традиция. Даст Бог, — увидимся…

Магазины. Сувениры домой. Загрузка в поезд, бегом с кучей инструментов! Всё, сели. Порядок. Домой!

Ночь полна пограничников всех стран, множество штампов в паспортах. А Мартин вновь мчит в Сараево по серпантину горных дорог. Я всегда волнуюсь за него — ведь мы знакомы с 1996 года. И как бы я порой не злился на него, он столько сделал для нас, для «Троицы»...

Пообедали тушёнкой, которая проехала с нами весь тур. Поросёнок с банки весело подмигнул и был проглочен. Впереди долгожданные встречи с родными. Скорей бы! А потом, через две-три недели, вновь желание отправиться в путь.

Туман сползает в овраг.
Позолотился клён.
Осень —
Шершавый шаг
В призрачный зимний сон…
В танце кружит листва.
И в погребальный звон
Умирающего сентября
Входит мой белый Сон…

ЭХ, КРАСНОГРУДАЯ, ЗЛАТОГЛАВАЯ!..

17 сентября.

Россия. Москва. Только «отшумела» с Дмитрием Дибровым телепрограмма «Антропология». Вечером поезд. Но нужно всё восстановить в памяти. Ведь это — событие. Не каждого музыканта Дима пригласит в передачу!..

Клёны листьем выткали дорожки.
Ели им завидуют немножко.
Вороньё в кустах кричит надрывно.
То ль туман осенний,
То ли дымно...
Холод опускается на плечи.
У костра —
Как возле жаркой печи…
Во дворах и сквериках Москвы —
Сплошь идёт кремация листвы.

18 сентября.

8.30. Москва. Грустное зрелище: телевизионная башня после пожара, как многотонный погорелец, с грустью смотрит в небеса. Нас заселили в гостиницу «Останкино».

Москва — город-гигантище. Отбили все ноги: Арбат, Красная площадь, значки, матрёшки, зимние шапки с кокардами для идиотов и иностранцев. Хорошо говорящие на английском продавцы, ещё бы — надо «впарить» за доллары! Много нищих. И ты — столица?

Скандал на ветках — вороньё!
ТВ — политиков враньё!
Что плетёт идиот?
Тлеет ведь, а не живёт
На «Святой Руси» народ…

19 сентября.

Да, натаскались ящиков и инструментов! Хороший эфир, хорошие звонки. Легенда телевидения Дима Дибров будто примят поздним эфиром, вечером и своей подругой…

Подарил ему свой сольный диск и «Троицу».

Инструменты мы таскали на пятый этаж! И много раз! Туда, обратно, к такси и в гостиницу, на четвёртый-пятый этажи. Ночью, в 3.00. Всё не просто — «мелькнуло». Домой! Скорей! Мы, как никогда, напоминали грузчиков.

Признаюсь, что волновался за эфир. Просто хотелось выглядеть приличнее. Мы ведь не каждый день сотрясаем эфир народными песнями.

Покрова — листья. Креститель — дождь.
Капли — монахи. Живёшь и ждёшь.
Тропки. Дорожки. Стопы следят.
Дети — ошибки… Может простят?..
Знахарь — природа. Пение — нож.
Горлу не больно: режешь — живёшь!

7 октября.

И снова в Россию, в «первопрестольную». Беспокойная ночь в поезде. Будто он не по рельсам ехал, а скакал, как «есаул» Газманова. Есть разные поездки: порой не чувствуешь ухабин на дороге, будто Ангелы несут тебя на крыльях, а порой автобан — мука. Нас пригласили в клуб «Джусто», и пригласил сын Кобзона — Андрей. Сыграла своё «Антропология» — заметили.

Москва встретила дождиком. Дамочка загрузила нас в свой малышок «Форд» и сразу — в клуб. Класс! Это японский ресторан! Дизайн! Охрана. Всё очень солидно. Видимо, для тех, кто имеет и российские рубли, и японские…

Гостиница. Юрий Павловский заболел, слёг. Мы с Юрой Дмитриевым поехали в клуб «Китайский пилот». Несём промоматериалы (аудиокассеты, видео, фото, диски) — хотим зацепиться и тут. Ах, Москвище! Как тут люди живут? Мы стёрлись в метро навсегда!

Устали! Еле приволокли ноги. Кажется, я пришёл без них — размазал по Красной площади! В гостинице много вьетнамцев, запахи их пищи, дети на «великах». Живут в Москве на этаже своей диаспорой. Просто какая-то дружба народов! Нос щекочет их еда. Но во Вьетнам не хочется…

Интересно наблюдать за московскими девушками и женщинами — они состоятельны и горделивы. Как ни в какой стране мира. А может, это только кажется? Столица — сто лиц, а? Они думают, что их лица самые-самые. Приезжайте в Минск, пройдите по проспекту Франтишка Скорины, и вы поймёте — в Минске, и только в Минске — парад Красавиц. Вообще — на каждой улице и в каждом ВУЗе. Земля другая, поверьте!

8 октября.

Какой осадок, я бы даже сказал — «обламандер»! Сколько готовились, а зрителей было 10-15 человек. Отыграли. Кому? Да, это не Европа. И кто мы в Москве? Расстроились. Непорядок? Да, их, москвичей, встряхнуть нелегко. Но «фольк» ещё пробьётся, я уверен. Так было и с Балканами…

После концерта интерес к нам пропал, не было транспорта в гостиницу, да и к поезду пришлось хватать две машины такси. Приехали на вокзал впритык! Эх, красногрудая, златоглавая! В ответ: «Зачем, кому, для кого?»

Расслабляемся. Всё прошло? Грустно…

Русская тоска оплела ноги, зачехлила руки и вот упругими кольцами сдавливает горло. Как тебя пробить и чем? Ты разбалована прежними подпитками и помощью пятнадцати республик, для тебя мы — пятнадцатый бублик. Но прошло время, мы — другие, послушай, как по-другому пульсируют наши полесские песни, и они не похожи на песни Надежды Бабкиной и её «Кошкиного дома». Вслушайся, какие чудные мелодии Поозерья, разве не дрожит Царь-пушка от этих вибраций? Ты — глуха, ты слышишь только себя. Ты — очень большая, и тебя, как бегемота, не пробить, а тем более не защекотать пушинкой

белорусского птенчика. За годы советской власти ты обтрескалась так, что белорусский десерт — лишнее.

Дразнится Осень летним теплом —
Будто согреет обманом…
Старушка Земля
Перед зимним сном
Дремлет в попоне тумана.

10 октября.

Да, отходим. Осталось сделать фотографии, чтобы удостовериться: это уже было. В Москве должен быть человек, который ежедневно будет стоять на Красной площади с плакатом: «Вы ещё не слышали «Троицу»? (шутка). Может тогда что-то сдвинется и в России. Хотя наше творчество и дома — только с плакатом. Чего же мы ждём от тебя, златоглавая? Я смотрел на рассвет нового дня, и сыпались, сыпались буквы, строчки…

Парк пылал, но не было Огня.
Парк горел, но не стелился Дым.
Этот шар Огня — рожденье Дня!
Дай же, Бог, и нам пожить под Ним.

КЛАДЫ

Мы все собрались Здесь.
Долго собирались.
Мужчины в строгих чёрных костюмах, галстуках.
Женщины — в нарядах, в новой обуви, некоторые в дорогих украшениях, будто Рождественские ёлки.
Дети с потухшим солнцем в глазах.
Седые старики с беззубыми улыбками и мудрыми морщинами.
…Мы многое взяли с собой и немногое оставили.
Кто-то оставил старинный музыкальный инструмент, который приносил душевную радость многим, слышавшим его.
Кто-то — кисти, краски, запечатав жизненный миг в зрачках.
Мы все собрались Здесь.
Мы Все, будто Клады — ума, таланта, знаний, мудрости, мимолётного озарения, жизненного опыта. За определённый Перелёт во Времени…
Великий чей-то эксперимент во Вселенной!
Мы все собрались Здесь. На кладбище. Навечно!

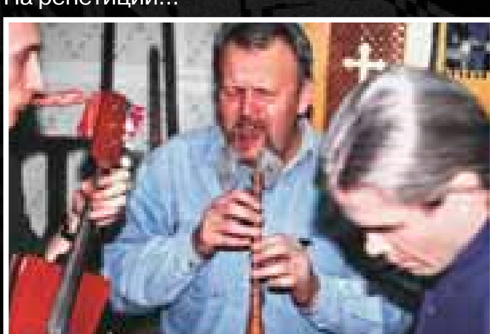

Ансамбль «Диво»

Первые выступления «Троицы»

Голландия

В. Шкиленок, Я, Д. Лукьянчик. Босния

На репетиции...

С Ю. Шевчуком

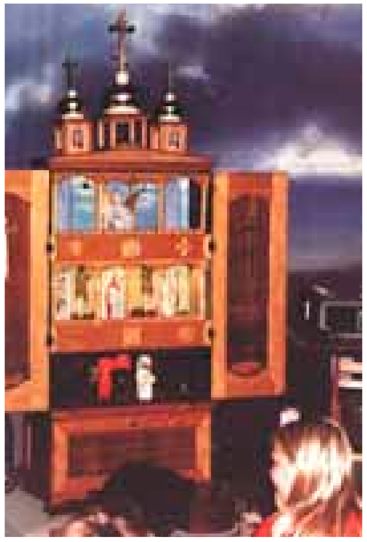

С Мартином

В Боснии

Oerol. 1999

гр. «Князь Мышкин». Брест. 1998

Ансамбль «Диво»

Oerol. 1999

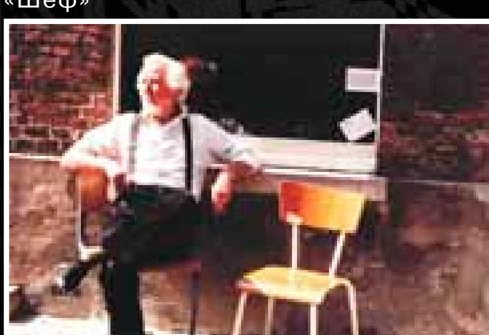

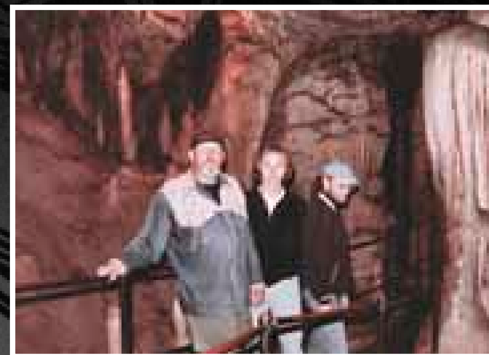
Sziget. Венгрия. 1999

Метславир. Голландия. 2001

«Шеф»

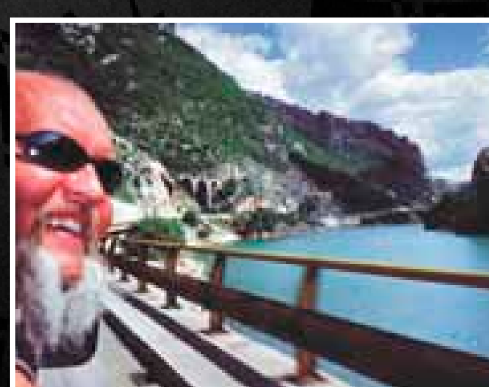

«Постойска яма». Словения

Mundial. Тилбург. Голландия

Босния

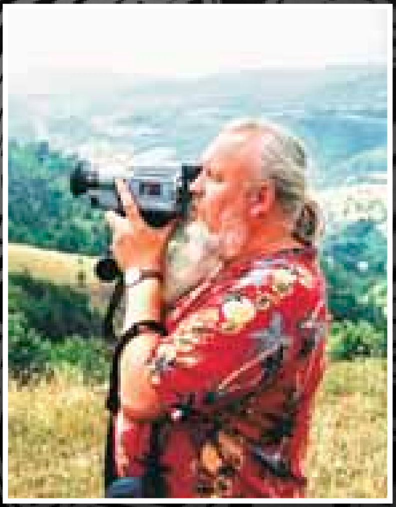
...Босния

DAF — 6 тонн!

Антс и этно-трио Троица. Эстония

Камера!

Молдова

Малайзия

...Малайзия...

...Малайзия...

...Малайзия...

Концерт. Малайзия

Концерт. Малайзия

С Виктором Шевелевичем

С Лайошем Фогораши

С Тацьяной Песнякевич

Мои сестры

Мартин

У Д. Диброва на «Антропологии. Москва

2001 ГОД
ЛЕТИТЕ, «ЖУРАВЫ...»

13 января.

Германия. Снег, метель, дома и... зелёная трава. За спиной — загрузка в такси, разгрузка. Купе, границы, неспокойный сон. За годы странствий научились многому, даже укладываться спать среди своего багажа! Спим с гитарами!

Фридман — хозяин клуба «Хаос» — встретил в Дортмунде и повёз в кафе. За завтраком рассказал о проблемах клуба — он привёл в порядок фасад. Фридман планирует, что мы дадим два-три концерта. Ждём информации о концерте в городе Бохуме (в университете).

Холодно, но греют чай и надежда на работу. В кафе много старушек и старичков. И что им дома не сидится, или лень готовить? Они спокойно завтракают в итальянской кафешке, ещё подъезжают пары, семьи. Уютно, чисто, спокойно у них тут. «А победили мы…» крутится в голове.

14 января.

Голландия. Вчера сорвался концерт в Германии: ни афиши, ни зрителя. Чья вина? Что, нас там никто не ждал? Огромный бетонный гараж — целый город! Мы замёрзли. Грелись в кафе с Фридманом. Было грустно, что сорвался концерт. А так готовились!

В 19.00 — встреча с Мартином. И — едем в Голландию.

Странно спим в каком-то доме. Голландцы совершенно не утепляют окна, может от мягких зим? Да ещё коту сделали в дверях лаз. Из всех углов дуло! И мы спали, будто с открытыми окнами! Спали в одежде, в шапках. Чтобы было тепло, прибили гвоздями одеяло в проем. Дверь завалили матрацем. К утру надышали. Создали уют и тепло из ничего!

Белорусская девушка Лена — скульптор. Вот её рассказы о жизни здесь. Она платит 50 гульденов в месяц за свою «квартирушку». Нет душа, горячей воды. Так за что платит? Ужас! Или её выбор? Вот тебе и заграница… Стоит ли тут страдать? А всё, может быть, потому, что и дома не лучше творческим людям?

18.30. Гора риса с луком и белорусская тушёнка. Мы всегда выезжаем с продуктами, экономим.

За спиной — Амстердам. Город огромных контрастов! Типажи голландцев: грязная женщина ест один хлеб; мужчина в зелёных дерматиновых шортах и тапках; красивая женщина в косынке. Если бы всех таких «чудных» собрать вместе, то была бы не страна, а палата. И это в январе! Ну, просто парад «морд»!..

Мартин чуть нас не поссорил, «подвязав» играть на польской выставке. Еле утрясли конфликт.

Отдыхаем. В глазах — радио-кафе, где темнокожая девушка ведёт эфир, а рядом сидят, пьют чай, кофе, пиво. И это на радио, прямо во время эфира! Чем дольше бываешь в Голландии, тем больше примеряешь её к себе. Полный контраст!

И вновь картины заграницы:
Голландских мельниц вереницы,
В снегу овец отары — чудо!
Каналов соты, лёд повсюду.
И как тяжёлый груз на плечи —
Обрывки непонятной речи…
Вдруг тает всё! И вас щекочут
Обрывки снов — лохмотья Ночи…
Бессонниц тяжесть. Омовенья.
Господь!
За Всех — мои Моленья.

15 января.

23.00. Китайский ресторан сыпал «щедростью»! Устали, объелись «китайских собак», отвалились.

Радио VPRO — суперсовременная архитектура, дизайн! Голландский ведущий, русский переводчик. Хорошо знают этномузыку. Очень грамотные, стоящие вопросы. Мы — молодцы. Целый час играли. Завтра вновь радио — работаем, рады.

Ночная дорога. Через каждые двести-триста метров — фонарь. Офигели?! Море огней. Не экономят!

16 января.

Юры ушли звонить, а я с молитвенником в руках у обогревателя. Как когда-то моя бабушка Катя у газовой плиты, включив четыре кон-

форки, молилась за нас. Наверное, тосковала она о настоящей деревенской печке. Тёплые воспоминания детства: город Лида, печь, родители пилят дрова во дворе, мы смотрим в окно: они весёлые на морозе. Напилили дров и слепили нам, детям, снеговика. Дома уютно, тепло, весело.

Опускаюсь в лабиринты воспоминаний, в секундах мелькают десятилетия...

17 января.

Эйндховен. Вот это профессиональная работа «Троицы»! В студии — два часа, спели одиннадцать песен вживую! Устали, но довольны.

Утро началось с чая и «дегустации» двух сортов сала. На балконе у Поли — голландца, к которому заселили на время тура — мусор, кирпичи. В туалете от умывальника к потолку — шланг-душ. Запущенная трёхкомнатная квартира. Мне бы её…

Вечерами — обзор близлежащих домов: огромные особняки, окна-витрины.

Отказались идти в гости — на день рождения какой-то Илзы. Нам комфортно и интересно в своей компании. И их язык совсем не «ложится» на ухо. Много шутим, с этим у нас порядок.

18 января.

Тилбург. Сегодня там концерт. Взяли за водку гонг, барабан и литавр на запись.

Мой музей на улице — нет ему места. Но столько всего обещали! От такой ситуации сердце заходится! Мартин обещает решить эту проблему. Что ждёт музей? «Батлейку»? Один Бог знает.

Наш хороший знакомый, поклонник «Троицы» Шеф Вирсмаа, в сентябре получит пенсию —две с половиной тысячи гульденов. Он рад, что сможет больше путешествовать. А наши пенсионеры «путешествуют» в основном на пятачки земли с морковкой и свеклой. Путешествие в землю или подготовка Туда. Грустно. И за родителей обидно, так мало видели на Этом Свете.

Полон Дом мой гостей.
Судьбы их — витражами.
В этом городе диком
Я тоскую о Маме…

19 января.

Ляйден. Проснувшись в 5.00, «захватил» горячую воду. В дорогу!

Тилбург. Небольшой театральный зал на сто мест. Концерт в 12.00, вход — 10 гульденов. Собрались люди! Хороший звук, и свет, и концерт.

Голландец Сан, который занимается этническими проектами, спросил, как часто мы репетируем. Я сказал, что ежедневно по два с половиной часа. Он был удивлён. Да, это так.

Были дома у Бернарда (Pan Records). Всё супер: дом, сад, пруд. Выпускает в год двадцать компакт-дисков разной музыки. Говорили с ним о новом CD «Троицы». И нам приятно, что наше творчество хоть где-то востребовано.

Ночь перед работой в студии провели в гостинице. Чисто, тепло, душ впервые за столько дней. Уснул мёртвым сном: сутки перед этим не спал! Но довольны все.

Снег, каналы покрыты льдом. Впервые вижу такое зрелище — толпы людей на коньках в каналах. Голландцы рады зиме. Каналы до горизонта, мельницы в снегу. И это очень красиво!

20 января.

Утро. Гостиницу в городе Ляйден, которая рядом с каналами, оплатил «Клуб», где мы вчера отыграли концерт. Я в номере с «менеджером» — так себя называет Мартин. Всё — отдых! Что мне нужно, так это — душ и сон.

Завтрак. Мартин рассказал об американских артистах: арендуют огромный двухэтажный автобус, в котором столовая, кровати! Ночь едут, спят, концерт и опять — в путь. Аренда автобуса на один день — восемь тысяч DM. Уровень! Сколько же они получают за концерты?

12.30. Мы на месте. Ехали долго на север, к морю. Вокруг поля в снегу и овцы — смотрятся, как странники на облаках. Приехали!

С 20.01.2001г. по 2.02.2001г. — студия «sing-sing» в деревне Метславир.

Голландия. «Pan Records». Диск «Журавы».

Студия! Метславир — деревня домов в пятьдесят, нет городского шума, далеко от дорог и трасс. Тишина. Мы приехали записать свой диск. Здесь записали свои диски известные группы из разных стран мира. И вот теперь у порога в известность стоим мы.

Студия шикарная, находится в бывшей школе. Неспешные разговоры о звуке, о CD, о наших «финансовых возможностях». Хозяин студии Милан (Milan) — югослав. Удивлён гостям, но относится с уваже-

нием. Спим на втором этаже: там десять —двенадцать коек, чисто.

У Милана трое детей, жена Марта, как девочка. Всё аккуратно, без кокетства и лишнего гостеприимства — как у нас. Только спросила: «Чай?» — «Да!» Поставила и ушла.

Сразу же оплачиваем все дни работы и остаемся без денег на питание. Но главное — пишем!

Ко сну — с «мешком» впечатлений. В глазах — замёрзшие каналы среди полей, мельниц и городов, а на каналах — взрослые и дети на коньках. На озере — буер с парусом! Людно. Выходные. У заснеженных дорог много автомобилей. Умеют отдыхать даже в такую погоду!

21 января.

Сегодня были настроены на запись, но здесь не госструктура. Мартин привёз «сливовицу» (спиртное из Балкан), и она сбила ритм работы. Но мы сыграли Милану вживую несколько песен, завалили студию инструментами.

Нас повезли в рыбный ресторан на берегу Северного моря. Рыба! Даже Юра Дмитриев ел! Обычно он от такой еды отказывается. Вкуснятина!

Потом искали берег — покупаться «моржу» — но это мне не удалось. По краю моря мчатся автомобили, отдыхают голландцы — гуляют по берегу моря. Мороз и снег. Ветер. Может с Родины?..

Старт завтра, хотя недопитая «сливовица» стоит на кухне… Много говорим — трепет перед «боем». Слушаем, как прописали свои голоса «Хун-хур-ту» — мастера горлового пения из Тувы. Они величаво выворачивают и свои, и наши внутренности…

22 января.

Сны, сны... Столько снов на новом месте! Мартин «выпросил» продюсера, чем вызвал волнение в «рядах». Убежал счастливый в магазинчик.

21.30. Только что «оторвались» в новой и очень желанной работе! Один день в отличной студии! Масса впечатлений, главное — творчество «оседает» на носитель навсегда. Милан ведет работу грамотно и заинтересованно: предлагает, исправляет, но уважает и наше мнение. Вечная проблема с инструментами.

Дуда? Как хочется иметь хороший инструмент. И как должно быть стыдно белорусскому мастеру за то, что она так фальшивит. И цены у него растут на инструменты.

Целый день не выходили из здания: спальня — коридор — студия.

«Звукачи» добивают «сливовицу». Мартин — «конопельку», то есть, балуется «травкой». Но он планирует завтра уехать и не мешать. Будет свободнее.

23 января.

22.30. Отработали. Устали: девять часов работы и всего три готовых песни. А ещё пятнадцать!

Мартин покинул Метславир. Утром бродили по деревне. Три улицы, один магазинчик, одна телефонная будка. Спокойствие вокруг. Будто мы на краю Земли. Грусть по Родине.

Работа в студии сразу выявляет, у кого что хромает. У меня — ритм. Нет практики, вечно я с импровизацией.

Я — эгоист. Вдруг вспомнил всех.
Я — эгоист. Я — раб своих утех.
Я — эгоист. Пою и пью.
Корю себя, но не судьбу свою…

24 января.

День третий. Хочется многое успеть. Милан получил в лице «Троицы» два сюрприза. Первый — три человека, второй — много инструментов! А подключение, настройка «этого оркестра» требует много драгоценного времени. Вокал, духовые пишутся почти сразу. Хуже — смык, домра, мой «хромой» ритм.

Вечерами — еда и «ржачка» без устали. Порой это напоминает больничку для тех, кто просто не может остановиться «в миру» и его везут в помещение с решётками. Хотя, говорят, смех продлевает жизнь.

Милану 49 лет. У него две девочки-красавицы, аккуратные и спокойные. Сын — маленький, но уже щебечет на английском. Милан многое рассказывает о своём доме, расспрашивает нас о наших семьях, детях. Ну и что я мог хорошее рассказать?..

Позабытый наш Дом.
Дверь лежит под кустом.
Холод режет огнём.
Ворон с сизым крылом
Чертит с болью пером.
Мох-лишай — серебром.
Дух-Хранитель покинул наш Дом,

«Отче Наш» не звучит уже в нём —
Похоронен с «бацькоўскім» добром.
Подпереть бы его плечом —
С мудрой Матерью и Отцом!..

25 января.

Устал от жутких снов, которые снятся каждую ночь, поэтому сменил место.

Вчера работали со Стивом, он помогает с записью. И главное — это он нас сюда «сосватал», так как услышал на одном из крупнейших этно-фестивалей. С ним с трудом осилили две песни полностью. Милан обещает другой темп записи.

Стрекотала сорока,
Что до дома далёко,
Что в голландских каналах
Потемнее вода...
В Минске грустно бывает.
А здесь — одиноко!
Но спасают молитвы —
Везде и всегда!

26 января.

5.00. Не спится. Побрился, попил чаю. Всё — не успеваем. Милан предлагает теребить хозяина «Pan Records», чтобы выделил ещё денег для работы в студии, но мы его уже знаем. Лучше отдать свои деньги — только бы сделать.

Вечером Милан сознался, что по девять часов в день работать не может. Его можно понять: мы не первые и не последние в его студии. Вечером он предложил пива и сам вышел с большим бокалом к нам: ест он с семьёй отдельно.

Отказались. Пишем трезвые.

Студия — закрытое пространство. Будто «роддом». Но на свет появляются песни — творения рук, губ, мыслей, эмоций, стука сердец, волнения, экспрессии и страха. Будто по капле наполняется чаша CD, и только конечный аккорд Милана покажет, насколько эта Чаша невыпиваема...

27 января.

5.00. Постирался, что довольно непросто сделать в детском умывальнике. Привыкаем к хорошему и страдаем от неудобств. Я мечтал об отдельной комнате.

Режим привычный: завтрак — студия — обед — студия — ужин — сон.

Вечером, правда, с Юрой Павловским гуляли. Красивые дома, дворики, в окнах свет, нет заборов. Будто декорации из фильмов. В домах люди за столами, свечи, смотрят телевизоры, кивают нам, здороваются! Приятно! Старички у телеэкрана в какой-то задумчивости — спокойствие, старость.

У меня очень страдает ритм. Но движемся. И ждём решения «Pan…», помогут ли нам с деньгами. Осталась одна песня — «Солнце». Милан не Стив — работает очень быстро, понимает нас.

Льдом тонким осени мечты застыли.
Молитвы нет, и о Христе забыли.
Бесхозная позёмка рвань несёт…
Кто знает — где, когда и что нас ждёт?

28 января.

Запись идет к концу. Вечером посмеялись: по телевидению показывали секс. Вынесли мороженое, крем, намазали интимные места и... лижут. Шоу?!

Нет связи с «Pan...» — заказчиками. А я не держу ритм, мне это сложно. Я ведь никогда в жизни не играл ни в каких народных оркестрах, и струнные инструменты для меня пока «не подъёмны». Коллеги по нотам успокаивают.

29 января.

Что-то хотели переписать, но Милан уже скручивал провода.

В 21.00 уже гуляли по пустым улицам. Говорили, говорили. Тяжёлая работа, нервы.

1-2 февраля едем в Германию. Хотим концертировать.

30 января.

Решили сходить к морю, ориентируясь по карте. Всего пять километров. Пошли «велотропами», и получилось 10 км! Но дошли! Ноги мои, ноги…

Заглянули в глубинку. Голландия — огромнейшие поля, частные хозяйства, овцы, овцы, каналы. Тучи птиц. Тепло. Солнце.

Городок Aniom: мельница-музей XIX века. Купили соку, еды и к морю. Дошли! Корабли. Пустынный берег. Бухта, маячок. Не купались. Походили и возвратились. Почистили картошку втроём, поели с огурцами. Запахло Родиной и Предками.

Приехал Мартин с новостями: есть концерт в Германии!

2 февраля.

Вчерашний день слонялись до вечера. Грустные разговоры — не видна перспектива. Схлестнулись с Мартином — из шестнадцати песен хочет в CD только тринадцать. Не люблю разборки — «послал» и ушёл спать. Устали все.

Напряжённая, однообразная работа, скованы пространством. Без машины, а то съездили бы к морю.

Мартин в шоке — мы не подчиняемся. Говорит: «Брошу!» Мы готовы. Мартин на диване в печали, но мы единодушны.

Закончили работу. Прощайте — студия, Милан, джемы, сыры, супы. Недолгое прощание, фото у студии.

Не знаю, увидимся ли ещё с этим югославом, его студией. Хотя я хотел бы когда-нибудь записать какой-нибудь «сольничек» здесь, в этой обстановке. Летом, с морем, с рыбным рестораном, ежедневно. Мечты, мечты… Хотя минская студия на телевидении тоже отличная, но тут другой дух, море, Север.

Но «Журавы…» вылетают, как и два предыдущих диска, из Голландии. Летите! Стаями! Стаями!..

Голландия… Через какое-то время я вновь нырну в минское метро. Но тебя разве забудешь?

Я плыву среди глаз.
Я ныряю в их души.
Растворяю себя,
Словно пену на суше.
Развратил стук колёс
Бестелесные Души.
Тени гордо молчат,
Только ноты мне в уши.
Руки тянет к струне,
Лишь, краснея, робею.

Горло режет фальцет!
Не гусляр, не умею…

3 февраля.

Германия. За пять часов доехали до городка Менгеде. Снег, сыро, два привычных потока огней машин — жёлтый и красный. Ломались чуть-чуть, но…

Встретились с Фридманом, его женой, слушали новый «продукт», смотрели Интернет, затем завалились спать на матрацы, прямо в одежде. Из «Рая» Фрисланд — в «Ад».

Сегодня играем концерт. Чай в час ночи. До 5.00 — без сна!

День: чай, компьютер, CD. Холодно — не топят. Вечером отыграли акустический концерт продолжительностью 1 час 20 минут! «Завели» немцев свадебной песней «Камяная печанька» — три «бисовки».

4 февраля.

Приятные концерты. Думали ли наши деды, что будут звучать их песни тут, на немецкой земле? Наверное, нет. Возможно, и мы что-то пропускаем в своей жизни, не видим, что за горизонтом. Юры ищут фестивали по Интернету.

Ужинали вкуснейшим салатом: семечки, овощи, грибы, сыр! Говорили о будущем и об отъезде. Вечером Юры «насилуют» меня: «Расскажи о любовных «походах». Да, многовато их было. Что-то «щебечу» им, веселю, чтоб не так тосковали по Родине…

5 февраля.

Ночью лил дождь, утром — будто осень или весна. Вечером гуляли под дождём.

Сегодня концерт в итальянской пиццерии. Во!

Есть билеты на 9 февраля в Минск. Тоскуем. Дома тоскуешь о трассах, кухне, других странах, концертах. Тут о доме. Вот так мчимся по жизни и «маемся». И пока не определились.

Во мне есть Чёрт и Ангел есть.
Есть правда. Совесть тоже есть.
С рожденья глуп? Учу, учусь.
К финальной точке, как «скорый», мчусь!..

6 февраля.

Вчера народу привалило на концерт! Начали в 20.00, играли тридцать минут. В перерыве нас угостили пиццей. Затем ещё играли тридцать минут. Опять пицца. Еще тридцать минут концерта. Тут уж и не полезла бы… Это я о пицце (шучу). Все рады! Улыбаются!

Настроение подпортил профессор из Минска. Козлище! Стал говорить нашему другу Фридману (на ушко), что «Троица» — это не фольклор, что у него есть «бабы в костюмах». На что Фридман — молодец — только улыбнулся.

Уверен: армянин армянина не «лажанул» бы. Интересно, как поступил бы чеченец, услышав свою музыку за «кордоном»? Или это только белорусское? Что это — зависть? Почему я с этим (именно с белорусским) сталкиваюсь везде?..

Как всё привычно вокруг у немцев — люди, магазины, магазины. Они что — не работают эти люди? Нищие, попрошайки, калеки и баянист из России. А мы в музыкальный магазин. Это интереснее.

7 февраля.

Многие здесь нам очень помогают. Один музыкант из «Хаоса» — Михель — готовит музыкально-цирковой проект: только реклама тянет на двенадцать тысяч DM. Ничего уровень! Мы целый год ищем 100 DM заплатить за сайт, который нам по дружбе организовали немецкие поклонники «Троицы». Вот тебе и разница. Он показал чуть-чуть игру на барабане — оказывается, один удар отрабатывается один год. Он раздал все музыкальные инструменты после развода с женой. И нам подарил много.

8 февраля.

Вечером пицца и водка, но «Троица» не клюнула. День рождения кого-то, но нам не до этого. Вот «сейшн» наше! Мы, французы, немцы, Михель с виброфоном, куча барабанов и «Троица». «Оторвались» со звуками! Болтали и до двух часов ночи играли.

Завтра мы готовим немцам белорусскую кухню: драники, соус и т.д. Как там дома? Морозы? Скоро увидим. А здесь солнце — теплынь!

9 февраля.

Перетёрли ведро картошки. Я — за главного пекаря. На огромной сковороде жарил сразу по семь-десять штук драников. Немцы ели — давились! Даже расстёгивали брюки, заполняя живот. «Голодные», — сказала бы моя сестра Маша.

Наш поклонник Михаил вновь подарил нам инструменты. Ему приятно, а нам тащи. Хотя каждый из подарков потом очень достойно украшает музыку «Троицы».

Тянется «немецкое» пребывание. Играли в клубе у шахтеров, где раньше были бараки. Хороший концерт, его начал Михаил в костюме рептилии с огненной феерией! Вечером перед сном я встретил Михаила в юбке — закрались сомнения. Хотя после Голландии меня ничем не удивишь…

Фридман и Мартин «расслабились», и автобус вёл Юрий Павловский. Доехали, к счастью, без приключений и полиции. Завтра —путь на Белую Русь.

Везём CD-матрицу, на которой святое — наша музыка! Будем хвалиться, родным прежде всего!

Святое семейство — Мать и Отец.
Только тускнеет жизни венец.
Горьким укором — Пепел волос.
Память — как аура мумии роз.
Если же дети вдруг на порог —
Мамины слёзы снова в платок.
Святое семейство — Отец и Мать.
Горько, обидно с годами, терять…

31 мая.

Голландия. С небольшим опозданием сначала прибыли в Германию (Менгеде). Через пятнадцать минут распрощались с Фридманом и в путь. Встречай, Голландия!

Волновались за мясо, тушёнку, консервы. Говорили, что в связи с эпидемией забирают. Слава Богу, нет постов на трассе!

Мы одни. Всё в той же «зимней» квартире: музыкальный центр, плита, холодильник, диваны. Грязно, как всегда, но взяли пылесос, убрали — стало уютно!

Мысль: живем и играем в Голландии, а в гости ездим в Беларусь…

1 июня.

Сегодня — за шесть лет первый раз — в квартире Мартина, за которую он платит 960 gl в месяц. Дом с садом на трёх уровнях. И это ещё недорогая квартира. Идёт угощение белорусской водкой. Супруге

Мартина Лаури пить нельзя — язва, а «червячок» просит. Тянет потихоньку обжигающий яд…

2 июня.

Эйндховен. Город, люди — всё знакомо. В доме Мартина у Лаури комната-мастерская: тиски, бусинки, стёклышки. Она что-то творит. В ней явно живёт творческий дух! Она ещё делает красоту на застольях. Весь дом в «реквизите»: свечи, баночки, мисочки, шайки.

Мы лишаемся Мартина? У него другие планы. С этим тяжело смириться. Он опять куда-то спешит. В комнате в горшках растёт конопля — два-три растения можно по закону.

Паутина — гамак для Росинок,
А Росинки — колье из Слезинок.
В небесах на крыльях — Будильник.
Не заметишь,
Как скоро «полтинник»…

3 июня.

Больше всего бессонных ночей из-за музея. Сколько лет его пристраивал! Везде. Сколько всего сгнило, украли! Обидно. Столько времени и денег! Сам виноват: зачем собирал? Ведь всегда с ним была проблема. А народ, знакомые, студенты привозили, дарили. Приходилось дрожащими руками приносить экспонаты домой, чистить, стирать, утюжить. Чтобы они где-то сгнили или их съела моль. Зачем же я это делал? Мне казалось, что я что-то спасал, а может, сам от чего-то спасался, прикрываясь мощным оберегом стариков Белой Руси? Моя вечная боль…

4 июня.

Руигурд. Современная деревня. Старинный костёл. Четыре подиума! Фестиваль! Люди! Дождь! Но во время выступления «Троицы» дождя не было. Неважный звук, но, в общем, хорошо. Нас слушают.

Встреча с Андреем — художником из Беларуси. Успел поговорить с ним о музее: может, что-нибудь получится?

В 3.00 меня разбудила полная Луна. «Окунайся, философ, в мысли»!

У окон Ангелы стояли —
Путь безумству преграждали.

Приоткрыл, глупец я, дверь —
Вот и мучаюсь теперь…

5 июня.

Эйндховен. Огромный светлый ангар-кемпинг. Концерт длился ровно час. Зрители подходят, слушают, восторгаются!

Еда и бассейн! Скалы, пальмы. Покатались с горок — набили бока. Много свободных дней. Маемся без дела — ждём тур. Поели, поспали — «больничка», однако. Шутим, это спасает. Гуляю ежедневно в дубовой аллее, молюсь. За шесть лет столько «обхожено» тут. Завтра перевожу музей от «Шефа» к Мартину под навес. Нужны таблетки от сердца: такое хранение что-то явно мне не нравится.

6 июня.

С 5.00 уже гулял по берегу канала. Гулял полтора часа. Утки плавают в канале, как на Комсомольском озере в Минске.

Плавают трёх- и восьмиместные лодки с людьми разного возраста на вёслах. Плывёт и «Троица» во времени и в пространстве Голландии. Пока с трудом…

7 июня.

Oosterbeers. Сауна у Поли. Обед у Лаури. Но всё это как-то формально, будто они говорили — «отцепитесь». У нас так гостей не принимают. Мартин: «Я так устал, так много работы». С годами чувствуешь более тонко, когда тебе рады, когда нет.

Пришёл отказ от Питера Габриеля: «Студия перегружена»…

Мы немного поспорили о «своей» музыке с Мартином, и родилась «Дубравушка». Удивительная песня, в которую вместились и белорусские, и голландские дубы. Я к ним припадаю, как к иконам! Здоровье и дух внутри! Прошу, чтобы такой же дух присутствовал в нашем творчестве. А что дубам? Дуб — он и в Африке дуб…

После сауны (включили её на всю, так как они не топят, а тащатся от её вида) сидели в креслах в саду, мечтали. Говорили об их «гостеприимстве». Сравнивали с белорусским. Какой же мы щедрый народ!

До отъезда четыре дня. Забираю маски и костюмы домой — портятся экспонаты. И все переживают. Забрали книги, прожектора, рушники из музея — домой, домой! Проекты с музеем пока никак не могут реализоваться. Что-то их не пускает.

Проснулся в 1.20 и ушёл гулять по ночному городу до 2.30. Про-

хлада укутала белоруса в тёмный плащ, и он наслаждался одиночеством в чужом городе…

9 июня.

Керкраде. Уютный, чистый городок с населением пятьдесят тысяч человек. Но имеет свои традиции: раз в четыре года здесь проходит фестиваль духовой музыки с парадом. Много старых людей, нет молодёжи. Вчера играли на улице. В кафе было десять человек, восемь из них подошли и поблагодарили.

Ночью проезжали рядом с огромным химическим комбинатом — весь в огнях и в лучах прожекторов. Будто город из фантастического фильма.

Видели CD «Троицы» в музыкальном магазине. Мой сольник стоит 38,50 gl.

У супермаркета дети играли на музыкальных инструментах в «шапку». Что это? Пародия на русских «коробейников»?

11 июня.

Вчера первый концерт в клубе. Столы, стенды, люди. Мы здесь были не ко двору. Тридцать пятьминут акустики и — в путь!

Второй концерт. Большая сцена, приятные люди, лица, улыбки. Хорошо выстроили программу. Народ «тащился», танцевал. В меня «влюбилась» пятидесятилетняя женщина, ходила рядом, купила на фестивале наши диски. Она мне: «В тебе есть Бог». Я в ответ: «Он меня чуть-чуть поцеловал». Со всех сторон сыпались комплименты. Благодарил православный священник-армянин, видел нас в «Антропологии». Фестиваль классный и интересный.

Но главное — мастер из Мали! Я купил себе сценическое украшение! Потрясное!

Варим походный супчик. Собираемся. А вещей! Как все загрузить и увезти? Осталось несколько рывков до Родины — везём CD! «Журавы», записанные в Голландии, летят Домой!

12 июня.

Две минуты — и мы в вагоне. Еда, сон, люди, штампы, шум немецких детей, едущих по обмену с Брестом. Завтра университет, родные лица!

Старая обойма — ржавые года.
Искупаться б в Ганге! Может — никогда?..
Тяжела телега — только скрип колёс

Рытвины, ухабы… Взрослым не до слёз?
Небо сыплет солью. Бог зачтёт труды?..
Улетают души в Райские Сады.
Камни на дороге, мрамор на груди —
Сброшены оковы! Вечность впереди…

ОГНИ! КОСТРЫ! КУПАЛЬЕ!

22 июня.

Польша. Люблин. Мы выехали из Минска в 24.00, спугнув пьяненьких выпускников, удивив многих педагогов: а чего это я не побежал за праздничный стол? Эх, вы, не понять вам — есть святое. Это работа в «Троице»!

Ночь. Скорость. Дорога. Профессионал за рулём. О, чудо — проходим без очереди границу! Радость — прошли. И грусть — что-нибудь изменится в мире или нет? Интересно, как прошли бы границу НЛО?

Успели до пересменки. Бумаги. Паспорта. Сонно-припухшие пограницы. И вот она, «родная Поляндия»! Солнце. Морит сон. Засыпаем. Не выдерживают и профессионалы. Дрём на заправке. «Водила», чувствуется, боится за свой автобус. И это нормально — не шалопай. От границы до Люблина — 150 км, после наших «балканских» перелётов такие расстояния — семечки!

Люблин готовится к празднику, как невеста. Чистится, моется, прихорашивается. Замок на горе — как Идол-страж — важен и величественен. Кажется, сейчас он рассматривает «Троицу». Ну, как мы тебе, громила?

Нас встречают, расселяют в старинном здании, пристроенном плотно к костёлу. Молодые монашки кормят нас, хоть мы и опоздали на сорок минут. Воспоминания: в 1998 году здесь была «Троица». Поляки помнят: в 1999 — Дмитрия Лукьянчика, а в 2000 — «Крыві». И вот снова мы!

В «гостинице» (скорее всего, здесь монастырь, кельи) тихо, чисто. Моросит дождик, что не очень радует. А в воскресенье домой. Не успеваешь порой опомниться — так быстро мелькают дни «бродячих» музыкантов.

На границе встретили в очереди группу «Юр'я», они ехали на другой польский фестиваль. Приятно, что вообще белорусы выезжают! С ними мастер по народным инструментам Виктор Кульпин, его жалейки звучат в «Троице».

Сон в монастыре — не сон.

В полнолунье — лес под одеялом.
В полнолунье — грёзы-мотыльки.
Улетают, ветры раздражая,
Тётки-ведьмы расставлять силки.
В полнолунье, стёкла раздирая,
Заползла нахальная Луна
И зелёным тембром проскрипела:
– Ты — один?
И я — совсем одна!..

23 июня.

6.30. Уже побродил по сонному старому Люблину. Это любимое моё занятие. Я будто вхожу в чистое, свежее пространство города, где ночь оставила свои следы, а рассвет красной метлой выметает плохое. И я в этом «замесе»! Башни, костёлы, старые дома, артгалереи, фонари, кафешки — чисто, красиво. Старинные плиты и рассыпающиеся камни древних строений — как и всё в нашей жизни. Старый город стоит на возвышенности, а внизу «толпится» современность. Не достанет! Пока не состарится.

Вчера болтались по магазинам. Сбылась, наконец, моя мечта — я купил все диски Чеслава Немена!

Опять опоздали на ужин. О, бедные монашки!..

Вечером не покидали мысли о монашках. Неужели «ничего» не хотят — с парнями, красивыми мужчинами? Такие молодые! Как так владеть собой? Научите! Наверное, мне поздно. Живут ведь не в полной изоляции — мужики снуют, я в шортах... Хотя современный мир не радует красотой и здоровьем сильной половины: мужик — алкоголик, мужик — бандит, мужик — лодырь и т.д. Наверное, для них — выход. А для мужиков? Если не бандит и не (очень) лодырь?..

Голова — как арена. А мысли, как кони:
Мчатся кругами с храпом и шумом,
С брызгами пота.
Лупят копытами по голове!
Кони без всадника? Мне не сдержать их!
Лишь наблюдаю разгульный голоп.
Мысли, как кони — по кругу, годами...
P.S. Может, пристанут —
И мне станет легче?..

24 июня.

Агнежка — наша старая знакомая, водила нас по старому городу. В Люблине моросило, попали на смотровую башню. А внутри башни — музей! Скульптуры, выставки. Панорама! Растворяемся в старине. Кажется, такого святого я тоже когда-то вырезал из дерева, в одной из своих жизней. Уж больно всё мне в нём знакомо, до зазубринки на ладони.

Уже после саундчека все благодарили, просили диски. Так что, может, нам уже и не играть?

В театральном кафе посмотрели спектакль о польском еврее, который пошёл на базар, уснул у дороги, и ему переставили сапоги. Он вернулся домой — к жене, к детям. Думал, что он в другом городе. Хохма! А какая игра актёров!

Народу вечером прибыло. Площадь заполнилась. Огни! Костры! Купалье! Много свечей у людей в руках — огненная река. Хороший звук, хороший свет. И много еврейской музыки.

Мы выступили хорошо, с настроением, ровно, гладко. Народ визжал, кричал! Приличный звук — хороший концерт. Много отвечали на вопросы. Сегодня ещё интервью, потом немножко побегаем по магазинам и — в Белую Русь!

Странно: в глазах поселилось польское «купалье» — огни, костры, экран, где мелькают музыканты в экстазе. Искры — как Души Предков, улетающие в чёрную дыру ночи. Предки, посетившие нас, — чудо этой ночи. Волнительно. Предки — всегда волнительно. Мне кажется, они неустанно следят за мной. А я столько сделал ошибок в своей жизни — стыдно. От них нигде не скроешься…

Изловчился соловей в сирени —
Самок расстрелял из трелей…

25 июня.

Дорога до границы без проблем. Завтра работа с фотографиями, с архивом. Так всегда после поездок: я привожу в порядок все материалы. Это всё благодаря отцу, научил: «Пройдёт время, забудешь, лучше сразу, по свежим следам».

Хочу в Лиду к родным. Хочу визу (без проблем) в Голландию. Хочу концертов, поездок, много.

Мои раздумья в тишине,
Мои желанья при Луне —
Всё, как невидимый клубок…
Распутать может только Бог.

ЧТО-ТО В ЭТОМ ТОЖЕ ЕСТЬ!

24 июля.

Минск. День сборов. Ливни, жара 31 градус. Где-то наводнение… Не конец ли Света? Что-то происходит во всех странах мира. И в душе. И в теле.

Сыплет зёрна золотые
Хлебный Бог.
Дай нам, Боже, людям бедным
Полный рог.
Зёрна в колосе — младенцы,
Их не счесть!
Булки — гимны Световиту.
Труд и честь!
Сноп — как продолженье Рода —
В этом он!
Богачу — обряды, пенье
И поклон!

26 июля.

Голландия. Эйндховен. Нет любимого фестиваля «Oerol». У нас всего семь концертов — совсем не весело.

По дороге «ушла» визитка в Германию. Кто-то из «сябров»-белорусов уже семь лет живет в Германии, знает нашу музыку, восторгается. «Сябры» в Беларуси — вряд ли…

27 июля.

7.30. Вернулся с прогулки. Дубы, липы в ожидании солнца. А оно уже с утра жарит! Что в Беларуси, то и в Голландии...

Вечером гуляли, подошли к искусственному озеру. Оно огорожено. Вход детям до 12 лет — бесплатно, с 12 лет — 5 gl, с 60 — 2 gl. За всё плати? Видели у озера «колонии» зайцев! Их не трогают люди, собаки. Такое вижу первый раз. Где Мазай, где Герасим?..

Раздариваем «дар Божы» — водку. Лаури много пьёт.

Десять дней без работы. Шок! Сегодня «Bladel Fest» — часовая программа.

28 июля.

Отличнейший концерт! Много музыкантов! Уличный театр — ходули, огонь. Сцена — девять мониторов. Учись, Минск! Дождь загнал публику под навесы, а мы «давали»! Давали в это мокрое месиво белорусский фольклор. «Шеф» выскочил в подтяжках, ближе к сцене, стал пританцовывать — завели!

Играли ровно, в «кайф»! Дети сидели на краю сцены завороженные! К 14.00 заполонили всю площадку. Многие благодарили нас, мы раздавали автографы.

Устали. Еле доехали домой. Мартин звал еще в бар. Отказались. Спать!

29 июля.

Прогулка семьдесят минут — ежевика, роса и сломанные бурей верхушки тополей. «Так летят и родовые ветви», — подумалось.

А городские улицы пустынны. Утром видел двух старых рыбаков со стульчиками, под большими зонтами. Это рыбалка? Эх, Голландия! Надо им подарить динамит или метров двадцать сетей… Шутка.

Вечером страдаем без дела. Музицируем, больше Юрий Дмитриев.

31 июля.

Прожили три дня без концертов. Вчера были на авторынке. Машины стоят от 1 до 8 тысяч gl. Немного спорили о ценах. Многоязычная публика, хватает бандитских рож.

Вечер. Инвалид на коляске, похожей на операционный стол, лежит, смотрит в зеркало и лёжа едет, управляя дистанционным пультом. Он — гуляет…

Я заскучал по университету, студентам, сценариям. Сегодня ужин у Mari. Она — родная сестра Мартина. И он будет ужинать у сестры — первый раз за десять лет! Мне это дико. «Шефу» закатил наш концерт — благодарил.

У Мари чисто. Собака играет с мячом. Два парня хозяйничают у неё в доме. Один готовит на кухне, другой гуляет с собакой. Трое в семейных фотоальбомах. Лишь бы на здоровье!

Давали концерт в кафе. Шум, гам. Обстановка, как на вокзале: все галдят, улыбаются. И пиво, пиво, пиво… Только успевают нали-

вать. Инвалид в коляске в баре, добрые глаза. Играли два раза по сорок пять минут и на «бис». Мы удивили их. А они нас: на стене афиша «Русский виртуозный бэнд». Так что, старушка Беларусь, тебя ещё никто тут не знает.

2 августа.

Проснулся. Сидел на балконе, написал сонет, смотрел в ночь. До раздражения много говорим об автомобиле, который хочет купить Юра. Завтра концерт, скорей бы.

У меня есть идея сольного проекта в Японии. Готов сценарий и костюм. По ночам «рожаю» и костюмы, и сценографию! Прёт!

4 августа.

Среди полей и ухоженных деревенских хозяйств проехали в городок с высокой церковью из серого кирпича, с городской скульптурой — быки, лягушки, черепашки. Здорово! Пивбар. Решили играть на улице. Собралось шестьдесят зрителей, мы играли и пели семьдесят пять минут.

Нас кормили рисом со жгучей приправой: еле заглушили костёр в желудках соком.

5 августа.

Венло — уютный красивый городок. Сцена, охрана.

Мужик работает на этом фестивале за пиво и еду. Фестивалю двадцать пять лет. Дождь, мало людей, плохой звук.

В Амстердаме в одной церкви уже двадцать лет собираются поклонники Луны. Надо посмотреть, что это такое. Едем туда.

6 августа.

Амстердам. С такой радостью ехали, взяли все инструменты. Долго искали церковь поклонников Луны среди заводов промышленной зоны. Приехали, а церковь закрыта. Около неё — глаз Шивы, каменные губы. Молодежь возлегает на траве.

Рядом сараи-бары. Вокруг мотоциклы, собаки, бородатые байкеры. На ветвях глиняная голая женщина раскинула руки. Где мы? Это что — фестиваль?

Далее по берегу канала странные скульптуры и такой же вычурно одетый, разношерстный народ. Странные головные уборы, часть босиком.

Говорят, что здесь собираются все: от простых смертных до священников и сибирских шаманов. Барабаны не смолкают часами! Ки-

битки, шатры, «фигвамы» и деревянные идолы. Скульптура: женщина наполовину в земле — будто из неё вылезает. Жутко…

Музыка, дым «травы» и пиво! Палатки, авто, вагончики, кострища, посуда, туалеты. Кто в чём: женщины в мужской одежде и наоборот. Но все приветливые, весёлые, дети ходят, пританцовывают. Свечи, факела. «Свободная любовь» у собак и людей.

Увидев «это» у Юрия и у Юры упало «всё», включая настроение: «Зачем мы сюда приехали, какой концерт?» Когда? В 17.00, 18.00, 19.00? Никто не знает.

Погуляли по берегу бухты. Плыли суда, яхты, парусники. Посидели у воды около часа, вернулись злые и голодные. Я — посмелее, отобедал вегетарианской пищей.

Перед нами выступал уличный театр из Саратова. Ездят на корабле «Азарт», играют разную музыку (кларнет, виола, клавесин, гармошка) в старинных костюмах. У них есть спектакли с приглашёнными европейскими актёрами. Ездят около полугода по всей Европе.

Мы сыграли хорошо, невзирая на голод и паршивое настроение. У многих «лунатиков» шикарная фото- и видеоаппаратура. Они активно нас фотографировали. После нас играли румыны.

Подумалось, глядя на «лунатиков»: пары, дети, а поехала бы моя жена в такие условия? Конечно же, нет. Условия давай! Юга, море. А я бы поехал. Интересно. Что-то в этом тоже есть!

Мне вздремнулось на трассе — и 100 км дороги пролетели во сне. В 2.30 разгрузились и — спать. До свидания, фестиваль «лунатиков»! По дороге видели возле Амстердама поле — «этно-данс», где было пятьдесят тысяч танцоров!

7 августа.

Остэлбирс. 6.40, а я уже час побродил по сонному городу. На улицах только почтальоны и барахтающиеся в каналах утки. Грустно и хорошо в обилии витрин и шума открывающегося рынка. Храмы и звон колоколов на разные мелодии.

Утром должны ехать на авторынок, хотя у нас больше расходов, чем доходов. Много просидели без работы, проели. Кто-то нами должен серьёзно заниматься!

Город ещё спит, а улицы моют, чистят. Светятся часы на башне, звучит — «бом, бом». Ещё один «бом» прожил.

В ноябре снесут клуб «2В», а ведь «Троица» начиналась именно в «2В» в 1996 году.

19.00. Юра Дмитриев купил автомашину! Событие! Наши нервы, дождь, поиск рынка. Шесть часов — отбор, «отсев», цены, люди. Одуреть! Когда купил, ещё час искали банк оплатить.

Из смешного! Мартин хочет, чтобы я «строил» «Троицу», как генерал. Не тот характер. Да и не умею я. И отношения от этого между нами лучше, прочнее.

Когда-то, где-то Мартин «нашёл» двадцать пять тысяч DM и строит гостиничный дом в Сараево. Я говорю ему: «Брат, помоги. Дай мне на квартиру!» Молчит. Потом добивает: «По триста DM откладывай». Смешной совет. Я соберу нужную сумму к семидесяти годам. Да, помощи от «заграницы» не жди…

9 августа.

В 2.00 лёг, но уже в 5.00 не спал. Вчера играли «проводы на пенсию»: шефу — 65 лет. Дискотека, костёр с копчёной рыбой, стол с пивом и «Троица». Нелли — его жена — угостила всех супом. Народ дарил простые подарки: книгу, бутылку, CD, каменный «член» с блестящей головкой…

Мы сыграли тридцать пять минут. Мартин сказал, что это вечеринка и «на бис» не будет, ещё играйте, если хотите.

Пиво — рекой. Хмельная молодёжь, дым «травы». Мартин «догнался» нашим подарком — водкой «Жытняя». И только потом мысли: «Зачем концерт? Кому?»

Доживу ли я до шестидесяти пяти лет? Что буду иметь в отличие от этого седого старика?

Уже всё раздражает — нет будущего и здесь! Эти важные голландцы Сан и Мартин не занимаются «Троицей». Наши грандиозные планы в Беларуси — и рыхлая реальность в Голландии.

Два дня до отъезда. Дорога домой на «своём» авто. Мы полны волнения и тревог.

ТРИПТИХ

I. Травка — иголочка — ?..

Ему показалось, что Он вылетел светом из чёрного нутра, будто первый крик новорождённого, показав всему Миру заспанное лицо Корвизара. Вокруг него в звучащей тишине медленно вращались незнакомые разноцветные планеты — грудастые, с застывшими странными гримасами... Вдруг его тело замерло, потекло живицей, потом стало тёмным плас-

тилином расползаться то в длину, то в ширину, то в высоту. Сознание оголило розово-фиолетовые нервы, и перед глазами стремительно замелькали невиданные доселе фрагменты. Вот дряхлая Луна важно и молча рассыпала свои жёлтые семена-знаки по чёрному, гладкому столу неба и уместила двадцать восемь дней в одну секунду его жизни. Вот небесные монахи в священной мандале расположились для тайного гадания. Разложили на потухающих, дымящихся, рыхлых звёздах духовные камни с голубизной, горный хрусталь, глубокие позолоченные чаши для жертвенной небесной крови, алмазные острые ножи. Удивились: «Ты куда?»

Огромный Рак на ноге Геракла, борющегося с многоголовой Гидрой, больно ущипнул Его клешнёй. Он жалко взвыл, затем закричал что есть силы — больше от страха, чем от боли. Но не услышал своего, казалось, громкого голоса. Вдали — ветхий азимут: сонная Дева перебирала бледными костлявыми пальцами будто облезшие чётки — тонкие нефритовые пластины на золотых и шёлковых нитях. Они звучали заворожённо.

Хотелось задержаться, слушать ещё и ещё. Но какая-то Сила толкала дальше, дальше в чернеющую бездну, манящую огоньками и звуками. И Он полетел, едва задевая босыми ногами входящих в транс в звёздной пыли дремучих дельфийских жрецов.

Хиромантия неба безжалостно полосовала бесцветное тело, лохматила волосы, которые чёрными жгутами хлестали бледное, испуганное лицо, обнажённые плечи: «Как ты мог?»

Зелёный Скорпион ужалил Ориона и было бросился за Ним в погоню. Но Меркурий потёк серебром, взмахнул в испуге крыльями, подобно аисту, и отсек свои восемьдесят восемь дней. Где-то рядом заполыхали кварцы-обереги и потухли: «Жаль тебя».

Испепелённая геометрия Его души не понимала, что же происходит на самом деле. Первый подвиг Геракла весело вильнул хвостом вслед: «Эй, глупец!»

Из причудливого звёздного ковша в сухое, обветренное лицо хлынула вода святой Параскевы. Но он не ощутил ни тепла, ни холода. Святой Николай на майской, свежей, тёплой, только что рождённой Земле смотрел с грустью: «Зря ты это». Вдруг отчётливо, будто в амфитеатре, Он увидел феерическое зрелище, в мгновении уместившее тысячелетия —

рождение Земли и, сразу же, ее Смерть — гигантскую дыру-пустоту во Вселенной. Стало нестерпимо страшно. В шоке Он заметался по сторонам, дико оглядываясь. В давящей тишине слёзы Архангелов упали в серо-жёлтые осенние Весы: изумруды, бериллы, эвклазы, фенанины застыли причудливым ужасом. Огромный Лебедь бесшумно, гордо проплыл рядом серебристой паутинкой, блеснув листом на Солнце: «Ещё год можешь вычеркнуть». Не смея сопротивляться происходящему в себе, Он всё больше входил в раж. У потухающего кратера августейшие берендеи в воздушных балдахинах, как встарь, восхитительно плясали танец-молитву вокруг каменного Алтаря из застывшей лавы, напевая что-то земное, знакомое. На чёрном фоне мощный кентавр Хирон в ожидании мускулистого великана амурничал с бесстыжей Венерой. Он крикнул вслед: «Человек-звезда? Посмешище!»
Смолистые ароматы дыма обволакивали мозг. И в этом хаосе планет, тел, фигур, света, музыки слышались отрывки фраз: «Поганец! Лихач! Тьма! Дымящая соска»!..
Его окружал ужас, а в душу, раздвигая худые рёбра, вползало зубастое страшилище. Хотелось вылезти из этого жуткого, вонючего панциря. Увязшему во времени — вынырнуть!
Собрав последние силы, отупевший, он как-то ворвался, втиснулся, со стоном вошёл в границы своего тела. Вновь увидел дневной свет.
Ух, Травка!..
II. Игла-ехидна хитро, по-свойски, нырнула в пугливую, изуродованную вену. Жар лавой потёк в обиталище без мозга. Калейдоскопом неземных красок блеснул небесный аквариум, отшвырнув, будто штормом, татарского непрошеного гостя: «Пошёл ты!»
Он летел, летел через чьё-то прошлое, своё настоящее. Морской Козёл с рыбьим хвостом взглянул из глубины мутного серого Нила: «Тебя что — не предупредили?»
Рядом рыжий Бог Грозы сизой дымкой лихо влетел в бархатный зной, ужаснувшись растянувшимся на многие километры мужским конечностям : «Ещё одиннадцать лет прошло».
В этом адском полёте Он случайно качнул Ковчег Ноя, освящённый гранатом. Получил пощёчину — чёрную метку. Её зарубка зияла, развалив кожу, ткани.
Удивлённая увиденным, сирена с хвостом рыбы тихо спросила: «Ты знаешь о своей Голгофе?» Его тело летело всё дальше

и дальше, кубарем, в тёмных лабиринтах входов, выходов и Пространств. А застывшая музыка рун на кожных узорах Неба заполнила и без того трещавшую голову. Казалось, не выдержат, лопнут чёрные зрачки в обуглившихся глазницах. Свалившийся внезапно Вселенский Сезон Дождей смыл Эроса и Афродиту. Те превратились в красивых рыб и нырнули в глубину Неба, не обратив внимания на Его рваное, расползшееся тело, на обрывки окровавленных вен, ошмётки жил.
По потухшим кометам, как по брусчатке, скрипела огромная воздушная Повозка Времени. По чьей-то неосторожности с неё упала Виноградная Лоза золотисто-жёлтого сияния, за которую Он жадно вцепился слабыми, окровавленными ладонями. Уже не было прежних сил. В звёздной каше растворилась надежда. Вдали, прощаясь цветами, летел голубь к Венере: «Ты еще прожёг 224 дня». А обезумевший табор ртутью двигался в чёрной тишине дальше! Больнее! Казалось, тысячи игл, ощетинившись дикобразом, стократно творили своё дьявольское действо. Нечистоты, как бесноватые времен Миссии, с криками обрушились в каждую клеточку, в каждый уголок его огромного, разбухшего тела. Эту громадину-тело бросало то в арктический холод, то в вулканический жар. Седой Хронос сердито, с укором отсек серпом сразу двадцать семь лет жизни этому обезьяноподобному клейкому изваянию, вставшему на запретный путь. Затухая, скорбили языки пламени св. Ильи. Рядом в истерии вертелись многотонные кометы-дервиши, злились на никчемное, земное создание. И, подражая Грому, молотили в ярости в бронзовые космические гонги, содрогая Миры и Галактики... Огненный Марс уносил на крыле красного ястреба ещё почти семьсот дней. Горела кожа, но было холодно внутри, на мгновение замерло сердце. Корсар-кипяток звериным коктейлем устремлялся всё дальше, в почти бездыханное тело... Набухали, лопались конечности, пропадали, вновь появлялись и вновь пропадали. Лихорадило. Несостоявшийся плод тихо летел на Череп Адама. Откуда-то из темноты вылезли страшные серые крысы-мерзавцы. Моренами вгрызались они в его нутро. Было противно, больно. Истерзанный, Он скричался немым криком. Но всё больше подползало озверевших оборотней. Нарасхват рвали они ватное тело, давились жаром, захлёбывались горячей кровью, как резинки растягивали вены, грызли

белые сухожилия. Кошмар казался вечностью... Обманутый поработитель, рыдая, Он пополз на костях, таща за собой останки тела, уже не чувствуя боли, отбиваясь обглоданными конечностями от нечисти. Мокрый, грязный, вонючий, как только что вылупленный птенец, с огромной головой и дохлыми, слабыми конечностями, Он полз, полз с одной мыслью: «Выползти и тогда... больше никогда...» Без зрения, без слуха полз в жерло удава-привычки: «Никогда, никогда, ни — ког...»
III. Адовый взлёт оборвался. Блудный выкидыш не вполз во Врата Времени.
Вытряхнули гадёныша из Рая, из Ада. Не воскрес...
Оголив пузо, лежал он кадыком в Небо, проткнутый слизняк, заглянувший за Горизонт. Гнойник из грёз. Доколола демоническая доза. Дурёха — единоличник. Он запер дверь в Жизнь. В свои семнадцать прожёг все сорок четыре. Тощий позеленевший труп. Дряхлый старик-пацан.
Над потухшей свечой февраля вяло порхала Его Душа. Отмучилась. Изуродованная, заплаканная, блеклая, как рано состарившаяся Мать. «А что же дальше?»
Теперь — темно и пусто. Навсегда? Да!
Травка — иголочка — Аминь.

10 августа.

С 5.00 до 6.10 вновь гулял. Голландские парни на велосипедах спешат домой спать. Закрываются клубы. Прохлада храмов, молитвы, витражи, прикрытые мелкой металлической сеткой, — видимо, чтобы пьяные туристы не побили...

Сегодня экстра-концерт на улице: в рамках театрального фестиваля. Работа! Долгожданная, любимая.

Захотелось домой — увидеть маму. Мне —сорок два, а всё ещё в сознании её слова: «Глядзі, з рамачак не выходзь...» Всё равно выхожу...

Плачет Ладан:
– Греховодник!..
Вой душевный. Пустота.
Вечер гладит стопы Ночи...
– Сирота ты?
– Сирота.
– Где Адама половинка?

Дымка. Утра полонез...
– Ты рассыпал слёзы маком,
В паутине грусти весь!
Как канаты твои Мысли,
А желанья — как капкан.
– Я один такой на Свете?
– Да!
В ответ летит:
– Об-ма-н-н-н!..

11 августа.

Вчера днём искали Рони Дру (известный музыкант из Ирландии, группа «The Dubliners»). Но «звёзды» не спешат на свой концерт. Ходили, слушали других: венгры — спид-фолк — ой, дали!

На небольших сценах акустические концерты семейных групп. Их тоже слушают.

Увидел близко шотландские волынки. Ужасно хочу купить, но очень дорогие. Не дождавшись Рони, уехали на свой концерт, на юг Голландии.

А вот и он. Площадь небольшого городка, фанерный подиум, весь в цветах. В общем, пришла «вся деревня». Стояли, молчали, слушали, силились понять «Троицу». Концерт без «биса». И такое бывает у нас. Не дошло «высокое белорусское искусство» до местных голландцев!

Дорога обратно. На ходу перестраиваем программу: не «зацепили» белорусским. Оказывается, здесь у границы с немцами, очень популярна духовая немецкая музыка, марши.

12 августа.

Фестиваль! С 11.00 до 12.00 ходили, слушали, смотрели инструменты. Волновались. Но концерт прошёл на одном дыхании. Хороший звук, свет, голодный зритель. Дед рисовал с меня «икону». Все благодарили. Мы понравились. Есть крутейшие коллективы на фестивале, но и мы чем-то людей цепляем.

Встретились с Рони Дру — фото на память с «живой легендой».

13 августа.

15.00. Тилбург. Мысли уже в Минске, хотя едем на авто. Забираю из музея маски в свой университет — нужны. Сборы в дорогу. Закупки.

В пустой машине, без инструментов и багажа, поехали прощаться с Мартином в его офис.

И тут ломается наше авто — у всех шок! Нам домой, а в машине летит трос сцепления! Ремонт в Голландии обойдется недёшево. А в душах у нас каково? Ведь до Беларуси — две тысячи километров. Не отпускает Голландия?

Спасибо Мартину — помог, и мы в 18.30 выехали. Авто наше загружено «под завязку».

Дорога, дорога и разговоры обо всём. Германию проехали тихо, быстро, хорошо. Польша. Нас загнали в терминал и начали шаманить: платите $140! Я договорился на $120, промурыжив польских «погранцов» два часа. Идём конвоем в четыре авто. Гнали с двумя-тремя остановками.

К вечеру 15-го августа в Тересполе. Опять стоим, опять «поборы»: давай доллары, марки. Все очень устали, злые. Я готов всё отдать — только бы быстрей домой! Наконец, в 24.00 всё «это» закончилось!

И вот Родина: ночь, туман, первый штраф. Но как мы рады мордам нашей «доблестной»!

За спиной две бессонные ночи, стихи, мысли.

В 8.00 — Минск, сестра Маша, чай, рассказы. Ещё один тур — и милая, желанная работа ложится в архив. Но скоро, знаю, затоскуем по границам, «погранцам» и, конечно же, по концертам! Порой мы напоминаем горошины, которые высыпались из стручка. И нет им возврата. И судьбы у них разные…

Чем дальше глупость убегает,
Тем ненадёжней Сердца тыл:
Сухих горошин уж не ждут у Края —
Ковчег Надежд давно уплыл…

ЯРМАРКА МУЗЫКИ

23 октября.

Держу курс на Германию. В купе два попутчика: один с бабой, красная морда, коммерсант. Другой — художник, охотник, бывший лесник — 1928 года рождения. Художника зовут Анатолий. У него такая же белая борода, как и у меня. Анатолий учился в Петербурге, затем работал лесником в Сибири. И вот в семьдесят три года едет работать в Германию — похвально. Расписывает стены, гаражи за четыреста-пять-

сот марок. Пример для подражания...

Я давно не ездил один. Всё по-другому, и еда не в кайф. Рядом в купе щебетали о поездках в Италию. А я думал, что только я путешествую.

24 октября.

Германия. 6.15. Через два часа Дортмунд. Все пассажиры живут ожиданиями и встречами. Захлёбывается светом ночная Германия — не экономят.

11.40. Меня с моим объёмным багажом и инструментами никто не встретил. Еле дотащился от электрички до клуба.

14.00. Клуб, друг Фридман. Здесь всё, как прежде. Милые лица, обнимаемся, целуемся.

Пиццерия. Я и английская группа. Они живут возле Стоунхенджа. Шеф ресторана меня узнал — радуется. Фридман усталый: вчера после концерта английской группы резвились. По лицам видно — было хорошо. Обменялись CD.

Ржавая осень,
Лопнул каштан.
Утренний иней —
Сказка? Обман?..

25 октября.

Голландия. 8.30. Роттердам. К вечеру приехали с Фридманом на место. Мартин встретил холодно. Было видно, что Фридман обиделся. Сан сделал промо СД — идиот, неграмотно. Он явно не соображает, чем одно от другого отличается.

Womex — международная ярмарка музыки народов Мира. Чувствуется сила мероприятия. Оформили стенд, поглазели на других.

Живем у Пита — друга Мартина. Он — гитарист, ему под сорок пять лет, с ним милое «дитя» лет двадцати — вегетарианка. Вечером пришли негритянки. Пиво. Угостил «белой». Как они пьют по десять граммов и без закуски? «Чёрные» ушли в гостиницу. И пришли голландские девушки, позже выяснилось — лесбиянки. В 3.00 я, огорчённый от таких встреч, отошёл ко сну. Нет гармонии в стране каналов?

26 октября.

8.30. Роттердам. Пятьдесят стран, стенды, CD в руки — и пошли работать. Встретили Лайоша, который прилетел из Будапешта. Он в числе

организаторов международных фестивалей. Взаимный восторг! Он и его друзья говорили, что «Троица» — одна из лучших этно-групп в Европе. Рабочий день закончили в 18.00.

Я, Мартин, Лайош поехали ужинать в турецкий ресторан: анисовая водка, мясо, приправы, турецкое пиво — все вкусно! Разговоры. О, мой бедный английский!..

В 23.00 заехали на Womex. Концерт — негры, выступающие без эмоций, аргентинцы в кафе. Могли тут сыграть и мы. Норвегия — электрогусли. Увидел старых знакомых из Роттердама. Получил каталог «Pan Records» — здесь моих три CD. В каталоге собраны этнические коллективы за двадцать пять лет. Вот это результат! Только оценит ли его Родина?..

27 октября.

8.30. Руигурд — местечко недалеко от Амстердама. Утро после «шумного бала», который тянулся до 2.00 с друзьями Мартина. «Вомекс». Устаю, улетаю в мыслях, желаниях. Столько фестивалей, страх!

Мартин репетирует здесь с рок-группой. На берегу реки музыкальный центр с комнатами. Хочешь играть — плати пятьдесят гульденов за три часа.

Пока они играли, я гулял по городу. Красив вечерний Роттердам! Купил еды, поел на скамейке, погрустил о «Троице»: без ребят — одиноко.

Сугробы листьев — тепло корням.
Проснулся утром — не верю снам.
Дрожит травинка — начало дня!
Вьёт паутинку Судьба моя...
Секунд всё меньше в печалях дней...
А счастье — лица родных, друзей!

Посидел в баре с пивом. Потом спас Мартина от штрафа размером в восемьдесят гульденов за оставленный на причале автобус.

Вечер — та же программа у ребят, а мне купили бутылку бельгийского дорогущего пива. Открыл. Все удивились, что я угощаю. Дискуссия до хрипоты: их панк-музыка и мои белорусские песни.

«Аккредитацию» передаём нашим друзьям голландцам, и они платят за одну персону по сто восемьдесят гульденов в день. Это порусски — нахально. А по белоруски — экономно!

28 октября.

1.45. Womex — ответственное и очень тяжёлое мероприятие, если хочешь понравиться. Устаём. Всё прошло.

Дорога, поиск церкви. Церковь — клуб поклонников Луны. Барная стойка на месте алтаря, сцена, микрофоны, нет икон, нет крестов, театральный свет.

В 23.00 я должен играть сольник сорок — сорок пять минут.

Но приехали болгары в составе — кларнет, аккордеон, саксофон. Как дали! Мне после них сложно было выступать. Нужно пересмотреть мою новую программу «Крест». Ещё работать и работать. Вроде благодарили, но зазвучала фонограмма каких-то восточных танцев, и все бросились танцевать, будто только и ждали этого.

Нас завели в «hotel», Мартин ушел пить и болтать, а я спать. Храм и его «начинка» явно не давали уснуть.

29 октября.

Гемерт. Утром по-идиотски «выли» странные петухи. Встали, перевели часы и поехали на море. О, море! Люди гуляют, собак выгуливают, а тут — «морж» из Республики Беларусь!

Далее — Амстердам. Бесконечные пробки: в час продвигаемся на 300 метров. Все злые. Но какая пища для глаз — только смотри!

Забрали Лайоша и — в Эйндховен.

Вот так встречают гостей в Голландии! Лаури даже не встала с дивана к «гостям». Мартин сбегал в китайский ресторан, принёс еды. Поели в тишине. Потом Мартин встаёт, берет Лаури и говорит: «Мы пошли спать». А Лайош — в гостях — хочет выпить. Засел с ним — разговоры, шутки, смех, без хозяев. Лайош везет сто CD с ярмарки музыки, я — шестьдесят.

В 14.00 выступление по радио — уже третий раз. Исполняю три песни без интервью. Передача о политике, а я в паузах пою, стараюсь. У людей — шок. Мне нужно совершенствовать игру на музыкальных инструментах. Это не уровень. Когда?

Сегодня сауна, ужин у Сана и мой концерт в кафе. Планы, страны, континенты. Сам фестиваль был на растущей Луне. А вдруг из этого что-то вырастет?..

30 октября.

Эйндховен. Мы с Лайошом пошли гулять вдоль каналов. Мартин «занят». Гуляли в дубовой роще три часа!

Сауна у Поли — смех — холодная! Установили рекорд Гиннеса — сорок минут в сауне без пота!

Пошли к Сану в гости, и Мартин к ночи стал что-то готовить в чужой квартире. Да, с гостями тут порой поступают по-зверски. Шутка…

Мой концерт в кафе длился два отделения по двадцать минут. Прошёл хорошо. Слушали, задавали вопросы о Беларуси, о том, как живут у нас люди.

К ночи в доме Мартина Лаури предложила Лайошу «дринк», а сама с Мартином пошла спать. Я и Лайош до 3.00 «дегустировали» всё, что нашли в баре у Мартина. Шутили, много говорили о гостеприимстве в Голландии и Беларуси. После «Троицы» Лайош повесил дома карту Беларуси.

Потом я и Лайош гуляли в пригороде, любовались ухоженными домиками. Хочется такого спокойствия. Странно, живём в разных странах, а хотим одного!

31 октября.

Эйндховен. Отправили венгра в Амстердам, составили отчёт по Womex — список стран фестивалей. Сан хочет писать мой Соло-2! Хочу! Могу! Просит выслать демо-диски.

В 23.00 играл соло в какой-то деревушке. Приятная публика. И только в 3.00 — бутерброды и сон. Грущу один.

Лаури завела на «барахолку», угостила голландской селёдкой, купила мне сыр в дорогу. Я купил ей цветы.

1 ноября.

Астэн. Сегодня предпоследний мой концерт. Днём гулял — солнце. Мартин говорит, что это невероятно, обычно в октябре дожди. Насладился природой и погодой.

Еще три дня до отъезда, но уже потянуло в серую, дождливую «вайсрусланд».

2 ноября.

Эндховен. 9.00. Концерт в кафе с плохим звуком.

Были у «Шефа». Задают вопросы о Беларуси — смеются над нами и нашей жизнью. Сидят, «пожравши», кто с пивом, кто с вином, кто с марихуаной. Противно!

После концерта подсели две «русские» — армянка и украинка. Они, наверное, думали «Катюшу» услышать! Беженцы, уже четыре года в Голландии — ностальгируют. Да нет, послушайте древние песнопе-

ния славян из обрядов и праздников!

Сегодня три последних дня известного голландского клуба «2В»: его сносят. Это моё и «Троицы» начало в 1996 году. Об этом можно писать отдельно.

Голос выручает, вытягивает. Анализирую, готовлюсь, жмут руку (уже купили двенадцать CD). Это не повод к гордости, но приятно.

Солнце, канал, утки… В памяти — закрытие клуба «2В» и моё соло среди двадцати панк-рок-групп.

Молоко рассвета…
Мир во всей красе
Заново родился
В ледяной росе.
Что же душу гложет
Злая грусть-тоска?
Отцветает осень —
Пепел на висках…

4 ноября.

Уже собраны вещи, сувениры. В 20.30 в голландской колонии «2В» гремит рок, опять пиво... Когда же вы его напьётесь?

22.00. Выступление на радио: исполнил три песни, рассказал о музыкальных инструментах.

И — «домой», то есть, к Мартину, где мне отвели комнату. Ус-та-л. Вечером полные бары — шум, гам, музыка, пиво. Опять пиво?

Был на службе в Храме — первый раз за последние шесть лет. Пять священников, хор — восемь человек, дирижёр, причастие всем. Красивейший Храм, витражи. Приятные минуты!

Осень будто и не собирается уходить… Гулял в дубовой роще часа три.

5 ноября.

В «2В» веселятся по-русски: усталые, небритые. Каждый со своей бутылкой чего-то. Послушал «Martin band» с фильмом о послевоенной Боснии. Потом пошли с Саном «домой». По пути говорили о записи новых дисков. Когда? Мы заждались!

Медитация у канала: солнце, кряки уток. Думаю, что это один из лучших моих соло-туров. Мои идеи и желания «материализуются», возможно, и музей пристроится.

Дорога к Германии, ожидание поезда, прогулка по ночному городу. Как на Рождество — светло и весело.

Что дома? Как родные? Что у Маши? Мысли, мысли, как всегда…

6 ноября.

Где-то перед границей «заселили» немца: орал, потом храпел так, что сотрясался весь вагон и колёса как не погнулись. Я лежал и думал: пусть хоть что-нибудь меня огорчает.

Скоро Варшава. Не прижился я со своим творчеством в Польше и в Голландии. Почему? Что-то не так делаю или не то исполняю? Мысли, мысли, мысли…

Утром немец зашуршал курицей: «Аллес кля?» «Кля», — отвечаю. Благо, не ругательство.

14.15. Всё, таможня позади. Пограничники с лицами трактористов, расстёгнутые, наглые, важные.

Немец, не зная ни единого русского слова, едет жениться. Показал фотографию невесты — светлая белорусская девочка. У него ресторан, не пьёт, имеет авто, болит спина — это всё, что я смог понять с немецкого.

А вот и Брест. Меняют колёса. На дворе тепло, как в Голландии. Мысли, планы на будущее. Пока живу — дышу. Должен.

Я дома. Люди, лица — вроде бы и родные. И лишь метро «отрезвляет»…

Я тебя не поцелую,
Я к тебе не подойду
И к щеке твоей в румянах
Я — увы! — не припаду!
И хоть ранила ты всё же,
Улыбаешься хитро —
Но не стала мне дороже.
Ты — попутчица в метро...

ДВЕ ПАСХИ

Тени верующих не спеша, молча тянулись в ночной темноте к Храму. Светящиеся окна будто звали. Я, сестра Мария и мама подошли к Храму за пятнадцать минут до начала службы. В Храм не смогли войти: много народа! Хорошо, что не будил сына Ваню, — замёрз бы, да и не воспитал я у него любви к Вере.

У входа плотная толпа, человек пятьсот. И полная тишина. Ожидание.

В этом году мы решили пройти три раза вокруг Храма в процессии — так делали верующие всегда, пока разрешали власти.

Более сорока лет мама и папа пели в этом Фарном костёле в хоре. Естественно, рядом мы — дети. Когда-то мама, как «в бога верующая», лишалась премий на работе, переживала за работу отца в РайОНО, за «гонения» на нас в школе. Мы были будто проказой меченые. Мы, дети, прятались среди хористов, но нас выслеживали, ловили. «Какие глупости», — думаешь сегодня. А тогда? Вечный страх, что поймают пионера при входе в костёл или при выходе из него.

Думал ли я тогда о Боге, о молитве? Вряд ли. Народ с детьми на Пасху в Храм, а у входа — учителя с блокнотами. Так меня «сдала» учительница по пению.

Сегодня можно свободно ходить, верить. Надолго ли? А в памяти плотно сидит тот детский страх…

Из колонки, вывешенной над входом для тех, кто не смог войти в Храм, донеслось начало службы. Небо темнело, было прохладно, сползала чернота ночи-траура. Вдали, на окраине города, виднелись зачатки рассвета. Он Воскрес! И Рассвет, и День, и Солнце, и Христос!

Со звонами, хоругвями, цветными фонарями, песнопениями и другими атрибутами обряда поющая пелена поплыла вокруг Храма. Да, всё можно, можно выпросить молитвами и выходить ногами. Столько примеров даже среди родных.

После первого круга часть верующих повернула в опустевший Храм. А ещё два круга? Что ж, каждый по-своему честен перед Богом, перед людьми, перед собой.

Мы с сестрой поспешили за мамой, которая почему-то пробивалась к ксендзу и громко пела. Бывшая хористка. Жаль и ее, и других, кто отпел десятки лет. Маленькая трагедия людского хора. Из-за чьей-то глупости теперь страдают и очень переживают больные пенсионеры-хористы. Сегодня, отпев праздники, свадьбы, похороны, по три службы в день, должны прижиматься к стенам.

Бог создал нас по подобию своему. А мы? День в день, как Иуда и Пилат, мы на Лобном месте. Мы до сих пор творим Голгофу вокруг, в себе. Мы зрячи, и мы слепы. Мы слышим больше себя. Собираем не те богатства. Гоним Ангелов. Бражничаем с падшими. Словами, как молотками, вбиваем гвозди в чужие Тела и Души. Мы выскребаем нерождённых, замуровываем живых. Скольких же!?

Мы потянулись в Храмы, а кровь не просыхает. Эпидемия нена-

висти ползёт невидимой лавой.

Мы творим религиозный шабаш. Одни христиане плачут у Гроба Господня, а у других — Он воскрес?! Строгий Пост — и тут уже пьют и пляшут. Что делать Христу? Чьи молитвы слушать? Или ждать, пока одумаемся, договоримся?..

Две Пасхи — очередное испытание не только Верой, но и Нас самих. Правда, растянулось это испытание на тысячелетия. Две Пасхи? Что ж Мы не ладим меж собой, христиане? Две Пасхи? За что, славяне?..

2002 ГОД FEST В ЧЕРЕМХЕ

7 июня.

Польша. Черемха — деревня в семи километрах от границы с Беларусью, размещается в лесу. Всего три тысячи жителей, а здесь проводят международный fest.

Пять часов на границе и, наконец, всё позади — мы в деревне. В гостинице культурные «до нельзя» поляки, хорошие условия. У меня отдельная комната, есть холодильник, TV, посуда. От Беларуси кроме нас здесь выступали «Крыві», «Медуніца». Послушали несколько ансамблей:

– концерт: час и пятнадцать минут молодёжь голосила украинские песни;

– Тодор (он же Змитер Войтюшкевич) где-то потерял голос, но работал!

– психоделик folk (музыкальное направление) из Германии.

Взяли еду и ушли. Мы — другие. Обсуждаем. Какой у нас будет звук? И вообще, как примут «такую» народную песню?

8 июня.

7.00. Душ, чай. Вообще, меня, как дирижёра-хоровика, впечатлило выступление украинских артистов. Мощно, без пауз, сцен, движения, дети. Что-то похоже на моё былое «Диво».

20.00. Час до концерта. Дождит. Сцена, люди, работает телевидение Польши и радио Украины. Ничто не портит нам настроения — даже дождь. Наш жизненный ритм. Чувствуем людей, ценим хорошую обстановку. И готовы работать!

9 июня.

Легли в 3.00. С 21.00 ждали свой концерт, перед нами выступал

детский фольклорный коллектив (смесь белорусско-польского фольклора). Потом три деда из Варшавы с огромным количеством музыкальных инструментов. Потом три лиры (!), но они были «не ко двору». Народ, с пивом внутри, уже ждал «танчыць». И их не трогали ни слова песен, ни поскрипывающее колесо древней лиры.

И вот выступаем мы. В целом хорошо, хотя звук не из лучших. Были поклонники из Белостока. Когда за тобой или твоей музыкой народ путешествует везде, — это как-никак показатель!

Горы наших диковинных инструментов на таком деревенском фестивале и выступление «Троицы» — небольшой шок для слушателя.

Я глянул в толпу с одной мыслью: «Сейчас мы раскрутим эту пуповину! Пуповину, которая, связывает исполнителя и зрителя».

10 июня.

На границе пограничники спрашивали компакт-диски — кто-то видел наш концерт. Отшутились, что диски вышли в Голландии и продаются во всей Европе!

Пока, Польша! Здорово, что у тебя есть силы на такие встречи — в простой деревне международный фестиваль! Целых три дня! Вот бы наши сёла ударили по Европе международными фестивалями, ведь есть чем.

ДНИ ПЕРЕД НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ

23 июня.

Голландия. 19.00. Мы на месте! Границу проехали за два часа сорок минут: не-ве-ро-ят-но! Тяжелая ночь за рулём. Утром услышали крик: Юра Павловский впервые уснул за рулём… Снесли столб. Такая скорость! Чудом остались живы! Осадок и мысли об этом целый день. Сколько таких вот бедолаг-музыкантов, спешащих на гастроли или домой, как Володя Мулявин, так и не добирались в назначенный срок. И это в день «Святой Троицы».

Липа мёдом истекла — отцвела.
Копны сена — как Любви купола.
Много столбиков на трассе и столбов…
Слава Господу! — Сберёг дураков…

Заселились в бывший монастырь. Суперусловия! До нас здесь три месяца жили артисты из Сирии — семнадцать человек. Теперь мы

неделю будем хозяйничать в огромных помещениях и коридорах. Завтра купим продукты и бегом в музыкальные магазины.

24 июня.

Птицы, тишина, царские условия: рабочий стол у окна, цветы под окном. Ещё в глазах авария «Троицы» на «Святую Троицу».Это будет помниться всегда! Но почему так расслабляешься на дороге? Явно молитвы родных только и уберегли.

16.00. С утра провели добрых, весёлых сирийских артистов. Потом гуляли по городу, и у нас было странное состояние, будто и не уезжали никуда. До того здесь всё знакомо.

Из плохого: мой музей пылится в сарае. Мартину не до него: затеял «всемирку». То есть, собирает деньги, чтобы проехать на своём автобусе все страны и континенты. В былые времена я бы напросился, бросил бы всё и поехал с ним. Но уже немного покатался и примерно представляю, чем бы это закончилось …

25 июня.

Вчера был католический праздник «Ян». Вспомнил об этом, глядя на липовый цвет. Папу не поздравил. Грустно, что в этой суете забывается святое.

Сегодня уже с 5.00 на ногах. Сидел на скамье у воды. Кругом мусор, коробки, пустые бутылки. Грустная картина. Порой бывает так гадко и на душе. Бежать надо от таких мест! Мысли-ловушки! Всегда перед отъездом тихая грусть, осторожность. Ждём то визу, то приглашения, то ищем деньги на билеты. Ждём, ищем, ждём! Приезжаем, играем, поём. А потом опять — ждать, ждать, ждать. Как птица. Когда?

Монастырский покой, телевизор и — 340 каналов. Здание монастыря из темноватого кирпича больше напоминает госпиталь. Здесь будут строить небоскрёб и монастырь снесут. Дурни. Эх, Голландия!

Мартин, услышав новые песни «Троицы», обалдел и «упал ниц» от новых аранжировок. А ты думал, что мы год отдыхали?

Вчера вечером встречались с Марком и Саном (представителями голландской фирмы, которая занимается организацией концертов). До встречи ещё были кое-какие планы, потом они исчезли. Пустое место. Им выгодно взять местных негров и выдавать их за коллектив из Африки. А нам только за дорогу такие деньги платить нужно. Вот так: едешь, рассчитываешь, а тут всё видишь по-другому.

Вечером мы уехали на концерт. Играли два отделения по сорок пять минут. Шумно, завелись сами больше, чем зрители. Возвращались

«домой» ночью.

Хорошая атмосфера первого голландского концерта. Какой звук, как воспринимала всё публика! Какие это милые моменты…

27 июня.

Сбылось! Я купил видеокамеру! А мечтал об этом со времён своего ансамбля «Диво», когда тоже вот так колесили с концертами. Я мечтал снимать, собирать архив: музыканты, инструменты, а потом издать книгу. Сбылось! Сбор начинаю!

Голландцев дразнят мои усы: «Бен Ладен». Нашли с кем сравнивать!.. Мне больше нравится «Лясны варажбіт», который очаровывает песнями, но разве им это объяснишь?

Грустно от другого: за месяц нам подготовили только четыре концерта. Это значит, нам придётся искать себе почти ежедневно занятие, кроме репетиций, конечно.

28 июня.

Сегодня у нас концерт в городе Бреда. Городу — семьсот пятьдесят лет. У нас — два концерта. Всё вокруг напоминает Праздник города. Красиво шли барабанщики, которые на мусорных баках выбивали разные ритмы. На фестиваль привезли огромные контейнера, их разукрасили, внутри сделали авангардные выставки, которые порой напоминали мусорные свалки. А наверху установили микрофоны. По каким-то шатким лесенкам мы взбирались на «сцену» и являли своё искусство. Завтра едем на север Голландии — часа три дороги.

29 июня.

Утро началось со звонков в Беларусь: будем ли мы на «Славянском базаре»? Нам обещали выделить место и время. И всегда непонятно: то мы нужны, то в последний момент по чьей-то указке вычеркнут. Почему не показать нашу программу на какой-нибудь филармонической сцене. Мы ведь и не рвёмся на большую. Белорусские песни на «базаре» не нужны? Потом нас добила виза в Голландию — $100. На троих — $300.

Обсуждали вчерашний праздник. Такой слабой организации мы ещё не видали. Во время игры два раза пропадало электричество! Организаторы извинялись перед нами, как могли. Но я сказал тихо и спокойно: «За семь лет выступлений в Голландии — впервые так плохо!»

Красив ночной город: разные кафешки, аттракционы в гирляндах ламп, подсветка старинной башни, музицирующие барабанщики,

фонтаны, старинные машины и какие-то скульптуры в стиле модерн на газонах.

Спать привели в странный дом, где море котов. У Юры Павловского на них аллергия. Уснули как-то. Сквозь сон я махал руками, отгоняя удивлённых котов от их «насиженных» мест, оберегая сон родного барабанщика.

И вновь дорога. Уговорили Мартина искупаться. Было прохладно, но я с радостью опустил своё тело в мутноватую воду. Интересно было наблюдать сорокачетырёхлетнего голого бородач-белоруса, убегающего от съёмки. Народ явно хотел «поржать».

Леевардэн — типичный приморский городок. Но одна сцена. На ней «мучили» музыку три индуса. Зрителей было мало. Потом мы слушали группу «Pekel» (Нидерланды). Красивейшие волынки радовали душу, но и огорчали ценой — по две тысячи долларов. Звук обалденный! Когда же я куплю себе такой хороший инструмент?

Пришло наше время сменить на сцене голландцев. Сыграли хорошо, завели зрителей. Да, подарили один диск в Сирию. Пусть и там нас послушают.

Вечером посмотрели своё выступление на видео, проанализировали. Уже получили приглашение в Вильнюс на фестиваль. Вот так и ждём всегда хороших новостей. Сон, устали…

А в глазах голландские детишки, бегающие по лужам свободно, без особого присмотра.

30 июня.

20.30. Варится белорусский «суп из пакета». За спиной — Амстердам, наш прямой эфир на радио. Три песни прозвучали мощно, с надрывом! Отметили финиш голландских концертов пиццей.

Амстердам шумит футбольными болельщиками, но мирно. Хотя и громко, с барабанами. Они везде и повсюду, кажется, сейчас вылезет голова какого-нибудь фаната из чашки кофе и заорёт «Але-Але!»

Впереди пустая неделя перед фестивалем в Малайзии. Держитесь, папуасы!..

1 июля.

Дождик, бездельничаем. Мартин на машине уехал в Югославию на какой-то фестиваль и должен до поездки в Малайзию вернуться. Чудак на колёсах! Пыхтит сигареткой-самокруткой и катит! Катит, порой, как мне кажется, не соображая куда. А лишь бы ехать! Да, есть люди, которым не сидится на одном месте. Им словно буравчик в одно место

вставили. Возможно, и я такой же…

2 июля.

Диван, телевизор. Вели разговоры о «Славянском базаре». Там всё время «непонятки», а почему здесь за год всё уже «узаконено». Завтра едем в Гаагу за визой в Венгрию.

Мучаюсь. Мой музей, его судьба не решена в Голландии, как и в Беларуси. Просто и Мартин, и его друзья заняты другими делами. Зато с «Троицей» есть перспектива — приглашают в Литву, Молдавию.

3 июля.

17.40. Поиск посольства, очереди. Нам нужно как-то успеть с 10.00 до 12.00. Сдали документы и деньги ровно в 12.30. Судьба. Значит, попадём в Венгрию. Мы спешим на море.

Одуреть! Дождь на море — не в «кайф», и обалдевшие зрители в кафе наблюдают за нашим купанием. Мы ещё нигде не пропустили ни одного моря!

Вечером все при деле: кто с гитарой, кто с компьютером, кто ужин готовит. «Злой музыкант — голодный музыкант», — шутим мы порой. Этого в «Троице» нет. За столом разговоры, мнения, обсуждения — наша жизнь.

4 июля.

16.00. Нас опять огорчили: страховка машины стоит 90 евро, а у нас дома — 36.

Сидели в «Мозайка-вивант» — в голландской фирме, которая занимается концертами и записью компакт-дисков этнической музыки. Выслушали их планы. Они не радовали, могут записать мою сольную программу только года через два. У них всё медленно. Я сам не знаю, что будет через два года. Но диски оформляют качественно и красиво.

Считаем дни перед неизвестностью. Скоро вылетаем. В Европе дожди, грозы. Впереди ещё всего столько, а пока — ждать.

6 июля.

Ф-58 — дорога в Амстердам. Я родился в 1958 году. 58 лет королю Малайзии. Даты, числа, совпадения… Наверное, не случайно.

Я купил много цветных шорт-трусов, а «Троица» смеётся: «Папа купил «недельку». Посмотрим, пацаны, будет ли вам до смеха, мы же летим к Южно-Китайскому морю.

7 июля.

Сборы в Малайзию. Мы встречаем старых друзей: «А, «Троечка»! Так ласково зовут нас поклонники в Голландии. Приятненько.

Неделя ожиданий. Всё! Великое переселение «Троицы» в Пространстве произойдёт завтра! Спим плохо, кругом шерсть собаки, подташнивает от телевизора, хотя там много информации об Индонезии, Малайзии. Будто специально для нас показывают.

За эти дни всё смешалось: голландская аура, белорусская. Будто две Родины. И выпуск трёх дисков, и телевидение, и радио, сколько здесь уже было концертов!

В 22.00 ввалился Мартин. Он примчался из Югославии! Слава Богу, живой. У него наши билеты на самолёт.

В СТРАНЕ РАЙСКОЙ ПТИЦЫ

8 июля.

7.00. Рейс Амстердам — остров Борнео. «Беражы нас Божа!»

Летим! Я в центре, по два пассажира по бокам. Позади аэропорт, погрузка, билеты. Уже разносят орешки, сок, пиво. Стюарды носятся! Двенадцать телевизионных программ, радио, наушники, пульт, одеяло, подушка. Не скучай! Разные воспоминания в дороге. Одев наушники, вспомнил рассказ Лаури о ее «старичках» — деду девяносто шесть лет, бабке — девяносто четыре. Они глуховаты, когда ругаются, выключают слуховые аппараты. И очень много едят в гостях.

Главное — приземлиться. А пока у нас около четырнадцати часов полёта. Мы встали на Небесные Рельсы и покатили. 10 км до Земли. Я облил Мартина кофе и себя кипятком — не развернуться с едой при моих «скромных» габаритах. К тому же, у нас за спинами гитары, не откинуться. Мы не сдали их в багаж, переживаем за инструменты.

На мониторе карты городов: Амстердам, Стамбул, Вена, Варна. Снуют улыбающиеся стюарды и «куколки Востока», предлагают десять сортов сигарет, — успевай, покупай! Послушал радио — Корея, Япония, классика, джаз и т.д. Переключаю, чтобы отвлечься от высоты. Скорость 874 км в час, высота 10668 метров.

14.38. Уже летим над Чёрным морем к Варне.

Облака — небесные овечки.
Ветер треплет крылья, как шальной.
Где-то затерялись наши речки.

Под крылом — вода земли чужой.
Море над бортом, вокруг, под нами.
Люди — как изюм для пирогов…
Вот где часто думаешь о Маме —
Мы ведь тяжелее облаков.
Облака — небесные овечки —
И на крыльях не догонишь их…
В торт пускай не вместятся
Все свечки —
Триста лет мы просим — на троих!..

15.30. Под нами — море, Греция. А будто стоим на месте, только качнёт — чуть вздрогнешь. Компьютерные игры, пассажиры играют кто во что! Наш голландский поклонник — «Шеф» — сказал как-то, что англичане не любят книги и музыку. Ненормально!

18.00. В ушах — джаз. Подлетаем к Персидскому заливу. Орехи, сыр. Чистят, пульвилизируют туалеты — народ покушал, привстал, потянулся, как на прогулку… Экватор. У соседа «бируши» в ушах, у других чёрные повязки на глазах — бывалые летуны.

21.10. Устали! Через три часа сорок минут должны топнуть по земле. Уже всего насмотрелись, наслушались. Была Индия, сейчас под нами Индийский океан. Когда же земля?

22.20. Скоро Куала Лумпур. Перекусили, под нами Бенгальский залив — большой — ой-ё-ёй!

9 июля.

12.30. Дальше всё очень быстро. Приземлились тихо, смена самолёта, и еще лететь час сорок пять минут. Опять в воздух!

Встреча, автобус, горы, шумные реки, пальмы. Отель — шок для всех. Это — Рай! Телевизор, холодильник, ванная, душ, вентилятор, бассейн, рядом море. Захлебнулись от удовольствия! Уже дали подарки! «Ленч», душ, отдых и остров Борнео! Прибывают ещё артисты.

19.40. Южно-Китайское море — погружаемся! Странная на вкус еда. Проблема с электрической розеткой (наши «вилки» не подходят) — как зарядить видео? «Папуасики» — очень улыбающиеся люди…

10 июля.

0.30. Я не сплю, разница во времени шесть часов. В Минске 18.30.

8.00. Почти час плескался в ласковом море. Рядом — дорогие поля для гольфа и много рабочих.

20.40. Мартин сосватал нас на «промо» —- концерт в колледже (сорок пять минут). Да, мы великаны для них. Концерт прошёл весело. Мартин вёл программу. Затем час бегом по городу, среди базаров, вещей, продуктов, рыбы, тканей и т.д. Везде — взаимное удивление друг другом! Еда — не еда… Малайзийский ужин лезет в горло с трудом, хочется «своего»!

Пошли к морю, но оно ушло — отлив. Ночь, ни фонаря — наощупь, темень…Так и не покупались. Над головой другие звёзды! Где Медведица?..

11 июля.

2.00. Не спится. Обрывки снов, как кожура банана. Стирался до 2.00, а что делать?

23.00. Без моря. Но мы увидим уникальное место! Этно-деревня! Здорово! Может отсниму, здесь такие красоты!

«Саундмэны» из Австралии и Шотландии — это говорит об уровне. Фестиваль может себе это позволить. На фестивале мы вызвали интерес! Может, своим ростом? Были облеплены детьми, фото, автографы. Как в курятнике… Солнце, невыносимая жара! Покупались в бассейне, затем походили по городу часа три.

А вот и открытие фестиваля: все поют, скачут... Очень много музыкантов из разных стран мира. Впечатлений море! Что-то снимаю на память. Город Кучинг.

12 июля.

8.00. Впервые встал нормально, гонял на мелководье палкой какую-то рыбу, вроде ската. Малайзия — мы от тебя тащимся.

13 июля.

2.15. Во всю гремит фестиваль! Первыми выступали индусы. Дуэт — супер! Вторыми — местные «аборигены» — человек тридцать. Ха-ха. Не впечатлили. И аккордеон, и деревянные барабаны! Третьими — итальянцы. Обалдеть! Как работают на сцене, как поднимают зрителя! Четвёртыми — папуасы. Ну, вот это — шоу: костюмы, перья, ракушки. И что приятнее всего — после пения без сопровождения эта толпа молодых крепких парней схватила гитары и погнали «поп»! Зритель взвыл!

Подарил Линь (директору фестиваля) пояс, белорусскую водку и «рушник». Она в шоке — её это проняло. А чё? Музей валяется. Пусть люди порадуются и удивятся, как наши предки могли себя даже в этом показать!

Сегодня наш концерт — волнуемся. Звук! Свет! Сама окружающая природа! Будто всё спрашивает: «Как вы сюда попали?» И они многого о нас не понимают. «Если «Батлейка» не даёт прибыли, то зачем она вам?» — это их вопросы. Вам не понять. Есть Жизнь! И она, порой, в той же «Батлейке». Когда трогаешь, расставляешь куклы, — вершишь их судьбы, как Бог. А Богу деньги не нужны. Только нужно почувствовать себя Им…

17.30. Ливень! Ливень! Небо молочного цвета — зрелище! А в 20.30 — концерт «Троицы». Саравак — ПРОЩАЙ!

Развернули гребни пальмы-ирокезы.
Отворилось Небо — и полился дождь.
В молоке бурлящем плещутся кокосы…
Жаришься в духовке и прохлады ждёшь.
Отсмеялись гонги, бонги, барабаны.
Саравак запомнил сотни голосов.
Разлетятся сазы, домры и там-тамы,
И всплывёт Борнео в веренице снов.

14 июля.

1.30. Концерт пролетел! В жаре, духоте, поте. Ну, мы дали! Нас обнимали, ахали, охали. Это надо было видеть! Да, берут песни Белой Руси. Волнение позади, фотографии на память. И счастливые лица! Много!

Осталось немного Малайзии и опять — перелёт. «Беражы нас, Божа!»

15 июля.

3.00. Только что закончился этот длинный последний малайзийский день. Бассейн, море. В глазах финал фестиваля. Когда все музыканты из разных стран мира на сцене, с инструментами. Гора барабанов. Я «реву» «Яблынь»! Буйное помешательство под белорусскую песню. Прокричал, уступаю место другому вокалисту из Италии. И так далее.

Сборы. В 13.00 — автобус в аэропорт.

23.20. Мы в самолёте на Амстердам. Сидим не вместе, всех рассадили. За спиной — жара, покупки, прощание. Незаметно пролетело время. Зрелище: города под крылом, россыпи огней, реки света, снующие световые точки автомобилей — всё это будто фильм о подводном мире. И мы там были, и там звучали наши песни!

9.20. Прошла ночь. На карте — Стамбул, Варна. Всё ближе Голландия, всё дальше полюбившийся мне пустынный берег моря, волны, безвкусный кофе, чай и сладкое из риса. Осталось сорок четыре минуты до любимой Земельки. Мозоль на ягодицах, 900 км в час, высота полёта двенадцать тысяч метров. За иллюминатором — белая, серая пустыня. Мы со своими мыслями, воспоминаниями, грустью о прошедшем, с надеждой на что-нибудь новенькое. Когда-нибудь, куда-нибудь ещё раз с песней. Это ведёт нас, как компас...

16 июля.

6.30. Амстердам. Всплыла оплата транспорта от аэропорта к дому Мартина — сто евро! Мартин утром вновь улетает в Югославию. Нравится ему так «перелетать»?

17.00. Всё — на Минск!

17 июля.

Дороги, дороги, дороги!.. Поза зародыша. Вторые сутки боль в ногах, провалы в сон на две-три минуты. И коктейль в голове от увиденного!

16.35. Граница Беларуси. Двадцать минут — и проходим её! Преодолено двадцать тысяч километров: четыре тысячи на автобусах, шестнадцать тысяч на самолётах.

Остался день до «Славянского базара». Отключают воду — срочно постираться. Дом не радует, действительность сверлит мозг: Родина, когда ты перестанешь болеть? Ведь мы — твои дети. И мы тоже очень болеем за тебя…

Двери в Храм — нараспашку Душа.
И накрыты столы, и нет ни гроша.
Почему же так часто гадят в Храме моём?
Я опять на засовы закрываю свой Дом.

18 июля.

Странно, телевизор не успокаивает, а грустные новости влетают в мою комнату и всё больше раздражают!

Я вышел в парк и окунулся в родную природу!

Одуревший Кузнечик запутался в моей седой бороде. Испуганный Муравей заблудился в тёмной штанине, бегал по волосатой ноге. Шмели, толкаясь, пытались влететь в ухо. Лечебный парфюм трав! Гла-

за сжирали небо, давились созревшими травами и полевыми цветами. Когда же я сяду за холст? Лентяй. Малайзийские краски смешались с белорусскими, и я вновь утонул в воспоминаниях…

«СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР»?..

21 июля.

Вчера пережили длиннющий день. Поднялись в 5.00, а легли в 2.00 ночи. 7.00 — 11.00 — дорога в Витебск. С 1998 года, когда мы впервые сотрясли здесь сцену, ничего не изменилось. Оргкомитет гоняет из кабинета в кабинет, оплата — «васильками», которым далеко до евро. Да и сам дух фестиваля показался мне до боли знакомым. Был базар, и вокруг разгуливали скоморохи. Как же отличаются европейские фестивали от наших! Как перерасти «совковость»?

13.00. Заселились в гостиницу «Ветразь». Еда наспех в буфете. Саундчек — шум, гам. Из обидного — враньё! У нас нет сольного концерта, а обещали! Ради чего мы ехали две тысячи километров? Мы тянемся к уровню! Мат просто лезет с языка! Мы стараемся, а тут…

От злословия
Чистым будь, Слово!
Добрым стань снова!
Ангелы, помогите —
От злословия спасите!
Аминь.

Вам что — не нужны белорусские народные песни? Или они не в таком, как вам надо, исполнении?

«Песняры»… Борткевич Леонид, как павлин у сцены — важен, но ему никогда не заменить Владимира Мулявина. Ещё какие-то, совершенно новые музыканты, но уже такие важные.

Небогато с современными фольклорными коллективами. Нет «Крыві», «Палаца». Во время своего выступления группа «Юр'я» вытащила на сцену бабушку, она была явно «не в своей тарелке». Девка из группы пыталась бабушку растанцевать — вот где жуткое зрелище! Как и сам концерт — мёд с селёдкой…

В 20.00 нас привезли на концерт. В 22.30 мы выходим на сцену. Перед нами «скакали зорки» под фонограмму. Выходим с трепетом, зал ещё в шоке: у кого-то не срабатывает фонограмма, а тут дядька с

косами. Да, этносу в Беларуси нелегко. Всё в новинку. А что если я ещё бороду заплету?..

Отсидели на сцене. «Спели», встали, ушли. К такому исполнению мы не привыкнем никогда. А остальные? Нормально. Счастливые лица.

Потом, сдерживая стыд, мы пили сок, купленый за «васильки» с артистами, близкими по духу: фотографии, анекдоты, ржачка.

Рядом снимали фильм об Ирине Дорофеевой. У меня было ощущение, будто «надували шарик». Такой же момент из жизни белорусских звёзд я видел на прошлом «базаре».

Осадок от «Юр'і»: жаль бабушку, которую включили в номер. Поговорили с ней — у неё мысли об оставленных дома цыплятах, любимых животных, будто жаловалась нам и не понимала, что было на сцене. Мудрость стариков — святое для меня.

Как скульптуры, стоят Дерева…
Неужель наша память мертва?
Мудрость Предков забыта?
Слеза,
Как туман, застилает глаза…
Как ушедшее воскресить?
Как пришедшее изменить?
Безысходность к нам приползла!
Мудрость Предков,
Спаси нас от Зла!..

Странно, не знакомы, но нас обнимал А. Тихонович, звал участвовать в телепрограмме «Хит-парад». Сын Н. Грома («Крупіцкія музыкі») сейчас учится в Англии, попросил диск «Троицы». Сын В. Раинчика хочет записать «Троицу» в своей студии. Малышка из Бреста пела «Канапельку» из нашего репертуара. Её родители — страстные поклонники «Троицы». Это из светлого.

У Д. Войтюшкевича (землячка) день рождения: он в каком-то официозном костюме! В этносе на сцене он был величественен. Сейчас вид партийного чиновника. Я сказал ему об этом. Предлагал подумать о том, как в чём выглядит.

Несколько человек оценили «Троицу» и поблагодарили. Министерство культуры на конференции хвалилось своим детищем — «Троицей»(?). Сколько пафоса: ну, что вы, что вы — такой фестиваль «забазарили»! Да, он должен быть. Но к нему бы ещё несколько десятков

больших и мелких, разных-разных, для разной, а не только попсовой, музыки!

Всё! Бегом в Лиду, к родителям: отдых, дача, колодец, лес!

Возможно, мы пресытились красивыми, достойными фестивалями, сценами, музыкантами, инструментами. Возможно. Но то, что мы зря неслись из Голландии на одну песню — осадок. Блики календарей…

Норы мегаполиса… Женщина любит женщину. Мужчине легче с мужчиной. Детям лучше с чужими. Семья — «рэп» глухих. Родина — где-то за Родиной. Левый глаз — доллар. Правый глаз — евро. Суицид — привычка? Микроб — гашиш. Вирус — водка. Аура — гарь. Хлор воды. Ртуть луны. Медь солнца…

Так — долго?

МИМОХОДОМ

Корни Дуба неистово распороли брюхо Земли, вывернув причудливый кишечник, разбросав его змеиными лентами далеко вокруг. Они брезгливо, но гордо взглянули на очумевший, разломанный асфальт. Корни Дуб — А! — А! — А!..

«…ШОК» В АНАПЕ

5 сентября.

Утром прибыли в Москву, но всё ещё сидим в Чкаловском. Дым, смог — горят вокруг Москвы леса, болота — не взлететь. Часть артистов уже «нагрузилась», и это тоже знакомо. Сидят в своём «дыму».

Белорусская делегация дружная, весёлая: В. Гостюхин носит инструменты «Троицы», сама «Троица», Светлана Суховей (которая пригласила нас), белорусский каскадёр — мощный, накачанный парень.

18.00. Взлетаем. Пьяный самолёт — где-то кутят. Я сижу со своими записями в шоке! «Что, пишете о вечном?» — спрашивают меня пьяный кинокритик из Питера. А рядом старый уже Яковлев, трезвый Калныньш, много престарелых знаменитостей.

Старость — это наше будущее. Но оно по-своему прекрасно и выглядит мудро, достойно. Не у всех, правда. Некоторые старички с серебряной сединой мне дороже золотой молодёжи. Вот где поучиться.

22.00. Мы уже после моря — третьего в этом году. Моря меняем, как варежки. Ночь, огни дискотек, «Троица» в свете ламп лезет в чёрную толщу моря. Всё ново, красиво, жаль, будем здесь недолго. Но «Троица»

ещё влезает и в новый мир. Мир кино. И киноактёров. Здесь так здорово — среди «светил». У них свой Дух и своя Аура! Если верить учениям древних, — мы попадаем в их окружение и насыщаемся их мудростью.

6 сентября.

Анапа. 6.50. Я иду плавать, много всё ещё пьяненьких: друзья, встречи — всё понятно русскому человеку. Когда-то в Сочи я с трудом под утро растаскивал участников своего коллектива по гостиничным номерам, а через час будил — на концерт. И мы работали, и мы пели! Мы были молоды, и мы любили погулять!

Рядом милая дама:

– Простите, а Вы кто? Ваше имя? Я двадцать лет не смотрела ТВ…

– «Троица».

– ?..

Я тоже, дамочка, не смотрю развлекательные программы по ТВ. Я люблю программы о зверях. Они, кстати, так внимательны друг к другу…

Тёплая встреча в аэропорту. Хоть кино снимай, как встречают «нужных»: вино, виноград, фолк-группы, милиция, кортеж в гостиницу. Как в фильмах о настоящих «звёздах». Но мы явно не такие, да и «сціплы, гаротны» фольклор не претендует на Млечный путь... Нас волнует: «Кому Это интересно?»

7 сентября.

Вечер. Торжественное открытие «Киношока». Артистов долго вели среди людских коридоров. «Дальнобойщик», — кричали улыбающемуся В. Гостюхину в бабочке. «Кстати, он любит «Троицу»! — хотелось всем кричать об этом. Благодаря Виктору Шевелевичу и нас тут знают.

Сцена и концерт — «совковая» смесь! Смесь фольклора, эстрады, «партийных» речей и… «фанеры». Где мы? Мы играли «вживую», но звук страшный: звукорежиссёр был пьян «в стельку». Ивар Калныньш прибежал за сцену благодарить расстроенную (звуком) «Троицу». Другие артисты, на удивление, тоже. После нас? Снова «Кони в яблоках» (мир праху этой песни), «Тодэс», «Кубанский казачий хор». А что я ожидал? Режиссёр массовых праздников? Здесь?..

Банкет на человек пятьсот. Ночью снова «Кони в яблоках», танцы, «попса» и еда. Вот где спонсоры постарались! И официантам досталось, и уборщицам. Не съесть, не выпить всё!

Завтра наш сольный концерт артистам кино. Волнуемся, много говорим о программе. Поздно, и мы с четой Гостюхиных направляемся в гостиницу.

8 сентября.

Легли в 6.00. А до этого столько всего произошло!..

Концерт — «на ура»! Тронули музыкой (я вёл программу с объяснениями). После концерта что творилось! И мужики, и женщины — поцелуи, комплименты. Владимир Гостюхин охрип от «ура!». Какие-то поклонницы «Троицы» из Новороссийска. Специально приехали. Знают нас? Возможно, старая «Троица» оставила свой след. Ведь самые первые гастроли были в Краснодарском крае! У моих друзей в Лабинске. Мы выступали в санаториях, детских домах, дискотеках, на выставке художника Ю. Камелина. Мы «обкатывали» своё творчество.

Теперь новая команда и новое творчество. После успешного концерта (конечно, для такой публики!) сели в кафе с артистами. Беседы, юмор и философия — это они могут. Сидели до утра…

9 сентября.

Болтовня колёс. За спинами — ночь, украинская таможня.

Вчера в 10.00 все двести-триста человек были на дегустации вина! Пей, сколько хочешь, можешь даже взять с собой! «Киношок» трансформировался в «виношок»...

Быстро — в отель «Фея», собрали вещи и на железнодорожный вокзал. Калейдоскоп в голове от того, что уже было, что осталось за спиной. В глазах девки топчут виноград. Кубанцы надрываются под гитару, всё приносят и приносят еду. Кое-кто из артистов уже сильно «расслабился». Мы среди знаменитостей, они говорят приятные слова, помнят «Песняров». Мы тоже привезли песни и, кажется, достучались до чистых сердец даже на «виношоке». Слава Предкам!

Колёс перестук. И грустинка под чай:
Всё дальше и дальше мой призрачный Рай.....
Нанизаны мысли на шпалы в смоле:
Неужто вариться мне в адском котле?..
Сам дров наломал и печально сложил.
И Музе седой врата отворил.
С клюкою вошла. Догорала свеча…
«Ты сядь и поешь», — буркнул ей сгоряча.
А связки — в ошмётки,
И горло — в крови…
Вдруг песня вспорхнула!
– Позвать?
– Позови!..

«ТЕПЛО И ТРЕПЕТНО ДУШЕ...»

26 сентября.

12.49. Садимся в поезд Минск-Молдова, вагон № 8. Поезд будет в пути 25 часов. Я вспоминаю свою первую поездку в Кишинёв с «Троицей». Мы понравились, белорусские песни достучались до сердец «лаутар». Город Кишинёв поражал изобилием спиртного! Казалось, что здесь больше ничего нет. Этикетки, баночки, бутылочки разной формы «звали в бой». Как шутит порой в таких случаях «Троица»: «Живыми отсюда мы не уйдём!» Да, но есть работа, а виноградный спирт может и подождать.

Мысли — реки-озёра, и ты, попадая в них, купаешься или тонешь. Кажется, совсем недавно я поражал молдавского слушателя ансамблем «Диво», и вот новый виток. Разве знаешь, на какой виток вынесет тебя Судьба? Никогда. Но в этом и прелесть. Там, за поворотом, за моим новым поворотом, меня снова Что-то ожидает? «Пожуём-увидим». «Троица» трапезничает и философствует…

27 сентября.

Молдова. Кишинёв. 16.20. Как только заходишь в гостиницу, дорога и все её трудности, включая «попрошаек» — украинских пограничников, — тают в фойе. Лица встречающих, наша надежда на успех — новое в Душе. И она трепещет. Мы на месте! Добрались! Гостиница «Кишинёв». Меня поселили на восьмом этаже, обоих Юр — на десятом. Из окна виден центр города! Красотища!

Фестиваль будет проходить в Оперном театре. Солидно. Много музыкантов из-за рубежа. К тому же именитых.

Душ, чай. Ставлю камеру на зарядку: это ещё одна моя работа — «архивариуса» «Троицы». Уже девять часов записей о фестивалях и поездках. «Троица», ты уже в архиве! Возможно, когда-нибудь кому-то и этот материал сгодится.

28 сентября.

С 6 часов утра бодрствую, вспоминаю первый день фестиваля: профессиональное трио. В него вошли музыканты из Болгарии, Украины, Венгрии.

12.30. Экскурсия по городу. Вытянул Юр в город. Поражает, как много книг! У вокзала — фонтан и «лежбище» бомжей на солнышке.

Их не гоняют? Они чем-то порой напоминают мне перелётных птиц, которые улетают в тёплые края. А птицам в дорогу ничего не надо: корка хлеба да свежий воздух. «Летим на юг!» На юге летом такая тёплая земля, даже вечером, когда солнце уже погрузилось в глубь моря — как печка. Но там много отдыхающих, а птицы любят пространство. Вот и сейчас лица этих бедных (с виду) и таких свободных (в душе) людей повёрнуты в сторону фонтана. Мясорубка жизни может враз перекрутить и даже счастливого, семейного, с достатком может бросить, как этих, у фонтана…

29 сентября.

8.30. У нас сегодня сложный день. Два концерта. Один в филармонии, другой — после часа ночи — клубный. «Жёлтая подводная лодка» — кинотеатр, переоборудованный в клуб. Столики, свет, сцена — всё оборудовано хорошо. Штат 60 человек — девушки, очень милые. Наше творчество не для всех, посмотрим, как воспримут.

16.00. В сквере встретили моего старого знакомого — музыкального мастера Любомира Йоргу. Он стоял с огромным чемоданом. В нём, как застывшие деревянные змеи, стояли разные дудки, резные дудочки. Величаво лежали чёрные окарины и другие диковинные инструменты. Я был у него в мастерской в 1990 году с белорусским мастером Владимиром Пузыней и ансамблем «Дзіва». Были поражены мастерской, гостеприимством и тем уютом, в котором работал мастер. Он подарил тогда всем по пластинке! Инструменты — как другая цивилизация! Они были везде. И стоили недорого: дудка — 10 рублей. Я хотел купить, но Володя Пузыня отговорил: «Зачем тебе молдавская, я тебе сделаю белорусскую». Позже я очень пожалел об этом. Дома в Минске за дудку Володя попросил в десять раз больше!

Как давно и недавно это было! И Йорга, и его мастерская. Он был у американского президента Билла Клинтона, подарил ему свой инструмент. Мы мило поболтали, вспомнили нашу встречу, поиграли. Он удивил всех игрой на простом листе с дерева, а вообще, он ещё играет на рыбьей чешуе. Выносит на сцену огромную рыбину, народ сидит и ничего не может понять, пока он не оторвёт чешуйку и не начнёт играть. Мастер, настоящий Мастер! А я? Ещё столько нужно учиться, читать, познавать. Нужно!

30 сентября.

8.40. Вечерний концерт. Успех! Хотя среди таких профессионалов и мастеров джаза было сложно и волнительно работать. Но как-то настро-

ились, хорошо составили программу. Тут Юра Дмитриев молодец, умеет и очень чувствует то место, куда мы попали. Мы с Павловским Юрой только киваем головами, когда он оглашает список песен. Сделали «видео» других групп и раздали много автографов, в ответ получили кучу комплиментов. Так что неожиданный успех и радость от концерта!

Уже вечером, в гостинице, я перебирал в памяти наш концерт по косточкам. Мы завалили сцену своими инструментами — лес! Зал сидел тихо, как заворожённый: не джаз, не рок, не фолк. А что? А вот послушайте белорусское, да разберитесь. Наша задача — выдать!

И песня за песней мостили тот мосток, который, сначала качаясь, но всё-таки дотянулся до публики, явно пришедшую послушать джаз. И финальные песни «Троицы» уже смело шли, как солдаты по бетонному мосту. Да, приятно, если Наше доходит. Но такое бывает не всегда и не везде. Я думаю, фестиваль, любой — как живой организм. Хочет пищи-музыки! Вот он откушал молдавского вина, болгарского сыра, немецких сосисок, и ему захотелось белорусских драников. На, привезли!

Ночной банкет, тосты, опять раздача промо CD, видео, в Болгарию, Германию, Румынию (с мыслью: «А вдруг пригласят?»). Раздавая, раздаривая, всё время надеешься, что диск не выбросят. А хотя бы прослушают. Всё время надеешься…

Но сегодня нас признали Великие мастера — участники фестиваля. И это заметно на их лицах. Тяжело входить в такие «обоймы» новеньким. Но, кажется, испытание нотами мы прошли успешно.

1 октября.

День отъезда. Участники группы «Тригон» (они же и организаторы фестиваля) очень благодарили, провели нас на вокзал, несли инструменты. Достойнейшая команда! Мы много говорили и об их фестивале, и о других, европейских. Тоже покатались ребятки. Мы мило попрощались. А мне стало грустно: неужели мы никогда, как «Тригон», не сможем собрать своих друзей на такой же фестиваль в Минске?

8.45. Мы в дороге, а она не радует. Граница. Скандал! Сволочи «хохлы»! Да простят меня украинцы. Дай денег! Штраф 30 долларов. За что? Придумали, что у нас бумаги (с печатями Министерства культуры) на инструменты не в порядке, но мы же с ними столько стран проехали! Хотели нас высадить. Потом оставили меня одного в купе и «намекнули» на штраф. Нам пришлось платить, взяли деньги без квитанции и убежали. «Прышло поганое хохлыще и забрало доларыще!»

Колёса мысли размозжили,
И прожитое — под песком…
Как бедно Прадеды не жили —
Делились нищенским куском.
Но измельчали вдруг людишки —
За грош задушат без вины!..
Такие вот мои мыслишки
Терзают праведные сны…

И сон не шёл. Мы сидели и молчали, смотрели, как за окном проплывают красивейшие места Украины. У меня такой осадок от границы с Украиной не первый раз. Людская убогость и наглость всё ещё висели в купе вагона. Мы начали говорить вновь о фестивале, дабы отвлечься. Перешли на диаспоры, но и эта тема не обрадовала. Разговоры, рассуждения о белорусских диаспорах — бедных и хитрых. Это тоже у нас было. Почему-то нет с ними контакта.

Камлания шамана —
И чары расползлись…
Нет суженой. Нет дома.
Тоскливо? Не слезись…
В слезах не станет Аура
Ни чище, ни добрей.
Душе тепло и трепетно
В кругу родных, друзей.
Песок в часах струится…
Былое — не прошло!
Чего на Карму злиться?
Детей бы обошло…

2003 ГОД
ВСТРЕЧАЙ, БАЛТИКА!

20 февраля.

Университет поражает глупым расписанием, набегами студентов и бездарными блатными педагогами, от которых никак не могут избавиться. Хоть студенты пишут горы заявлений против них. Как плотно опутали личные связи весь университет!.. Может не зря меня всё это так раздражает? Ведь готовим специалиста вместе! И смеются с ВУЗа. Стараюсь не вникать, но порой перехлёстывает меня обида, боль и злость, что до сих пор всё как прежде.

Со студенческим спектаклем кручу интересные штуки!

Студенты 5 курса говорят: «Это ж надо, какие символы Вы вставляете, поймёт ли нас зритель?» Если мы сами поймём, что делаем, — поймут и другие, хоть через год. Кусок ткани уносит мозги, и идеи вкручиваются в персонажи. Кому будем показывать и будем ли? Кто сможет оценить наши студенческие работы?

Университет мой, как и кафедра без материальной базы, — моё тихое и серое «местечко». И это — столица? А ведь сколько экспериментов я сделал с простой народной песней!

11 марта.

21.00. Поезд на Эстонию. Новая страна для «Троицы». Новая граница. Помоги, Боже!

12 марта.

6.00. Достойно прошли границу с Латвией. Впервые пограничный пёс в вагоне — сразу мордой в еду. «Не волнуйтесь, — голос погранца. — Ага, столько еды вкусненькой! А наркоты, извините, нет?..»

В вагон-баре дают сухой паёк — красиво оформленная еда для лилипутов.

16.40. Уже в отеле, а до этого — замёрзший Рижский залив. Грязно-серо-жёлтый лёд. Серые деревенские пейзажи.

Вильянди —двадцать тысяч жителей, а проводит международный

фолк-фестиваль. На вокзале встретила мощная эстонка, опоздавшая на тридцать минут. Мы обнялись, будто счастливы от долгожданной «встречи». В отеле всем дали по отдельному номеру.

Прогулка по городку: деревянные и каменные строения, странное сочетание старины и современности.

13 марта.

Проснулся в 2.30 и сел за сценарий «Варажбита», благо, условия царские. Лёг в 4.00. Какие-то рваные сны, но душ смыл эту рвань.

Сегодня мы в музыкальном колледже. И у всех вопросы о президенте. Как мы к нему относимся? Никак. Нас не интересует политика, только музыка. И ваш президент тоже нас не интересует! Хотим работать, ездить. Вот и всё. О нём здесь много пишут и говорят. Зачем это нам?

14 марта.

5.00. Вчера сыграли первый концерт в Эстонии в музыкальном колледже. Акустика! Слушали, было очень тихо — музыкальный класс. Двадцать пять студентов и преподаватели. Играли час с небольшим, с рассказами о музыкальных инструментах.

Потом была экскурсия по колледжу. Готовят костёльных органистов, хореографов, световиков, звукорежиссёров. Цех бутафоров, классы, музыкальные инструменты — белая зависть! Народный инструмент дуда за $400. Хочется купить хороший инструмент! Своя студия! Звукозапись! Студенты пробуют микрофоны, работают на звуке. Это и для «Троицы» редкость, не то что у моих студентов…

В общем, «северные» были добры и внимательны. Колледж ищет связи, друзей во многих странах мира.

Звали в танцклуб учить эстонские народные танцы — увы, нет сил.

Ректор и проректор должны играть концерты — у них так, а для белорусов был бы шок. В кабинете легче всего — сочинять и перекладывать с умным видом бумажки…

15 марта.

9.00. «Смена декораций» — трёхместный номер без удобств.

Вчера сыграли концерт в огромной библиотеке, было тридцать-сорок человек. А кто нас знает? Немного огорчён организатор. Была баба, просто баба из белорусской диаспоры. Несла ерунду (мягко сказано): «Мы вас запросім! На другіх умовах!..»

Когда же мы встретим нормальных белорусов за границей? Калики! Где-то, наверное, есть нормальные белорусы, верю…

15.15. Через час — саундчек. Смотрели своё видео — концерт плохо снят.

Переводчица Лина таскается с нами. И это ей надо — транспорт, перелёты на 200 км? Училась в Таллинне, но хочет жить в тридцати километрах от Вильянди (домик три тысячи $). А я привык к цивилизации. Хотя от избушки на реке Неман не отказался бы…

Отель на «пятёрочку» — огромное окно, четвёртый этаж. Тарту! «Троице» вновь по номеру — балуют. Унылые пейзажи за окном по дороге, нет обычных больших деревень — устали глаза от этого. Концерт, сон, дорога. Антс говорил, чтобы в старом городе ходили вместе. Недавно убили шведа. Что ты? «Отревёшь» концерт — молитва и сон. Какие прогулки?

В Эстонии я был с «Дивом» в 1990 году. Это был жуткий приём белорусов — без питания, сна, нормальных концертов. А тут принимают эстонцы — сплю в отеле, ем в ресторане. Кто такие белорусы вне Беларуси? Это великая песенная Нация! Вот за что обидно. Настоящие белорусы — люди!

16 марта.

7.40. Снежные рваные подвенечные платья на ветвях марта.

Солнце вдавило колосья-следы в пухлое белое тесто меж древ. Календарь зимы оставил полозья-мосты. Трёхметровые сосульки-убийцы притихли, задумались. Рынок кипятило людьми, пищей, цветами. Много солнца и много белого неба. Оттуда на нас глядят Близкие. Бабушки Полина, Катя, я уже не поздравлю Вас здесь. Мама, Алла, Маша, простите, не умею говорить красиво…

Колёса застучали зубами по камням. Где мой Дом? Куда я еду? К маме? К папе?

Вчера — длиннющая дорога. Саундчек и фестиваль. Много видели, слышали, но наш звук — ерунда. Играли больше часа: эстонцы просили полтора часа. Были интересные эстонские команды с большим количеством инструментов, загадочной аранжировкой.

Тыннис Мяги — кто бы мог подумать — купил «Троицу» до концерта! И рассыпал нам комплименты. Другие подходили. Кто-то пожимал руки, а кто-то издали благодарил глазами.

Брат Антса подарил CD с эстонской народной музыкой. Как они всё-таки трепетно относятся к своему! А мы к своему?..

Перед сном в 2.00 «Троица» пила кипяток с лимоном и возмущалась звуком.

Огромная кровать заглотила меня, а мой усталый Ангел-хранитель задремал в мягком кресле, прокручивая в памяти весь прожитый день. Событие дня: пришёл журналист с кипой бумаг о «Троице» и задал интересные, грамотные вопросы. Учись, молодая белорусская журналистика!

17 марта.

Концерт в рок-клубе четыре по тридцать минут — одуреть! Были «беларускамоўныя»: «А паміж сабою вы па-расейску?» Да, но делаем шикарный «продукт»! И славим родную мову в песнях по всему миру! У меня своё отношение к белорусскому языку, ещё со школы.

Всё прошло, Антс доволен. Чувствуется — появился друг в Прибалтике.

18 марта.

17.40. Утро — приятный душ (вечером сил не хватило), молитвы, чай, своё видео.

Вчера — удары по глазам: порт, корабли, в восьмидесяти километрах — финны. Дама-водитель с нежной кожей и оттопыренными ушками — хороша. Старый город. Анекдоты, обед, обмен CD со шведской девушкой (её CD — 200 крон). Дорога, закаты Эстонии — сделали тридцать один кадр.

Бар. Наш концерт с 20.00 до 21.20. Без усиления. «Ревели» и поставили этот «снежный народ» на ушки! Я получил три поцелуя. Одна дама, не выдержала: «Что вы делаете с нами?» Подумал: «Ничего, а мог бы…» Водительша сказала на прощанье: «В тебе много силы». Возможно.

Аукцион с последим CD «Троицы». Беседа с «хипповым» ректором о вузах, работе в вузах (прости, мой университет, — хвалиться нечем). Опять вопросы о стране, о А.Г. Лукашенко. Обидно — убогие мы? Зато душим их нашим «фолком».

19.40. Всё, свершилось! Домой! День в дороге. Медленно ползут километры. Угостил «водилу» на трассе печеньем — чуть не «поцеловались» со встречной машиной. Водила — 34 года, мужик: «Я много где был, но тут мои корни — вернулся в Эстонию и пошёл учиться в музыкальный колледж(?)». Хвалил «Троицу». Простились тепло, как родные.

19 марта.

Минск. 9.00. Душ, чай, китайская пиала, эстонская музыка — уже дома. Только вчера вечером — собаки-погранцы, и вот Дом. И новые планы…

11 июня.

Вчера принёс около пятидесяти дисков с разной музыкой: от аутентичной до фолк-рока. Студенты внимали, слушали два часа, не хотели расходиться. А тут уж подпирала репетиция «Троицы».

Хорошо и комфортно работать с заочниками. Они взрослые и понимают с полуслова. Очень внимательны. Один, уходя, сказал : «Это не лекции, это хорошая зарядка мозгов». Да, и не только для вас, для меня тоже. Есть заочники, с которыми я за сессию подготовил фрагмент обряда, как со стационаром за целый семестр! Это — огромный успех, но кто это оценил?

А кабинет ничем не оборудован. Столько «платников»! Где деньги на учебный процесс? Ещё в 1985 году, выступая в Гродненском культпросветучилище, я был поражён, как они «упакованы»: видео в кабинетах, камера, телевизоры.

А я так и проработал все годы со своими инструментами и другими «цацками». И сейчас вот хочу купить технику для работы — опять за свои деньги. Наверное, я, как мои деды, — хочу всё иметь Своё, а не казённое…

НАС НЕ ЖДАЛИ

16 июня.

Россия. Москва. 21.30. Как мы вчера «ржали» — репетировали «Руны» под «фанеру» — просто веселились, а музыка звучала. Мы едем — держись, Москва! Вахта, видеокамера, мой костюм. Вроде бы ничего не забыл?

Только в голове «Баба-Яга», «Farlanders» с Инной Желанной. Обслушался российской — достойной, на мой взгляд, — фольклорной музыкой!

18 июня.

Вчера два с половиной часа ждали автобус телевидения — вот уже где позлились. Благо, Андрей Холодинский не давал скучать. Телевизионщики по приезду схватились за работу — вопросы, еле успевали

отвечать. Повертелись у Кургана Славы — два-три дубля видео, перекусили, чуть успокоились и сели за анекдоты. Во дали! «Аншлаг» рядом не стоял.

Игорь с телевидения семь лет работал в Польше: знает «канапки», польскую кухню, Чеслава Немена.

Телефон помогает встретиться с Русланом Макаровым.

Ночная Москва тонет и захлёбывается огнями, рекламой. Что-то пытаюсь снять. Гостиница Посольства РБ, нам предоставили люкс.

19 июня.

21.30. Вчера — суета и бег по Москве. Клуб «Ночные волки», телевидение, один из трёх офисов Руслана. Спорткомплекс «Олимпийский» — гигант на 30 тысяч человек. Мы пели под «фанеру». Были третьими на разогреве групп Dave Gahan, Massive Attack. Нас не ждали. Когда вышли — крики: «Дедушка, иди домой!». Сели, играем — надо. Свист, крики, кое-как пережили «позор». Ушли, а народ ждал сорок минут Дэйв Гэхана. Звук был отвратительный.

«Троица» сидела, переживала — не шутилось. Телевидение наше без совести: лезет прямо в трусы с камерой! Massive Attack, звук, свет — красиво. Дальше начался ажиотаж Руслана — фото с DG. А тут охрана. В общем, словили фотографию со звездой мирового уровня. Событие! Кому? Руслану, потому что для нас всё равно, с кем фотография. Нам важны качественные выступления!

Выехали в 10.30. Дорога, анекдоты, музыка в уши. Что же это было? Не поняли, но двое суток дороги было — это точно. Судя по анекдотам — что-то было.

Чёрной птицей лист в окно —
По ночам пугает.
Ангел в снах моих с Душой
В лодке проплывает.
Утро. Звон колоколов —
Сон чудесный тает…
Лишь Всевышний в Небесах
Будущее знает!

20 июня.

Беларусь. Минск. 3.30. Ночь — это вывернутый наизнанку кишечник! Бомжи, дерущиеся в луже из-за пустой бутылки, еды, выпив-

ки. Старики-калеки, которых резиновой дубинкой выгоняет милиционер-сопляк. Наглые до безобразия таксисты-частники с хитрыми мордами, вырывающие из рук прохожих чемоданы: «Куда едем?»

Малолетки-веселушки, обнажив ноги до дёсен, все в поисках мужского «внимания». Им бы обнять мягкую игрушку после «калыханкі», а не вонючего командировочного.

Семейные пары — грязные, оборванные, уснувшие вповалку, забыв голод, с застывшим ужасом нового дня на почерневших лицах.

Книжные ларьки с полным дорожным набором: от секса до разбоя — просвещайся! Твори! Капающий потолок нового современного здания!..

Пьяные, в расстёгнутых гимнастёрках солдаты, со сползшими на мужское достоинство ремнями, шаркающие по мокрому, бликующему красными огнями асфальту, пытающиеся куда-то уехать. Провожающие и встречающие, испуганные то ли дождем, то ли всей этой на первых порах незаметной темнотой скотско-людского бытия.

Этот моросящий дождь гонялся за мной в Голландии, Венгрии, а настиг Дома. Вокзал. Вечный ремонт.

Дождь — слёзы Неба.

По ком? Где я? Это — настоящее моей родной, всё ещё Святой Земли…

ФЕСТИВАЛЬ — НЕ ФЕСТИВАЛЬ?..

21 июня.

Беларусь. Молодечно.

12.30. Бред! Когда у нас будет порядок? Гнали ради нас «Икарус». «Троица» — всего три человека! Подъезда к сцене нет, что для нас является проблемой с нашей «кучей» инструментов. Уровень нашумевшего фестиваля для нас «дикий»!

Концерт до 22.00. А мы должны выступать в 0.30. Столько вопросов, и на них никто толком не может дать ответ.

Перед нашим выступлением начался ливень. Зритель кричал, звал нас, но М. Финберг дал «отбой». Мы стали собирать инструменты, а так хотели выступить. Вновь потащили инструменты на второй этаж.

Купили сок, шашлык, непонятно из какого белорусского зверька сделанный: ни прожевать, ни проглотить. Разговоры о европейских фестивалях. Какие-то договоры, бланки, печати. Вот это они делают основательно и скрупулёзно. Ну и как после такой организации уснуть?

22 июня.

Концерт оркестра М. Финберга затянулся. Нужно выходить нам, а уже подпирает усатый мэтр А. Эскин. Наконец сели и мы. Пару аккордов для настройки. Как можно выступать без саундчека, имея около тридцати инструментов. Где мы?

Сергей Хлыстун по телефону отстроил барабаны (такое в нашей творческой жизни впервые), включилось телевидение без нашего согласия. И, удивительно, как-то гладко пошло, зазвучали. Песни, как картинки, стали мелькать перед лицом красавца-города, наряженного к празднику. Народ стонал — видно, истосковались. А потом — живой звук! Да, не проект «Руны», когда мы краснели под «фанеру» в «Олимпийском», сотрясая «мощёй» бывшую столицу. Мы не заметили, как отзвучала «Яблынь», как мы собрали наспех инструменты, как молча уехали в Минск.

Каждый с болью в сердце: хотелось лучше и красивее выступить. Как всё было? Расскажут.

Усталость. Недосып. Но ночной концерт «поддал» и зрителям, и нам. Мысли копошились, и только фары встречных машин разрезали их на прошлое и настоящее. Фестиваль — не фестиваль… А жаль. И наш народ жалко: не видит и не слышит этноса других народов, другой музыки.

Душ включаю — смою жалость.
Плохо мне — спасёт Вода.
Вроде, жалость уплывает…
Или это навсегда?

«ЗДРАСЬТЕ ВАМ!..»

2 июля.

Польша. Варшава. 13.05. Пока невезуха: закрыто венгерское посольство, и не ставят визу в Словению. У Юры Павловского кончились страницы в паспорте. Нужно разрешение Беларуси. А наше родное посольство закрыто — «День независимости». Посольство в одной части города, а консульство в другой. Автобус у нас огромный, невыгодно гонять, пришлось походить пешком. Пока всё невесело. Жара, ноги стёрты обувью.

17.00. Ждём поляка — обещал душ. За это время Мартин со мной говорил о своём трёхлетнем туре: о Малайзии — я и Мартин, о Китае на

два года. В общем, он — фантазёр.

День отвалялись в неустроенном автобусе (нет плиты, нет душа, нет воды), хотя всё это обещалось, но, видимо, не будет…

Нас забрал поляк — новый друг Мартина, который работает на польском радио. Мы полтора часа ехали 30 км за Варшаву. Он работает на радио, знает белорусские группы, и не только «Юр'я», «Крыві», но и другие.

Его дом — двухэтажный особняк в красивом месте. Пёс и переделанный старый деревянный дом — здорово!

Завтра вновь думаем «бомбить» посольства. В противном случае Юрий Павловский едет в Минск. Это было бы катастрофой, но мы оговариваем любые варианты.

Мелькали красивые польские «маёнтки», участки — белая зависть. Может я ещё чего-то добьюсь с «избушкой» своей? Юрий Павловский и Мартин провели в автобус свет, и я сижу у лампы. Сами заделывают щели на крыше, иначе дождь зальёт.

Нас приютили. Мы устраиваемся на ночь в доме, Мартин остался в автобусе.

Мой лоб полосовали беды,
Тревоги сердце обожгли,
Волненья саваном стянули,
Но годы в Вечность шли и шли…
Приют — холодная постель.
Жжёт одиночества Метель.
Моря и реки улетают,
Спешат громады в Океан.
Лишь Музе я не изменяю,
Хоть от тоски бываю пьян…

4 июля.

10.30. Утро, все с трепетом ждут решения о визах.

Мы в белорусском посольстве. Консул удивился, сколько нужно транзитных виз; пролистал, щёлкнул языком и… поставил штамп. Мощный, гладкий, чистый. Мужик! Это для наших чиновников редкость.

19.00. Юрий Дмитриев и я в интернате. Юрий Павловский ковыряет компьютер. А до этого?

В Венгерском посольстве получили визы в 12.00, а в это время закрывается посольство Словакии. Если не успеем, — ждать до понедельника. Бегом в посольство Словении. Закрыто, звоним — зовут в

консульство. Берут со скрипом, но надо еще заплатить 520 злотых: нужно менять доллары и евро. Обменников нет. Нашли. Меняем свои оставшиеся, остальные у Мартина, а он ушёл к автобусу. Опять к нему: «Дай евро». Опять обменник, затем бегом в посольство. Уф! Сдали! В понедельник можно забрать визы.

Дорога 90 км. «Даф» — автобус Мартина (6 тонн) — скачет по колеям. Питаемся на ходу орешками.

В Скирневицах мы не в программе: они хотели сегодня, а я предложил — завтра. Ведут, кормят, заселяют.

Мартин в автобусе. Идём на концерт японской пианистки. Пришли — нет аккредитации, ждём. А тут выставка и банкет.

Польские девушки вылизаны, чисты, опрятны, приятны, модны — не голландки. Фестиваль в стиле «Маладзечна». Хотя по набору гостей Молодечно далеко. Увидим, что будет звучать.

Где-то на границе застрял «Поскриптум», и, вроде, едет один Ю. Выдронок. «Фест» не выдал денег для Татьяны Песнякевич (Радио). Её не будет — жаль.

6 июля.

7.00. Все группы ещё дрыхнут после ночных «возлияний».

Концерт сыграли не из лучших, мои сбивки, как всегда — не там вступил и «сажу» темп. Нужно репетировать с гитарой самому.

Были «чёрные», снимал их минут сорок. Поляк с губными гармошками — украшение фестиваля. Болгары — не очень мне понравились, но две песни снял на видео.

Финал — нас обещали пригласить на следующий год с большой программой. Дал интервью для радио почти на польском языке. Обменялись визитками с директором фестиваля. Он знает «Краму», Т. Песнякевич. И мы их знаем, правда, не все друзья.

Сегодня было много снов. Якобы «Троицу» встречал сам президент. «Куды ноч — туды сон»…

День дороги — тряска внутренностей. Шум машины, рёв динамиков. Через час дорога напрочь отбила охоту тура.

Проехали около 80 км к Белостоку — привал. Мартин заливал топливо, а мы съели мясо. Он пришёл — мяса нет. Бери «сосич» и огурцы. Тут и йогурт пошёл. Не щёлкай пастью в большой семье!

Белосток. Ищем улицу, злимся, поляки на остановках машут в разные стороны. Никто не ждёт, нет директора — воскресенье. В общем, пошёл я со своим слабым знанием польского к главной медсестре.

Итог: до утра заселили и покормили. Привели в чистый, хороший номер с кухней и душем. Чай. Споры вновь о бесполезности тура.

Притащился Мартин, сцепились с ним, но, видимо, он понял, что всё очень изменилось с 1999 года.

7 июля.

6.00. Юрий Павловский поехал в Варшаву за визами.

Тяжёлая ночь: спал, просыпаясь почти каждый час, как бабушка.

Мартин «завален» завидной аппаратурой — принтер, сканер, CD-рекордер и т.д. Всё это «Троице» на белую зависть. Это нам нужно, как воздух. Но может хоть в туре попользуемся?

15.40. Уже с паспортами и визами.

Утром были приглашены в офис к директору. «Откуда у вас этот адрес? На сколько дней к нам?» Мартин «понёс» речь о своём «международном туре». Кому это нужно? Так всегда — мы приехали без звонка, без письма: «Здрасьте Вам!..» Ужас! Дурь! Ошибка Мартина! Только «Троица» поднялась на какую-то планку и — в такое дерьмо. Я на польском языке отбивался, как мог, подарили бутылку водки, но напряжение оставалось.

20.30. Мартин вроде бы утряс свои проблемы, мы готовы завтра дать концерт, если он тут кому-нибудь нужен.

Сделали фото с варганом (музыкальным инструментом) для «Pan Records» (Бернарду для компакт-диска). Есть компьютер, другие приспособления, и Юрий Павловский готов отправить фото в Голландию.

Юрий Дмитриев гоняет гаммы. Молодец, всегда занимается. Дождит. А в Москве вновь теракт.

Луковицы Храма.
Родина — как Мама:
Нищая, больная —
Всё равно родная.
Будни пишем кровью,
Раны лечим солью,
Трупы маком сеем —
Всё, что мы имеем…

8 июля.

15.45. Встреча с директором. Вроде сегодня ничего: «Какие планы? Когда уезжаете?» Мы готовы хоть сейчас. Мартин достал их своим интервью.

Готовились к концерту с 11.00 до 11.30. Мог бы дать и один, но уж больно тоскливо. Чистый гимнастический зал. Лавки, места слушателям. Три стула для «Троицы».

Готовы. И я запел «Кося» тихим и мягким голосом. Удивительная тишина, а как хлопали. Кто-то слушал, кто-то качался в такт, кто-то вертелся, а кто-то находился будто в трансе. Заглядывала директриса. Я как раз говорил об удивительном проекте Голландия-Беларусь с «Троицей».

12.30. Отыграли. Собираемся, бросаем Мартина, чтобы ехать на рынок. Подошла одна медсестра, записала название группы. Спросила, кому отослать слова благодарности. Мы сказали, что играем сами по себе. «В Москву — Рунам» — пошутил Юрий Дмитриев.

9 июля.

6.30. Берём две сумки сухого пайка и на Варшаву. С Богом! Три часа дороги. Польское радио ведет передачу о Мартине и «Троице».

17.00. Вдали виднеется замок. Краков. Юр, видимо, «растрясло» — кислые.

20.20. Тяжёлая, длинная дорога, наспех перекусив, летим, летим. Я на ходу фотографирую горы, остановиться некогда.

Усталость. «Троица» не шутит, как обычно, день назад «рвали животы». А сейчас? Я не нашёл утешение в своих семьях, в детях, видно, чужая любовь, внимание, восторг «Троицей» заменили всё.

Впереди ночь в машине, в которой три спальных места и четыре человека. Комфорт кончился в Польше вместе с душем, телевизором и чаем.

Морзянкой дождь стучит по крыше снов.
Дождь или звон назойливых подков?
В сомненьях и мечтах брожу вином …
И лишь под утро наслаждаюсь сном.

10 июля.

Отмыли Мартина, но всё равно пахнет…

Выяснилось, что в машине распиханы CD, винил, кассеты, гвозди, дрова и т.д. Видимо, он забрал весь свой «скарб».

Интернет, саундчек и концерт. «Постскриптум» ещё не приехал. Знакомая ситуация с границей. Да, и после такого мучения — концерт.

Фестивали такого плана, как здесь, собирают всё подряд: от украинского хора до блюзовой группы из Польши. Чехи вчера «томили» джаз-фолком. Одна из песен явно белорусская и по мелодии, и по содержанию.

А так администрация фестиваля хлопочет. Есть тут болгары, шведы и японцы, хотелось бы заиметь связи, конечно.

О звуке тяжело говорить — сегодня дождит. Для Голландии привычно в это время.

Кто-то подходит, говорит, что слышал нас в Люблине и будет рад послушать в Польше ещё раз.

«БАЛКАН-БАЛАГАН-ТУР» — 2003

11 июля.

Венгрия. Границу прошли за пятнадцать минут.

10.50. Будапешт. Обмен денег.

15.30. Надо проехать 90 км до Мишкольц. Подсолнухи вдоль дороги напоминают роту солдат, внимательно слушающих сержанта по имени Солнце…

12 июля.

Всегда поражаемся, как Мартин ориентируется в городах. Чуть покрутил — и вот он замок! Юрий Павловский: «Всё как прежде, будто и не уезжали». Только вот нет Лайоша, зато «кируют» его жена и сын!

Приглашённых немного: румыны, украинцы, мы, Испания. И как в 2000 году — везде звучат венгерские наигрыши.

Юрий Дмитриев долго говорил с администратором, и нас направили в отель в семи километрах от фестиваля. Не увидим, не услышим никого, да и сил уже нет. Мартин на трассе даже отрубался на сорок минут. Я же спокойно делал фото гор, дороги, уже не рассчитывая на большую съёмку.

Отель частный. Второй этаж, три кровати, шкаф, TV, душ. Санузел меньше, чем в моей общаге. Чай, телевизор, душ, кое-кто устроил «постирушечки». Усталость даже после душа не прошла, зато пришёл сон.

Венгерки симпатичные, хоть низкорослые и коротконогие, но чем-то притягивают, то ли смуглостью кожи, то ли тем, что венгерки. На фестивале многие парами, с рюкзаками, спальниками. Лето — отдых.

Концерт в 22.00, второй — ночью в этно-кафе. Будет тяжеловато, но за этим и «пёрлись» столько километров.

Фестиваль «Каляка». Мишкольц — большой и красивый современный город, утонувший в зелени. Маленькие домики на горах. Панорама сверху!.. Может сегодня отсниму, хотя венгры ни бум-бум на других языках. В Словакии много общих слов с русским и белорусским, а тут… Другая цивилизация, да и уровень жизни другой. Ничего не удаётся отснять на «видео», как хотелось и мечталось. Летим, летим — только бы успеть.

Учитывая, что отель за семь километров от фестиваля, Мартин снова не помоется — значит, в автобусе будет «амбре». Эх, немытая Голландия!.. «Троица» в этом смысле чистюля, что первый, что второй состав: везде моет свои пёрышки.

Из худшего: Мартин может не повезти нас в Будапешт в августе. А тут и посольство, и транзитная виза через Чехию, и инструменты к поезду. Маленькие радости большого тура…

Меняется погода, дождит, а вечером два концерта. Юрий Дмитриев говорит уже не раз о «мобиле» для меня. Возможно. Может и пора. Скучно и грустно находится на фестивале за семь км…

Литрами хлебаем пустой зеленый чай. Ждём вечер, ждём концерта. Это три-четыре концерта за десять дней тура. Вот тебе и работа!..

13 июля.

Легли в 3.00 после двух концертов.

Очень долго таскались с инструментами по ступенькам замка. Руки до колен! Там быстро расчехлялись, настройка и — «в бой!». Интересно было венграм слушать белорусов. Сидели тихо, пытались понять. В замке погас почти весь свет. Мерцали только свечи, как светлячки, расставленные кем-то на замковых камнях.

Второй концерт — толпа была будто в трансе. Час играли. Зрители выли, стонали. Может, правда шаманим? Даже на песню «Сем чарак» кто-то принёс поднос с семью стопками водки. Но у нас «сухой закон». Парни, так легче работать! И есть гарантия, что попадёшь по струнам!

0.30. Несколько «бисовок»: сыграли всё, что знали. И обнимались, и фото на память, и руки жали — в общем, дали! Очень помогла переводчица Ольга — милая «хохлушка», которая непонятно откуда взялась. Толпа к ночи напоминала чем-то белорусскую свадьбу. Хотя музыка была непривычная для них.

Возможно, сегодня хоть что-то ещё увидим в Венгрии. Завтра утром нужно выезжать. Хьюз — друг Мартина — снял наш концерт, неплохо — целый час! Лучше, чем моя съёмка в автобусе.

Оля говорит, что с уходом Лайоша фестиваль «завис».

14 июля.

13.00. Поехали в баню. Баню нашли быстро, но это оказались источники с минеральной водой. Об их «лечебности» я узнал только через три часа от Оли. Мы, не зная, поплавали…

Я больше не хотел валяться у телевизора и поехал на фестиваль. Интереснее, чем в отеле.

Люди, коллективы, немного видеозаписей, общение с Мартином и Олей. Наконец-то выяснилось, что Оля — украинка, жила шестнадцать лет в Голландии, десять лет работает на телевидении. Подарил ей два диска — соло и «Троицу». Она хочет помочь нам с туром по Голландии.

Замок, музыка, ночь, луна, свет. Гремели «испанцы», но не трогала их музыка, хотя носились по сцене, прыгали. Дал кучу автографов, услышал много хороших слов о Беларуси и «Троице».

Хьюз сам вызвался отвезти меня в отель. Спасибо, добрались. «Троица» ещё не спала.

15 июля.

9.00. Будапешт. Отель «Patria».

Вчера утром навестили художника Миклоса. Его дом — галерея: картины, скульптуры, миниатюры в камне! Это его новое увлечение. Об этом отдельно есть видеозапись. Он разрешил съёмку.

Потом стали теребить Мартина — где живём три дня? На что услышали неутешительный ответ. Хьюз и Мартин долго звонили в поисках «чип»-отеля. Но цена 150 евро за трое суток на троих. И тут я вспомнил о визитке Оли. Результат — мы сегодня играем 30 минут, и за это живём в шикарном отеле двое суток и получаем три завтрака! Это послание Неба. Это тяжело понять тому, кто сидит дома.

День мы предоставлены себе. Вечером концерт. Думаем узнать про чешскую визу. Оля теребила посольства, железнодорожные вокзалы, консула РБ в Венгрии. Вроде бы есть «паровоз» не через Чехию — без транзита. Проблема в том, что нас однажды высадили без транзитных виз среди поля со всеми инструментами и «цацками»…

В 17.00 — саундчек. Банки уже закрылись, а где взять евро? Жара, суета и слабость. Концерт в 22.00.

Всё смешалось: города, лица, страны… Где мы? Зачем? Куда-то

идём, что-то делаем, кому-то играем — будто сон…

22.50. После концерта усталые притащились в отель. Хотел снять венгерский ансамбль танца — шикарные костюмы, народные инструменты — но пока «отходили» в отеле, они уже выступили.

Завтра в 9.00 съезжаем в кемпинг на одну ночь. Грызём арбуз, колбаса невкусная. И очень всё подорожало в Венгрии. Оля говорит, что теперь они ездят в Австрию за продуктами. Бедный люд везде. А нам, как пилигримам, приходится пробовать везде и всё — эксперименты для желудка.

Не ищем музыкальные магазины, ничего не хочется. Может быть другая страна вызовет интерес к чему-нибудь. После своего выступления артисты-венгры стояли в раздевалке голые, чистые и весёлые, нас не остались смотреть и слушать. Молодые — чем-то напоминали «Хорошки». Видел, что девки приехали на своих авто, с «мобильниками». Всё, решился — куплю тоже. Пора. Сделаю себе подарок к сорокапятилетию. Здоровья бы…

А тут надо трудиться, иначе о турах нечего и речь вести: не будет сил не то что на концерт, а и на переезды.

Любуюсь венгерками. А что ещё делать?

Дурачком я был в шестнадцать —
Тискал девок у забора.
Дурачиной был и в двадцать —
Куролесил без разбора.
Был дурной, когда женился,
И дурилой разводился.
То в любви, то вечно в ссорах —
Десять, двадцать, тридцать, сорок…
Вот уж скоро и полвека!
«Нет ума — считай, калека»…

16 июля.

5.55. Уже встали. Сон в отеле на кровати — не в автобусе — выспались! Нам ведь немного надо — только капельку уюта!

Поднялся на последний этаж отеля, снял панораму Будапешта. Что несёт новый день? Незапланированный концерт. А ещё что? Что за люди будут слушать белорусские песни?

Всё это будет известно перед сном, когда ещё один день тура уйдёт в прошлое. Божьей Волей открываются Небеса и решаются многие наши проблемы.

Спасибо! Меняются отели, кровати, подушки. Сколько голов и спин на них лежало? Дышало, сопело, пыхтело. Кто-то замертво падал уставший, кто-то наслаждался условиями после долгих неудобств.

В душе я, пожалуй, такой же «вечный путник», как и Мартин, может только чуть почище. Эти постоянные неудобства, эти вновь и вновь появляющиеся проблемы: бензин, еда, обмен денег, границы, гостиницы, языковые проблемы. Языки — сколько же их! А нужен от силы один — английский. Мартин полиглот, ему везде комфортно. Он сразу «цепляет» незнакомца: шутка, улыбка — и всё решается.

8.30. Позавтракали, сложили «собоечки». Что-то Юрий Дмитриев без настроения: сознался, что впервые так затосковал о доме. Дом музыканта везде, где он сам.

С утра погулял минут сорок. Забрёл в узенькие улочки. Дома-громады из камня с массивными балконами, львами, фонтанами. И всё обнесено ажурными железными заборами. Красиво, надёжно, мощно.

Утром легче дышится, люблю это время: просыпаются люди, авто, собаки выгуливают сонных хозяев.

Что-то уже осталось за ней, за ночью, что-то ещё наползло на утро, и ты в этих мыслях, и ты не дома, где-то далеко сознание. Ноги бредут, глаза «пожирают» увиденное. Живу!

Оля говорила, что фестиваль «Sziget» пользуется дурной славой из-за наркотиков. А вот на «Каляке» этого безобразия нет. Но чтобы фестиваль существовал, нужна любая реклама, негативная даже лучше.

17 июля.

7.30. Проснулись в «пионерском» лагере. Буда — часть города — красивое место в горах.

Вчерашний день остался в памяти нервным и суматошным. Утром не пришёл Лайош в отель. Пошли к нему. Лайош не знал, где кемпинги. Вызвали Олю — ей это надо? У Мартина свои планы, встречи. Жара! Поплелись в отель, взяли чемоданы и пошли в концертный зал. Потом бега в поисках кассы, билетов, обмена евро. Оля молодец, помогла — купили билеты домой.

Долго искали в горах кемпинг, заселились, оплатили и — на концерт в клубе МОМ (дом музыки). Настроились. Вроде продали четырнадцать билетов, но было много звонков. И пришло сорок пять человек.

Сыграли. У меня много ошибок, как всегда. Нужен тренинг! Многие слушатели сидели в шоке, но хлопали. Мы отыграли полтора часа.

Устали, я срывался, это чувствуется по голосу.

Усталые добрались в кемпинг. Какие-то люди обещают работу на 2004 год в Венгрии. Увидим. Уже не так веришь, как мальчишка молоденькой девушке на очередном свидании. Да и музыка не такая уж популярная.

Сегодня едем в посольство Боснии и Герцеговины. Будапешт красив. Но как снять, если несёмся, будто на пожар.

9.45. Новый день — новые испытания. Виза в Боснию и Герцеговину — в Москве. Тут дают Румыния, Молдова, но ждать пятнадцать дней. И всё это нужно вынести, выдержать, чтобы «Троица» сыграла концерт.

11.50. Трасса на Сербию. Мартин названивает в Боснию и Герцеговину — ищет двух министров культуры, чтобы помочь «Троице» с визой. Опять эта виза? Доколе? За что?..

14.45. Опять «засада»? Наш автобус вернули прямо на границе! Из очереди легковых в очередь грузовых, которая была приличной. И ещё возникла проблема оформления бумаг, хотя мы ничего не везем.

Стоим в «отстойнике» с большегрузными машинами. Бедный Мартин. Вода, мороженое, сладкое — 10 евро. Оплата дорог — 25 евро. Оплата в Буде кемпинга — 21 евро. Всё платим и платим. Менестрели!..

Сюрпризы дня продолжаются. Неужели на Небесах так всё для меня расписано? Всё известно? И дети, и жёны, и дороги? Или «кубики» я складываю сам? Или только «вхожу в приготовленные двери»?

Черникой россыпь глаз у алтарей.
Скорбят Святые:
Сколько слёз ни лей —
Русь Белая теряет сыновей —
Не дозревает плод у матерей…

Мартин нашёл какого-то «панка»: лысый, хвост сзади — он не похож на пограничника. Как-то думаем «ввалиться» в Сербию.

16.00. Не пропустили, а югославы притормозили — евро им нужны! Поэтому бумаги и авто Мартина ни «бус», «ничта». Идёт оформление бумаг. Радовались и шутили: Китай для «Троицы» отодвигается всё дальше!

16.30. Сербия. Первый раз с новой «Троицей». Нет гор, поля — кукуруза, виноград.

К 18.00 безграничные поля вокруг городка Нови Сад сменились радостным очертанием гор в дымке.

18 июля.

9.45. Вчера въехали в предгорье. Не думал, что увижу горы вновь.

Нови Сад — город на Дунае. Мосты. Один был взорван американцами. На горе — замок-форт. Огромный. Въехали в его «зону»: ворота, оборонительные сооружения, старые пушки и т.д. А панорама!..

Потом нас повёз повар — бывший солдат — в «Пиццерию». Принесли такую пиццу, что ни в сказке сказать: до одного метра в диаметре. Мы все вместе не смогли осилить ее. Зато соку всем по пять стаканов — острая пицца была!

А ночью был ливень, молнии, стулья на крыше «буса» летали от ветра. Перед сном Мартин с сербом играли в шахматы. Ночь полная духоты, с закрытыми окнами и бессонницей.

Сирота-огонь в окошке.
Город в тёплом сне.
Сны мои, подобно кошкам,
Бродят по земле.
А бессонница-блудница
Теребит кровать
И щекочет мне ресницы:
«Ты не вздумай спать!»
Но Рассвет обнял окошко,
Притушил свечу…
Убаюкал Дух немножко —
К Ангелам лечу!..

Лишь под утро всё и все успокоились. Поиски электрических розеток в кирпичных сооружениях ни к чему ни привели. Остались без чая, без супа. Что день грядущий нам готовит?

14.30. Погуляли по городу. Полюбовались широченным Дунаем, мостом. Еле доплелись обратно. На обратном пути встретили Мартина — шёл по делам. На ходу что-то крикнул о возможном концерте. Где? Когда? Отдыхаем. Моросит дождик — панорама города смазана.

Насыщаешься глазами, стараешься «ухватить» побольше: заглянуть в окно, в приоткрытую дверь, ворота, в старинный дворик, чтобы ощутить их дух, увидеть, как живут сербы. Среди югославских девушек много высоких, стройных, с чёрными волосами, глазами.

Город не обошла война, но это уже почти не видно, хотя при въезде в город в домах замазаны дыры от снарядов. Но всё так же, как и

в дни бомбёжки, катит свои воды Дунай…

Вчера купались. Ночью! Пляж полон молодёжи, музыки, огней. Рай! После потного дня воды Дуная — бальзам для тела.

17.30. Все — «Троица» и семья серба — ждут Мартина.

В стене форта идет чья-то репетиция — гремит местная «Крама». А камни молчат, храня звуки времени.

Я всё удивлялся, когда в Лидском замке (построен в 1323 году) рухнула часть стены и огромные каменюки впечатались в землю. Здесь, в эти бастионы — кирпичные стены — вросли деревья, цепкий кустарник, а они стоят нерушимо.

В полумраке форта чудятся тени римлян и турков, но шум проезжавших мимо машин, испуганные огни фар, бегающие по каменным лабиринтам, возвращают в день сегодняшний.

19 июля.

8.20. Вчера мы дремали в автобусе. Пришёл очередной друг Мартина со странным именем — Сержан. С женой и двумя детьми он прогуливался у массивных стен, ожидая Мартина. По приезде Мартина всем подарили по стеклянной кружке. Жена Сержана — художница. Нам предложили душ. Мы были рады смене обстановки.

Вечером отвезли Мартина на радио: у него эфир с 20.00 до 22.00. Сами вернулись и ушли смотреть закат над Дунаем — зрелище!

По возвращению нас ждала нормальная, милая, добрая семья. Сержан купил три порции мексиканской еды, отварил кукурузу. А на десерт — огромный арбуз. Я день о нём мечтал.

В ихней ванне только грудных детей купать. Кое-как умудрился помыть «дорогие сердцу» места — боялся в неё залезать, чтобы не поломать. Такое у меня уже было на Украине, когда вывалился из ванны. Сломались чугунные ножки, и вода затопила весь этаж!

Ночью из дверей мастерских в каменных «курганах» гремела музыка. Пьяная любимая из Голландии обрывала телефон Мартина.

Из необычного: подарили Сержану бутылку водки, а он не взял. Говорит: «Я сам не пью и других не угощаю!»

Дорога на Белград — горы, поросшие лесом, домики над обрывами с шикарной панорамой и кукурузные поля до горизонта.

14.00. Белград. Дома, лица, магазины, знакомые буквы «hrana» — еда. Уже что-то знаем, понимаем из общего коктейля звуков и букв. То ли ещё будет?

Уже сорок пять минут сидим, и к нам никто не выходит. Видно, не ждут, как и в других «точках» тура. Снова парит, духота. Юры проводят время в чтении, а я наблюдаю: домики, люди, их быт, машины, дороги. И в такой духоте люди трудятся?

Утром я и Юрий Дмитриев ходили на Дунай через понтонный мост на другой берег, где пляж. Вода мудрого Дуная катит в своём ритме, со своим настроением. Уже в одном метре от берега подними ноги и тебя унесёт течением. Вода такая приятная — день бы не вылезать!

Автобус скачет по дорожным ухабам, унося нас всё дальше и дальше. И дом родной, и близкие — далёкий мираж за сотни километров. Лишь память рисует «узоры» Беларуси. И нет тоски, есть ожидание встречи с ней, с Белой Русью, как с седой мамой.

У всех одна мысль — «отметелить» голландца. Когда мы ему нужны — стелется, а ты тут хоть закисни на окраине Сербии. Противно, что взрослые мужики так «влетают».

19.45. Остров. Не знаю его названия, но на нём проходят фестивали. Вода и немного еды. Конечно же, я психанул. И покрыл Мартина всеми «обидными словами», сказал, что уеду в Минск.

Купались, болтали о лучших временах. Ждём электричества — будет чай, будет суп — полегчает. Похоже, мы «зависаем» тут…

20 июля.

В 1.30 я вылез из «общаги на колёсах». Бродил по берегу, молился, глядя на звёзды. На берегах, в кабаках веселился люд, и «Троица» не спала. Какая-то птица, но не чайка, страшно, не по-птичьи кричала на берегу. В воде раз за разом что-то плескалось — очень шумно. Всё это напоминало фильм ужасов. Мы на острове, на который с 21.30 и вход, и выход закрыты. Большие пароходы ночью напоминают цветных гусениц, уползающих в темноту, в чёрные дыры ночи. Красиво! Порой хочется с ними, туда, где не был.

Сербия! Мы тебя познаём не по историческим местам, центрам городов, а по окраинам, пляжам, загорающей молодёжи.

11.10. «Народ» упал в чтиво. А на остров подтягиваются новые красивые пары, дети, мамы. Огромная территория, где должен был проходить фестиваль, но всё отменили из-за погоды. Так жарит! Мартин обещал вновь тут в кафе концерт «Троице».

Огромные старые тополя, кафешки, только питьё, еды не продают. Мелькнула змея, а мы тут босиком ходим. Я подобрал «бесхозный» пластиковый стол, расставили стулья Мартина, на которого я всё ещё злюсь, и всё выглядит со стороны пристойно.

Каштаны — древние, дремучие — приспустили космы листьев, солнце нанизывает их верхушки, как на шашлык. Скоро и нам некуда будет спрятаться.

Гладкий череп Каштана
Колыбельку качает.
Мятый лист-иероглиф
В вечность вонзает…

Дома, в беготне, многое не замечаешь. Менялись картинки, и вот — стоп-кадр. Как смена декораций — солдаты (охраняют понтоны), люди, трактор, что развозит бочки с пивом.

У кого-то ещё есть силы в этой жаре заниматься спортом. Меня манит вода, ноги во влажный песок…Плавки, фигуры, тела…

«Троица» — когда вместе — команда. В туре присутствует какая-то согласованность, помощь друг другу хоть словом. Мы интересуемся, как сон, настроение? Это важно — сбивка ломает у «Троицы» всё. Порой мне кажется, что мы чересчур внимательны друг к другу. Малейшее изменение настроения у одного настораживает других. Этого не было в старой «Троице», да и в ансамбле «Диво», которому я отдал десять лет жизни .

Мы очень много шутим, смеёмся — возможно, это своеобразный выход негатива. Возможно, какая-то защита. А если смех продлевает жизнь, то она у нас ещё не начиналась!

Жизнь на острове напоминает чем-то «пионерский лагерь» — чай, купание, чай, еда, сон. Ящерицы, муравьи. Мы всё наблюдаем, как юные натуралисты. Благо, есть время.

Завтра — посольство Боснии и Герцеговины: будет ли виза? Опять виза!.. Будут ли концерты, гонорары?

Правда, подрумянились на солнышке — «неспадзяванка». Вернусь злым «негром».

Когда оттикают часы, —
Спаси меня, Господь, спаси!
Когда уснут земные сны, —
Спаси меня, Господь, спаси!
Когда взойдёт алтарь Зари, —
Спаси меня, Господь, спаси!
Ты прах мой ветром разнеси,

Пойми меня и не кори...
Спаси меня, Господь, спаси!

20.00. Закат, лучи целуют воду, размазывая помаду по волнам. «Модница» река боится постареть?

Вокруг очень много маленьких детей. Непроизвольно думаешь о своих! С Ильёй мы были вместе до четырёх лет, с Ваней — до девяти. А дальше? Не отец. Толку с меня в этом нет. А в чём есть? Здесь, глядя со стороны, папы выглядят очень заботливыми: возятся с малышнёй. А я для чего здесь в этой жизни?..

21 июля.

Вечером с Мартином ходили в ресторан, здесь их великое множество по берегу Дуная и его притока Саввы. Носили CD «Троицы», хотели сыграть. А днём ревел вокруг автобуса Дэвид Боуи. А теперь мы со «своим»?

Шли долго по асфальтовой дорожке у воды. Вечер — время «золотого фонда» Сербии — высыпали «ляли». Такие все желанные!

Директор ресторана — высокая, белая, стриженая женщина лет сорока пяти-пятидесяти. Рассаживала прибывающих гостей, шутила, улыбалась и «одним ухом» слушала «Троицу». В этом шуме настраивались мы — музыканты. Испили «колы», сока и сидим, как на выданье.

Конечно же, музыка «Троицы» не для «кабака», да к тому же в этот вечер будет сербская свадьба. Перешли в дешёвую пиццерию и так долго ждали заказа, что осталось только рассматривать людей.

В 22.30 у понтона нас встретил солдат и не пустил отдыхать — режим. Мартин кое-как объяснил, кто мы. Тот связался по рации с другими. Спать хотим! Ещё несколько раз пришлось Мартину рассказывать всё сначала.

Четыре человека в автобусе — духота, комары, мошкара. Ежедневное недосыпание. Для чего «Троица» всё это терпит? Сегодня ещё одна ночь на этом острове.

Будни — серые волки…
Поджав драные хвосты,
они воют в логове Ночи,
кометами глаз стреляют
в ржавые циферблаты Года.
Умираю… И заново рождаюсь...
Каждое утро!

Утром пошли купаться. Прямо перед нами в воде плыла змея: светло-коричневого цвета, сантиметров сорок! Остановилась в полутора метрах перед нами, высунула голову из воды, открыла рот, «поболтала» языком, будто что-то хотела сказать или о чём-то предупредить, и уплыла. Желание купаться как-то медленно уплыло вместе с ней. А мы тут и ночью без страха плавали. Рискнув, всё же окунулись, хотя в этой толще воды может жить всякое творение Божье. Береги, Боже!

Сегодня ответственный день: посетить посольство Боснии и Герцеговины, получить визы, а значит, и ряд концертов. Посмотрим, что готовит судьба сегодня «Троице».

15.35. Небу было угодно, чтобы мы получили визы. На всё ушло полчаса. И без очереди.

Как говорится, побыли в Белграде, а что видели? Душно, жарко, загазовано! Снующие автобусы, троллейбусы, трамваи, люди, укрывающиеся под навесами от жары. За четыре-пять часов ничего толком и не увидели: «ништа», то есть, ничего.

Час в душном интернет-кафе. И всё. Сразу потянуло на наше «лежбище»: быстрей к воде, упасть в неё. Нам свистел спасатель — заплыли за буйки. Юрий Павловский видел ту же змейку в воде. А рядом много детей. Просто Маугли какие-то…

После паузы в Сербии, завтра оставляем змеиный берег Дуная и «дуем» в Нови Сад.

Сгорел на солнце. Вспомнилось Сочи 1989-1990 годов, когда лохмотьями снимал с себя шкуру, и море не в «кайф», и ночи в стонах с болью от ожогов. Пузыри и облепиховое масло на раны. Дурь, а не отдых.

А дома, говорят, дожди. Вот тебе и лето, и отпуск. А когда он у меня был? С семьёй успел отдохнуть в 1995 году, а в 1996 — уже крах.

Бредёт Тело по лабиринтам судьбы к цифре 45. Одинокое, грустное, но, по-моему, счастливое. «Ты этого хотел? Кушай!»

22 июля.

Ночь. Я и Юрий Павловский решили спать на крыше автобуса. Мы устроились, улеглись, глядим на звёздное небо. То ли кометы двигались, то ли спутники.

Через час нас «пригласили» в автобус — нужно принять решение: концерт в г. Нови Сад — бесплатный, денег не нашли. Я как-то сказал «да», но Юры считают, что себя нужно уважать. В общем, большинством голосов отказались.

То гремела музыка, то бурчал трансформатор, то носились летучие мыши. В 2.45 появилась старушка Луна и сон утащила. Пришли холод и сырость. Поделились одеялом с Юрой Павловским, так как он завернулся в одну только простыню. Туризм поневоле!

С 2.00 до 5.00 сон рваными лентами фильмов. Крики купающихся: «Спасите». Спасите и нас... от этой дури!

В 5.00 отключился трансформатор и пришёл сон, долгожданный сон до восьми утра, пока на месте бледной луны не появилось жаркое солнце. Ноги всю ночь были хорошим плацдармом для комаров, красные пятна украшают ноги до колен, а также руки и лицо.

В 4.00 вернулся Мартин и принёс хорошую новость: нашли какой-то смешной гонорар, можно ехать.

Завтрак был скомкан: отдавать лишние евро, не заработав их, не хотелось. Рыбные консервы, без чая, лезли с трудом. Аппетит лежал где-то в соседнем сербском магазине на витрине и полочках.

После грустного завтрака «Троица» разбрелась по «углам». Юрий Павловский убрал в автобусе, куда мы наносили тапками много мусора.

18.00. Нови Сад. Кафе-галерея. Сидим часа три! Температура 40 градусов по Цельсию. Кто-то забыл ключ, и мы не смогли сполоснуться, а могли пару часов отдохнуть.

Нам надо час работать на открытой площадке. Поливают дворик, где будем играть. Мартин начинает дискотекой и заканчивает DJ «коктейлем».

В 19.00 — саундчек, концерт, еда, сон. А завтра день «пилить» в Сараево.

23 июля.

8.55. Крепко спали в однокомнатном доме высоченного, небритого серба.

Вчера ожидание концерта тянулось долго. Концерт прошёл хорошо, хоть я, правда, хрипел местами. Многие благодарили — мы тут первый раз, и зрителям всё ново.

Сколько красивых глаз, загорелых сербских тел в галерее и на улицах! Любовались. В кабаке сербы рассказали, как здорово потрепала Нови Сад война: все мосты взорвали, заразили химией воду, в результате чего много заболеваний раком, рождаются больные дети. Живут бедно, но говорили, что в Черногории много богатых: там — море. Почему там нет фестивалей?

16.45 Граница Боснии и Герцеговины. А на Сербской границе у нас в каждом чемодане искали оружие, наркоту. Две границы, два часа времени на прохождение. До Сараево ещё два-три часа езды. Ещё? Тряска.

Поющий фонтан будней — мои Родители, мои Дети, мои Сёстры, моя Музыка. Тиканье часов: «Уже вечер!» Ещё один? Да. Не спеша — на усталой лошади Времени — в прошлое недели Покоя, старческой Мудрости. Спокойной глади в посвежевшей голове…

Босния и Герцеговина. Сараево. В 22.00 заселились в частный отель.

За те красоты (горы-долины), возле которых Мартин не остановился, его можно побить. А вот за один литр холодного сока в Сараево после стольких часов духоты и тряски и заселение в цивилизованную квартиру — обнять «избитое тело». Душ, чай и отдых в кро-ва-точ-ке!

И кухня, и балкон с видом на удивительнейший город, чем-то напоминающий термитники. Увидев такое, понимаешь Мартина. Да, я и сам хотел бы сюда ещё раз приехать. Благо, есть видео, может хоть что-нибудь сниму на память.

В дороге всегда так мучаешься, а вернёшься домой, полежишь на диване и заскучаешь по змеям-дорогам.

24 июля.

9.00. Спим как убитые. В дороге я сидел на переднем сиденье и снимал окрестности. Так трясло и подкидывало, что утром в теле жило ощущение, будто по мне всю ночь танки носились. Тело не отдохнуло.

В пять часов утра любовался панорамой наползающего на горы рассвета и потухающих огоньков в долинах: красиво, тихо, величаво. Потом упал в постель. Сон прервала «армия молотобойцев», что укладывала под окном асфальт.

В городе еще видны следы войны, хотя она закончилась в 1996 году. Разбитые, поросшие травой и деревьями скелеты домов, следы пуль на вновь отстроенных, обжитых домах. Очень много красивых, смуглых, черноволосых, модно одетых людей.

Нас встретили в рок-кафе, где в 1999 году в дыму и шуме я пытался убаюкать всех «сольной» программой.

Едем на такси за счёт фирмы. Поющие на минаретах мечетей муэдзины, ночные огоньки по горам до неба — неописуемое зрелище.

20.15 Вынужденная остановка на ночь в горах. Нет концерта, нет ответственного. Мартин купил мясо, продукты (загладить вину?), и мы заночевали в дивном месте.

А река! А вода! Уже искупались, удивив беженцев, что живут в одноэтажном домике над рекой, окруженной горами.

Есть идея подумать над темой «Горы — люди, ненависть, кровь» (о сербах, грузинах, армянах). Почему так долго льётся кровь в горах? Зачем Духам гор такие жертвы?

Уже в такие, кажется, «трущобы» заезжали, а везде живут люди, пасётся скот, растут сады, цветы у разрушенных домов. Везде видны следы войны.

Какая глупость — ВОЙНА! Неужели всем трудно понять — одну жизнь даёт Бог. Неважно, как Его зовут: Будда, Христос, Магомед — мы все Его дети. Он один! Он Велик! И люди — мошки, пыль. А что творят!

Жарится мясо. Темнеет. Звучит музыка, снуют «местные»: ещё бы — стоим на видном месте. Сбылась мечта — наснимал на видео горы. Пока Мартин отдыхал, я ушёл пешком вперёд минут на сорок, снимал всё, что хотел.

Я видел, как увял цветок,
Как таял губ нектар.
О, старость — молодости шок,
И мудрости бесценный дар!..

Как светлячки в горах зажигаются огоньки в домах местных жителей. Вечереет, где-то лают собаки, совсем как в белорусских деревнях, шумят автомашины. Кажется, всё просто и обыденно, но нет! Тут же горы!

25 июля.

Ночь в горах! Мелькание ночных фар — зрелище из фильмов ужасов. Мелкие звёзды и вековая тишина — сон Гор. Ночью приходил какой-то зверёк, или пёсик — разворошил мешки с мусором, а мы всё съели!

14.15. Заселили в частный домишко: одна комната, двухспальная кровать, кухня, ванна, мёртвый телевизор, холодильник с запахом.

В 18.30 — саундчек и концерт. Мы играем первые. Пока оплачивают только такси.

Были в «городе CD», как и в прежние времена, «завалились» пластинками. Я взял четырнадцать штук. Одни вояки из разных стран затариваются. Есть всё! Пиратское видео и порно! Что хочешь.

Опять я обманулся с евро. Не умею считать деньги, может поэтому они и не задерживаются?

Приехали музыканты из Нидерландов. Счастливые, пританцовывают. Мы спокойны, уже вчера сыграли.

А «кайф» от гор почти прошёл на обратном пути. Всё промелькнуло за два часа, и полицаи тормознули Мартина за превышение скоро-

сти, пристали, почему на частной машине нет имени Мартина. Что за фирма? Пригрозили: суд и штраф 200-300 евро. Но 10 евро «в лапу» (по-нашему!), и проблема решилась.

Отдыхаем в ожидании концерта. Клуб вовсю готовится к сегодняшнему вечеру.

26 июля.

6.10. Мирный сон прервал голландский «рогот» на балконе, над нашим домиком. Спал на полу, так как раскладной диванчик упирался всеми железяками в моё мягкое «тельце». Но это был сон не из худших, так как я открыл окно и мне было прохладно.

Какой-то осадок: за двадцать четыре дня — всего девятый концерт. Мало работы и, конечно же, много денег уходит на жизнь.

«Троица» в который раз решает приостановить сотрудничество с бродягой Мартином. По-моему, этот тур дополнил бочку, не мёдом, конечно. Единственное — нужно как-то хорошо расстаться.

Нужно помыться, пока есть условия. Чай, и опять смена места в пространстве, новые лица, другая музыка и другие впечатления.

Так хотелось отснять старый город, а живём далеко, да и времени нет. Предлагал вчера «Троице» взять такси и съездить в старый город, но у всех вещи, а таскаться никому не хочется. Многое из того, о чём мечталось, так и осталось за кадром. Но что-то видим другое.

То ли это воспитание, то ли европейская свобода так себя вести: ругаются, шумят — ведь ещё нет семи.

«Троица» в этом плане аккуратнее, может и смотрится поэтому в этой «тусовке» как белая ворона. Да, хочется на прежний уровень, что был до Балкан. Ни разу не позвонил домой, были деньги, но не было времени — всё бегом, бегом. Вот поэтому и снятся домашние.

Утро не жаркое, а что готовит судьба к обеду — увидим.

Босния уже в который раз не особо радует зрителями и поклонниками. Всех можно сосчитать на пальцах. Но это и понятно.

17.00. Долина среди громадных гор. Стоит тридцать палаток, в которых спит, ворочается, дремлет «молодёжь». Мы выступаем в 18-19.00. Таких концертов ещё у нас не было. А там — ночь, дорога и другой «дом».

Длинная дорога, очень много разрушенных домов по сторонам. Это жуткое зрелище. В то же время вдоль дорог не сосчитать кафе, ресторанов, магазинов. Продают мёд, рыбу, керамику, медную посуду, бочки.

Голосят на мечети. Рядом с разбитыми войной домами — рок-

сцена. Нет туалетов! Электричество, воду давали в прошлом году войска. Но в прошлом году не было сцены.

Все терпят, с Мартином немногословны: разрыв очевиден. Хотелось бы без скандала. Так как дорога вместе с визами «Троицы» стоит 1200 евро, и кто из родимых спонсоров-белорусов выделит такие деньги? Да и как сложится дальнейшая судьба музея…

Катастрофа — вчера продали тридцать один билет.

27 июля.

3.20. Мркинец Град! Зеленковичи. Прибыли! В 10.00 обещали заселить в домик, заселили в 14.00. А концерт в 15.00. Играем в 18.30. Не было саундчека. Один микрофон без стоек? Вот тебе и джаз-фестиваль! Но зажали зубы и отработали.

Boro — очередной друг Мартина — отстроился и, конечно же, имеет свою долю со всех проектов. Появилось и озеро пятиметровой глубины на месте карьера — бар, надувная лодка. В общем, все условия «потянуть» КМ — боснийские марки.

Жена Боро убирает домики, стелет бельё. Сын сидит за компьютером, в деревне Баня-Лука у сына дом. А у Boro — дом и весь этот комплекс. Где налоговая, пожарники, санстанция? Boro «косит» под дурачка. Я говорю: «Нет стойки к микрофону». Он: «Ты же художник». Козёл! Как этот «боснийский базар» надоел всем.

«Троица» терпеливо выносит все невзгоды, считая дни до переезда в Венгрию: там должно быть чуть полегче…

28 июля.

Обещали реку Сана. Много чего обещают здесь.

Гуляли утром по околицам. Сухие русла горных рек, мох на высоченных деревьях, они как будто стараются заглянуть за горы: «А что там?» Всё это — «декорации» джаз-фестиваля в Боснии и Герцеговине.

Экозона пустеет, уезжают люди с рюкзаками, «сильные» ещё догоняются «ракией» — местной водочкой. Боро ходит с больной головой: перебрал «ракии». Лечу его чёрным чаем.

Снова для «Троицы» испытание — нет концерта в Баня Лука. А причем тут мы? Благо, Боро расположен к нам — можем здесь побыть.

На 30, 31 июля намечены концерты, но будут ли? И полная «чёрная дыра» — отъезд в Венгрию: на чём, как, билеты, евро? Давно такой «непонятки» у нас не было,

Голландские музыканты играют «рэггей». Дан — музыкант из Баня Лука — играет джаз-концерт за двадцать евро, так что кому-то не

лучше. И во всей этой дневной суете всё так же в своём ритме ручей щекочет травинки, камешки и смеётся над людскими дешёвыми проблемами.

Туристы платят Boro за одного человека 10 КМ (5 евро) за ночь. Но в этих «фигвамах» нет удобств. Так что он планирует столовую, баню. Разумно. Вчера, нализавшись «ракии», танцевал с другой дамой, целовался, за что получил от жены по щеке, вот что значит «в Тулу со своим самоваром». Те же людские проблемы, те же грабли, только вид с гор Боснии.

Боснийцы помнят первый концерт «Троицы». Поют «Рэчаньку», «Соловейку».

Днём ещё «тёплый» Боро загрузил «Троицу» и повез за двадцать километров на реку Сана. Долго вёз, много говорил о своих проектах. Много шутили, снимали видео, купались. Boro рассказал, как полтора месяца жил дикарём с другом художником у реки в горах. Как они ловили рыбу, как разрисовывали тела, как местные ребята приносили хлеб, кур. А однажды к ним пришла восемнадцатилетняя девочка жить вместе. О многом рассказал.

Сидели у водопадов, что струились, как слёзы по поводу такого «прекрасного» тура, пили кофе, вдали за горы садилось солнце. И было хорошо, что Боро «утонул» в своих воспоминаниях вслух, а «Троица» — каждый в своих. Быстро темнело.

День «отплюсовался» майками фестиваля, с которыми у Boro недоразумение: шестьдесят пять штук кто-то раздарил в деревнях, и только тридцать пять привезли на фестиваль. Я представил пастуха в горах в такой майке. А овцы обступили и пытаются прочитать, чем «коронован»…

29 июля.

5.00. Небесный Глас! Ауфтакт — молчание, и полилась музыка дождя, заглушив шёпот ручья. Какие-то странные сопения и царапанья коготками потолка полностью разбудили «Троицу». Чувствовалось по звукам — не бурундучок. Вспомнились фильмы ужасов о «зубастеньких», и сон «убежал» куда-то за реку Сан. Пришлось пить чёрный чай: зелёный закончился — и это траур.

Бородатый «водила» из Нидерландов брал по десять бутылок пива. Местные «жаловались» Boro: «Иван пьёт». Boro им в ответ: «Иван не пьёт — сто раз мне отказал». Вскоре бармены выяснили свою ошибку. Это другая борода резвилась «на халяву».

22.10. Приехали из Баня Лука усталые, но счастливые — «бомбили» CD-шопы! Опять завалились компакт-дисками! Странно: тут есть

выбор разной музыки! А что? Это — наша жизнь!

Boro решал свои дела, оставив нам свой мобильник, по которому его все искали.

Босниец много рассказывал о войне, о сербах (хотя это его народ) и солдатах (сам служил полтора года), о жене и детях, о горах (с их судьбами-именами), спрашивал о Беларуси, зарплате.

В его арт-галерее художники пьют второй день: то не было красок, то не было Боро. Он рассказал: так всегда — два дня пьют, а потом «мощно» работают. Да, так делают охотники, рыбаки и просто мужские компании! Значит, надо от всех спрятаться, превратиться в «поросёнка», а потом «попрёт»? Нет, уж...

30 июля.

8.10. Уже завариваю чай. Прохладно после дождей и сыро. Сегодня смена «жилья» и концерт.

Перед сном увидели тех, кто царапками бегал по потолку — милое пушистое создание с беличьим хвостом. Совсем осмелела, при свете вылезла по камину и нюхала еду. Пришлось прятать еду в сундук. Но ночью скреблись «горемыки».

Вечером Боро «упал» в наш домик: пил чай, ел шоколадную пасту с печеньем и спешил к жене под одеяло.

Друг Боро, босниец, снимал всю войну и собрал огромный видеоархив. Дом завален видео, аудио до потолка — чисто, опрятно, милая жена, три девочки. На прежнем месте, где была война, жить не смог, купил дом в Баня Лука. Критиковал мою видеосъёмку — тороплюсь. Да, я много чего не умею. И тороплюсь, правда.

12.00. Через час должны покинуть «журчащий» уголок. Забегал Boro — выпил чай и радостно сказал бармену, что у «Троицы» он и утром и вечером пьёт чай! Всем нравится внимание к себе.

Юрий Павловский заметно загрустил о доме. Юрий Дмитриев выдержаннее, об этом говорили вечер. А что я? О доме? А есть ли он у меня? Был ли? Вопросы, в которых я плаваю, как на первом экзамене. Быстрее всего я вспоминаю свои цветы, которые некому полить. Они явно ждут, да и сёстры с родителями тоже.

Ветер стягивает белые шапки-ушанки с гор, голубеет пространство, и сразу День хватается за работу: обогреть, обсушить.

Только что нахлынули «девочки» художников. Сделали общее фото: я в центре, как старый житель Сербии, — ха-ха! Какие-то секунды впечатываются в видео и фото. Будет что вспомнить на старости лет. И есть что!

Наняли местный автобус. Вчера простились по-домашнему с

Боро. Дорога не перестаёт нас удивлять. Среди красивых, заросших деревьями гор вьётся дорога, по сторонам которой — маленькие, уходящие в горы, одна на одну наползающие крыши домов, мосты, реки.

Зеница — современный город с населением в 200 тысяч человек. В рок-клубе непредвиденная случайность: нечаянно уронил блок пульта из рук, надо паять, а паяльник в автобусе Мартина. Хоть бы работал, но в тесноте саундчека всё что хочешь случается. Сорвал гнев на отсутствующем Мартине.

До концерта ещё час. Пошёл гулять по городу. По узеньким улочкам плыл поток молодёжи. Я пытался «утонуть», раствориться — дед Бородед среди этих красотулечек в штанишках, маечках — явно выделялся.

Успокоение не наступало, а ведь ещё концерт отработать. Как важны взаимоотношения между людьми.

Сербия. Вновь узкие дороги, кукуруза. Водитель — симпатичный парень лет двадцати шести, автобус его. Он семь лет работал в Германии. Решил жениться, купил трёхкомнатную квартиру, но почувствовал, что девушка идет за него «из-за квартиры». Свадьба расстроилась. Сейчас занимается стройкой. Приглашал в свою трёхкомнатную квартиру.

Эх, Босния, ты не представляешь, как к тебе тяжело добраться! И выехать. Сейчас рискуем по серпантину дорог с «летающим» по салону автобуса диваном. Но, к счастью, уже прошли часть пути. С Божьей помощью. Но позже о водителе мнение наше начало меняться — стал хлебать пиво за рулём. Итог — две аварийные ситуации.

С Мартином расставались сухо. Китай остался в мечтах. Теперь себе даже представить тяжело — мы в Китае? А если бы и состоялся, шутил я, то за первый день появился бы в Китае новый памятник — голландцу.

Сегодня должно было быть телевидение и концерт в Баня Лука, но после долгих споров решили — едем в Венгрию!

16.00. Железнодорожная станция. Нови Сад. Когда? Во сколько? Вечные вопросы. Из сырости и прохлады ввалились в прежнюю балканскую духоту.

Беларусь на 300 км стала ближе. Но до нее ещё ехать и ехать.

17.00. Вокзал без скамеек. Поезд отправляется в 24.00. Стоянка пять минут. Вещей у нас немерено, да ещё музыкальные инструменты. Как ни старались упаковать компактно пакеты, вещи, всё равно много всего! Да, это не автобус Мартина, где всё могло лежать. Натаскаемся со всем этим. А впереди ночь, границы.

Странное чувство — только «вросли» в Боснию и Герцеговину и вот опять отрываемся, оставляя за собой старых и новых знакомых, немного своей музыки. Скорее всего, записи «Троицы» будут пиратские, но главное, что «Троицу» будут слушать и здесь.

Нет Мартина рядом, и успокоились нервы. Только его немного жаль с этим никому не нужным проектом «Вокруг мира». Автобус у него тяжёлый, неповоротливый, много «ест» горючего, и везде на границах с него тянут евро и другую валюту. Нет кухни, нет душа, и очень много затрат. Зачем человек мучается? Хотя такой вопрос можно задавать любому. Просто у каждого свой «жёлтый автобус», на котором он едет Туда — не знаю Куда.

Поцелуй бабули — оберег в дороге.
А с молитвой мамы не страшны тревоги.
Все Святые рядом, Ангелы в подмогу!
И ложится Крест мой на стезю-дорогу.
Как Христос, осилю «Тайную Вечерю»?
Хоть Иуд хватает, я в молитву верю!

1 августа.

Поезд в 23.40. К этому времени подтянулись туристы, провожающая молодёжь, мамы с детками. А у нас на троих пятнадцать наименований багажа, включая музыкальные инструменты.

Пришёл поезд с тремя вагонами, один из них спальный. Конечно же, я стал загружаться в спальный, из которого наши чемоданы выбросили на перрон. Эй, а по личику?!

Все остальные загружались в вагон второго класса. В общем, кое-как заволокли всё в тамбур, едем и распихиваем всё по полкам. Только упали в кресла — пограничники. Штампы, проверки, прерванный сон. Утром — Будапешт.

Венгрия. 5.15. Прибыли в Будапешт. И восемь часов на вокзале в Сербии показались вечностью! На вокзале шумно, но без нормального сна уже не первая ноченька, и меня обуяло желание лечь прямо на голый мраморный пол. Но «Троица» не дала уснуть — смех, шутки, «ржали» до боли в животе.

Есть экстра-концерт 3 августа. А до этого где-то нужно два дня прожить. Мечтаем: душ, кровать, сон, постираться, поесть. Двадцать девять дней «Троица» уже в дороге, втянулись в трудности, которых и на сей раз хватало.

10.20. Ожидание длиться уже более пяти часов.

Узнали у Лайоша, что нами будет заниматься Picla, а он после фестиваля ещё спит. Венгрия встретила нас жаром, и переодеваться хочется уже в отеле. Да, отель есть! На все пять дней! Слава Лайошу! Везёт. Мой недосып прошёл после «традиционного завтрака» на чемоданах. Юрий Павловский без аппетита, чуть притронулся Юрий Дмитриев. Все устали…

А вокруг народ с едой, как и в Сербии, впихивается в прибывающие поезда и с шумом, музыкой, детскими криками, с «кайфом» — уезжают за город на уикенд.

Будапешт «засорён» туристами с огромными рюкзаками, спальниками, картами «троп» по этой громадине. Я и Юрий Дмитриев чуть прошлись в поисках чайника (свой я разбил на трассе) и упарились. «Троица» затихла в ожидании удобств.

Венгерские мужики с интересом разглядывают своих почти обнажившихся дам, девиц, насквозь сверля глазами белую, почти прозрачную ткань женских брюк. Значит, мы не одиноки в этом…

Ещё на одну страну ближе к Дому, но тоска от безделья нарастает. Строятся планы на оставшиеся дни августа и будущую адаптацию к жизни в Беларуси.

14.20. Отель — не отель, а так себе: узкая комнатка, четыре кровати, кран с водой. За спиной семь часов на вокзале в Будапеште и восемь часов на вокзале в Нови Сад.

Звонили тысячи раз! Мы здесь. И тишина. Вдруг нашёлся автобус с кондиционером — едем. «А в отеле нет для вас мест, никто не звонил, оплачивайте шесть суток!» Это — около восьмидесяти долларов. Неожиданность-подлянка. Лайош, где ты? Оплатили ночь, поели, упали в кровати. Усталость. Отель напоминает общагу с общим туалетом.

Братва обиделась на Лайоша, а я его понимаю: у него куча дел, вопросов по фестивалю, мы не такие уж и «звёзды». А то, что его служба не работает, — это другое дело.

Мои дорогие товарищи спят, а я уже выпил зелёный чай и бодрствую. Сейчас в голове «помойка»: из лиц, дорог, домов, разных стран и денег, горных равнин, городов, таких разных, а порой таких похожих своими узкими улочками, красными черепичными крышами. Может, оно так и будет лежать «горой увиденного и услышанного»? А сердце? Что чувствует?

19.00. У моих друзей всё ещё непрекращающийся глубочайший сон. За всё время сна не повернулись и не перевернулись: сказываются

бессонные ночи и усталость. Наш «Балкан-балаган-тур-2003» — раны на трепетных Душах.

Нужно идти в магазин, о достопримечательностях я молчу. Нужно ездить туристом — тогда всё увидишь, а работая — сил не хватит. Тем более при таких переездах — тысячи километров. Сложных, трудных, горных. И порой бестолковых.

Сколько жизней оборвалось на этих горных поворотах, сколько столбиков — именных, небольших и больших мраморных памятников с искусственными цветами по обочинам Боснии — не счесть! Горько осознавать, что кто-то куда-то не доехал. Всегда, на всех дорогах «Троицы» эти мысли присутствуют при виде чьей-то «последней пристани».

Где-то Человек должен родиться, и где-то, чаще всего не там, где родился, — уйти. И чаще всего, когда того человек не ждёт. Дух, душа. Этот огромный запас впечатлений. Куда это всё девается? А земная, такая привычная жизнь будет продолжаться. Это я увидел после смерти Владимира Мулявина — утром всё было, как прежде: транспорт, люди, а мне хотелось кричать им: «Нет! Его нет!» Но колесо земной жизни продолжало поскрипывать, отмерять время: кому — начать петь, а кому — стоп.

Где-то я читал и высчитал, что у меня последняя на этой планете четырнадцатая Жизнь. Если Это правда, то как-то не радует, что не очень-то всё красиво получилось.

«Зато у нас песни красивые», — шутят по этому поводу.

Вот я их и пою, отпевая Свой путь. Песнями вымаливая себе хоть какое-то маленькое местечко не Здесь, а где-нибудь вне Земли…

2 августа.

По-разному кольцуют вольных птиц, по-разному «кольцуют» людей. Это и брак, и работа, и увлечения. Свободно «сидит» кольцо, радует блеском — легко птице. Ржавое, душит — тяжело, пасмурно. Есть ли выбор? Думаю — нет. Все «меченные-отмеченные» внесены во Вселенскую Книгу Позора. Наверное, для контраста: такие тоже нужны.

Хотя им, «окольцованным», жить не легче, чем вольным, без греха. Не подняться очень высоко с «кольцом». Но проходят годы, стирается или врастает «кольцо», и не чувствует его птица — летит спокойно, мудро и очень уверенно.

Но для этого должны сотни раз закаты сменить рассветы. Тогда взлетишь…

Будто в отцветших травах

Валяюсь — бессонниц кураж…
Зрачками в глухой потолок —
Там тлеющих звёзд мираж.
Пухлых вязанок мысли…
Мне хочется прочь их гнать!
И лишь под утро Ангел
Душу уносит спать.

Мы на фестивале в Будапеште. Общий туалет… без крючков. Венгрия? Душевые — та же песня, но выглядят более сексуально. Венгрия! С её «статуэтками» по обочинам дорог. С ёе спокойно транслируемой эротикой по телевизору. С её странным птичьим, на другие не похожим языком.

Но, как бы ни был музыкален венгерский народ, как бы ни прыгал, ни танцевал под свои скрипочки — ударит Павловский Юра в бубен, возьмёт аккорд Юра Дмитриев, ревну я — и в трансе Венгрия. Это наш славянский Дух из пущи кружит их мозги и сбивает ритмы их сердец. Это — Белая Русь! Пульсация наших Пращуров. Вечное Течение Человеческой Мудрости через наши тела и наш мозг! Дух Дедов-Прадедов, словно в битвах пронизывающий насквозь мелодией, ритмом, словом, дыханием.

Для этого и пёрлись! Страдали, мучались! Мы пришли завоевать ваши сердца. И, как ни странно, это у «Троицы» получается. Жаль, я не могу ничего выговорить по-ихнему, даже названия современных групп, которые очень понравились. Зато помню с детства «Омегу», «Локомотив ГТ».

9.30. Искали сим-карту в «мобильник» с 5.00, так я и подустал. А что? Столько дней в машине! Мышцы ног — тряпки. Зашли на местный рынок, купили железный чайник и зелёный чай, осталось купить обувь, чтобы пальцы не сбивать. Веселимся. Рынок — чего там только нет! Хотелось морковки, зелени, арбуза, дыни, но, видно, такая «пайка» уже будет дома. И это нужно узаконить, как овсянку — Павловский Юра никогда утром не ест бутерброды.

Планы, планы, планы...

Интересно было рассматривать венгров на базаре, слушать их речь. Люди, лица, глаза — всё интересно. То идёшь один, как я, по узкой улочке, то смешиваешься с толпой в многоцветный людской «салат», плывущий среди рядов с товарами и запахами. Хочу копчёного сала. Вот этого — венгерского, в красном перце! Хочу трогать нежную руку вот этой молоденькой венгерки. Хочу рассказать ей, как долго мы сюда добирались, чтобы спеть десяток песен. Пока Юры лазили в интернете,

я в огромном современном модерновом маркете наблюдал за людьми, делавшими покупки. Много счастливых, целующихся людей в Венгрии.

21.00. Никому мы и здесь не нужны. Оборвали телефоны — все очень заняты! До 4 августа просят не беспокоить. В общем — воскресенье… Грустное доживание тура. Ещё один жаркий день-бездельник, зато в Венгрии. Одно радует — окончание близко.

3 августа.

Как странно Судьба сводит людей! На какие-то мгновения, дни, годы.

Говорят: «С ним не по пути». Сколько таких «сошло на ближайшей остановке» моей жизни. А мой «поезд» — постаревший, обветшавший — катит всё дальше. Сейчас есть ощущение, будто в вагоне Я плюс Юрий Павловский и Юрий Дмитриев, а на крыше вагона наши Покровители — три смелых, крылатых Ангела. Помощнички наши. Лица — копии наших земных. Всё Они знают и так часто нас ставят в тупиковые ситуации, чтобы чуть встряхнуть «задремавший», расслабившийся мозг и дать понять, что не всё так гладко и стабильно будет в турах.

И это понимаешь своей одной извилиной, на которой уместились все семь лет существования «Троицы». Многое останется тайной для потомков, но многое познает «поклонник» о деталях гастрольной жизни «Троицы». Ведь пишу же…

Сотни часов пустых ожиданий чего-то, тысячи часов дорог. И только концерты — то, ради чего мы живём. Здесь и сейчас. И это в первую очередь надо нам. И тебе, родня. И тебе, наша земля, откуда этот дивный фолк!

Как-то ближе «подползает» дом, родные и близкие, которые ждут, молятся и гордятся «артистами». Для них ни сложности быта, ни дорогие продукты, ни мизерные гонорары — многое непонятно, для них главное — артист, который много видит. Что же, мои родные, пусть будет так…

Сменив привычный ежедневник на более удобную тетрадь, лишь в этот раз у меня получилось более подробно описать всё то, что с нами происходит. Здесь упоминаются такие детали, о которых никто и не догадывается. Есть то, что осталось в памяти «Троицы». Только «Троицы».

Но работа, даже дома, не всегда идёт гладко. «Я думаю, с тоскою глядя в даль — за мною радость, впереди — печаль» — В. Шекспир.

Кто знает, сколько колесить «Троице»? Сколько песен ещё споём? В какие уголки Матушки Земли доберёмся? Мы знаем, что не вечно, но больше думаем, что это надолго. Мы идём, как бродяги-лирники, из

седой, мудрой Белой Руси по новым, удивительным местам, нарушаем их ритм, вплетаем в их радугу свои краски-песни, уносим с собой их песни, богатеем душой.

Скрипит лира, крутится её деревянное колесо, подрагивают струны ёе души — капает время, наше время, время «Троицы». Мы берём в руки инструменты и забываем всё: дороги, трудности, голод.

Мы начинаем.

4 августа.

Вчера были участниками «цирка». Приезжает такси-малютка, водитель говорит только по-венгерски. Куда едем? Кто платит? Ничего не понятно. Но загружаемся. Влезли со всеми инструментами. Везут далеко, счётчик считает форинты — много.

Привозят в парк у какого-то музея. Мы разгружаемся, никто не подходит. Кто-то уже расставляет микрофоны, ничего у нас не спрашивая. Ставят аппаратуру, свет. И никто с нами ни о чём не говорит.

Ровно в 20.00 играем. Около десятка зрителей, не считая двух футболистов, китайских ребят, для которых и фольклор, и наша музыка — между лопаток, даже ниже. Новое испытание «Троице»?

Играем час. Наш зритель хлопает две «бисовки». Подходит венгерка с переводчиком: два-три предложения, и таксист вновь без слов везёт нас в отель. Затем мы пьём сок в рок-кафе за свои денежки! Да, такого ещё никогда у нас не было. Я — дёрганый, злой — срываюсь на товарищах. Где выдержка и мудрость, старый? Вечер скомкан, ужин тоже.

Стоял злой у пруда, отходил.

В тёмной воде отражается молодой месяц, опустил свои бледные ноги, будто греет. Рыбы лупят хвостами по воде — разгоняют призрачные блики фонарей, отражающиеся на этой чёрной глади. Но злость (быстрее на себя) сидит в плотном иле моего сознания. Успокоение не приходило. Только утром, потаскавшись по городу часа полтора, пришёл в себя. Подустал я, старенький, за пять недель. Уж больно много всего за такой срок. А «хлопцы» мои не виноваты.

2.45. Мы вернулись с «Sziget». К утру появились силы писать. Днём ждали звонков с оргкомитета. Где-то к 17.00 нас решили забрать. Снесли инструменты со второго этажа (уже который раз), и в автобусе помчались на остров.

А ближе к острову «текли реки» молодёжи: бритые, лысые, в тату, с рюкзаками — шествие полураздетых. Подумалось: «К полу-раздетым, учитывая тур, едут полу-умные»…

Сцена та же, но мы играли рядом в кафе, четыре раза по тридцать минут — в 18.30, 20.00, 22.30, 0.30 — в перерывах между другими группами.

Лайоша не было, и понять, что происходит, было тяжело. К тому же для «Троицы» поставили четыре микрофона, отсутствие мониторов и саундчека. Фестиваль «Sziget» — это бред!

У нас была открытая площадка. Вокруг гремела разная музыка — из баров, кафе. И тут мы! Играли с трудом, не слыша себя.

Юры сидели за колонками, и их плохо видел зритель, потягивающий пиво. Играли. Старались не падать духом. Кроме всех этих прелестей часто отключался звук гитар, полетела струна на домре, отключался микрофон. Издевательство! Саундмэны где-то мирно тянули пивко и даже не слышали в этом гаме, что на их площадке «немая сцена» — белорусы с сурдопереводом.

В перерывах мы просто посещали другие площадки. Тут раньше всё было интересно. Сейчас — ничего. Снова море молодёжи — сидящей, лежащей, курящей, пьющей. Но уже нет палаток, сотни, тысячи авто. Людские толпы, снующие, как зомби, просто так. Нет тысяч зрителей у главной сцены, шикарного звука, света!

Зато есть ларьки, магазинчики, где продают одежду, бижутерию, сувениры, музыкальные инструменты, галантерею и пр. Еды и питья — море. И запахи!.. Больше всего пахнет мочой, хоть и туалетов множество.

Устало доиграли свой концерт, и как бы плохо но звучала «Троица», она всё-таки вызвала интерес. Народ потянулся за автографами. Это радовало, мы приглашали всех на концерт в театре в 23.00.

«Саундцы-подлецы» обещали хороший звук. Слава Богу, не тянули инструменты в отель, закрыли в театре.

Ещё есть вопросы по оплате отеля. Ощущение: испытания продолжаются!

Лайош не позвонил и не появился, а ещё собирается к нам в гости. Тридцать четвёртый день тура, последний концерт в Венгрии — и поезд домой…

Кажется, что тур никогда не кончится, что мы снова будем куда-то переезжать, питаться всухомятку, экономя на больных желудках. Снова выбивать отель, заселяться, ждать горячую воду. Всё это ради концертов, песен, зрителя, который всё равно в нас влюбляется. Удивляется и благодарит на разных языках, смущаясь, что не может на белорусском. Всё это — жизнь «Троицы», гастрольная, такая долгожданная, порой очень тяжёлая, но наша. Этот тур был таким. Но были и другие — несравненно лучшие, достойные, профессиональные по уровню под-

готовки и проведению. И нам есть с чем сравнивать.

Пусть достойно всё закончится в Венгрии, ведь в Беларуси нас ждут не только родные, но и дела, дела, дела… И мы будем выше этого фестиваля, хотя бы в душе. Я желаю нам сегодня хорошего звука и благодарного зрителя!

После концерта Горана Бреговича (а наши сцены находятся рядом) в 23.00 начинаем играть мы. И народ придёт к нам. А куда он денется? Мы хотим этого! И мы споём и ударим в бубны, как дубовой булавой наши далёкие предки — гусляры-лирники. Они ведь тоже сюда доносили Дух Белой Руси! И мы! Тряхнём седой стариной Пращуров Белой Руси в этом убогом месте! Помогай, Боже! «Ну, так и помогаю!» — послышалось где-то над головой…

6 августа.

9.45. Юры ещё купаются. Я пытаюсь упаковать все вещи и подарки.

Вчера «фестиваль неожиданностей» продолжался: питались сами, Лайош в течение дня не пришёл. Перед концертом мелькнул, пожал руку и криво улыбнулся. После концерта пропал. Неприятный осадок, тихие разборки. Возможно, сегодня что-то прояснится, но нужно ждать звонок.

Концерт прошёл на подъёме — венгров очаровали «крикуны»-белорусы.

После всех переходов от сцены к сцене не успели послушать группу «Массив Атак» — они совсем недавно были с нами в Москве. Дотянуться бы до такого профессионализма! Концерт Г. Бреговича снял на видео Юрий Павловский. После его концерта сразу же начался наш на полтора часа.

«Sziget» напоминает «чистилище»! Больше всего раздражает запах мочи, перебиваемый какими-то жуткими «дэзиками». Везде тьма палаток, жуткие картинки их обитателей. Горы мусора и мятых пластиковых стаканов после любых концертов. Орущая, прыгающая толпа у сцены напоминала ритуальное поклонение «божеству». Это тоже часть Музыки. Порой какие-то части тела начинали дёргаться в ритмах барабанов. И у меня. Зомби?..

На спортивных аттракционах пыжилась и тужилась молодёжь. Над головой с криками пролетали люди, привязанные канатами. Всё гремело, стучало! Ад! Солнце, вода, грязь. Это — отдых?..

Пиво, реже вино — жезл в руках молодой «массы», перетекающей от подиума к подиуму. Караоке. В какой-то момент хочется тиши-

ны. Но её здесь нет. Нет полиции, но нет и драк, упившиеся лежат у дорог, у палаток — устали. Возлегают, оголив пирсинги и замысловатые тату. Читай, познавай!.. Да… Одежда, если на ком и есть, то очень редко чистая и белая, чаще что-то напоминающее «выходной костюм» бомжа. То ли мне уже всё таким кажется? Вынести пять-шесть дней в их ритме, в этом дурдоме под названием «Sziget» — невыносимо.

Воздушные шары, световые шоу, музыка, заглушающая другую музыку, самолёты с рекламой спонсоров, летающие часами над территорией фестиваля!..

«Sziget» — мощная машина по «выкачиванию» евро. Многоэтажные горы блестящих бочек пива. И их всё развозят и разливают. Бедный остров! Как долго ты потом лечишься от всего этого бедлама!..

После месяца скитаний «Троицы» хочется прежних камерных залов и хорошего звука. И странное чувство — не верится, что едем домой. Но дёрнется поезд, нарежутся бутерброды, мелькнёт Венгрия, и сердце застучит взволнованно — домой, домой, домой…

А пока оно, запуганное сердечко — в пыли дорог, в канатах разных мыслей и в густом тумане плотных красок увиденного. Это стоит увидеть! Многие впечатления — на всю оставшуюся жизнь.

И это уже чувствуешь, вглядываясь в глазок видеокамеры, которая хранит одиннадцать часов съёмки. Эти тридцать пять дней тура «Троицы» пойдут в архив. Это уже было. Свершилось. Но всё в жизни непросто.

15.45. Такси, вокзал, перрон — святое место, где вечером ноги оторвутся от земли Венгрии, пролетят сутки над землёй и — Беларусь!

Левитация на колёсах, медитация — та-та-та-та — домой, домой, спешу, спешу...

В такси выяснилось, что «Троица» когда-то смотрела один и тот же фильм и все мечтали о музыке, группе — вот оно сбылось.

Поезда приходят в тупик, так порой и человек. Но они оттуда и уходят, значит, мы тоже можем вернуться и уехать, уйти куда-нибудь ещё, оставив в памяти тупиковую ситуацию.

Вокзал. Милые сцены прощаний влюблённых и объятия встречающихся пенсионеров. Кто-то обязательно встречается и обязательно прощается. Перрон — как связь и как разрыв рук, глаз, тел, сердец. Тело ещё здесь, а Дух уже летит по Польше и жаждет увидеть Беларусь. Перрон — как якорь, который всё равно будет поднят. И тело качнётся в такт вагона — в путь!

Музыка «Троицы» будет напоминать о наших концертах людям многих стран, которые мы проехали. Мы оставляем память, мы ломаем стереотипы музыкальных взглядов. Как сказал один из присутствовавих на концерте: «Фантастическая музыка». Мы плетём сеть «Троицы» в музыкальном мире. Мы — «здоровая болезнь» многих, мы — современный фолк Беларуси.

Но мы ещё никто в мире бизнеса, в музыкальной пирамиде «звёзд» этноса.

20.05. Стучат колеса… Из смешного: мы заняли купе, а нас чуть не высадили. Опять какие-то неточности в паспортах. Еле отбились. Успели позвонить. Всё, домой! Видны убегающие от нас рельсы. А мы стали привыкать ко всему, особенно к трудностям, что сыпались, как звёзды в июне. Июль — марш-бросок «Троицы» на Балканы. Почти достойно смогли всё пережевать, проглотить и не подать вида, что невкусно.

Это — череда лиц, что вертелись рядом. Это — стук сердец в такт дня. Это — ритм «Троицы».

7 августа.

Через пару часов после выезда из Будапешта посыпались пограничники разных стран — мазать паспорта. Ночь полна щелчков штемпелей в паспорта и панибратской польской речи. Вечером мы должны ощутить своими «задубелыми» подошвами тепло родной земли, услышать белорусскую «попсу», как в вагоне, так и дома по телевизору.

Уже в поезде у «Троицы» формируется громадьё домашних планов. Чем ближе Минск, тем их больше. Это радует и даёт уверенность в завтрашнем дне.

На перроне услышал слова благодарности за «Sziget» от девушки, которая слушала нас в Венгрии и в Эстонии (Тарту). Приятно, что узнают, да и музыка уже в их сердцах.

КОЛОДЕЦ
ПРИТЧА

1. Он много лет взрослел, набухал. Чистая гладь без прошлого. Свежесть. Нетронутая синь. Закрытая гордость. Кристалл невинности. Обрамление цветами. Все любо(!)вались.
2. Какой-то идиот бросил палку. Пошли круги-слухи. Раскрылся запретный плод. Можно! Потянулись потные руки. Забродили желания. Ил затмил сознание…Чужие черпали, не думая.

3. Шли годы. Мох почернел, поседел. Обвис некогда крепкий сруб — дуплом кверху. Чёрная дыра к пуповине. По пояс в жиже. Смрад. Открытый для всех, но уже ненужный. Уже Никто…

4. Где руки Хозяина? Пил бы чистоту. Век? Ведь Всевышний дал каждому своё!

P.S. А вы? Бережёте свои Колодцы?

26 августа.

Беларусь. Минск.

Вся прошедшая неделя —- огромная работа с литературой. Благо, домашняя библиотека позволяет не ждать книгу. Бери и вникай! А компакт-дисков море! Я ищу новое для «каляд», так как потом будет ответственное мероприятие в Москве.

Мой архив! Всё ещё распихиваются более 80 видео-кассет, где-то около 2000 компакт дисков, 12 фотоальбомов, архивные дневники по «Диву», дорожные дневники «Троицы». Кому всё это отдать? Я завалился материалами! У меня просто нет места всё это складировать.

Улетает, как воздушный змей из детства, ещё одно лето моей жизни. Что происходит? Не успеваю опомниться — день, неделя, месяц, год. У всех так?

Еду в метро. Чахлый милиционер полутораметрового роста обернулся на громилу-культуриста…

Пенсионерки радостно обнялись при встрече. Они заняты собой и не отвлекаются…

Двери открываются и входят всё новые и новые красотули.

А в голове своё: сегодня «родить» обложку, завтра убрать кабинет к 1 сентября, подобрать песни. Так что колёсико — «скрип-скрип». Кто-то и что-то просто мелькают, не касаясь моего тела…

12 сентября.

Она пришла.

Она пришла. Тихонько прилегла рядом, раскинув на подушке свои мятые, жёлтые листья. На остывающей постели хаотично разбросала спелые яблоки, зелёные сочные арбузы, серо-жёлтые ароматные дыни.

Её тонкие, голые, холодноватые руки сучковатыми пальцами вцепились в мою кожу. Ноги плотно переплели толстые, шершавые корни и какие-то колючие травы. А небесная бездна голубых, глубоких, холодных Колодцев взглянула на меня лениво и печально.

Груди — выжатые, пустые, обвисшие, с потрескавшимися, как земля в засуху, сосками — давно накормили всех Небесным молоком.
Отяжелил голову долгожданный дурман Её тела — из запахов отживших трав, тлеющей листвы, синеющих костров, серебристого тумана, розовой утренней прохлады и скромных птичьих ораторий.
Она заботливо укрыла моё тело вязанками ячменных колосьев, туго сплетёнными венками из льна и переспелыми, цвета угасшего Солнца? снопами пшеницы.
Мысли мои поплыли тонкой, меланхоличной паутинкой Бабьего Лета над покрытой листвой водой, среди торжествующего царства жёлтых махровых дорожек и багряных ковров.
Моё тело будто расползлось, растянулось, растворилось в этом параде Красок, карнавале Запахов. И только Душа, укутавшись в тёплый, надёжный ватный кокон, погрузилась в добрый, долгий Сон…
Она пришла… Осень.

LABAS RITAS, LIETUVA!

13 сентября.

Литва. 4.35. Ночь в рваных снах: то ли от того, что простыл, то ли от предчувствия дороги. Но с 4.00 — чай, лимон, музыка Немена и сборы. Вновь, как много раз с «Дивом», тур совпадает с днём рождения.

Впереди дорога, граница, новая страна, где родилась мама и живёт её сестра. Каунас — колыбель Чюрлёниса и колокольной музыки.

9.35. Проход «Каменный лог» — нет очереди, нет машин. Нет сравнения с Польшей. Страховка — и в путь!

Литва — первый раз в истории «Троицы». Что и как будет, узнаем через два-три часа. А пока — ожидание.

11.30. Целый час дуроты с погранцами Беларуси: бумаги, печати. На литовской границе на всё ушло пять минут.

13.20. Каунас, «Нямунас» — смешные «шильды-вывески» с окончанием на «с»: Павловскас, Дмитриевас, Кирчукас, «Троицас»!

А впереди — расселение, саундчек, концерт. Ещё утром были в Беларуси — и уже Литва. Давно мы — птицы перелётные — так близко не ездили.

Бьётся сердце циферблата:
— Не богат ты! Не богат ты!
Стрелки грустные по кругу:
— Нет подруги! Нет подруги!
А куранты, как прозренье:
День рожденья! День рожденья! День рожденья!

15 сентября.

8.30. В Каунас приехали очень быстро. Заехали в культурный центр. Литовки несимпатичные, но гостеприимные — угостили с дороги кофе.

Заселились в спортивную гостиницу. Десятиэтажная, что-то в стиле «а ля Молодечно». В 16.00 — саундчек и толпа музыкантов в очереди.

Небольшая экскурсия по Каунасу. Всё привычное в старом городе. И вдруг память выстрелила — я тут был! С братом Витей в 1985 году, когда поступил в аспирантуру. Стоят, как прежде, храмы, ратуша, лавочки.

«Литов» нет. Обменник уже закрыт. Гостиница, чай. Чуть повалялись — и в бой!

Немного послушали фестиваль. Понравились поляки.

Наше сорокаминутное выступление понравилось многим. Много комплиментов, что-то о медитации и трансе белорусского родного фолка. Потом слова благодарности от белорусского посольства в Литве. И вечеринка.

Лица, лица, музыканты. Пели «гурты» и «затанчил» народ…

Утро — 10.00. На завтрак — «колдуны». Мама часто делала это блюдо.

Дорога в Тракай. Замок, обед. Какие-то тосты к моему сорокапятилетию… И зашуршали потихоньку домой. В глазах — горы янтаря по цене 200 у.е.

Граница — пять-десять минут. Всё это довольно непривычно для «Троицы», которая по двенадцать часов стояла в очередях.

Каштан скоро разродится коричневой детворой… Обезумевший одуванчик сентября… Коты, собаки счастливы — не знают похмелья. Холод — младший брат Зимы — лизнул щёку. Пасхальными яйцами с верхушки дерев — листья сентября…

В 20.00 — дома. И в 23.00 — поздравления с днём рождения…

Очень хорошее впечатление от Литвы. Фестиваль, люди. Хорошо, что осталась память на видео. Рука царапает блокнот :

Блики осени.
Она укуталась в жёлтый, тяжёлый бархат, завернулась в цветастую лёгкую шаль, грустно взглянула в сине-серое небо, поцеловала остывающий диск Солнца и рухнула в свежевырытую яму.
«Пусть пурга, пусть мороз до костей, пусть месяцы бесцветных будней, пусть! Но всё и всегда меняется — нет ничего вечного. Придёт время — и я снова буду безжалостно ставить золотые оттиски, штампы, печати на Всё Зелёное. Буду».

«Per aspera — ad astra!»
Через тернии — к звёздам!

СКВОЗЬ СТУДИИ — К «ЗВЕЗДАМ»?..

19 октября.

Минск. Телевидение.

Впереди рабочая неделя. Долгожданная студия в Беларуси! Мы дождались — можем работать в студии дома. Спать, питаться, а «сбрасывать» звуки тут.

Утро омрачили «Руны» (ещё один непонятный музыкальный проект, в который мы вляпались) — надо переписать песню «Степь».

Только с 15.00 пошла настоящая работа над альбомом «Семёрка» «7». Над нашим новым альбомом!

Юрий Дмитриев хочет прописать бас в «Троицу»? Сами справимся. Любовная песня «Дубравушка» и свадебная «Сонюшка» готовы. Написать бы о всех «шельмах» роман…

Ветви торчат рогами.
Сброшен халат старика.
Что-то уже за нами.
Дремлет Владыки Рука.
Жёлтые реки сверху.
Красные — возле стоп…
Мудрая Осень Лето
В жёлтый пакует гроб…

Много неровностей у меня. И с музыкой, и по жизни. А что поделать? Нет практики, и это сразу вылезает.

20 октября.

В студии работаем «как пчёлки». У меня сразу же появились новые идеи по записи своего нового сольного альбома. Когда?

И вижу, и слышу другие аранжировки. Но понимаю: нужны будут большие деньги и не четыре дня, как на «Спадчыну...», которую я мучительно записывал в Голландии…

ЧЕРВЯЧОК
СКАЗКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был себе маленький Червячок. Никто не знал, откуда он взялся. Спал он, свернувшись калачиком, тихо, мирно. Сухонький, безобидненький, никому не мешал. Пока однажды… Случайно к нему забрела маленькая Капелька. Со страхом и любопытством рассматривала она незнакомое создание: «Может друг? Может в беде? Может чем помочь?»

А Червячок приоткрыл глазик и… проглотил Капельку. Ничего не спросив и не подумав. Тёпленько стало в его тощем животике, какой-то дурман расшевелил зелёные мозги, и сон как рукой сняло. Растянулся, распрямился Червячок и, взбодрившись, пополз искать ещё. Шло время, но на это Червячок не обращал внимания. Находил — глотал, находил — глотал. И никак не мог насытиться.

Чуть передохнёт, переварит жидкость, подремлет, неважно где, и опять на поиски Капелек-росинок. Стал большим. И с каждым прожитым днём увеличивался его аппетит. Уже не Капельки — ручьями текло! Ожирел, оплыл. Хлебал сутки напролет своим ненасытным ртом. Его мутило, он терял сознание, забывал часть увиденного, услышанного, но всё равно в глазах маячила та маленькая Капелька. Безобидный «соня» Червячок превратился в нахального, страшного Монстра. Дурная молва о нём быстро докатилась до всех границ Царства. Что только с ним не делали! И к колдунам обращались, и к знахарям, и к мудрецам — тщетно, ничего не помогало. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается… Надоело это всё Творцу и наслал он с небес Великую Засуху. Ох, и постаралась эта знойная беззубая Старуха! Не только

ручейки — реки высохли! И капельки не найдёшь. День терзался, другой метался, третий день дурнел Монстр без жидкости. И стал таять, сохнуть, уменьшаться, а вскоре и совсем стал таким Червячком, каким был раньше — маленьким, сухоньким, сморщенным. Свернулся калачикам и вновь впал спячку. Надолго? Сказка — ложь, да в ней намёк...

22 октября.

Четыре песни из семи! Быстро. Никогда не думал, что с первого раза запишу гитару в шуточную песню «Сем чарак». С гитарой, то есть, с ровностью ритма всегда проблемы. Получилось. В конце прописали «разноголосую сказку» — бытовую сценочку, где использовали другие звуки, плюс стаканы, плюс воду, плюс камни. У «Троицы» много инструментов, но и это звучит красиво, если приложить руки и включить мозги. По двадцать четыре трека в песне!

24 октября.

Записали шесть песен. Но, видимо, всем нужен отдых. Ещё бы, мозги закипают от многоразового прослушивания своих песен. Работа не из лёгких.

Метёт, зима. Завтра в прорубь — за силами!

26 октября.

Решили перед каждой песней прописать текст. Допустим, свадебная песня-оберег. Но немеряно заговорных текстов — «замоў». Как выбрать нужный текст? А нам нужно к каждой песне. По чуть-чуть. Вновь и вновь перечитываю, перебираю, ищу, полагаясь на какое-то «чутьё». В этих волшебных текстах наших бабуль такая мощь и сила! А мудрости сколько!

31 октября.

Закончена запись (только запись, без сведения и мастеринга). Всем понравился «Раёк», но нужно переписать голос: есть фальшь. В песне «Юр'я» — тоже. И голос звучит «не ахти!». А это — запись. Не исправишь сейчас — потом тем более. Нужно быть ювелиром, а машешь ломом. Радует немного другое: с 6 по 8 ноября — фестиваль в Латвии.

Мироточат Старцы — счастлива землица.
Пилигримы нынче!.. Вера? Небылица?
Очереди в Храмах. Тихо. Горят свечи.
Снова навалилась нам беда на плечи.

Исповедь слезою. Низкие поклоны.
Преклоню колени я перед иконой.
Почему стесняюсь? Мне неловко в Храме?
Всё равно — спасибо Боженьке и маме!

ПРИБАЛТЫ ОТМЕТИЛИСЬ ВСЕ

5 ноября.

Впереди Латвия. День — суета. Волею Судьбы утром сделали паспорта, в 15.00 забрали!

Вчера из Риги брали интервью по телефону — двадцать минут.

Ужин с сыном Ваней, его первое прослушивание по вокалу. Хочет в музыку? Слушали новый компакт-диск «Троицы». Он в восторге. Мы, «Троица», вроде тоже, но когда это услышит Родина? Вопросы, вопросы… Будто муха в паутине — чем больше суетишься, тем труднее дышать.

6 ноября.

8.30. Пицца, «даляры», бензин, трасса. Благо, тепло — +8. Нет снега, значит, дорога должна быть полегче.

«Троица» теребит Москву по «Рунам» — зал, инструменты. Сколько? А что они думали — нужна работа и серьёзная. А то всё это напоминает пустую кормушку, у которой собираются жирные свиньи в стиле всяких генеральных продюсеров. Их больше, чем музыкантов...

В Латвии — дядя Боря — мамин брат, Галя — родня, которую я видел на свадьбе родной сестры Аллы лет двенадцать назад. Я не раз отдыхал там. Эх, время…

Что-то навсегда уплыло, как американский спутник в космос, а что-то плотно сидит в извилинах мозга. И дразнится прошлым.

ВУЗ, студенты, сценарии, бакалавры и т.д. — с одной стороны. С другой — «Троица», программы, концерты… Её, «Троицы», жизнь. И то, и другое даёт возможность от чего-то отвлекаться, погружаться, как в прорубь. Выныривать, захлёбываться серыми буднями и ждать Праздник-поездку — концерты, новые места, встречи и лица, лица, лица.

Значит, мы сегодня близки к Празднику!

6 ноября.

22.40. Рига! Так много всего «за спиной»… Выехали уверенно, без суеты — трасса, музыка, тихая беседа — как всегда. Завтрак в холодном осеннем лесу. И вновь километры дорог. Тяжёлых километров:

фура в кювете, испуганные водительские глаза, краны, столбики, крестики, звёздочки… Чья-то «Пристань»…

В 14.00 были на пустынной границе. До чего же непривычно! Погранец от скуки шутил:

– А что такие волосатые?

– Музыканты.

Он продолжает шутить:

– Я видел, как ты высоко поднимал ноги.

– Чего?

– Чтобы на бороду не наступить…

О, тут умеют шутить!

С шутками-прибаутками за тридцать минут (учись, Европа!) прошли две границы. Латышская ленивая собака вяло смотрела, как «Троица» мило, тихо, а главное быстро, пересекает, нет — перелетает «кордон».

Трасса, туман. Жуткое зрелище, когда, как слепые котята, выныривают два глаза встречной машины. Хмурые пейзажи. Где деревни? Где кафешки? Унылый «обрубок совка»... До Риги — 40 км.

Огни и блуждания в поисках «общаги» университета. Но язык, благо, русский они ещё не забыли, довёл. Нашли! Заселились! Одно- и двухместный номера. Как всегда — смех, шутки по любому поводу, вот ещё в чём сильна «Троица». Завтра — ударно-музыкальный день. Мы — «на закусь»…

Живём почти в Старом городе. Хочу поснимать море. Планы, планы! Но главное — фестиваль. Помогай, Боже!

Работа — долгожданная мечта группы. Латвия «закроет» этот концертный год. А пригласили нас сюда благодаря Кишинёву («Тригон»). Спасибо, что не забыли! Вот так вьётся нить, завязывая узелки на память — жи-вём!

Золотые гробницы Осени!
Просим мы, просим мы:
схороните обиды прошлые —
мы носим их, носим их!..
Испугай их, Зима, дикими
криками, криками,
разбросай, разметай их
холодными пиками!
Загони в те обиды, Весна,

кол осиновый —
пусть их саван трещит
подо льдинами.
А в ушах лишь церковное пение:
«Позабыл ты Прощённое Воскресение...»

7 ноября.

6.15. Вчера после ужина в ресторане под лёгкую музыку («клава» плюс «соска» — синтезатор и саксофон) на улице к нам кинулись дети лет десяти-двенадцати: просили денег на чистом английском. Пока не «шуганули» на русском, не отошли. Эх, дети! Если бы вы знали, что мы полностью взяли в долг на визы и на дорогу, то и не подходили бы. Мне почему-то вспомнился боснийский мальчик, которому я дал денег, а он опять полез в мусорный бак…

Общежитие — старая «высотка». Мы на третьем этаже, комнаты узкие, потолки высокие (это я люблю), без телевизора, радио и другой звуковой «цивилизации». Благо, кроме гитар не носили туда-сюда инструменты — всё в машине, в подземном гараже. Да меньше возни, чем в поезде: спим ночью, нет пограничников, не сличают, не носится под ногами пёс-«наркоман». Есть плюсы во всём, только их нужно самому найти.

Я простужен — нос, горло, губа… А нужно «отреветь». Сонная Рига, обняв руками реку, всё ещё потягивается спросонья. А не знает, что сегодня будут новые звуки, другая музыка («Троица»), которая впервые будет будоражить её сердце.

Я заварил «жертвенный» чай и погрузился в транс-медитацию… Километры стены, видимой из окна, но меньше китайской... Глоток за глотком греет горло, будит «чакры» и проблемы как-то тают.

Почка. Лист. Неминуема смерть!
Так и я — упаду, лягу в тёплую твердь.
Семена — наши дети — взойдут не спеша…
С Божьей Милостью вновь возродится Душа.

В машине за окном срабатывает сигнализация, мелодия та же, что в Минске, под моим окном. Где я? Лишь комната, стол, разбросанные вещи возвращают в латвийские будни…

Если бы мне кто-нибудь в 1990 году (тогда мы отдыхали семьёй) сказал, что я буду давать концерт через двенадцать лет в филармонии,

не поверил бы. И кто знает, что будет ещё через десять-двенадцать лет, и будет ли?..

16.45. Вот и пролетело времечко: утренняя прогулка по старому городу, фото, видео. Домский собор, будто вечность.

Филармония, подготовка к концерту, фальш португальской вокалистки. Может, волновалась? Гитара у них — красавица!

О, старая, добрая, интеллигентная Рига! Всё очень достойно: и дома, и скульптуры, даже решётки в двориках, витражи. И люди. Подбежала бабушка: «Купите у меня открытки, нас тут целая «шайка» пенсионеров». И бросилась о чём-то ещё «щебетать».

Вызвонили Ивара — может увидимся.

Филармония обалденно красивая. Шестьсот мест. Скоро всё увидим.

8 ноября.

Легли в 3.00, встали в 8.00. Когда пришли в филармонию, там уже работали латыши: бас, негры, рэп, тучи барабанов — человек двадцать. Всё это напомнило наш проект «Руны». Я не спешу с оценкой. Они больше часа мучили публику своей музыкой. Меня притомили. Затем больше часа грустно, жалобно голосила Роза. Из приятного: у них есть слайды Лиссабона, где я тоже ходил когда-то.

Потом мы. Старались. Конец концерта. Да, всё длинно, затянуто. «Бисовок» не было — подустал народ. Зал был не полон, балкон пуст, организатор невесел.

Были Ивар Калниньш с женой. Обнялись — и на банкет. Там нас рвали на части: ужин, Ивар, «сэйшн». Но общая усталость у всех.

Конечно, самое ценное — беседы с Калниньшем. Он рассказывал о своих проектах, о разных странах: «На масло и хлеб хватает». Живёт он в старом городе.

Ночью мы приволоклись спать, а под окнами «галёкала» местная недоросль. Были у латышей и слова благодарности, и восторг от «Троицы». Но главное — в списке концертов этого года прибалты отметились все.

А ещё планируем увидеть море. Ивар сказал, что до моря — пятнадцать минут, и рукой указал путь: «Нужна моя помощь?» Да нет, дорогой, уделил внимание — и ладно.

9 ноября.

20.15. Часа полтора гуляли по старой Риге, мёрзли.

Было грустно.

Из смешного: через старую Ригу сами несли свои многочис-

ленные инструменты к авто, несли, не жаловались, наоборот — ржали. «Звёзды»?..

Юрмала — холод, ветер, грязный пляж. Что-то разрушено, что-то продаётся, что-то уже застроено «новыми латышами» — суперкрасиво, здорово, по-европейски. Но действительность контрастна: умирают красивейшие деревянные домики (будто из сказок), и расцветает пластика, пластмасса, оргстекло. Мёртво.

Дорога — восемь часов пути. Наши разговоры о людях, фестивале, музыке, нашем концерте, планы — всё тихо, спокойно, «по-стариковски». Сорок минут (всего-то!) на две границы — и вот улица Могилёвская, учебный корпус родного университета, 101-й кабинет — инструменты на заслуженный отдых. И мы — по домам! Закрыть глаза и листать то, что было. Уже было…

По зябкому, белому босой нахожуся.
В тёплом тереме потом отдышуся.
Стопы вонзаешь в белый снег…
Мороз и Солнце — бальзам навек.
Колокол в небе — как маяк.
Знаю: Судьба не замедлит шаг…

16 ноября.

Минск снова захватил своими щупальцами-буднями: продукты, стирка, сестра Маша, родители, дети, живущие рядом, но не в сердце. Это — слоёный пирог моей минской действительности.

Вот мысли мои окунулись в Юрмалу, а тело уверенно топчет проспект Пушкина. Где же я? Включаю музыку латышей и снова стою у Домского собора, вижу улыбку Ивара. Я там! В старом городе бродит мой одинокий фантом. А ну — быстро домой!

Вечером я вновь увидел кровавый след Заката. Умер День. Унёс с собой в молоко Звёзд на чёрную трапезу Солнце и прихватил с собой в придачу «свиту» отживших Душ. Когда-то и я последую за ним…

Странное чувство: у меня Там не будет дома, вещей, книг, чая? Будет ли Там музыка? Или только звенящая тишина Вечности? И что? Моя Душа снова, как и здесь, будет метаться, носиться, переживать, нервничать, давиться слезами? Будут ли родные, близкие рядом? Или я буду одинокой пылинкой, звёздочкой в чёрном Пространстве? Загадка… Когда придёт за мной Время, я разгадаю её сам.

Грустная весть: умер мой сосед по дому в городе Лида — Евгений Пелин — музыкант (по жизни)… Мы немного играли вместе. Мама пела у него в заводском хоре, он хвалил и ценил её голос: «Дайте мне

ещё две-три такие же Гали — и будет хор». Он играл свадьбы более сорока лет! Даже на пенсии, уже тяжело болея…

Я взял ручку и хотел написать стихотворение, но буквы путались, а слова выстраивали какую-то причудливую пирамиду…

Умолк Музыкант… И над шершавыми досками кто-то небрежно расписался свинцовыми крылами, бросив испуганному Ангелу у потухающего тела карту: «Спеши!» Мои чётки ожили, зашептались, застучали о Крест словами простых, земных, сердечных молитв… Теперь земная пыль спокойно ляжет на грифе Его остывшей гитары. И унесёт в Прошлое сотни брачных сердец, восторгавшихся Его голосом… «Царствие Небесное!»

17 ноября.

Я примолк, когда увидел передачу по телевизору о святых местах Беларуси. Какая же у нас Сила и Святость в землице!

Бальзам из волшебной смеси.

1. Откуда мы пришли на эту Землю? Куда уходим? А может остаёмся? Приносим сюда опыт, знания? Или приобретаем, чтобы унести в Вечность?

Что ведёт в тайные лабиринты Прошлого? Где Пращуры? Где и как они черпали силы жить? Есть ли нить, связывающая Нас с Ними? Как это происходит? Где код, чтобы открыть Врата в тайны Жизни и Времени? Как найти ответы на множество вопросов земной Жизни?

2. Мудрость и опыт Земли хранит Варажбит. Именно — Варажбит — Дух Предков, Пращуров. За тысячелетия он накопил огромную информацию. Обо всём. Знания Пращуров вековыми пластами наполняют невидимые Миры. Вокруг нас. Эта информация — Послания. Она зашифрована в старинных текстах, мелодиях, сказках, легендах. В узорах, орнаментах, в ритмах древних танцев, обрядах, ритуалах.

Но современность притупила наши чувства. Отсекла, как дедовским серпом, Пуповину, которая связала нас с Великой Матерью Мира. Как итог — неверие, боль, тоска, безысходность. Чахнем, не видим, не слышим…

Хрупкий, живой, пульсирующий Мир…

А посланцы его ежедневно стучат в Наши сердца, пытаясь разорвать серую паутину будней. Напомнить нам, для чего и почему мы пришли именно на эту Планету.

А мы? Потеряли уважение к Тем, кто жил до нас. И к Тому, что было. Топчем летописи, рвём по-живому историю. Гибнут Родовые Дерева, сохнут Фамильные Ветви. Мертвеют почки — наши дети и внуки.

Иногда мы (случайно) пьём знания Предков, гордо думая при этом, что это наши идеи, мысли.
И — как живительная смола — бальзам из волшебной смеси мелодий, слов, ритмов, красок. Втекает он в слабое Тело. Лечит дряхлый Дух, испуганную хаосом Душу.
И становится немного легче…
3. Ежедневно блёклыми мотыльками мы летим к Пращурам. И со временем сами становимся Предками среди мудрых Планет, складывая в пирамиды Вечности лоскутки своих Жизней. Так что стряхните с себя серое безразличие, панцирь неверия, оковы самости, цепи обид. Растрясите окаменелости тупого атеизма. И припадите к Чаше Варажбита. Вы разгадаете Тайны!
Вы сможете говорить с Солнцем и далёкими Звёздами. Вы будете управлять Стихиями! В Ваших руках зазвучат Камни. Вы будете понимать язык зверей, птиц, рыб. Каждой клеточкой обновлённого тела услышите удивительную симфонию ручья и сказку замёрзшей Снежинки. Увидите калейдоскоп Душ в тополином хороводе пуха.
Познаете, в какие дальние дали уносит легенду лист Осени. Вы по-новому войдёте в чистое, светлое Пространство Земли, где покоится прах Ваших Предков.
Станете мудрее, сильнее. Успокоитесь. Воспитаете здоровое Потомство. И достойно встретите Пращуров в Великом космическом танце Рождений, Жизней и Смертей.
Возможно, Дух Варажбита в Вас… И Вы — избраны!

16 декабря.

В метро встретил музыканта Фила (группа «Drum Ecstasy»). У них контракт с Москвой, и они рядом со звёздами российской эстрады (В. Меладзе, группа «ВИА-Гра»). Тоже записывают музыку к фильмам. Я шучу: «Фил, имею к Вам белую зависть». Фил говорил хорошо об Андрее Жукове, который работает в студии «Селах». Может, это вариант?

21 декабря.

О, умные книги, вы не хуже живых Учителей! В моменты затмения сознания вы тут как тут! Будто Кто-то видит и помогает, помогает мне не сойти с ума. Не оставляйте нас без внимания, пожалуйста...

Мы под гипнозом «цветного ящика»! Хаос на каналах, хаос в головах! Как же Земля такое выдержит? Наверное, лечит нас Природа своей безграничной щедростью. И наполняются клеточки дрожащими снежинками, и тают в белых следах моя усталость, безвыходность, непонимание. Белое — как святое покрывало — я натягиваю на голову и тело. Иду. Легче…

2004 ГОД
СКВОЗЬ СТУДИИ...

10 января.

Студия Андрея Жукова. Вечный поиск спонсоров, денег. «Свели» продюсера и предпринимателя из Смоленска — может, сдвинем «7»? Смешно смотреть, как они торгуются, когда ещё ничего нет. А может, так и надо? Меня возрадовало утро — чистое и свежее, без торговли. Прогулка не прошла даром.

Меж чёрных древ подмигивает город.
А в 6.00 мужи влезают в прорубь:
Смывая Нечисть и рождаясь вновь, —
Надежду обретают и Любовь!

21 января.

Судьба сводит с Женей Калмыковым. Мы получили много информации о студии. И, наверное, очень важной — о гастролях. Например, «Крамбамбуля» — на Украине. У них успешно проходят концерты. И нам предложили записать религиозные песни для Америки. Вряд ли нас это заинтересует, даже если пообещают много денег. Но, главное, появляется возможность помочь нашей «Семёрочке».

27 января.

Заочники — милые, добрые люди — после экзамена очень хотели меня поблагодарить. С трудом выпроводил их из аудитории.

Я очень не хочу брать от студентов разные подарки. Вспоминается одна «училка», разбившая об пол хрустальную чашу с конфетами со словами: «И куда мне столько? Каждый год дарят…» Эта взяла бы…

31 января.

Беларусь. Курс на Молодечно. Старушка Зима, умирая, в последнюю ночь застелила белый погребальный папирус для листвы. Шёл, исписывал «папирус» следами-мыслями.

Нестерпимо хочется в Лиду — «подзарядиться». Похрустывал пер-

гамент. А ведь и мумия Зимы не за горами... Какая долгая дорога Домой! Всё так же — к маме, папе…

Уже просмотрел видео с фрагментами концерта — неважно снято.

День отъезда — сплошная суета! Не было машины. Грузились у концертного зала «Минск» в автобус звукорежиссёра. А у него своя работа, ждали, мёрзли. Вот бы где задуматься о дальнейшей совместной работе с новым продюсером. Что-то они не выдерживают наших требований. Осадок на весь день.

Молодечно. Новый современный «клуб» и официоз «совка»!

Саундчек впритык к концерту. Нервы. В зал сел Эдик (участник «Дива», не виделись около пятнадцати лет). Да, настройся, парень, песни, возможно, будут те же, но аранжировки тебя приятно пощекочут.

Концерт — шок для всех: в зале тишина! Зал глух к нашему творчеству и к своим родным песнопениям (звучали песни, записанные в Молодеченском районе). Шутки не проходили.

А может, народ боялся помешать? Правда, на песне «Сем чарак гарэлкі» ожили. Возможно, услышали что-то до боли знакомое…

Не обижайтесь, люди. Тут не скажешь, как А. Солодуха: «Не вижу ваши руки!» Наше творчество ладошками не украсишь. Тут должно поработать сердце. Песни старинные, деревенские, ваших дедов и бабуль. А вы — современные, модные — слушаете «поп-корм» в основной своей массе. Ну и как к вашим сердцам «старьё» достучится?

Час сорок минут тяжелейшего концерта. И это на Родине? Заключительное слово директора Светланы Побута затянулось, но говорила грамотно, «по-партийному». Мне было неудобно, даже стыдно. Я это не приветствую. Стоял посредине сцены. Гимн Кирчуку? Этого я не принимаю: отработали вместе, втроём на сцене. На то и «Троица» — трое!

Банкет. Встреча с однокурсником по вузу (1980) — пели вместе в «Валачобніках». Грустно видеть осунувшегося красавца. Что жёны с мужьями делают? Сокрушается, что его из дома выгонят, если не заработает. Как это всё мне знакомо… Жаль, талантливый вокалист, музыкант.

Тут же вспомнился ещё один «классный» бас-гитарист, положивший из-за «любимой» здоровье на «алтарь золотого тельца». Каждому своё… Но музыка не прощает измен. Вороха воспоминаний. Быстрее всего, мы сами (мужички) виноваты, что к такой жизни пришли. Сами себя не так повели, расслабились. И не успели оглянуться, как осунулись, постарели рядом с «куклами». А Ангелы-хранители где были?..

Какие-то вещи стали просто противны: с этой современностью, мужской слабостью, вечным безденежьем (хоть банк бери с пистолей!),

с их женской заносчивостью, высокомерием...

Так захотелось уйти с банкета и идти по снегу с настоящей девушкой, без «закидонов», говорить просто, ничего не скрывая и не придумывая. Идти вместе, смывая стопы в холодном, чистом снегу, и становиться счастливым от этого, а не от современного бреда о совместном проживании по брачному контракту.

Жена, дети, семья. Мысли. Воспоминания своего. Сопоставление с чужим. Разве кому-то своё объяснишь? Да и зачем? Это любят смаковать те, кому больше нечего…

НАБЛЮДАЛКИ.
1. Бизнесмен. Ни мужик, ни гей —
Весь в трудах, как мура(!)-вей!
Его жена — полунага,
Модной обувью стёрта нога.
А у мужа на лбу зеленеют рога-а-а!..
А?..

2. Ангелы мягко парили в утренней мгле, вдыхая рождающийся свет. Сквозь сонный дождь внизу на земле виднелись огромные белые сугробы. Переглянувшись, без слов, Они разомкнули руки и полетели в ближайший сугроб. Очнулись от удара оземь. С удивлением рассматривали свои измятые одежды. Изумились поцарапанным лицам и ссадинам на руках… Белым дождём мая сыпался на Их головы пух яблони. Дверью в небо глядело голубое окно. Улыбнувшись, Они вновь взялись за руки и нырнули в глубину окна…
Падение — озарение?..

7 февраля.

Калмыков Женя честен перед нами, ничего не обещает, занят своей группой «Ляпис Трубецкой». Мы не давим, но не скрываем желания работать. Жуков Андрей прослушал треки, записанные на ТВ. Был в шоке: да, технический брак, щелчки на записи! Куда смотрели?

Безрукий (до локтей) Андрей Жуков хитровато смотрит на Калмыкова: «Три ночи по пять часов — и всё сведём». Это для нас из области фантастики. Разве можно так быстро всё сделать? В песне по двадцать четыре трека. Каждый инструмент надо отслушать, выровнять, украсить и, главное, найти между ними золотой баланс. Чтобы зритель не плевался и чуть-чуть проникся очередным альбомом «Троицы».

11 февраля.

Опять ожидание… «Троице» всё дается нелегко!

А как у других? Может, ещё хуже? Почитать бы чьи-то записки, дневники, может, не расстраивался бы так.

Новость: «West Record» хочет выпустить 1000 экземпляров нашего СД «7». Замираем от счастья. Но для завершения работы Андрею Жукову нужно восемьдесят часов! Опять ждать?

Зубром бреду по снегу…
Пращуров прославляю.
Может, ступени в Небо?
Всё ближе и ближе к Раю?..

25 февраля.

Андрей Жуков любит сладкое. Сидим, чаёвничаем. Разговоры с Андреем, слушание «Ляписов…» Вокал Михалка (прости, дружище) явно мне не нравится. И вокал ли это, может, прикол? Сегодня это модно, и чаще слышится из дорогущих автомобилей. Фальшь, вокальные «сковытания» молодняка, блатное.

1 марта.

Позвонил в студию: тихо, работа стоит. Опять мысли, мысли…

Ухожу от пакостей
Пятками по холоду.
Как идёт монах
От соблазнов — к голоду.
Борода седая —
Веткой можжевельника.
Как же тут возвыситься
Грешному бездельнику?

24 марта.

«Парад Планет» — три недели (по 7 дней!). Следующий — через 32 года: мне должно быть — 77 (лет!). Опять «семёрки»?

В телепрограмме: «Через 7(!) лет после первого в мире космического полёта Юрий Гагарин (в фамилии — 7 букв!) погиб (в 34 года — 3+4=7!). Не много ли «семёрок»?..

А наша «Семёрка» не движется.

31 марта.

Сегодня Андрей Жуков оценил и хвалил наш диск. Готов сводить «Руны». В пятницу обещал всё закончить. Ой ли?

Разорвала льдины талая вода.
Сок бурлит в берёзах. Потекли года…
Не страшна нежданная с ржавою косой.
Даже интересно, что за Той чертой…

1 апреля.

Вновь ночь в студии? Жукову не терпелось показать сделанное. Восторг! Невзирая на брак телевидения — звучит!

3 апреля.

В 3.00 упал спать. Часов семь провёл в студии!

Андрей привык работать по ночам, а я привык в это время спать. Но компакт-диск сильный. Это не вызывает сомнения. Жуков от счастья пританцовывал на стуле. «Троица» опухла от многократного ночного прослушивания песен. Казалось, я больше никогда их не буду слушать дома.

Но с «замовами» вышла проблемка. «Поганцы, язычники!» — закричал Андрей и убежал из студии. Записывал тексты другой звукорежиссёр. Как ни объясняли Андрею, что это — фольклор, народная мудрость — не принял. Странно, Андрей, там ведь и Боженька упоминается.

И тем не менее — компакт готов. Кайф!

Дождь крестом кадилит —
Нам его не пить.
Мы скрипим с годами —
Продолжаем Жить!

4 апреля.

5.00. Интересно, как диск будет звучать на бытовой аппаратуре? В студии — класс! Вновь слушаю, что-то хрустнуло, мало высоких частот, нет комфорта и т.д.

21.00. Вновь прослушиваю диск. Звоню Юрам. Говорим и говорим о нём!

Ус-та-лость. И всё ещё переживания: впереди тираж, полиграфия, а это тоже деньги, и немалые.

Рука с трепетом набрала телефонный номер. И мама расплакалась от одной радостной мысли, что я приеду на пару дней в Лиду. Да, не был дома полгода! Я весь в работе! Работа на студии, подготовка к сольному концерту. Думаю, выстраиваю номер за номером, перебираю горы инструментов, вслушиваюсь в их тембры, разговариваю с ними. Хотя нужно было бы с Вами, родные!

Сердце само что-то выбирает, без моего согласия, а я не знаю, что получится. Творческий процесс — явный интим. И тут никого не хочется рядом видеть. Простите!..

Где-то за 140 километров вот так же вслушиваются в звуки пустой квартиры мои дорогие родители: «Как там наши детки?» А детки в водоворотах городской жизни. И вынырнуть оттуда даже на денёк сложно. Вот так и живем.

7 апреля.

Мы никогда так не копались! Заслушали вещи «до дыр». Нашли в CD то, чего в нём и нет. Даже Жукова привозили ко мне в общежитие слушать диск на моей аппаратуре.

Разтрезвонились птицы в апреле.
Пробивают росточки асфальт.
Воет Эрос по-мартовски в теле.
Соблазняет нас бархатный альт.
И кудесники — Лель, Берегиня —
Зашаманили пляску любви.
Где-то бродит моя половина...
Я приду — лишь меня позови!
Растрезвонились птицы в апреле.
Развернула душа свой баян.
Что-то скрипнуло в старческом теле…
Оказалось — весною я пьян…

10 апреля.

На Пасху — в 0.30 — прозвучал финальный аккорд нашего альбома. Голодный Андрей Жуков потащил всех в ночной магазин — за салом. Чудный мужичок: он учился в Англии, работал а Австрии, был во многих странах мира, шикарно знает английский, водит авто (без рук!!!), и у него Золотые Уши!

14 апреля.

Я прошёл фотопробу к фильму «Маленькие беглецы» (Беларусьфильм). Выяснилось, что музыку должны были делать «Ляписы…». Но у них что-то не сложилось. Предложили «Троице»! Сегодня вечером — встреча и обсуждение новой работы. Берёмся!

17 апреля.

Наши «студийные страсти» прерываются. «Троицу» ждёт героический Брест!

Ночь до выезда на концерт — бессонница. Загрузились в ТЮЗе, смена саундмэна вызвала недоумение у всех.

Дорога с элементами лёгкого юмора пролетела незаметно. Я «искупался» в брестских воспоминаниях о беззаботной студенческой молодости. Хочется увидеть старых знакомых на концерте. Театр — красавец с хрустальными люстрами (кстати, сделанными в Лиде). Гобелены! Но до концерта ещё шёл спектакль. Мы немного нервничали — успеем ли разобраться со звуком.

Это же Родина, а не «грязная» Голландия.

До 18.30 возились со звуком, а в 19.00 вышли на сцену и начали. В зале триста-четыреста человек, билеты были по восемь тысяч белорусских рублей. Первый концерт в областном центре за семь лет (кстати, гримёрка под номером семь — это к выходу нашего диска «7»?). Народ слушал, хлопал, я шутил. В конце — «бисовки», автографы, хорошие слова. Брестский композитор рассыпал комплименты: «Вы мне все «чакры» прочистили, так мощно, так эмоционально!» Знаем — мы «явление» здесь. Нужно только расслабиться и песня «дойдёт». Зритель с журналом «Джаз-квадрат» пришёл за автографом. Признался: «Я за 15 лет здесь ничего подобного не видел и не слышал!»

Студенты, актёры исторического клуба «Ойра» — человек двадцать — перед тем, как сфотографироваться с «Троицей», трогали меня, будто не верили своим глазам, хотели прикоснуться «к тайне».

Я сам хочу прикоснуться к Тайне этого древнего Мудрого Народа. Да только это не всегда возможно…

Я как будто в трансе от концерта. Как от проруби в Минске…

Старое озеро уже полностью стряхнуло с усталых плеч крепкие толстые латы, отодвинув зимнюю рыбалку на лысый берег, и вздохнуло полной гладью. Мутные серые глаза Озера с трудом всматривались в долгожданные глаза мудрой бабушки — Неба. Водная пружина, щурясь, толкнула талую массу в свой привычный весенний путь. А наша «тихая гавань» всё ещё в рваных льдинах. Куски плавали, как скорлупа. Досталось и мне. Я влез в холодную воду, взялся за край толстой льдины и с силой подтолкнул её под соседнюю. Вроде пошла. Сам повернулся спиной к ней и привычно опустился под воду с головой! «Спаси и сохрани»! Вынырнул, обернулся и… ужаснулся: льдина вернулась на то же место!

Так что, задержись я на миг, мог бы не вынырнуть, упереться головой в эту ледяную плиту. Судьба?!

Домой решили выезжать в 1.00. Пошли побродить по Бресту. Ночной город кишел молодёжью, вот бы их всех на наш концерт!

Разоткровенничался саундмэн Олег, бывший лётчик. Был в Марокко и в других странах. Рассказывал об огромных рыбах в рост человека. Икра вёдрами — это Хабаровск. Вино, виноград, мандарины — Сочи. И из смешного: продавали тормоза от самолёта за две тысячи долларов! Кабаки, женщины — ещё бы, за такие деньги! Хотя после стольких крушений самолётов и смертей — это не смешно.

Так всю страну распродавали в советские времена.

В час ночи мы вернулись в Минск. А потом я любовался рождением Дня. Рассвет — всегда Таинство. Как и наш концерт. Эти краски, эти охи-ахи, которые слышались мне за мутным стеклом автомашины, радовали сердце…

В 7.00 оплывшие ноги привели в Дом. Я окунулся в свой новый проект «Род».

Эй, Доля! Родился Человек! Сыпь ароматные травы в купель. Род ждал Тебя, малыш. Прочь Бабай! А ты, комочек, слушай свою первую песню-оберег. В дорогу! Играй, окарина! Славь Предков!

Храм Богини Весны. Догорает чучело Зимы. Берегини водят хороводы на горе. Волчьи глаза, как ночные пастушьи костры. Велес притаился со зверями и слушает легенды седых пастухов. Гудят рога, отгоняют Нечисть. Играй, жалейка! Славь Предков!

Все в Круг! Бог Любви — Купала — раздул огонь сердец! Око Неба — Хорс — говорит с Землёй. Целебная роса опьяняющих трав и цветов не остудит жар Сердец. Волшебный цветок Папарати в душе каждого! Прочь, ведьма! Звучи, варган! В помощь, Предки!

Даждьбог растрепал свои волосы-колосья. Хлеб — как сноп искр. Рай, иди к нам в Дом! Тепло и тесно в родном кругу. Ходит хмельная чаша Богача. Пляшите, ноги! Пойте песни! Славьте Предков!

Спешат свадебные кони в пожаре Осени. Чаруют венчальные свечи пламенем. Шепчут спасительные заговоры и молитвы. Перекликаются церковные звоны. Играй, волынка! Стучи, бубен! Славь Предков!

Звезда летит в чёрной ночи! Эй, люди, — Бог родился! И вздрогнул Божич от шествия мудрых Волхвов.

Опять в тёплой Матушке-печи потрескивают поленья. Домовой играет с курами. Дрёма укутывает нас волшебными сказками.

И Колядники нахлынули огненным маскарадом. И Род пришёл посмотреть, как Мы Тут. Достойны ли Их? Праведный ли наш Путь? И притихли Души Здесь и Там.

Мы славим Солнце!
Мы славим Род!
Мы благодарим Предков!
Низкий Им поклон!

P.S. Брест. Очень хороший концерт несмотря на эксперименты со звуком. Радостные лица, удивлённые глаза и головы. Да, это не радио и ТВ, где смакуют одно и то же. Тут немного нужно подумать. Так что, Гродно, Витебск, Могилёв — вам тоже пора нас пригласить. И мы споём Вам: «Ой, ішлі, прайшлі да тры Янгалы»...

24 апреля.

Обсуждали тираж нашего диска «7». Это из приятного.

Но никто в Беларуси не откликнулся помочь с выпуском. Может, не у тех спрашивали? Или это «военная хитрость» продюсера? Время покажет, почему и зачем. Пока всё за счёт «Троицы» и Валеры Мазура, который помогает нам на этом этапе творческого пути.

26 апреля.

Скандал! Уже кто-то крутит наш диск! Информация по интернету. Позже выяснилось: Юрий Павловский разместил фрагменты песен, меня предупреждал, а я забыл.

Сижу дома, наслаждаюсь звучанием африканских инструментов. И вдруг — как видение! Африка?

В мою комнатку вломились зубастые тигры, громилы слоны, цари-львы! Длинноногие модели-жирафы еле втащили свои краны-шеи... Толстозадый рогоносец вильнул за ТВ. Живность расползлась по полу, разукрасив его по-своему, пёстро. Запахло сыростью и незнакомой плесенью.
Крокодилёнок, как таракан, застрял в пустой банке из-под лидских огурцов. Черепашки заблудились в моей обуви, явно испугавшись размера. Раздуревшие обезьянки качались на плафоне, как на лиане. Маленькие воины-бушмены, как воробьи-мутанты, пропрыгали всю комнату! Танец? Охота? Ритуал?
В раскалённой жаре плавилось всё. Попугаи, как большие курицы, обмахивались компакт-дисками. Растащили всё! Гремит в музыкальном центре африканская музыка, наполняя комнату всё новыми и новыми видениями.
P.S. Африка! Хочу к тебе на этнический фестиваль!..

6 мая.

В день св. Юрия решилась судьба презентации диска «7». Не будет! Где, какой зал, звук, афиши (550 тысяч бел. руб.), реклама на ТВ и т.д.? «Троица» может сыграть и бесплатно, но за остальное нужно кому-то платить? Всё в минус...

Мне ещё нужно серьёзно подготовиться к концерту в Краснодаре.

Режутся, тиражируются диски. Юрий Павловский молодец — оформил красиво, со вкусом — умеет.

17 мая.

Учёные говорят, что к старости голоса у людей меняются. У мужчин голос становится высоким, а у женщин — низким. Я вспомнил бородатых старушек и стариков с бабьими, высокими голосами. Подумалось: «Ну, вот — готовятся к Перерождению»...

Значит, в той, другой жизни, я могу быть женщиной? Что-то в этом есть…

Ведь порой голос человека, как бальзам — слушал бы часами. А порой — открыл рот, а ему бы «кляп» вставить! Язык, зубы — вроде бы всё одинаково. Но сама вибрация голоса сродни симфонии космоса! Голосовые связки, как вход в другое Пространство! Твоё Пространство! И можно поделиться тем Духом, что обитает за этими хрупкими вратами. Хочешь? Спою…

Голос — нить, стержень сквозь кровь и мясо стареющего Тела в новое Перерождение! Пусть даже из мужчины в… дуб или валун. Только не размалёвывайте его, лесники! Дайте надышаться воздухом Белой Руси! Хоть потом, когда произойдёт Перерождение…

19 мая.

Наконец CD «7» — на руках! Как итог, как кусок жизни, запечатлённый в звуках, прожитых, пропущенных через ТРИ СЕРДЦА. Диск едет со мной в Краснодар на праздник «Дни славянской культуры и письменности». С БОГОМ!

15 июня.

Минск. Ужасная весть: умер Виктор Шевелевич. Ещё совсем недавно он планировал со мной съездить в Швецию. Сделал фильм для канала «Культура». Конечно же, помог мне, «Троице». Удивительный человек! Сильный, мощный, талантливый и смелый! Ещё в день похорон Владимира Мулявина мы говорили о наших планах с «Троицей», о фестивалях, концертах, о великом «Муле» (так меж собой мы часто называли Володю). И никто тогда не знал и подумать не мог, что чуть больше года оставалось жить Виктору…

Вечная память! Беларусь должна гордится своим Сыном.

«КАЗАЧОК» НА КУБАНИ

27 июня.

Беларусь — Сочи. Мои давние связи с отделами культуры на берегу Чёрного моря не давали мне покоя. И, наконец, дождавшись моего отпуска, мы выехали с Валерой Мазуром в Сочи. Очень хотели и надеялись, что столь длинная дорога не будет безрезультатной. Что мы найдём заинтересованных людей. И что белорусская песня ещё сотрясёт эти берега.

Едем с красивыми планами и радужными надеждами!

Заплутали в Могилёве: где же знаки? Валера спокойнее Мартина в этом вопросе. Останавливаемся. Озеро у дороги на Чериков, лес, прохлада. Боже, как давно я не был в лесу! Это же другая Галактика!

Что нужно, тебе, Человече? Только то, что нужно сейчас. Давай, дерзай — время покажет, к тому ли ты шёл…

28 июня.

Ночь отмучались в машине на краю Воронежской трассы под шёпот шин проходящих авто. День — дорога, музыка, разговоры. Милиция была добра к белорусскому «шумахеру» — Валере. Но после Воронежа не помогла даже моя борода и афиша — наш пропуск на постах. Штраф — 100 российских рублей. За реальную скорость 88 км в час, а по-ихнему — 140! «Лохотрон» для путников. Должен же милиционер и любовницу обеспечивать…

Завтрак на трассе с холодным чаем. Чем ближе к морю, тем волнительнее. В репродукторе лупят этнические барабаны.

Тяжёлая дорога без сна. Валера две ночи за рулём. Я спал, а он дважды отключился. Верю: опять спасли Ангелы-Хранители…

18.10. Джугба. Море! Валера уснул за рулём, петляя в предгорье. Я увидел, как машина пошла вправо. Секунды, которые разделяют два Мира… Но, слава Богу, пронесло! Дождь и солнце, мысли о предстоящей работе. И странно: уже хочется домой. Всё-таки, дорога выматывает.

Море! Грязная вода, камни — не зайти. Кое-как смыли грязь и ошмётки дорожных снов. Я в клубке воспоминаний о моих былых поездках с «Дивом». Море сегодня другое, и я другой. «Говори со мною, море, говори. Я соскучился по твоему ласковому шёпоту. Волны, вы сейчас откуда?»

Берег, как после шторма: щепки, тина, палки, белые чайки на объедках. Одинокие тела в холодном июньском море. Закат.

А в глазах всё ещё дороги, магазинчики, кафэшки, холодный квас, пиво в вёдрах с водой, молодые девицы при «дорожной зарплате»… Каждому своё. А мы — за песнями!

29 июня.

Море! И этим всё сказано. Ночные пейзажи лунных впадин — фантастика. Огоньки вдали, а будто рядом — трогай! Луна распустила волосы по воде до берега — цепляйся! Тишина. После трассы — лекарство для глаз и мозгов. Сон в машине на берегу моря — мечта студента,

но не дядьки в сорок шесть годочков…

14.40. Сочи. Вот мы и приехали. Это — Мацеста! Как бы нам с Валерой ни было тяжело после дороги, но мы, наконец, у моря. Валера отдыхает по полной программе — лезет во все «лужи», подкалывая меня. Мои друзья пригласили нас на фестиваль «Кубанский казачок». Я ласково называю их «Людки». Это — белорусские девушки (из организационного комитета), которые вот уже много лет живут и работают в Краснодарском крае. Еще в 1989 году мы выступали с «Дивом» в Сочи и подружились.

И только теперь до меня дошло, что Сочинский летний театр — сцена ответственная! Сколько афиш в Сочи: герои Аншлага, Лукинский, группа «Ю-Питер», группа «Экс-ББ» и т.д. Народу знаменитого — немеряно. Шифрин, Петросян и им подобные, по рассказам местных, не собирают залы. А тут я?

Конечно же, нужно немного пересмотреть программу. Цель — удержать аудиторию, ей должно быть интересно. И им, и мне. А реально ли это?

Горы, море уже не приводят в тот сильный восторг, что был в 1990 году. Видимо, Босния, Хорватия сделали своё дело — я многое увидел, стал побогаче на впечатления. А гора на острове Борнео! Был рядом, видел ежедневно! Пресытился, Ваня…

Организационный комитет не досмотрел видеоконцерт «Троицы». Это говорит о многом: привычный стандарт, боязнь всего нового, спокойная, стабильная работа годами. Кто же захочет рисковать золотой «кормушечкой»? А «Троица» может подпортить и мне, и моим друзьям. Скажут «великие»: «Постарели вы, девки Людки, попёрло вас неизвестно куда! Куда такое годится? Что это за фольклор? Вы что — не могли найти в Беларуси нормальную музыку?» И поменяют оргкомитет.

Тогда — прощай, связи! Хотя, всё равно это безобразие когда-нибудь кончится. Колесо Жизни вращается. Стирается с годами до обода…

И «Диво» не для всякого концерта было к месту. Много я всего себе придумывал и выполнял, потом волновался сам. Но делать, как все, не хотелось!

22.30. Мацеста. Я не купался. Что-то внутри не радостно, не знаю. Будто предчувствие какое-то. Я ведь очень тонко чувствую ситуацию. Если души встречаются родственные, они радостные, и из глаз искры сыплются — то всё понятно. А здесь что-то моя Душа нахохлилась.

Мой полуторачасовой концерт запланирован в зале на 1700 мест. Как это всё будет?

Денег пока от оргкомитета не получили, бензин покупаем за свои. Снова штраф — 500 рублей. И не спасли ни борода, ни афиша «заезжего артиста». Новое знакомство — Наташа из Москвы с новыми проектами «Музыка и мода». Она — дочь адмирала. Возможно, получится творческий дуэт? Утром срочно сделать новую программу!

30 июня.

7.30. Уже успели съездить на море в Хосту. На вокзале с криками: «Мой, мой!» — к нашей машине бросились мужики и юркие бабки. Но мы уже заселились и просто ищем подъезд к морю. Внаглую купаемся голышом. Из проходящего поезда на Адлер на нас смотрят удивлённые глаза: «Нудисты?»

Вода прохладная. Сочи пестрит телами, шортами, красивыми ногами. Но в голове мысли о моём концерте. Строю, даже выстраиваю разные программы в Летний театр. Тут прославленный КВН, а я — с песнями о народной доле и причитаниями о маме. Три блока по одиннадцать вещей. Из нового использую несколько готовых фонограмм из несостоявшегося московского проекта «Руны» (с «фанерой»). Так надо, понимаю, что делаю…

Сегодня репетиция и открытие фестиваля «Казачок». Хотим сходить в дендрарий и покататься на канатной дороге.

18.00. Мацеста. Дендрарий совсем не удивил — просто парк с пальмами. Да, появились (для фото) животные: медвежонок, леопард и павлин. За деньги трудятся все: и пернатые, и млекопитающие. Теперь всё воспринимается по-другому.

Поражают сочинские пляжи: с булыжниками, неудобствами и какой-то неухоженностью. Снова поймал себя на мысли: это не Болгария (Золотые пески, где я отдыхал в 1985 году), и не остров Борнео в Малайзии. Полученные там впечатления намного ярче. Ещё бы! Льётся время, и вкус увиденного с годами другой, более терпкий, что ли. Особой жары нет, но тяжеловато ходить. Ни птицы, ни звери — ничто уже не теребит внутри. Постарел. Потолстел. Ленивец. Валера шутит, что ему со мной комфортно ходить: у меня живот больше, и женское внимание достаётся ему. Ага, он что — Дюймовочка? Если б только он знал, на что «западает» женский пол. Но это — отдельная книга…

Я серьёзно перестраиваю концертную программу. И в мозгах «тусуется» моё выступление: что-то убирается, что-то добавляю, вспоминаю старые песни. Благо, есть запас и десятилетние наработки. Хотелось бы, чтобы концерт прошёл успешно.

Суточных нам все ещё не дают, меняем доллары, заправляемся и собираем талоны на заправке. И это — фестиваль? На фестивалях в Европе такого нет. Может, от этого внутри грусть? Ищем связи и работу для «Троицы». Но что-то не видно заинтересованных и не слышно приглашений от этого важного сочинского «громадья». Пока всё напоминает «совок» 70-х годов XX века. Жалко. Европа давно рванула вперёд и в этом направлении.

23.00. Вновь в оргкомитете переиграли мою программу: теперь уже дают только пятьдесят минут и плюс детей. Как это смешать — молоко и горчицу? Опять надо думать о ней — о программе.

Видимо, оргкомитет очень боится, что я — «бомба». Хорошо, правильно думают. Я вижу и слышу, что происходит вокруг. И от этого становлюсь увереннее. Я будто бы прилетел с Марса к землянам.

Купались. А что ещё можно делать? На пляже много детей и взрослых. Разглядываю всех с интересом. Как много можно сказать вот об этом важном толстяке, смачно чавкающем местным пирожком! Или вот об этой давно повзрослевшей девочке, что повязала на шею какой-то шарф (такой жарой!) и просто пожирает всех своими маленькими глазёнками. Пару часов на пляже понаблюдал, кое-что набросал в тетрадочку. И вот — пляжный роман. Завтра стартую с концертом? Да…

1 июля.

5.00. Мацеста. Заехали детишки, как «муравьишки». Зазвучали барабаны, гармошки, волынка, чьи-то песни. И вспомнились гастроли «Дива». Ничего не меняется с годами, лишь приходят помоложе. Так же шутят, так же заигрывают с девушками. Сегодня приедут коллективы из Лазаревского и в том числе танцевальный коллектив «Диво». Присвоили себе без разрешения моё название…

Вчера у пляжа видели импровизированный «трон» и трёх чёрных-чёрных негров с коронами — для фото. Но когда они увидели нашу камеру, отвернулись. Ведь за сезон, позируя, получают, по словам местных, около трёх тысяч долларов. А мы тут с какими-то песнями и собираем талончики на заправках. Что ж, каждому — своё…

Ночью ревел шторм, шёл дождь. И это лето? Ах, безобразник високосный год! Пахомова Люда — белоруска из оргкомитета — угостила салом, огурцами. А где суточные? Не пришлось бы одолжать деньги на дорогу назад…

Детей из коллективов расселили не всех, кому-то не хватает еды. А большие дядьки при продуктах. Мазки «бытовухи» на большом полотне — «Казачок». Нужен ли кому такой «дутый» праздник? И стоит

ли собирать столько участников? Или здесь удобно прокрутить финансы под детские слёзы и пот? А сколько таких режиссёров «нагрелось» в бывшем союзе на фестивалях?..

2 июля.

7.20. Мацеста. Уже всем хочется домой. Вчера днём наблюдали несколько смерчей на море. Зрелище, за пару секунд согнавшее отдыхающих с пляжа. Очень красиво! У меня была мысль, что я, наверное, шагнул бы в этот круг. Нет страха. Я впервые видел, как с чёрного неба в море упала «соска», образовался круг диаметром 50-70 метров, поднялась вода. Но Что-то всё это остановило. Как позже остановило и дальнейшее везение.

Репетиция в Летнем театре напоминала «совковую» подготовку правительственного концерта, где сорок(!) коллективов репетировали «приход-уход». Местный поэт трезво оценил эту ситуацию. Глашатай?..

Синтезатор «парит» сцену —
«Режет» песни казаков.
Нет ни «люльки» тут, ни «хаты»...
Будто праздник дураков.
Нарядились скоморохи :
Гонор — шашки и кресты...
Лишь Мефодий и Кирилл
Как-то девственно чисты.
В тряпки рваны сарафаны.
Миррой плачет Николай.
Саван времени на раны...
Богом выбран глашатай!

Моя идея соединиться с кем-нибудь, чтобы не затеряться на сцене, сразу умерла в этом хаосе. Я психанул, «послал» всех и предложил вариант концерта в Краснодаре. Все согласились.

Неожиданно начался дождь: гром, молнии, ливень в открытом Летнем театре сделали своё дело: концерт остановили на первом же блоке. Знамение? Всего должно было быть шесть блоков, белорусский — четвёртый. Эко, размах! А может, лучше было бы меньше, да качественнее? Небо всё видит и поступает по-честному.

Днём сняли три из шести моих афиш, а вечером уже не было ни одной к сегодняшнему концерту. Осадок. Или мои друзья просчитались, пригласив меня с программой «Наследие погибших деревень»,

или Виктору Захарченко, руководителю Кубанского казачьего хора, не понравились мои яркие афиши рядом с его блёклыми?

Увидел Г. Мазлумяна — своего старого знакомого, который после посещения моего центра «Календарь» создал в Лазаревском шесть национальных центров. От него мы узнали, что не будет концерта в Лазаревском. Грустные, раздавленные этой приморской действительностью, уехали спать.

Ливень смывал все планы, рушились «песчаные башни» идей, связей, новых знакомств. Не проданы компакт-диски, книги, журналы. Всё, что мы так тщательно готовили дома. Кому? Всё смыла Большая Вода. Не складывалась та работа, о которой мечтали дома, из-за которой неслись сюда, засыпая за рулём, перебиваясь сухим пайком.

Вечером и утром мы думали, как быть дальше. Затухнуть? Или продолжать работу? Думаю, последнее. Так было всегда с тем, что я делал: и «Диво» (моё, не Лазаревское), и сольная программа, да и «Троица» — не имели и не имеют должного внимания, потому что не вписались в общепринятые стандарты. Думаем после завтрака ехать в оргкомитет.

14.00. Мацеста. Мы «взорвали» оргкомитет своими вопросами: «Где афиши? Кто и почему снял?» Повесили, не объяснив.

Вчера в автобусе услышал, как одна девочка из танцевального коллектива говорила другой: «Я так хочу, чтобы мы получили на конкурсе первое место. Ни второе, ни третье, а первое. А то руководитель нас съест». Вот весь ужас происходящего здесь! Это творчество, или страх? Девочка, успокойся, это — не руководитель. Я всегда учил своих «дивовцев» выглядеть достойно и с уважением относиться к творчеству других, невзирая на глупое распределение мест в фестивалях и конкурсах.

Я какой-то дёрганый, может, от того, что вчера не «засветился» с фолком? Может, оттого «не в своей тарелке»? Но спокоен Валера, не дёргает меня, только напоминает мне о море.

Вечером обещали дождь. Молчит Лазаревское по концерту. Но Г. Мазлумян обещал показать свой, местный этнос.

3 июля.

День Освобождения Беларуси. Всё же будет мой концерт. Правда, совместный с Солигорским коллективом, который тут «прижился», а скорее всего — прижились спонсоры коллектива.

Подготовка к концерту была отвратительной: шнур к смыку, гуслям, цитре принесли только к началу концерта. Валера носился, подключал. Нервы!

Умные, интересующиеся люди покупали и книги, и мои компакт-диски. Брали автографы, фотографировались, спрашивая: «А сколько стоит фото с вами?» Пахомова Люда ушла с концерта, не сказав ни слова. Басинской (ещё одна землячка) тоже, видно, не понравилось (позже об этом сказала). Да, вот такой фольклор, не под баян. Но, девочки-белорусочки, вслушайтесь. Ведь это песни ваших Прадедов! Неужели так очерствели ваши души? Или вы уже привыкли к местным «Варэнічкам»? Я не против таких песен, но есть и другие.

4 июля.

7.15. Мацеста. Вчерашний день был очень насыщенный. Днём были в гостях. Живут люди! Наташа — наша новая знакомая. Ну, у нее и домина — четырёх-пяти уровней. Свой музей. Но было мало времени, чтобы всё рассмотреть.

Перекусив, летим из Дагомыса в Сочи, ищем училище искусств. Там у меня мастер-класс. Прибегаем, раскладываем инструменты, компакты, мои книги по фольклору. Я ведь так готовился, и мне есть что рассказать за двадцать лет работы. Солидно? Видим заинтересованные лица руководителей коллективов, представителей радио и телевидения. Через пять минут — старт!

Но приходит В. Захарченко (вчера только обнимались, целовались) и убирает меня со сцены, нагло, тупо, со скандалом: «Мастер-класс должен быть только у меня!» И начинает рассказывать публике то, что они уже давно знают — кубанский фольклор.

Сижу, жду два часа в фойе, не понимая, что произошло. Что это — зависть или моё выступление было до того сильным, что он «вздрогнул» и испугался? А что, белорусский подлинный фольклор — ещё та сила! Осадок…

Потом летим на концерт в санаторий «Беларусь». Тут моя тридцатиминутная программа. Во время моего выступления в зале тихо. Работаю с напором, немного злой. Но очень стараюсь пробрать эту толпу до косточек! Испуганные глаза. Даже — шок. А потом — как будто прорвало плотину — понимание и слова благодарности даже от минчан: «А знаете, мы и по радио такого дома не слышали, а о Ваших инструментах вообще не догадывались!»

Ночное купание в лунной морской воде, свет пробегающих невдалеке автомашин высвечивает на пляже молодые целующиеся тела. А у

меня мысль: «А что я вообще здесь делаю? На фестивале, на пляже?»

Мне захотелось домой: пофилософствовать с младшей сестрёнкой о жизни, побренчать с «Троицей» нашу музыку. Хотелось работать, играть достойную музыку, а не сидеть голым на троне с бутафорской бумажной короной.

Ночной город, мост в огнях, мудрые горы, пальмы, как гигантские грибы, и наши рухнувшие в чёрное ночное море планы. Эх, Сочи!..

Молодой, самоуверенный руководитель солигорского коллектива сказал мне важно: «Давайте посидим, выпьем по пятьдесят граммов, прослушаем быстро ваши диски, моя жена выберет, и мы вам сделаем программу и рекламу».

Ну что им сказать, этим «полесским» людям? Наверное, вот так они и лезут везде с напором, не понимая и не чувствуя ситуацию. Мы приехали «за другим», и мы другие. Неужели не видно? Уровень самодеятельности для себя я отбросил ещё до «Дива».

5 июля.

9.35. Мацеста. Вчера пробки на побережье помешали вовремя приехать на закрытие фестиваля. Обидно, мы опоздали.

Но душил официоз. Я назвал это мероприятие «Кубанский Захарчок». Он гремел маршами и гимнами — Ему. Сыпались подарки, дипломы — тоже Ему. Разве мы против?

Но вдруг подошли ошарашенные моим выступлением музыканты из Майкопа, купили все мои диски, рассыпались комплиментами. Ага, значит, кого-то всё-таки пробрало? Заползла белорусская песенка в укромное местечко и тронула чьи-то ржавые струны души…

Начало банкета было омрачено: кто-то побил унитазы, а с нас высчитали. Бред! Я хотел всё бросить и уехать. Но нужно как-то досмотреть спектакль до конца. Мы сидели за пустым столом (не считая водки и воды), сыпались «хваласпевы» великим «гуру», оргкомитету и т.д. Кто-то выступал у микрофона, старался.

Позже мне пришлось включить новую запись, выдать «Троицу» — интерес усилился. Спросил Л. Басинскую: «Люда, а почему тебе «Троица» не пошла?» Она: «Да ты что? Это была бы «бомба! А мне ещё работать и семью кормить. Я видела весь ваш список шестидесяти европейских фестивалей, здорово!»

Единственное, что она смогла сделать, так это познакомить нас с музыкантами из Майкопа и решиться на совместный концерт в сентябре. Обид у меня на В. Захарченко — немеряно. Почему не показать

белорусский фольклор в моём исполнении? Европа это оценила, а здесь что, так и будут возвышаться развалины Советского Союза?

Мы слышали, что В. Захарченко сказал не приглашать больше белорусов. Разве это отношение творческого человека к новому? Даже если ты уже стар, послушай без ревности.

Мы ехали с надеждой, что народ посмотрит на белорусский фольклор по-другому. Я хотел, чтобы их «цепануло». И это произошло: подходили простые люди, музыканты, женщины, говорили, что подобного не слышали. И самое-самое главное — с нами стали здороваться дети, везде — значит, их тоже «торкнуло». Простая наша белорусская песенка сделала большую бурю в маленьких хрупких душах. Вот за этим мы и приезжали!

Ирина (радио, Краснодар) сказала, что «встряхивают» культуру бунтари. Хотелось бы им стать хоть когда-нибудь по-настоящему.

Ночное Чёрное море смыло злость и обиду. Появилась надежда.

16.35. Мы еле «вырвали» расчёт, продали оргкомитету семнадцать моих книг по обрядам белорусов и двадцать три диска — для белорусского центра. «И за что нас так не любят? — крутилось в голове. — Ведь мы привезли вам славянский фольклор!»

Из смешного: нас все просили не попадаться «главному» на глаза. Хотя мы всё время ему попадались. Видимо, судьба добивала недовольного. Но за что? За песни? Значит, это — хорошее оружие!

Завтра наши новые друзья планируют ТВ, интервью со мной, съёмку моих инструментов, плюс фотосессию. Много говорили о предстоящих концертах (если будут) в Краснодаре, Майкопе, Сочи, Лазаревском. Хотелось бы тут выступить с программой «Троицы».

Видим разборки оргкомитета, не всё понимаем. «Дерьма наприглашали!» — слышим в чей-то адрес. Оглядываюсь, ищу рядом глазами дерьмо. Слава Богу, у нас пара дней до отъезда…

6 июля.

5.06. Мацеста. Ночь в видениях! Постоянный лай собаки, шуршание соседа, обгорелое на солнце тело, которое никак не положить удобно на матрас.

Вечерняя дискотека для детей вернула меня в моё детство. Река Неман, пионерский лагерь, девчонки, первый танец с какой-то красивой девочкой. Запах её волос, шорохи леса, дурман ночи, наше молчание, первые касания рук, плеч. Брезентовые палатки-домики, хранящие детские тайны, кровати на песке и многое, многое другое. Волнами приплывали воспоминания далёких лет…

А тут, в Мацесте, вроде и дети, а всё по-взрослому: девчонки одеты по-другому, женские сумочки, дорогие украшения, постоянно звонящие телефоны. И что больше всего отличает от того времени — их пренебрежение к мальчикам, высокомерие, грубость в словах. И многое другое, что так отличает тех нас от нынешних этих. Прежде всего — одежда и обувь! Детские сандалии и шорты, в которых выросли мои взрослые желания — где вы?..

18.00. Дагомыс. Чайные домики. «Банкетище» у Наташи. Чудо на «Буян-острове» — так называется её дом-музей. Собрался оргкомитет, телевидение, грузины, кубанцы, армяне и мы — белорусы. Тамада — композитор-грузин (завтра планируем заснять его в Сочи за музыкальными инструментами). Тосты за каждого присутствующего со всеобщим вставанием. Красивы и культурны у них застолья!

«Буян-остров» гремел забытым гимном СССР, потом «Сулико», «Многие лета» и общим восторгом. Из приятного: мы всё же событие на открытии фестиваля, хоть и не без матерных слов «генералов» в наш адрес. Уникальность признали и телевизионщики. Нас хвалят и всё больше задают вопросов. Приятно. Вечер прошёл хорошо, но мы ушли первыми, сославшись на нехватку времени. А народ уже бросился танцевать, греметь на фортепиано и догоняться вином. Говорят, хорошим.

Но нас зовёт море. Нужно уметь вовремя красиво уйти. Везде.

7 июля.

21.00. Сочи — Лазаревское.

День плотный! Утром мы искали дом грузинского композитора. Приём был шикарный. Хозяин — человек удивительный. Приютил после войны три десятка семей разных национальностей. Творит — пишет тексты, музыку. Пел и играл нам, накрыл стол, как мог. Потом пригласил шесть музыкантов «снизу» — из кабака. Среди них — отменный скрипач! Мы много говорили о человеческих взаимоотношениях. Он просто посмотрел в мои глаза, назвал меня братом и подарил струнный грузинский народный инструмент. Это — тёплые и такие дорогие минуты пребывания на берегу Черного моря.

Дорога в Лазаревское. На трассе — перевёрнутая фура с помидорами — напоминание о спешке.

Встреча с Г. Мазлумяном — моим давним другом. Разговоры об этносе, музыкантах. Его и мои достижения скромные. Подожди, Георгий, ты ещё не слышал мою новую программу…

Лазаревское. Море. Люди, аттракционы, парк, кишащий людьми и звуками. И сразу маленькая ностальгия по Мацесте, по тому

пляжу, той атмосфере пустоты и кайфа. Всё познаётся в сравнении. Люди, лица…

8 июля.

7.10. Лазаревское. Ночь в недостроенном помещении. Лай собак, ломаные матрасы, то ли мошки, то ли морская соль не смытая — всё, всё мешало нормально спать. Валера не спал, ворочался. Местные тихо, по-кавказски стучались в соседние номера к девушкам.

К запаху невысохшей краски подмешался ночной ароматный букет черноморского побережья... Уходила в прошлое моей жизни ещё одна ночь на побережье Великого Чёрного Пространства, двигающегося в такт с Вселенскими часами.

Множество ступенек, лестничек, которые ведут в комнатки, открытые окна с размалёванными молодыми девками, запахи парфюма из дверей, столики с отдыхающими прямо на крыше. И контраст — Лазаревские раздевалки на пляже, как грязные, неопрятные проститутки после «работы».

14.00. В жаре-духоте пролетело полдня. Утром на море не пошли: Сергей — работник Лазоревского ДК — увёз в ущелье. Люди! От красотищи мы потеряли дар речи! Я восхищался, как ребёнок! Потом шёл по высохшему руслу реки среди камней, валунов, вывернутых с корнями деревьев. Рядом щебетали ручейки, спешащие в бурную горную реку. Я вглядывался в это величие гор и думал, что наша жизнь порой похожа на эти ручьи — тихие, милые, прыгающие по камешкам в солнечных бликах. В неизвестность. Держась за валуны, мы скользили по слизким камням, грудью встречая горную воду из-под самого Неба. Никуда не хотелось. Хотелось полежать камешком в этом ущелье и послушать сказки могучих валунов.

20.40. Предпоследний день перед отъездом. Днём заглянул на пляж — ужас! Народу!.. Попа к попе, ноги в нос, кто ест, кто курит. А коробейников! Список предлагаемого большой-пребольшой. И тесно душе у моря, и больно глазам от изобилия. И очень каменистое дно на шикарном пляже. И почему-то нет грусти по дому. Привык?..

Получился отпуск, хоть я и не планировал. Из смешного: девушка в клубе сидит на продаже билетов и получает $30 в день. А в месяц? Вот так, нищета наша белорусская!.. А мы тут на овощах экономим, да этнос пропагандируем. А «культура сближает народы»?.. Сюда не очень-то и подходит этот тезис: чуть ли не от каждого слышим плохое в адрес другой нации (захватившей то ли власть, то ли землю, то ли парк, то ли

берег моря, то ли песню). И это всегда было, даже во времена Союза, только мягко и тихо.

Отдыхающие напоминали мне «зомби», стоящих и лежащих у воды, входящих в неё, коптящихся на дневном солнцепёке. Так мучить себя, чтобы всем рассказывать, как здорово отдохнул(а)? Так принято было в «совке», так и сейчас. Хотя — каждому своё, ведь я редко отдыхал, особенно с семьёй.

9 июля.

9.30. Лазаревское. Горы выталкивают боязливое солнце, а прибрежный ветер нагоняет мрак и чёрные тучи. Просто «ужастики» для глаз! Ласточки бешено носятся над гостиницей и щебечут: «Дождя, дождя!» Но восторжествовал утренний Разум! Вылезая из чистого, доброго моря, мы увидели ясный, солнечный день. В кафешки, столовые потянулись полуголые отдыхающие, с ночных кабаков за руки вывели полуживых «путан», которые идут то ли ещё не проснувшись, то ли в «наркоте». Дворничихи зашуршали мётлами, открылись лавочки.

Наш последний день в Лазаревском стартанул. Я всячески переделываю программу, так и не зная, куда и на какую публику моё искусство обрушится. Хочется, чтобы это было хорошо и достойно. А главное — профессионально.

10 июля.

4.20. Не сплю. Скоро должны выезжать.

Утро вчерашнего дня началось в центре адыгейской культуры, у Руслана. Мне понравились стены, расписанные местным фольклором. Тут и одноглазый великан, которого загнал в море и заморозил воин, и расколотый камень с ребёнком внутри, и украденный у великана огонь.

Но один рисунок поразил: в люльке лежит маленький, сухонький старичок с большой, белой бородой, пристёгнутый лентами или поясами. Рядом с ним — девушка с чашей в руках. Я спросил, что это? Оказалось, всё очень просто: к старости человек усыхает, стаптывается (я вспомнил бабушку Катю), становится маленьким. И за ним ухаживают, как за ребёнком.

С этой мудрости началось знакомство с Русланом. Он повёз нас к народным исполнителям в ущелье. Первым шоком для меня в его экскурсии было тюльпановое дерево, которое цветёт 21 мая. Это нужно видеть! Не обхватить трём-четырём человекам! Цветёт! Огорожено. Рядом павлин, лошади — кататься, вино, чай — в общем, всё, чтобы туристам можно было оставить денежки.

Далее — горные дороги в ущелье, где для тех же туристов «супер джипинг» в огромном ущелье по руслу полувысохшей реки. И — тридцать три водопада!

Валера купался под водопадом, толкая таких же спешащих «зафиксировать свой фэйс» на фото.

Дорога с гор была утомительна, утомился и рассказчик, ударив бампер своей новой машины. Оставили ему на память компакт-диски, афиши и слова благодарности.

Незаметно подкрался вечер и концерт в клубе «Прометей».

Клуб — это город в городе: бассейны, кабаки, красивейшие здания, будто декорации из американских фильмов. Всё это построила Москва. Да, её рука такая мощная и такая богатая.

Концерт (около тридцати зрителей) прошёл на удивление тихо, ровно. Наверное, больше всего вызвал интерес мой внешний вид в костюме «Варажбита».

11 июля.

Сегодня мы едем домой. С Богом! Что сделано? Будем анализировать.

7.30. Мы летим, вновь летим, расписываясь глазами на горных хребтах: «Пока». На Ро-ди-ну! Несёмся всё дальше от Г. Мазлумяна, от его забот о себе, стихах. Летим к своим. Жарища! Одна моя рука (которая торчит в окне) — чёрная, другая, в салоне — белая. Скорость наша 100-135 км/час! Пирамиды баночек мёда по краям дороги, орехи, фрукты, овощи, горный мёд!

13.20. Мы упали в придорожную тень. Жара и духота юга. Море, где твоя свежесть, ветерок? Перед Ростовом «летит» выхлопная труба, а перед этим ещё штраф за скорость. Урчим, но едем.

Мысленно перебираю всю свою работу в сочинском туре. А может, и правда я и «Троица» идём чуть-чуть впереди простых смертных? Может, ещё нужно петь только «Варэнічкі»? Мысли, мысли… Холодает — бальзам для тела после пекла юга. В дороге часами слушаем диски Deep Purple. Вот за что спасибо водителю!

Закат не успеваю снять, как всегда, уже нет плёнки.

5.30. Мучительный сон с 22.00 до 2.00 в позе оплывшей гусеницы. Ночь, дорога. Растворялась чернота, белело, серело, розовело. Из тьмы вылетали яркие вспышки фар, слепили, клонило ко сну, боялись уснуть оба. Я скомандовал: «Привал!» И мы провалились в сон. Валера не очень доволен остановкой, но я успокоил: «Зато живы».

14.00. Орловщина. Берёзовый лес, остатки придорожной трапезы проезжих. Спорим о рок-легенде. Для кого? И как делать? Обоим тяжело понять серьёзность рок-легенды. Неужели не видно, как тяжело самим пробиться с такими маленькими конвертиками? А тут опера? Нужны имена! Кажется, меня не понимают.

О рок-опере «Чёрная лилия» я мечтал с 1979 года, когда пришёл из армии, даже написал либретто и пару песен. Но тогда, как и сейчас: просто за «идею» народ не пойдёт. Нужны «баксы». Сегодня я многое вижу по-другому. Но беда в том, что многие сразу видят деньги, а не идею!

Радуемся хорошим дорогам, материм ямы, на которых машина взлетает, как «Челенджер». Пыль, жара, духота, пухнут ноги в одной позе (эй, завистники, слабо?). Уже и не вериться, что были среди пальм, у моря.

Сценарий рок-легенды всё ещё кипит в головах. Куда нас с Валерой несёт? Спорим и спорим! Идея закончить легенду рождением ребёнка, его первым криком.

Ребёнок пришёл Сюда выполнить какую-то миссию, принёс в себе какие-то знания. Тут, на Земле, он получит новые знания, обретёт мудрость и вновь уйдёт Туда. А потом снова вернётся Сюда, чтобы наполнить Себя, как Чашу Мудрости Грааля. Жизнь-капля. И так вечно — в бездонную Чашу, ибо нет дна ни у Мудрости, ни у Знаний. Мы оставляем земные (Тут) и небесные (Там) события. И как цвет и запах мёда различны, так и мы берём нектар знаний по-разному, храним и делимся индивидуально. Прочь засахарившийся мёд! Не стать бы трутнем… Душа и есть Чаша, вместившая Себя и Космос. Поэтому мы так много знаем, но глупы, и порой в бытовом — ничтожны. А приходит ли осознание того, что мы ничтожны? Только когда беда? Ну, не в радости же. С болезнью? Ну, здоровый не задумается…

Могилёв. Деревья на закате, будто декорации к спектаклю. Свет — чудо. Без масла и акварели закат размазал впечатления юга до горизонта. Растянул То, что было, к Тому, что будет…

Родина бьёт зеленым соком в зрачки, уставшие от пальм и магнолий. Валера спешит встретить жену, я в свой дом: душ, чай, родные и дети.

Лучи солнца разорвали облака и растянулись от неба до земли. Из трёх дыр в облаках я увидел мужское «лицо» с огненным ртом и глазами. Снова нет фотоаппарата под рукой. Где же мой лучший кадр?

22.30. Минск. Ливни, молнии на подъезде к Минску. Пустая трасса, и Валера гонит автобус со скоростью 110-140 км/час.

12 июля.

12.55. Дома! Отошли оплывшие ноги, я обзвонил родных, сообщив им приятное известие: жив, вернулся!

Поиск работы для «Троицы» и разведка по берегу Чёрного моря вызывают грусть. Что ж, понятно: нужны идиоты — толкатели идей и те, кто в силах, кто умеет или готов отдать всё за фолк! Только тогда, возможно, мы вместе пробьём стену чёрствой действительности. И развернём «Варэнічкі» так, чтобы народ почувствовал в них вкус. Обидно за старого «друга» В. Захарченко, за Люду (тоже мне, белоруска!..) и за многих других, что ушли с моего выступления — жаль, что «не достучался» я окаринами, дудками, песнями до их сердец. Наверное, ещё не время, Иване… Пусть крутятся одинокие диски белорусского «авангарда» на Краснодарской земле, пусть песня ищет дорогу в лабиринтах славянской души…

КОМАР И МОРЕ

ПРИТЧА

Комар сидел на берегу Моря и грустно смотрел в даль.

Море было ещё далеко, и он тяжело вздыхал. Он снова сидел в ожидании. Комар любил Море! Оно представлялось ему огромной мокрой медузой. Но сегодня — отлив, значит, грусть и одиночество.

А Комар любил прилив. Он весело плескался в ласковых волнах, нырял в своих фантазиях в такие глубины, что дух захватывало! Он заплывал далеко-далеко, туда, где рыбы хороводили вокруг него в каком-то танце гипноза. Это были редкие моменты счастья! Да, Море не так часто баловало Комара.

Море любило мелких рыбёшек, и всё свободное время носилась с ними, как Вселенская Мама. Она создавала им уют, радости и даже маленькие празднички. Рыбки были в восторге! Столько еды, музыки, песен. Столько внимания! И отдых, и гуляния! Да, одно море решало судьбы этой многочисленной детворы. Будто бы у моря была такая миссия... Никто этого не мог понять, а тем более объяснить.

Правда, были моменты, когда Море уставало от всей этой суеты и катило к знакомому берегу. Там, на тёплом песчаном берегу, казалось, море всегда ждали. Там было уютно, спокойно и надёжно. Морю нравилось гостить у прибрежного золотого песка. Они наслаждались встречами. Их в восторге

целовали звёзды! Море влажными руками пересыпало золотой песок, украшало его цветными камушками и резными раковинами.
С ревностью наблюдал за этим одинокий Комар. Но потом и там, у ласкового и нежного берега, Море вдруг начинало тосковать о свободе, о сильных и мощных Ветрах, что кружили вокруг него вихрями. Море любило такие знаки внимания. Но оставалось вольной птицей, которая могла перелететь без сна и еды не одну сотню миль. Оно носилось везде, могло докатить в любую точку Земли. Гордое, величавое,страстное и очень красивое. В такие моменты Комар очень тосковал…
Что он мог? Иногда он залетал далеко в Море и чувствовал себя хозяином этой голубой громады. Он кричал от счастья! А Море будто бы его и слышало. Комар был уверен в такие минуты, что Море под его властью! Но сколько таких Комариков кружилось над прибрежными волнами, Море не знало. Поднимались волны, с шумом цепляли звёзды. Сверкали молнии! Комар в страхе летел в свою норку. Таких минут в их совместной жизни — Моря и Комара — было немало. Берег очень переживал за крошку Комара. И всегда успокоённо засыпал, когда тот мокрым комочком падал на берег. О, эти невесть откуда появившиеся бури и молнии! На берегу Комар обсох и оглянулся на Море: далеко-далеко до горизонта растянулась эта огромная мокрая медуза…

Как часто мы несём себя величаво, как море, и падаем мокрым комочком на песчаный берег. И совсем не догадываемся, что уже были здесь и золотой песчинкой, и неистовым Морем, и маленьким Комариком…

ПИРОГ ПО ИМЕНИ «ФОЛК-ФЬЮЖН»

20 июля.

13.00. Время — песок: плывёт, течёт, меняется...

Как давно я не был в Прибалтике! И вот снова — к янтарному морю. На фестиваль!

Полувяло идут сборы. Всё валяется: видео, компьютер, вещи, продукты в дорогу. Ловлю себя на мысли — мне это нравится! Моя жизнь сложная, но интересная.

18.15. Выезжаем. Много оставляю в Минске недоделанного.

23.25. Пограничный пост. Россия. Неспешные разговоры в пути. Глядя на светящиеся в темноте окна, думаю о доме, тепле, семье… Занавески на окнах, цветы — там хорошо. У меня тоже чисто, хорошо, спокойно (я навёл порядок перед отъездом), но чего-то не хватает…

Вновь заполняются какие-то документы… В воздухе — сотни мотыльков! Летят на свет фонаря.

Всматриваюсь в ночную дорогу. Вот лиса, сиганувшая через дорогу. И комар-путешественник в салоне авто. Будто спрашивает: «А куда это мы едем?» Мы летим на фестиваль — крупный, крутой и, главное, там нас ждут и не вычеркнут из списка, как на «базаре».

Моя «пятая точка» вкрутилась в сиденье-«седло», и мы скачем по платной дороге! Везём всё, что знаем. Едем других посмотреть и себя не осрамить…

А в это время мой Сон сидит на диване в комнате на проспекте Пушкина с вопросом: «Где он?»

Я вглядываюсь в российские деревянные сараи под названием «таможня» и вспоминаю Европу. Надеюсь, что пройдём быстро, но остывшие, нахохлившиеся «фуры» настораживают.

Кровью сочатся рябины —
Осени именины…
День уже равен ночи.
Падает первый листочек.
Осень вползает в душу:
— Всё плохое разрушу!
— Ну, а меня спасёшь?
— Ты очень быстро живёшь,
Таешь, как воск свечи,
Как уголёк в ночи...
Осени именины —
Кровью сочатся рябины…

21 июля.

4.40. Россия — Эстония. Граница. Пустынны деревни России. Ночью три(!) «фуры», лежащие на боку — ужас! «Троица», сменяя «драйвера», летит почти без остановок: глоток чая, кофе и вновь в чёрный коридор ночи. Чёрное облако, как огромная лиса с хвостом, то догоняет, то перегоняет нас. Сон, обыскавшись дома, нагнал меня здесь.

В 10.00 влетаем в Вильянди. Старые знакомые, сувениры, новые эстонские имена, не запоминающиеся и с десятого раза. Площадки для концертов, разрушенный замок — наша сцена на завтра.

Гостиница! Душ, наше традиционное чаепитие и кайф, кайф, кайф — мы на месте. На-чи-на-ем!

21.45. День, шикарный день к концу-венцу. Пока всё красиво, пристойно. Нас помнят, слушают и, наверное, ждут концерт, новый CD. Осталось совсем немного — завтра вечером будем знать, зачем ехали.

Обошли разрушенные замки на горе — красотища! Много снимали, трогали руками эти руины, будто успокаивали их. Озеро внизу смотрелось с горы бирюзовым полотном. Глаза ели эту синеву. Когда-то мы были здесь зимой, и было тоскливо, но по-северному величественно.

Много сцен, артистов, чисто, красиво в городке, где двадцать тысяч жителей.

22 июля.

Вильянди. В этих мягких постелях, подушках, одеялах растворились наши усталые тела. Давно я так не спал.

Разумно поступает оргкомитет: музыканты приезжают заранее, отдыхают, осматриваются. Здорово! Италия, Испания, Австрия, США, Чехия, Финляндия, Швеция, Македония и «Троица». Хорошая обойма…

В 10.00 аккредитация. Завтрак в hotele. «Порвём, как Тузик грелку», — сказал Юрий Павловский. Снова много шутим.

Болит живот, горло — пора браться за свой «заржавевший» организм. Юрий Дмитриев в восточной гимнастике. Похвально. А я?

14.00. Отдыхаем, плаваем в чудесном озере. Город наполняется людьми, молодёжь с палатками и рюкзаками. Уже слышна русская речь и… мат! Бе-е-е! Фестиваль подготовлен «на пятёрочку». На аккредитации внесли все имена, даже израильтян, у которых по пять-десять слов в имени! Они ночью слушали наш компакт «7», говорят, понравилось. Ждём концерт. Хотя начинаем первые. Поражает меня этот городок из старинных домиков. Куда ни глянь — реставрируют, не сносят, не гонят многоэтажки.

23.10. Грустно, я опять «наиграл». Саундчек задержали, моросил дождик, я злился на всех и вся, и это потом сказалось на моей игре и на голосе (дрожал!). Взглянув на толпу, заволновался: «Пришли, слушают!» В общем, слушали, аплодировали, благодарили. Директор фестиваля сказал: «Все в восторге от вас!»

Сами ходили, слушали. Народу!.. А завтра людей будет больше.

Говорят о 20-23 тысячах.

Люди странно одеты — кепки, шапки смешные. Косы в бороде, странные причёски и т.д. Да, отдыхают люди, и это здорово! Много разной, интересной музыки. Ходим, наслаждаемся увиденным, но гостиница зовёт на отдых. Завтра день посложнее. «Памагай, Божа!»

23 июля.

Утро начали с погружения в воды Эстонии — купались среди уток и жёлтых лилий. Лестница к воде и обратно показалась Тибетским восхождением. Дубовая роща косилась на мой «подъём» со словами народной песни: «Дубравушка, дубравушка зялёная».

Концертные площадки, разбросанные по всему городку, ещё не успели отойти от шумных программ, назойливой публики, «пестрели» пластиковыми бутылками, мусором. Полусонные волонтёры всё это убирали, копаясь в соломенных «трибунах».

16.45. Как-то незаметно растворились мои волнения по поводу мастер-класса «Духовые инструменты». Всё прошло: говорил об инструментах, играл, показывал фото, книги, диски.

А потом «Троица» легко, свободно и доступно «резанула» часть «пирога по имени «фолк-фьюжн». Инструменты долго рассматривали, трогали (играть на них запретил), многих заинтересовали диски.

Довольные, мы унеслись тратить деньги. Отличился ловкостью Большой Человек (ясное дело, кто — на которого приличная тенниска 4XL не налезла!). Потерялась тюбетейка — купил шляпу. Белорусский ковбой!..

24 июля.

5.00. Ради такого концерта можно год ждать! Ради такого фестиваля можно год терпеть! Вчера — огромный успех! Такого у нас уже давно не было!

К сцене привезли заранее. Саундчек прошёл достойно, грамотно, минут за сорок до начала концерта. Сам концерт транслировался в прямом эфире по Интернету.

Сразу много народу подвалило на трибуны и за столики, но с началом концерта заполнился и танц-пол. «Бисовки» начались буквально после второй песни.

Народ пытался дёргаться в меняющимся ритме «троицких песнопений», тела не попадали в сильные доли, ритм менялся, видно было, что они многого не понимали (А то!) и от этого «тащились» ещё больше. Кто-то просто стоял, как вкопанный, не скрывая своего удивления.

Часть вчерашней публики чуть ли не облепила весь край сцены — «пожирала кумиров». Мне было очень комфортно, но и очень жарко. Пот затекал в глаза, я сидел, как в бане: тент без воздуха, да и работа на износ «бренного тела» и голосовой «щели». Играли (с «бисовкой») полтора часа. Хорошая программа, и всё было хорошо. Было видно, что мы их встряхнули своим «незамысловатым творчеством», «взяли за живое»…

Комплименты сыпались, как из рога изобилия. У сцены стоял мужчина лет сорока пяти, вытирал слёзы: «Я давно не плакал». Это не было шуткой. Подходили люди разного возраста, из разных стран, не только из Эстонии — те же простые слова благодарности: «У вас красивая музыка». «Это народная», — говорил я. «А какие аранжировки!» — восторгались они.

Измученные, но счастливые, мы еле притащились в оргкомитет, но «слава» настигала нас и там — всё ещё благодарили и восторгались.

В гостинице шутили, вспоминали сам концерт, кое-какие ошибки (моих больше) и, конечно же, Беларусь — тихое болото в плане этнофестивалей.

На этот фестиваль из Таллинна приехал специальный поезд (билет — 80 крон туда и обратно!). Его провожали с оркестром. Высокое начальство, министр культуры… И так грустно от всего белорусского. Где должное внимание? Где современные фестивали? Для других, думающих иначе, играющих не «по-стандарту». Обидно и противно от нашего Министерства и других структур, думающих только, как побольше схватить, урвать из бюджета.

Здесь даже (без талонов и бумажек) не было проблемы с амортизацией нашей машины. Здесь к нам — интерес и уважение!

Через день мы поедем домой, но уверен: и концерт, и эти люди, и сцены, и музыка — всё это ещё долго будет согревать наши сердца.

17.15. Пярну. Море, пляж, песок. Юры, не выдержав жары, ушли в музыкальный магазин. На пару-тройку часов. Я жарился, созерцая окрестности. Пляж — работа для глаз и ушей. Английский (непонятно, о чём), русский (громко обо всём) и эстонский (сродни птичьему)…

И тела, тела, путешествующие к «большой воде». Мутноватая вода, слоями плотное песчаное дно, улыбки, глаза — калейдоскоп морского побережья.

25 июля.

Вильянди. 22.20. Ливень загнал нас в ангар, где шёл фестивальный концерт местной группы. Было не очень интересно слушать эту музы-

ку, но очень интересно рассматривать людей, причёски, одежду, украшения, музыкальные инструменты-сувениры в их руках. Подумалось: надевая на себя все эти побрякушки, тюбетейки, этно-шапочки, платки, цветастые косынки, кожаные ремни, верёвочные пояса и т.д., народ приобщается к мировой этно-культуре.

Зритель сидит на камнях, валяется на траве, хлещет пиво, дегустирует вина, хлопает в ладоши, стучит ногами, смеётся, плачет, стучит в барабаны, гремит трещётками… Будто тоскует по оторванным корням, по Предкам, которые и далеко, и так близко в этот момент. Я ведь это делаю тоже, не задумываясь ни о чём, мне просто это нравится, в этом я чувствую себя (как ни странно) увереннее и как бы защищённее.

Ещё во всю гудит фестиваль, а мы уже думаем о доме. Я, как всегда, делаю закупки: посуда, сувениры…

Годы — песок Времени. День — песчинка.
Заходит дневное Светило, и падает песчинка-день в копилку моих лет. Серые будни — серый песок, жёлтые песчинки — дни надежд. И сыплется всё это в бездну Времён, остаётся в памяти Сердца:
бабушка — моё детское воспитание сказками;
отец — воспитание присутствием и страхом;
мама — бездной души и слезами обо мне;
школа — двойками и родительскими собраниями;
улица — драками, воровством, матом;
сам — немногочисленными друзьями, временем, ошибками, книгами и молитвами к Всевышнему.
Ощущаю далёкое дыхание Рода, Фамилии, Семьи. Через поколения таких же, как я, дорогих моих Предков-Пращуров. Но уже с их жизненными тропами по далёким ступеням Жизни в Пространстве, со своими радостями, огорчениями, болезнями, смертями. Чувствую Их порой и иду дальше.

Сегодня должны были двигать в сторону Беларуси, но Антс — один из организаторов фестиваля — пригласил нас в гости. Вообще, это не ново. Вспоминаются и «шеф» из Голландии, и Лайош из Венгрии, и многие другие, кто интересовался и творчеством, и нашей личной жизнью, и политикой.

Этот фестиваль — очень яркое событие за этот год! Жаль, было мало концертов. Все здесь к нам очень хорошо расположены (не знаю,

смогли бы менеджеры РБ «влиться» в это течение).

О, Эстония, о, Вильянди-2004! О, Фестиваль, о люди! Всем наше «шчырае дзякуй»! Это было незабываемо! Надеемся — до встречи!..

26 июля.

4.30. Я видел не больше, чем другие. Мне нечем особо хвалиться. Тело ещё здесь, в Эстонии, а мысли со вчерашнего уже дома: я делаю ремонт, залезаю в каждый уголок, каждую щель общаги, родной общаги. Покупаю одежду, обувь, готовлю себе, убираюсь к приходу гостей.

Вчера день отбегали: то выселялись из гостиницы, то вселялись, то к ларькам с дисками CD!

Ушёл диск в Англию. Может, поедем. Раздали все промо CD.

Девушка Пирит из оргкомитета фестиваля рассказывала, что у них была студенческая группа, которая объездила всю Европу, Север. И вот пять лет их не посещает Муза. Но они шикарно делают фестиваль! Пирит ещё поёт в хоре (альт), участвует в театральных постановках. Работает.

Часть людей в Вильянди проходит вначале большую практику в коллективах, потом в организации фестиваля. А тут наши «хлопцы» хотят в Минске «поднять» этно-фестиваль. Ха-ха! Без знаний и практики?

6.15. Ещё не остыл чай, а я уже успел посетить дубовую рощу, озеро, которое дышало лёгким паром. Прохлада обняла голое тело, и борода поплыла вперёд.

Город — большой живой организм. Это он хочет музыки, шума, песен, веселья. Три-четыре дня он до отвала «жрёт» и своё и чужое (это я о «Троице» и др.) Город с парками, фонтанами, разрушенной крепостью, старыми деревянными домами жаждет. И весь год теребит Небо: «Дай вкусненького»...

Утомившись, высосав из нас песни, музыку, энергию, город быстро очищается от всего: и от гостей, и от мусора. «Выплёвывает» он и нас.

10.40. Загрузка автобуса — это кино. Это надо видеть: каждый сантиметр автобуса упакован «барахлом». Берём кофе в дорогу, воду.

Фестиваль почти свернулся.

Все добры к нам, разговорчивы, видно, что мы им особенно понравились. Они планируют нам тур по Эстонии?..

12.00. Едем на Минск!

15.00. Граница с Россией.

19.40. Опочка. Неприятность: большегруз зацепил боковину нашего автобуса. У ребят нет денег. Милиционер (шутник, теребит виноватого) говорит, что если всё по протоколу, — надо ехать в больницу,

выяснять, кто пил — не пил, потом экспертиза аварии и т.д. А это — четыре-пять часов. В общем, потеряли время, получили немного денег и вперёд — домой, радуясь, что это произошло не на трассе, и не на скорости. Осадок остаётся у всех. Дорога не прощает ошибок никому, и столбики, крестики на обочинах — подтверждение тому.

27 июля.

3.30. Беларусь. Минск. «Штурм» общаги, хоть Маша и предупреждала вахту, что я вернусь.

Прости меня, мама, прости,
Что редко к тебе приезжаю.
Тревоги, молитвы Твои —
Дорога безгрешная к Раю.
Священник во храме, прости —
Грехи я оставил у входа.
Пусть ладан заплачет в ночи:
Я — грешник могучего Рода.
Простите! Прощайте! Лечу!
Планету свою огибаю…
И вспомнит ли кто-то меня?
Не знаю, не знаю, не знаю...

СКВОЗЬ СТУДИИ...

28 июля.

Вчера встречались с группой «Яр». Я и Валера Мазур вели речь о рок-легенде с названием «Алатырь Камень». Я даже «намалевал» либретто. Интересно, ново, но мы с «Троицей» уже перегорели всякими грандиозными проектами (как те московские «Руны»). А надо ли? Есть реальные вещи, ими и нужно жить! Создание огромных полотен и сумасшедших проектов хорошо делать с такими же сумасшедшими, как сам, бизнесменами…

30 июля.

Мы всю жизнь «сидим в очереди». Ждём рождения, школы, семьи, детей, внуков, пенсии… смерти. Всё время проводим в «очередях» у заветных дверей Куда-то! И они, эти двери, такие разные, и открываются нам по-разному: то с трудом, то нараспашку: «Давай, входи!»

Двери, дверь, зверь... верь… Кто знает, во что верить? И что за ней?

Кто знает, что Судьба уготовила любопытному, ленивому, слезливому? А трудяге? Кто знает?..

24 августа.

Студия «Хатка». Я «влез» в детский фильм «Маленькие беглецы», и цепочка потянулась к саундтреку. Так что — снова студия! Весь вчерашний день мы пытались как-то оформить первую вещь для записи (пока без названия). Трудно, ведь это непривычная для нас песня. Кое-как делали по частям, лепили, лепили. А тут ещё не просто сложные — переменные размеры через такт, у каждого свой ритм! Я пошутил: «Пускай музыковеды Зинаида Можейко и Тамара Варфоломеева потом разбираются в нашем творчестве».

То «тема города», то «прощание собачки с домом», то «тема погони»... Много музыки новой, из новых песен «Троицы». Новая, долгожданная работа. Мы рады студии. Не знаем, как там всё будет, но очень надеемся на хороший, грамотный саундтрек, который, возможно, выведет нас на новую Работу.

21.00. Звукорежиссёр Саша Сазонов — главный. Он — барабанщик, собрал шикарные фирменные барабаны (вот бы где «поживиться» Юрию Павловскому!). Саша интересуется каждой звучащей «дощечкой», колокольчиком. Не жадный, делится всем, что есть, переживает за процесс записи. Мы трогаем, касаемся каких-то частей «дерева-металла», и на плёнку ложатся не просто ноты — наше настроение (а оно хорошее), наши мысли (а они — о добротном продукте), наша музыка. И выстраиваются звуки, перемешиваются ритмы. Рождается что-то очень важное, рождается в муках и трудах. Даже если работает один, а другие созерцают.

Первый день в минской студии «Хатка» спокойный, продуктивный. «Дзякуй, Богу!». Получилась самая трудная «вещь».

25 августа.

Моё утро красят Dream Theater, Genesis, Deep Purple и много-много другой разной музыки.

Сегодня решил наиграть бас (на безладовой гитаре) на клавишах. Но что я могу как клавишник? А лезу. Смешно, благо, сейчас на компьютере можно подставить, подрезать, дописать и т.д. Завтра мне с утра нужно дописать духовые инструменты. Юры появятся позже.

День прошёл в студии хорошо, по-моему, мы «тащимся» от возможности многое попробовать в студии. Правда, идут наши деньги и

тает, тает золотое время записи.

Что получится? Наверное, не представляет никто. Подвал, где мы записываем музыку, давит. Пусть никто мне не говорит, что это не играет никакой роли. Играет! Я работал в подвале: зашёл — темно, вышел — темно. Порой суток не замечаешь. И, главное: где-то на этом уровне в земле лежат наши Предки. Или то, что в подвалах прозябают бомжи. Всё это явно влияет на психику, на настроение. И я думаю, не в лучшую сторону сказывается это на записи. Мы будто «в нирване» — ленивые и полусонные. Кто-то зевает. Сазонов «учит» Юрия Павловского «стучать», забывая, что прелесть Павловского в его «консерваторской безграмотности»! Ведь у него за спиной пятнадцать лет альтернативной музыки! Его ритм, его дыхание в творчестве «Троицы» уникальны! Чрезмерная навязчивость Сазонова порой очень отвлекает. Просто Юрий Павловский очень культурный, терпеливый человек. Но потихоньку мы «рожаем» музыку — «уродики» вылезают из коконов и «полотна» начинают звучать.

26 августа.

Усталость такая, что ни в сказочке увидеть, ни с анекдотика хохотнуть. Виной тому — студия, студия, студия…

Копаем, ковыряем, подписываем, ищем, пробуем, «лепим», «вырезаем», доигрываем, переигрываем… Чуточку радуемся и вновь томимся — это музыка к фильму «Маленькие беглецы». До-го-ним!

Из сорока пяти минут (по заказу) есть всего десять. Порой звучание напоминает «Руны» — московский заказ, который в своё время не зазвучал как надо. Теперь это в несколько лучшем варианте, но… Где же «Троица»?

Нас смущает нехватка времени. Ведь «за кадром» остаются лучшие образцы нашего творчества. В студии напрягаются не только руки, пальцы, уши, но и сердца. Как определить, всё ли в порядке, всего ли хватает? Не перегружена ли партитура? И т.д.

Что-то звучит просто «потрясно», несмотря на то, что мы местами используем электронику. Зато свежо, ново, не по-«Троицки». Отдохнуть бы пару дней. Но завтра — «в бой»!

27 августа.

9.00 Снарядил сестру Машу к родителям в г. Лиду — поздравлять сестру Аллу.

Вчера в метро подошёл человек (инженер), сказал, что его пятилетний внук любит «Троицу» и засыпает под нашу музыку. Живут в

Гродненской области, где-то на реке Неман. Внучок не ходит. Мальчик бредит встречей со мной! Мужчина хочет завезти меня к нему, думает, что, увидев меня, мальчик пойдёт. Они ждут от меня чуда? Но я не святой, я просто — музыкант.

Сыро, пасмурно, дождливо…

«Троица» прячется в подвал-студию. Мы вновь и вновь экспериментируем, и как только дошли до песен «Троицы», почувствовался «кайф» — всё зазвучало!

Делаем перерыв: нужно всё отслушать и решить, что делать дальше.

28 августа.

В Лиде празднуют, и мне хорошо и спокойно. Счастье, когда родные живы и здоровы! Посетил Павловских с их милой сворой дорогущих собак. Будет ли у меня когда нибудь «чау-чау»?

Студия… Мы зашли в тупик. И это понимают все. Нового — тем, задумок — немеряно, но для фильма нужно сорок минут музыки, а в студии прописали всего десять минут. Есть вариант: «пошерстить» CD «7», так как есть все треки. Но, главное: мы пишем музыку, не видя видеоряда!

25 сентября.

Мучаемся на «Беларусьфильме». Эта работа пока явно не для нас. По секундам «нарезается» наша музыка. И, что самое неприятное для меня, лучшее не вошло! То, что с таким трудом «рожалось» в студии, на что потратили столько времени! Они — заказчики, а кто платит, тот заказывает музыку. Нам же больнее, когда наше творение обрезают. Конца и края не видно с этим саундтреком!

Работать до середины ноября, а когда готовить свой концерт?

26 сентября.

4.30. Пью травяные чаи, так как горло моё, по словам Юрия Дмитриева, «самое ценное место после…»

Всё-таки вчера пришлось пойти в поликлинику. Очередь люди занимают с 5-6.00. А потом в 7.30 она за десяток минут тает. И народ уходит со «спасительным» талончиком.

Уже в очереди видны характеры, наглость, пресекаемая толпой, болезненнось. Истории болезней — в томах: вот где «книга судьбы» каждого человечка…

Посчастливилось попасть с утра. В очереди утренние ссоры-«выяснялочки».

Боже, как хорошо, что я с этим так редко сталкиваюсь. Страшно не люблю болеть! Лечусь всем подряд: травами, корнями, мёдом, пыльцой. В ход идёт всё! Потому что впечатлительный. И болезнь горла сразу вызвала кучу ассоциаций — вплоть до кремации…

И подумалось о родителях, о Роде.

Как спасать всех своих? Кто может помочь? Чего натворили Предки? Почему так шатко и вязко всё в нашей жизни?

Сесть бы всем родственникам да подумать, да что-нибудь предпринять. Ан, нет. Нет того контакта, который был у молодых родителей, нет той детской наивной дружбы, которая была между нами — детьми папиных и маминых родственников.

Повзрослев и постарев, мы «закрылись». Вместо того, чтобы, наоборот, после стольких болезней, смертей сплотиться. Или хотя бы задуматься. Но что-то развело всех в разные стороны. Утерян древнейший Сход Старейшин Рода. Вот и итог…

3 октября.

Два тяжёлых дня в студии с представителями «Беларусьфильма». О, «Маленькие беглецы», когда же вы добежите до конца?! Нам всегда очень комфортно работать втроём, а тут «две глотки», то есть, к процессу подключились чужие люди. У них своё видение нашей музыки. Грустно — это жестокое урезание нашей музыки, с целью сделать «драматический акцент», когда собака переходит улицу или когда бабушка вскакивает с постели, потому-что пришёл дедушка… Всё это нам очень непривычно. Висят афиши к концерту, а мы в «Беглецах…» мучаем «посекундное».

Из хорошего: мы закончили «продукт». Пятьдесят минут музыки в восьмидесятиминутном фильме есть. Если представители «Беларусьфильма» не лгут, то нам будут ещё предложения по новой работе. Увидим!

5 ноября.

С переводом стрелок организм рано встаёт, удивляется и недоумевает: «А что с часами?» И уже «соваешся па хаце», молишься, поливаешь цветы, глотаешь обжигающий зелёный чай, пялишься в темноту, мечтаешь, вспоминаешь, планируешь. Мысленно добегаешь до последнего дня декабря и обратно…

Странные санки-мысли. В них удобно! Не нужен билет, нет расстояний, нет привычных границ, очумелых собак, полноватых погранцов, штампов в паспортах, дорожной еды и пей-

зажей по сторонам. Захотел — вжик! — и в мыслях ты на месте. Вернее, не на месте — во времени, в той точке, куда захотел! И никто тебя не обидит, и никого ты не обругаешь. Туда и обратно: из настоящего в будущее и обратно. За доли секунды! Странные мысли — волшебные санки…

Я как больной бросился за долгожданной литературой, дисками из подвала, где всё значительно дешевле. Дом превратился в международный фестиваль: зазвучала музыка, разная, завертелось DVD — время убежало! Я то раскрывал, то закрывал книги о музыкальных инструментах, ведь хочу выпустить свою. Думаю, как. С появлением компьютера, принтера и сканера буду учиться. Столько идей по книгам! Не обижая учёных «мужей», уважая их труды, хочу сделать лучше и интереснее. Теперь, когда своя коллекция музыкальных инструментов, огромное количество фотографий, видео с различных международных фестивалей, — самое время садиться за приличную книгу.

23 ноября.

Странно: Немен крутится сутками, и я всё больше и больше нахожу в нём для себя как бы не услышанное ранее.

Что же ещё всколыхнёт мой дремлющий ум и утомлённое сердце? Когда вновь меня посетит Муза? С «Варажбитом» что ли?

Пока «строгал» методички, мои труды лежали где-то «за курганами»… Но вот я почти готов к печати с «Ворожбой», и нужно во что-то впрягаться новое. Во что? Не знаю. Душа лежит к созданию солидной методички для Вуза и книги о музыкальных инструментах. Но всё ещё нет компьютера. Я, как Немен, который никого не звал в свою музыку, но был рад тем, кто в неё пришёл. Так и я — буду рад, если придут ко мне.

Это и есть другое измерение. Свой Мир, своя Аура.

Я всё ещё продолжаю учиться жить. Один. Достигая в мелочах вершин. То, что когда-то казалось недосягаемым, — делается сходу! Не стыдно учиться всему, стыдно не хотеть учиться.

Я ничего не жду. Я вошёл в какой-то необъяснимый космический ритм. Живу и работаю: университет, фестивали, работа над собой, поездки, студии. Как колесо с зазубринками: «Было...было…было…»

2 декабря.

Строчу, в основном, книги, архивы и сценарии.

Ещё один мой год — к закату. Трудно анализировать. Более 112 дней в поездках, более 115 дней «тренировок».

Нет связи с моими детьми… А может, я уже и не хочу? Что им расскажу после столь долгого перерыва? Поймут ли мою жизнь?

Из-за вечной спешки и напряжённой работы совсем не посещаю родителей. Простите! «Рожаю» сценарии и программы в университете. Столько находок! Столько инструментов — новых, нужных!

Мечты о своём доме или хуторе, о пристроенном наконец музее, о своём Мире! Немного успокаивают тренировки и медитации…

12 декабря.

Папа всегда включал «коленды». Они летели из трескучего приёмника, напоминая нам, что где-то можно ходить в костёл и не бояться, что выгонят за это из школы. Прошли десятилетия, «коленды» звучат вновь, и Душа летает над городом, страной, в которой уже хоть что-то можно!

Я «накормил» своё тело, каждую клеточку, музыкой. Что унесу с собой? Не знаю, а может, и не узнаю. А что же уносит каждый? Сожаления, боль, страх, радость, счастье или сегодняшние первые снежинки?

Снежинки стелют чистую постель… Ловлю их: холодные — для холодного тела, чистые — для очищенного. Очищенного от всего! А мы с утра ступаем по ним ботинками, сапогами, забывая или не думая об этом. Спешим, работаем, ссоримся, злимся, разрушая хрупкую ауру этих небесных Посланий. Знать бы, что в них написано?..

ЗНАЧИТ, МЫ КОМУ-ТО НУЖНЫ!

15 декабря.

Беларусь — Польша. День до концерта в Белостоке. Польша всегда «берёт» меня какими-то детскими мечтами, далёкими родственниками, которых я почти не видел. Своим дутым благополучием. Берёт католицизмом, который у нас в Гродненской области выжигался на комсомольских собраниях, в исполкомах. Милой речью, в которой интонации Марыли Родович, «Скальдов», «Чэрвоных гитар».

Мы закончили в студии «Три Янгалы». По-моему — «дремуче», но у всех нас мечты о большом полотне.

А мне вечером стало грустно: я закончил учебник, остановился на четырнадцатой фольклорной программе и уже почти ноты подобрал. Ходил вокруг компьютера, рядом с горой книг. Что-то внутри кричало: «Давай!» Может, спектакль «Ваўкалак»? Хочу это продолжить, уж больно интересно! Столько всего в книгах! И своё лезет!

На грязном снегу
Разбросал я печали.
Растаял тот снег —
Только их и видали!..

Вчера один чудак принёс рецензию на наш альбом «7». Ничего особенного, но сказал, что есть идея выпустить наш «кассетный» альбом, записанный в 1999 году на фестивале в Голландии («Oerol»). Долго отбивались, пытаясь что-то доказать. Мы ведь сделали запись для себя и совершенно не думали ее тиражировать.

Днём хотел подготовить в дорогу кассету с «металлом». Достал ящик, нашёл кассету, поставил проверить и притих: песнопения старообрядцев с Енисея! Прослушал от начала до конца! Не отрываясь! Здорово! У меня столько музыки! А руки до всего не доходят.

Сегодня Великие Сборы! Инструменты, сумки…

Сегодня вышел декабрьский номер «Женского журнала». Я — мужчина месяца? Как-то неудобно: я «вывернулся наизнанку». Хотя, когда вычитывал статью, показалось неплохо. Нужно быть очень осторожным с этими «бумагомарателями». Ведь чувства только для своего, внутреннего «пользования».

Вновь вьюга застучит в окно,
Мороз откроет дверь без стука.
Два сердца — как вы далеко!..
Сосулек звон. Хандра и скука…
Как веру обрести двоим?
Иль чувства зависть пожирает?
Насколько можно стать родным,
С ногами в Душу не влезая?..

Через двенадцать часов колёса автобуса будут петь нам любимую песенку: «Шур — шур — шур — шур»…

20.00. Мы в пути. Разговоры обо всём. Профессор Капица «не валялся»! Юрий Павловский — о космосе, о звёздах, многомерности, атомах! Боже, какие мы умные! А о чём ещё говорить? Я думал о спектакле. Дорога чистая, снега нет. Как далёкие звёздочки мелькают другие авто, унося с собой чьи-то мысли, желания. Кто? Куда? А мы —

на Бобровники.

16 декабря.

0.45. Ночь. Холод. Граница. Очередь — десять-пятнадцать авто. Клюю носом в стекло: ещё бы — моё времечко спать.

02.10. «Проползли» белорусский кордон. Что-то упростилось с проходом. Но назад можно везти не более 50 кг на человека. Ну, и кто будет взвешивать наши инструменты?

5.25. Та же гостиница, где мы были два года назад. Но номер шикарный, огромный, с ТВ! Всё, спать!

10.00. Болтливо-базарные поляки под кроватью, т.е. этажом ниже. Это ж надо так громко!..

Дорога сделала своё дело, особенно от Бобровников до Белостока: чисто «стиральная доска»! Бесконечная тряска. И с такими дорогами (а есть в Польше ещё хуже) они лезут в Европу?

Вот за что надо уважать Беларусь — так это за дороги!

К сожалению, разговора о спектакле с «Троицей» не получилось. Наверное, в тот момент звёзды были важнее? Я почти молчал.

Просто было здорово опять, как в Эстонии, ехать, молчать, думать о предстоящей работе, о новогодних подарках, которые дома не всегда можешь себе позволить. Одно сомнение — как бы не оказалось, что нас тоже, как «беларускамоўных», купили, дабы отчитаться американским «поработителям».

Мои предложения по созданию новой программы и записи тематического диска (Купала) были отвергнуты. Зато всем понравилась старая идея «Жар, жар!» с огнём, пеплом на обложке. Мы разглядывали диски польских звёзд «Kapela ze wsi» и «Joanna Slowinska», слушали, обсуждали. Как бы ни были дороги нам друзья из группы «Czeremszyna», им тоже ещё явно расти в Музыке Народной.

16.00. Через три-четыре часа наш концерт. Кто придёт? Какой будет зритель? Как нас воспримут? Сколько песен достучися до сердец белорусских поляков? Вопросы виснут в пространстве.

23.00. Только что упали в номер. Все в поту. Как? А вот так: играем, мёртвая публика, паршивый звук! Саундчек с опозданием! Под конец народ то ли пивом «догнался», то ли «Яблынь» дала в копчик, пробудив генетическую память Предков. Давай, мол, «вкуривайся», поросль молодая!.. Внутри сидело раздражение, что публика болтала и в паузах, и во время звучания «Троицы».

На асфальте
Высокие весёлые Ангелы,
Крепко взявшись за руки,
Смешно и весело водили хоровод Счастья!
А рядом, сжавшись в чёрный комочек,
Плакал маленький чертёнок
Над разбитой бутылкой водки.
На асфальте…

Клуб «Fама». Господин Помидоров (а нам опять дали пересечься с неродственной по духу командой) голосил что-то о «бел-чырвона-белом». Публика вяло слушала, активно болтала.

Мы сели в уголок послушать, что будет играть дуэт. Через пару песен поняли: зря — зачем дуэт? Вокалисту нужно было ехать одному со своей площадно-бардовско-политической программой. Меня это не «брало». Не люблю я политику! Хотя, понимаю, что кто-то об этом должен орать «до разрыва связок». Орать, а не шептать басом.

С возрастом понимаешь и чувствуешь больше. Видишь реальные «горы» и кланяешься их величию. В музыке нет конкурентов, есть зритель, который питается твоим творческим Продуктом, твоими дисками, твоими концертами. Вот тот треугольник, где нижняя планка — ты, а две боковых — зритель и концерты. Чем меньше эти «боковины», тем меньше Ты.

Мы будем рады появлению в Беларуси хорошего коллектива, который в своих программах будет интересно использовать фольклор.

Зенька, местный музыкант, наш фанат, после концерта обнимал, восхищался программой. Щебетал что-то по-белорусски. И обещал мне выслать много фотографий. Спешил слушать наш диск «7» на хорошем аппарате. И уж в который раз знакомит со своей женой.

По дороге в Белосток мы говорили о маленьком городке Черемха, о наших друзьях. Хотели заехать к ним, а они сами приехали к нам. Пригласили на свой 10-й фестиваль и просили дать мастер-классы! Это на 2005 год. Они такие счастливые, радостные, благодарили за концерт. Значит, мы кому-то нужны?

После концерта осипшая, охрипшая от восторга женщина лет сорока пяти тянула Юрия Павловского за рукав, шёпотом благодарила за концерт. Оказывается, она так «орала», что сорвала голос.

Этот концерт организовали два очень молодых парня. Впервые! И получилось. Помогло Министерство культуры. Интересно, «наши»

доверили бы копилку молодёжи, пошли бы на такой эксперимент?

17 декабря.

7.00. Утро. Мысли обо всём! Сегодня, я убеждён, успех любой группы — в нормальных человеческих отношениях, в музыкальном вкусе и мере. Трещина в творчестве — и не выдержит фундамент лет. Не знаю, сколько нам Бог даст ещё поработать, побыть счастливыми, но уже я благодарен, за то, что было и что есть…

Телевидение, радио, пресса всегда спрашивают: «А как вам наша публика? Отличается от других? Чем?» Уклончиво отвечаю «нет», но сам знаю — «да».

Хоть земля кругла, как голова, но на голове есть глаза, уши, нос и рот — заветных семь «дыр». Кому-то и в уши «не идёт», а кто-то и «кожей ловит» каждый звук. А у кого-то даже «волосы шевелятся». И разные народы по-разному воспринимают звучание «не своего». Хоть Земля одна, а токи идут разные из неё. Тончайшие вибрации на метр влево, на метр вправо — и уже разница.

Да, закодированная временем звуковая информация не всем доходит, что-то или кого-то организм отвергает сразу!

Что-то происходит на концертах. Всегда? Да! Таинство. Ведь мелодии древние, и они что-то Оттуда несут Сюда. Но мы — слепы. Только трепет внутри, когда наше звучит.

Мы — три белорусских кенгуру: прыг-прыг, с фестиваля на фестиваль. В сумках — песни. Мы раздаём их щедро. А в опустевшие мешки складываем любопытные глаза, чуткие ушные раковины, покрасневшие ладошки, кусочки трепетных сердец, фантомы чужих Душ. Наши сумки без дна! Вникай! Вслушивайся Душой!

16.00. Бобровники. Польшу прошли неспешно. А вот у «наших» увидели душераздирающую картину! Таможенники были как никогда серьёзны и недоступны. Те, у кого было более 50 кг на человека, стояли у весов с горами товара, продуктов и т.д. У таможенников сегодня — «рыбный день» — клевало! Даже «Троицу» досмотрели: дудки, гитары. Хотели им подарить компакт-диск — отказались, сославшись на то, что не имеют права брать. Понимаем. Жалеем нашу бедную, «гаротную зямліцу». Противно. Поэтому на европейских таможнях стоят богатые «мытники». И у них дома всё есть.

19.30. На Минск! Потеряно время и нервы…

23.00. Город встретил нас огнями, обледеневшим асфальтом. Мы летели к тебе, столица, всегда, без остановок.

Латаные серые зипуны на холодных перекрестках. Гнёзда воронья в шапках-ушанках. Дождь режет броню невидимых курганов-могильников. Усталое солнце объедается залежалой белой ватой.

Скорей бы Весна!..

18 декабря.

Беларусь. Минск.

Воспоминаю взметнувшийся в небо костёл в Белостоке. Достучаться бы и нам до тебя, Господи!.. Не просить, нет — Ты и так к нам щедр. А поблагодарить за то, что было у нас хорошего. Наша музыка будет возрождать белорусскую речь в чьих-то квартирах. Так звучит музыка моего земляка Немена, наполняя мою келью своим мощным вокалом, польской речью. И ничего, что этого белоруса не восприняла Родина. Моя Родина. Он звучит во всём мире! Как и «Троица».

РАСПАХНИ СВОЮ ДУШУ, МОСКВА!..

20 декабря.

Минск. Занятия в университете, заказ батлеечной куклы (с моей физиономией для ТВ) у Наташы Терешко, которая разработала мне шикарный костюм для моно-спектакля «Варажбит».

Завтра — курс на Москву. Собраться. Уложить компакт-диски и т.д. Вот как крутит судьбинка. Как хочет, так и крутит. Вопросы. Вопросы. К себе, к Жизни, к Космосу.

Чуть сыпануло снежной трухи, но едем не на авто, а паровозиком. И событие: впервые едем со своим звукорежисёром Сергеем Хлыстуном. Проверка его в пути и в деле. Другой зал, другая аппаратура. Будем смотреть, как получится совместная с ним работа. Хочется хорошего результата.

Москва — всегда важная, неприступная, как мавзолей, в котором что-то есть, но уже не важно, что. Деньги, бизнес и всякая грязь стекаются сюда. А уж музыке пробиться, чтобы на тебя обратили внимание...

21 декабря.

12.00. Москва… Распахни свою Душу, раздвинь створки важности, недоступности! Может, достучимся через твои крепкие зубчатые стены? А нет, так развернём Царь-пушку!.. Страшно? Мы попытаемся пробить твою неприступную Кремлёвскую стену и раскрутить рубиновые звёзды в ритме древних белорусских песнопений!

Вчера оборвали руки, таская короба с инструментами, сумками. Барабаны Юрия Павловского не проходили в проёмах вагона. Духота. Сон не сон. Намучались.

Подмосковье встретило красивейшими зимними пейзажами. Кольнуло: стаи бомжей среди коробок у костров, среди уснувших на время зимы дач.

Белорусский вокзал. Стая грузчиков, рвущих друг у друга — до драки — какие-то баулы ростом с человека. Ночная иллюминация всё ещё напоминает о бурной жизни Москвы.

Нас встретили.

18.15. Саундчек, если бы не Сергей Хлыстун, мог закончиться плачевно и, главное, быстро. А так хоть два часа попробовали, как мы будем работать в подвальном помещении. Местные «звукачи» — важные, ленивые (простите, люди добрые «москали»). Пока не подтолкнёшь — не сдвинутся. А здесь работать надо!

22.00. Москва захлёбывается потоками автомобилей. Исчезли простые магазинчики, нахлынули бутики и дороговизна! Идёшь по улицам — всё в золоте, как в музее…

«Клуб на Брестской» — подвал, подземный лабиринт. Что-то подобное было у меня в центре этнографии и фольклора «Календарь». Если целый день там находишься — потеря пространства и времени.

В связи с терактами в поисках взрывчатки охрана перевернула все наши хорошо упакованные инструменты. Да, парни! Везём, везём «музыкальную бомбу!» И ближе к полуночи «рванём»!

Сегодня Сергей Хлыстун присматривается к нам, а мы к нему — идёт «притирка», идёт работа. Он — классный специалист. И это для «Троицы» важнее всего.

Гостиница «Минск» напоминает гостиницу в белорусском райцентре. Что творит время! Когда-то котлета «по-киевски» тут была пищей королей! А сейчас?..

22 декабря.

Мы шли в три часа ночи по рождественской Москве в огнях и ёлках. Да, счастливые, усталые. По-лу-чи-лось! Успех! У слушателей шок от «Троицы». Этого никто не скрывал. Радует. Мы повторили белостоцкую программу, убрав весеннюю песню «Юр'я». Зал ждал «Троицу» — это чувствовалось. Потом — восторг, горящие глаза, слова благодарности. В аплодисментах — радость, грусть, удивление. Ладошки купались в пространстве звуков «Троицы». В десятиминутном песенном отрезке — лет триста жизни наших Предков.

К нам подошло человек десять с предложениями выступить с концертами. Приятный шок у многих! «Сейчас он сбросит свою бороду в зал, он не так стар?» — это обо мне? Похоже, их берёт не только мощь белорусского фольклора, но и образ полесского «волата». Эмоции через край!

После нашего выступления на выступлении группы «Калинов мост» зал был полупустой. Несколько дам не скрывали своего разочарования от их концерта: «Платная репетиция».

В гостинице разговоры о звуке, концерте, анализ ошибок (а они были). Говорим о «совковой» попсе, рассуждаем о белорусской. И — дорога домой…

17.00. Орша. Родное время! Родная земля! «Бесчинствуют» в полемике Сергей и Юрий Павловский. Интересно, что напишет российская пресса о «Троице»? Какой будет реакция?

«Калинов мост» посоветовал нам поработать над ритмом? А вообще, имеет ли право музыкант музыканту после концерта что-либо советовать? Или это...

Я всё ещё в ауре концерта — зрители, их восторг, слова благодарности. Какие струны души мы затронули у московской публики? Что же это было за таинство?

«Троица» удивляет, «Троица» поражает зрителя. Без Минкульта. И мы совершенно не хотим ни «Перекрёстков Европы», ни «Славянских базаров», где в привычной ржавой обойме затёрлись старые имена. Почему нам неуютно там, некомфортно?

Попса в динамиках вагона напоминала о серой действительности. А почему не джаз? Он такой великолепный фон! Или классика?

Дома официальные лица не замечают «Троицу». Она сама добегает, доползает до европейских фестивалей, концертов. И происходит чудо! Зритель, привыкший к белорусской поп-культуре, вдруг обнаруживает: бьёт источник новизны, удивляет оригинальность современной интерпретации фольклора, трещат стереотипы в музыке.

Разбросав кусочки своих сердец зрителям, мы что-то приобрели взамен. И едем не опустошённые, а наоборот: мы что-то везём и тебе, Белая Русь. Почувствуй это вместе с нами!

2005 ГОД
ЭКСПЕДИЦИЯ

8 января.

Брестская область, Столинский район, деревня Видзибор.

Здесь живут родители Валеры Веренича — моего бывшего студента, музыканта, просто неплохого человечка.

Веренич Иван Ананьевич, 1943 года рождения — хозяин строящегося дома. Большое подворье, много всякой живности, конь, трактор. У них с женой Марией — удивительно доброй и выдержанной женщиной — шестеро детей.

В экспедиции хорошо приезжать после Поста. Люди радостные, весёлые, да и принять есть чем, кроме песен, конечно. Мы зашли в дом. Иван Ананьевич затянул «В Рождество Христово», я подхватил знакомую песню.

Сели общаться. По его рассказам, он пел всегда: в поле, в огороде, по дороге, во время работы. И песен знал немерено! И детей своих учил, когда с ним работали. Когда-то, лет пять назад, я записал его на республиканское радио (несколько песен). Был счастлив! А сейчас — будто черпал я живительную влагу из бездонного колодца народной мудрости…

Давно я такого не видел! У исполнителей народных песен простые ученические тетради, исписанные текстами. Эти огромные, кривые, понятные только им буквы — Врата во Врата. Они поют, а ты входишь всё дальше и дальше вглубь веков, ощущаешь какую-то дрожь. Неужели Это когда-нибудь совсем исчезнет?

Девочка лет десяти-двенадцати спела русскую песню «Утушка луговая» (хорошим, милым голоском). Выяснилось, что местные, белорусские народные песни она знает, но стесняется… Не пришло твоё время, девочка. Думаю, о тебе ещё будут говорить. И не только в этой деревушке, где ты с молоком мамы впитала какие-то тайны Предков.

21.00. День закончен, но я исхожу насморком, болен. Была мысль оставить всё и уехать на поезде в Минск лечиться. Но…

Какое было ночное Рождественское Небо! Столько звёзд я не видел никогда. Ощущение, будто небо вывернулось наизнанку. Мы все

любовались, ахали и охали. Наверное, звёзды в эту Рождественскую ночь вновь искали маленького Христа!..

Огорчала меня только хворь, да туалет далеко за тёмными сараями: отвык, «батюшко», от экстремальных бытовых условий? «Батюшко» — так ласково-почтительно называли меня местные в одной деревне (конечно же, из-за шикарной бороды).

Я пытался уснуть, а в глазах и в ушах звучали жизненные пласты. Зачем я это всё делаю столько лет? Не знаю…

9 января.

6.30. Ужасное состояние. Кашель, кажется, рвёт бока, ломает рёбра. Голова — чугун! Как в таком состоянии работать?

Вечером, после ужина, поразил хозяин дома. Он подошёл к иконе и привычно зашептал «Отче наш». Живут люди скромно и достойно, как Предки, не забывая, Кому и за Что должны быть благодарны. Это трогает до слёз. Как просто помнить благодаря кому ты Здесь.

Утром был такой буран, что я думал — цунами пришёл на Беларусь! Всё выло и стонало. Я еле открыл дверь в тёмное неприветливое утро. А хозяева уже занимались хозяйством и тоже удивлялись буре. Мария рассказала, что когда-то умирал один ни то знахарь, ни то колдун, так тоже был такой буран. Вот и не верь после этого в прочитанное о палесских колдунах. «Скоро узнаем, кто умер», — сказала она спокойно. Так и вышло: скоро узнали, что умер мужчина прямо в автобусе, не доехав до больницы. Совпадение?

Мне было очень тяжело, я боялся открыть рот — кашель, горсти таблеток не помогали. А тут ещё то звенел телефон, то плакали дети. Мы записывали всё в маленькой комнатке, в клубе было очень холодно. Но внутри была какая-то необъяснимая радость! Кажется, я нашёл вокальные шедевры! «Тащился» от материала и Валера.

Не ушли мы и от застолья. Как ни протестовали, а народ быстрёхонько накрыл стол. Пшённая каша из печки, домашний сыр, горячий суп. Поражало не застолье, а то, что женщины, по-молодому разрумянившись, «угощали» нас ещё и песнями. Песням не было конца!.. Мы слушали и слушали.

10 января.

Ночь лучше не вспоминать. Я сушил носовые платки у горячей печки. А под утро «заиграли органы» — лёгкие выдавали такие звуки, что я испугался! Вскочил с постели, пошёл просить кипятка, мёда, укутался. Но Иван Ананьевич попросил заехать к его родственникам, кото-

рые тоже нас ждут. Я еле согласился. Радовало только то, что сегодня я упаду в свою постель и вызову «скорую помощь» — мою младшенькую сестричку Машу. Она, связавшись с «главврачом» из Лиды — ещё одной сестричкой, Аллой, — быстро поставит меня на ноги. Благо, телефон уже ловил связь с Минском.

Завтрак и новые лица. Деревня Вулько-Орея.

Чисто прибранная «хатка». Фамилия хозяина — Король. Девичья фамилия жены — Царь. Вот где достойная пара, прожившая вместе пятьдесят лет! Опрятные, немного испуганные участники коллектива. Чистота и порядок. Старт! Запись!

Как переживают такие взрослые! Спрашивают, подходит ли песня, не очень ли плохо, не опозорятся ли они? Эх, как вам объяснить, что ваши песни держат Эту землю! Молодёжь ведь не поёт, сами говорите. А вы так достойно, подбирая голоса, внимательно слушая друг друга, выстраиваете такие чистые интервалы, что студентам высших учебных заведений и не снилось!

А потом — богатейший, щедрейший стол. И как вы умеете выпить, сказать, пошутить! Где уж молодёжи с их пошлыми шутками и матерными анекдотами. У вас всё так, как в песнях: мудро, достойно, по-житейски просто. Фамилии Царь, Король — как символ древней Беларуси, где в простых деревушках и хуторах жили простые люди ПО-ЦАРСКИ! И дом, и сараи, и заборы, и сады, и животные — тому веское подтверждение. У вас всё было и есть, как у ваших дедов-прадедов.

А как нам, городским? Возможно ли в этом хаосе индустриальной жизни так тонко слышать и чувствовать, как это можете вы?

Дорога домой «украсилась» приятными воспоминаниями и мыслями о предстоящем продолжении работы. Дома нужно всё отслушать, «почистить» к тиражу, решить дизайн, найти того, кто это выпустит. Ну-ка, народ, подключайся! Не денег ради, ради Дела! С Богом!

СКВОЗЬ СТУДИИ...

17 января.

13. 00. Сегодня годовщина смерти моего кумира — Чеслава Немена.

Горит и плачет брызгами белого воска свеча, звучат его песни Здесь и Сейчас. Память о человеке, которого я видел только один раз (на концерте в Минске) и столько раз слушал. Слушал до одурения! Ещё в детстве с трепетом ловил по трескучему радио этот удивительный голос

белоруса Чесика Немена. Так что, поляки, мы тоже вправе гордиться нашим земляком! Хоть он и не спел ни одной белорусской песни...

Сколько же лет прошло? Его музыка, даже усы и борода сыграли своё и в моей жизни. Ведь первые песни я стал писать благодаря музыке Немена! И хоть иногда меня сравнивают с покойным Володей Мулявиным, я под влиянием Чеся. ЦАРСТВИЕ, ТЕБЕ, НЕБЕСНОЕ! И АНГЕЛЬСКИХ ХОРОВ! Тебя Здесь помнят.

20 января.

Презентация фильма «Маленькие беглецы» в кинотеатре «Октябрь». «Нашего» фильма?

Я думал, будет пустой зал, а тут нагнали детей! Аншлаг какойто! Из плохого: почти не было звука! А о «долби», как обещали, и речи нет. Музыка была тихой. Вновь будто кому-то наша музыка поперёк горла стала…

Как похожи банкеты! Как только влили «горячей» жидкости в ротики — крики, уже никому не нужные тосты, братания. И слова благодарности, как будто их нельзя было сказать не «поемши»…

А в общем — фильм добрый, без крови и драки.

А может и получилось?

Есть рецензия из Англии на альбом «7»! И неплохая! Наверное, это и есть событие дня. Рецензия может закинуть нас куда-нибудь в «другие миры».

Что ещё ждёт «Троицу» в этом году? В будущем? Что?

21 января.

«Троица» бездельничала — не игралось. А завтра «Граффити».

Может от этого и грустно, что хороших концертов мало. В 2004-ом всего девять концертов было. Работа ли это для музыкантов?

Женя Калмыков ничем нас не обрадовал: раскинул наши диски в Москве и Киеве и сказал честно: «Я не знаю, что с такой музыкой делать».

Никто не знает, дорогой, что делать с такой музыкой. И почему-то такой фольклор очень востребован за границей. Как экзотика?

Опять для меня поиск, ожидание. Когда же фольклор станет интересен?

25 января.

Вчера приезжали из ТВ (кто-то дал денег, и они снимают первый фильм из нового проекта, в котором около двадцати «героев»). Вопро-

сы о славянских корнях. Разве только славяне на нашем круглом «шарике»? Думаю, их добил, когда сказал, что я поляк, а уже двадцать один год занимаюсь белорусским фольклором.

Сидел я в кабинете, увешанном «посцілкамі», заваленном кассетами, инструментами, и думал совсем о другом.

Кто же вам правду скажет, ребята. За вашу (одну!) минуту? Разве я могу рассуждать о славянских корнях? Мне кажется, что во мне пульсирует множество народностей!

2 марта.

Каждый год говорим: «Всё, не будем играть такие концерты!» Но ежегодно играем. И какая хорошая обстановка в таких маленьких помещениях, как «Граффити»! Само помещение будто бы очень радо! Видишь глаза зрителей, чувствуешь дыхание, порой поют с нами вместе. Дело не в гонораре, а в том, что концерты музыкантам нужны!!!

Фото, хорошие слова, восторженные крики после каждой песни. Не плохо, Родина! Чем мы хуже Германии, Голландии, которые «ревут» после каждой белорусской песни?

Есть подтверждение на фестиваль «Окарина» в Краснодаре. Есть на Московский фестиваль в марте. Март — ты просто АРТ!

5 марта.

Минск. Мы вновь засели в студию Андрея Жукова.

Так долго хотели поработать с ним и вот решились писать «Козу». Речь шла о двух дополнительных песнях в CD «7», т.е. «бонусы». Хотим с помощью Жени Калмыкова переиздаться.

Никогда не знаешь, куда тебя «понесёт» в студии! Юрий Дмитриев налёг на бас, которого не было. Но в этом и кайф студии! А через час привезли фирменный польский пятиструнный бас. Выставили «портал», и мы одурели от звука! Записали, но бас накрыл своей мощью «хрустальный» саунд «Троицы». Мы «пошли в формат», и уже вечером Андрей предложил прописать мне «хорилу» вместо нашего старого вступления. Как-то запахло другой музыкой. Где-то я такого уже наслушался!

А вообще, народ в студии работает хорошо, добротно, по десять раз переставляет микрофоны у инструмента, меняет их, ищет тот тембр, который нужен, а не который звучит. Наверное, здесь всё очень профессионально. Другого уровня «Троица» пока не видела. Нам очень комфортно в этой студии. Она напоминает мне больше сауну, так и хочется крикнуть: «Закрывайте дверь, «саунд» выходит!»

«Треки», в которые укладывались звуки разных инструментов,

росли, как грибы после дождика. Из горы инструментов, привезённых из университета, мы вытаскивали, пробовали, звенели, гремели и общим «собранием» решали, какому тембру жить. И обрастал «клик», который задавал определённый темп в произведении. Звучало всё мощней и вкусней! Но всё дальше и дальше отодвигалась аура «Троицы». Подумалось, что Юрий Дмитриев давно может записывать свой сольный альбом, так как владеет мастерски основами композиции.

Андрей Жуков работает, работает, тащится, если классный тембр, звук или инструмент. Человек без рук по локти работает семь раз лучше «рукастых»!

Студия «Селах» гудит христианскими песнопениями и проповедями, здесь тусуются музыканты, молодёжь. А что православные Храмы? Что в них для молодёжи? Католики много чего придумывают для своих прихожан. А тут — детский сад, переоборудованный в Дом музыки и молитв.

Говорим обо всём. Появился список групп, рекомендуемых в эфир, составленный министерством культуры. Где мы живём? Что за бред? В Беларуси нет школы звукорежиссёров. Андрей вёл такую в университете, но ушёл — нет базы. Нет даже качественных микрофонов, негде (кроме студии «Селах») показать работу и т.д. Нет «бренда», такого, как когда-то были «Песняры», как сегодня есть музыка балканская, венгерская, английская. Где белорусская? Дома. Но и тут список запрещённых групп. А они ведь ни сном, ни духом не виноваты в бедах и в сомнительной политике правящей элиты Беларуси. Зато белорусские исполнители с успехом работают в Москве, даже будут представлять Россию на Евровидении. Та же Агурбаш живёт в Москве. В адрес белорусов, готовых представлять другую страну, сказано: «Лишу гражданства!» За что? Ведь будут знать нас, белорусов: талантливых, мощных, отодвигающих своим мастерством российскую попсу. Та же «Крамбамбуля» пользуется спросом на Украине, вместе с «Воплями…», «Океаном Эльзы» и другими музыкальными коллективами с успехом концертирует в Польше. А тут? Тут создано столько преград, столько барьеров для организаторов концертов, что нет смысла даже афиши печатать.

Вот поэтому всё больше «закрытых вечеринок», вместо того чтобы собирать залы здесь, в Минске. Понятно, что Министерству нужно показать свою работу, но только с теми, кто не в списках запрета.

В 9.00 я вышел на остановку и в 21.00 буквально упал на диван. То ли три концерта подряд, то ли студия вытянула все силы. В голове гул: мой вокал, который в конце уже не строил, жалейка, потерявшая про-

странство, и, конечно, усталость. «Селах-ах-ах-ах»!..

8 марта.

Конечно, о студии можно, даже нужно писать книгу. Но в другой раз. А пока — штрихи…

«Троица» собралась в 14.00, а Жуков опоздал на полтора часа. Мы сидели, ждали и говорили, говорили. О театре эстрады в Минске без аппаратуры, о пьяных «звукачах», которые во время концерта ходят «добавлять», о директорах таких заведений, об их интригах и дутом величии, о профессоре В. Раинчике, о профессоре «Мише-финике», о Пите, его поездке в Германию, о белорусской музыке. Чувствовалось, что все говорили откровенно и очень переживали за действительность. Это и понятно. Мы ведь музыканты.

Андрей Жуков явился почти одновременно с Женей Калмыковым. «Куда, зачем, что делать с басом, кому играть?» Решили: пишем новый компакт-диск!

Уже вечером, когда почти все ушли, Юрий Дмитриев прописал тамбурин, и — о чудо! Всё собралось: и рифовая лира, и жёсткий бас, и почищенные жалейки-дудки!

И забылась вся мучительная работа в поиске звука той злосчастной лиры, которая, возможно, (как когда-то нашим предкам-лирникам) откроет другие страны и континенты.

Мы ищем какие-то тонкости с Андреем Жуковым и он, (точнее, его мозг) начинает врастать в полотна «Троицы». И полотна оживают, насыщаются. И главное — профессионально, современно начинают звучать и шокировать даже «бывалых».

И так — мы стартуем! «Жар, жар» (название нового альбома) — наверное, пришло твоё время!..

15 марта.

Моя тень страшилкой поплыла к корням ещё дремавших деревьев, испугав грача, важно ступавшего по клавишам замёрзшей листвы. Март, мороз, оранжевое солнце.
Прыснуло семя смелых зелёных травинок. Ямки, лужицы — замёрзшие аквариумы для камешков и щепочек.
Куст щебетал! Воробьи растворились в распупышенной вербе.
Близятся Пасха у католиков и Пост у православных.
Кому молимся, Христиане?
Тропа здоровья вымощена пробками от пива и дешёвого вина.
Два Пути — выбирай и привыкай. Но не сочетай! Или хрупкая

лестница к небесным Ангелам-Предкам, или широкие, тяжёлые каменные ступеньки вниз, где нет покоя Душе.
Лёд-оберег — лезвием у берега, будто режет плохое. Мой оберег.
Каждое утро — «кайф». Не веришь? Попробуй!
Плотный транспорт пропитан дешёвыми кремами, вонючим табаком и шлейфом вечерних злоупотреблений.
Растёртые среди взрослых испуганные ранцы, уверенные пэтэушники, важные студенты, задумчивые пожилые.
У станции метро троллейбус радостно выплёвывает всех и захлёбывается новой толпой. Город, го-род, гор(е) — да? Монстр цивилизации...

В ГОСТЯХ У МОСКОВСКИХ «КЕЛЬТОВ»

18 марта.

Россия. Москва. Ночь не обманулась огнями, а мы — блинами. Ночь облизнулась, подглядывая за нами в окно. Кто-то поломал Юрин барабан, может и я. И на моей постели в вагоне рассыпан целый металлический цех. В дороге идёт ремонт. Смеёмся: «Звёзды этно- музыки» привезли чудо-барабаны, заклеенные скотчем. А вагон везёт всё это в ледяную Москву.

19 марта.

4.00. Вечерний юмор переполз на утро нового дня. Что будет? Гостиница? Зал? Аудитория?

Пару часов гостиница «Академическая». $100 за номер! Чисто, уютно. Только когда тут отдыхать? Бегом по музыкальным магазинам... Событие! Я нашёл и купил четыре жалейки! В книжном магазине потерял дар речи — есть всё! Но уже нет малого — денег...

Саундчек — два с половиной часа. Удобно работать с Сергеем Хлыстуном.

Музыкальный клуб «Точка» — навороченный подземный ангар! Вечер Св. Патрика.

До нашего концерта веселились «кельты», захлёбываясь пивом, потряхивая юбками, мелькая татуировками, бородами, косами, усами. Гремели барабаны, сверкали глаза. И это — Св. Патрику? Прямо перед сценой вышли мужики в юбках, рубились мечами, заставили меня спрятаться за стойку микрофона, рубили на колодках кочаны капусты.

Из очень смешного: зрителям нужно было (жаль, не всем) быст-

ро одеть «сей наряд», предварительно сняв свои брюки и трусы. Побеждал тот, кто раньше всех останется без трусов. Трусы важно демонстрировали всем! Жутко, но, видимо, подпитой толпе это всё в норме. И после этого — «Троица»?..

Сыграли. Хвалили, пожимали руки, а кайфа не было. Что-то пошло, но не вся программа. Удовольствия мы не получили, возможно, перегорели, сидя перед «рубаками-кельтами». А возможно, не достаточно было репетиций и концертов в этом году.

Разговоры с поклонниками, с музыкантами, которые помнят «Троицу» ещё по программе «А».

Были мои московские друзья: отсняли нас, подарили море книг, будто прочитали мои мысли в книжном! Милые, короткие встречи. Говорили о предстоящем моём выступлении на семинаре по Купалью — 1 и 2 июля. Уже готовлюсь.

Легли в 3.00, проснулся в 5.00, а в 8.15 — отъезд домой.Хватаем музыкальные инструменты, таскаемся по промёрзлому вокзалу полтора часа. И в 10.30 наконец падаем в натопленное купе. Дневные сны, в которых Душа снова бродит по широченным проспектам, разглядывая памятники одиноких поэтов-певцов, храмы стольного града. Мы ещё вернёмся к тебе, Москва, поверь, очень скоро…

ВОТ ТАКАЯ ЧЕРЕМХА!

21 мая.

Польша. 7.15. С большим трудом со вчерашнего дня (с 14.30) мы протащились, а вернее, пробились с приглашением через «кордон».

На пункте перехода Песчатки встали в очередь и долго пытались понять, что делают тридцать авто, тусуясь, как колода карт — то занимая очередь, то уезжая. Может, сливали бензин?

Пошли проситься, «погранец» повертел приглашение, выслушал нас и говорит: «Ну что я вам могу сказать: вон таксофон, если вас туда пропустят, пройдёте».

Вернулись в очередь, время растянулось до 22.00. А я мечтал пить чай в Польше в 20.00. Но вскоре очередь сдвинулась, мы прошли наших, почти прошли поляков.

Но тут судьбина «повыпендривалась» — нас вернули назад!.. На этом авто (а он попал в разряд грузовых) на этом переходе не пройти. Звонки в разные инстанции не дали результата. В общем, закусив удила, как гордые лошадки, мы рванули в Брест. Ещё 50 км. Там снова стали

в огромную «змею-очередь». Что-то «дёрнуло», и мы с Юрием Павловским пошли к пограничникам: «Помогите, у нас концерт!»

Чудо — пропустили! Мы въехали в «отстойник» и… зависли на добрых пару часов, покрывая «добрыми словами» хвалёный «зелёный коридор», в котором столпились автомашины, как у корыта молодые наглые поросята. А их (машины) шерстили, трясли и вытрясали до выхлопной трубы.

Нас тоже заставили открыть все кейсы, проверили инструменты. И кое-как мы наконец «дёрнули» в ночь… «Едем!»

7.30. Мы нашли клуб, мы созвонились, мы заселились, мы почаёвничали. Мы приехали на фестиваль в деревню Черемху.

Кто-то явно помогал нам в этих трудностях. Но кто? Может, сам праздник Троица, который начался с 20 на 21 мая. Готовились костёлы, раскладывались яства, что-то готовилось, несмотря на раннее время.

Гостиница, в которой мы были года два назад. Странно, почти ничего не изменилось, даже афиша. Сменился немого состав участников: появилась Франция и другие страны. Вновь радуешься за поляков: в деревушке проходит международный фестиваль! Днём выглянуло долгожданное солнце. На полях лужи, но небо уже очищается. Может, будет погода, ведь один из концертов на улице! План работы на эту неделю узнаем через полтора часа.

В лагере «Троицы» спокойствие и какое-то величие: как бы ни было трудно, все испытания проходим без срывов, с пониманием. Как это важно! «Из искры возгорится…» Так вот — не допускай искры!

Опять болит горло. Язык, нёбо — всё как-то распухло. Уже заварил сосновые почки, что схватил на остановке, поглядываю на чистотел. Что за напасть? И именно в турах!

21.25. Усталые, но счастливые! Прошло!

На наш концерт народ подсобрался: полный зал. Но почему-то мало молодёжи.

Мы начали свой концерт с «русальной» песни. Всегда проблема со звуком! Но потихоньку-помаленьку дошли до финала.

Отпросились на завтра в Варшаву, чтобы решить текущие вопросы: визы, магазины, струны и т.д.

23 мая.

Где-то с 3.00 нет сна: болит горло. В 5.00 подъём: до Варшавы ехать часа два с половиной. Ответственный день, надо решить вопрос с визами в Венгрию.

Жизнь крутится вокруг «очагов культуры». Я зачем-то собирал

свой музей, сдувая вековую пыль, трепеща от треснутого горшка, зачем-то учил народные песни. И только через 10-20 лет, как письмена в фантастических фильмах, стали открываться какие-то тайные смыслы собранного, выученного. Прочитанные книги о философии, фолке, по оккультным наукам, магии вдруг объединились в одну реку, «выковался» ключ, которым я стал открывать неслучайные двери. Я хотел быть в детстве моряком. Я и есть будто моряк, который вглядывается в даль прошлого, ищет похожее в настоящем, в этом, таком разном и сложном море Жизни.

Куда заплывёт «Троица», какие ещё уголки больного земного «шарика» мы посетим, где будет лучший концерт? Где? Когда? Что принесёт старость?

Будет ли у меня Дом, как будут жить мои дети, как мы будем доживать с родной сестрой Машей?

Как много я хочу узнать и увидеть…

Перемещаясь в Пространстве в позе переросшего «зародыша», поглащая глазами дома, людей, города, поля, леса, впитываешь увиденное и приобретаешь мудрость. И только потом приходят ответы из Пространства.

Что-то видится явно, что-то в очертаниях. Море, моряк. И мои «острова» — поездки…

…Варшава — каменный мешок! Как здесь тяжело! Даже машину некуда приткнуть! Мы как-то быстро справились: сдали паспорта на визы в Венгрию, я купил дорогущие таблетки для «кормилицы с гландами», и — назад в деревню, поближе к границе, где, на удивление, есть телефонная связь! Возвращаемся назад. Мелькают костёлы, костёлы, костёлы! И рождаются свои молитвы или заговорные слова…

ОТ ЗАВИСТИ.
Загоняю зависть за железный тын.
Ты, людская зависть, в чёрной бездне сгинь!
Не ходи под дверью, не ворчи, не злись,
Уходи в пещеру, в море утопись!
Растворись ты, зависть, как под утро сон.
И родных, и близких, и меня не тронь!
Уходи в болота, в топях пропадай!
Не гневи ты Бога — Он всё видит, знай!
Ты погибнешь, зависть, превратишься в прах!

Ангелы со мною утром, днём и в снах!
Ты, людская зависть, пропади и сгинь!
Ты услышь молитву, Господи!
Аминь.

ОТ СТРАХА
Загоню я страх в тридевять земель,
Где нет робких Душ, воет лишь метель.
Ты исчезни, Страх! В бездну уходи!
Ангелы со мной! А Бог — впереди!
Аминь.

Вновь дороги, ухоженные польские домики и замки с прудами, гномами, изредка мельницами, балконами с цветочными рядами. Живут же люди! И вдруг осенило: а я так жил уже когда-то, точно! И всё такое у меня было? Да. А сейчас у меня другая миссия. Похоже на то…

Тормознулись на Буге. Буг — на польском Бог, не зря именно он прорезал польскую землю.

Светит солнце. Буг катит мутные воды. Надписи на стенах «остановок» с каминами и пеньками говорят о «нашествии» людей, больше молодёжи — грамотной, умной. Странно: они смогли оставить о себе «память» почти без матов…

Двести километров до сердца Польши и обратно. Перекусили и занялись своими делами: кто спать, кто за работу. В таких поездках, когда мы предоставлены сами себе, рождаются красивые песни. А они нам очень-очень нужны!

Вечером смотрели в записи своё выступление в первый день на сцене. Я огорчился — вновь камера подвела или плёнка? Хорошая камера так нужна! Ведь тут столько информации можно записать! Был мастер-класс по ложкам: народ нарезал себе черпаков! Что-то тянет молодёжь к народным истокам. Исток — ис-Ток. Главное, словить этот электрический заряд, потерявшийся во времени. Иногда мы ловим, но тут как бы не заслюнявить себя на сцене эмоциями, иначе — ком в горло. Пусть лучше эти эмоции укутают публику — так я почти всегда думаю перед концертом. Пусть древние ис-Токи расковыряют асфальтовый панцирь, в котором мы живём, в который мы вросли и глотаем

гарь и копоть. Видно, неправильно жили. И Земелька нам не прощает, долбит другими токами всех без разбору...

24 мая.

Вчера вечером выучили с «Черемшинай» и Тодором колядку «Ой, рано-рано куры запели». По словам Юриев, это напоминало одно из моих занятий в университете. А если честно, я больше прикалывался. Никогда я так не работаю со студентами. Просто тут нет времени. Слепили сами, подключили Тодора (тут и опыт, и голосина), пригласили бас, аккордеон, поющую группу местных вокалисток, одного барабанщика и — «произведениеще» есть!

Кто болел стоматитом, наверное, поймёт: говорить тяжело, не то что петь. Опухшее горло, стёртый язык. Зрелище во рту не для слабых. Как вылечиться?

На фестиваль приехал Василь Литвинка, обмениваемся знаниями о фолке, о коллективах. Он помнит «Русалок» (в училище искусств в 1995 году), говорит, что это образец и лучшее проявление фольклора. Ещё бы! Но таких программ да и групп мало. И не может моя работа ежегодно так мощно пульсировать.

13.00. Видя мои мучения с горлом, Юрий Дмитриев связался со своей сестрой-фармацевтом. Она сказала, что мне надо другие лекарства. Поэтому все побежали в местную аптеку. Полоскал и чуть не выл от боли! Ненавижу болеть! Не люблю лекарства! Не люблю докторов, простите, люди в белых халатах.

Из приятного: «варштаты» идут! Я подсел к народному мастеру по дереву. У них мастер-класс по ложкам. Оказывается, ложки отличаются по странам, регионам. И лучшие, по его словам, в Белостотчине (Польша) и Брестской области (Беларусь). А вообще, у него коллекция ложек из разных стран мира. Странно: по его словам, лучшие ложки — в бедных странах.

Кто-то из местных рядом показывал соломоплетение. Ну, а «Троица» поиграла в бильярд, загрузила опоздавшего Тодора текстами песен и — в «родные пенаты»: мы должны отдохнуть. Видимо, впереди какая-то работа, о которой мы и не догадываемся. Там, НАВЕРХУ, всё знают!

22.00. Опять приятная усталость. После обеда посадили Тодора, стали учить его песню «Сядзіць зайчычок». Потом пришли баянисты, немного с ними позанимались, потом подключилась группа «Рэха». С перекурами, остановками (болит горло) пел, дул в жалейки. А что сделаешь — работа!..

После ужина сели в библиотеке повторять «калядку», но за стенкой пошёл фильм В. Литвинки об обрядах, и мы усталые поволоклись в гостиницу. Сделали большой кусок работы! Теперь всё это нужно гонять и гонять, чтобы прилично выглядеть на сцене.

Похолодало, хотя днём была жарища, потом гроза! Что творится наверху, то и внизу.

25 мая.

5.30. Юры поехали в Варшаву за визами. Юрий Дмитриев ещё планирует купить какую-то игрушечную «орудию». Да, у каждого свой «пунктик». Я шучу: если Юрий Дмитриев станет известным гитаристом, у него кроме гитар будет своя «оружейная комната» и, наверняка, танк в огороде. Я не люблю оружие. Не люблю кровь и трупы.

Леса плотной стеной обступили Черемху, одинокие домики утопают в зелени, цветущие деревья осыпаются жертвенным белым цветом. И только птицы своими «разговорами» утверждают жизнь. В противном случае — это была бы просто зелёная картинка.

Ласточки режут небо своими острыми крылышками: они пишут партитуру дня, а может вчерашние воспоминания. Берёзы покрылись нежной молодой листвой. Глаза ищут в голубом небе Рериховские горы и далёкие облака. Облака над Польшей, как бы догадавшись, чего от них хотят, выстроились в белые громады. Свежий, мягкий воздух втекал в комнату, свисая с подоконника невидимой толстой массой. Он принёс мне утренние рассказы, ночные молитвы от страха. Но я так чёрств и глух, а сколько бы узнал от него сейчас…

Утренняя мудрость и покой. Нет суеты. Вот такая утренняя Черемха, которая проводит фестивали, выпускает аудио-кассеты с песнями отдельных деревенских «гуртоў», проводит мастер-классы резчиков по дереву, по соломоплетению, по разучиванию местных песен.

Разве всё это можно оценить сейчас? Бася и Мирек — организаторы фестиваля — стоят у этого Очага культуры и поддерживают в нём огонь — самозабвенно, честно и с любовью.

14.00. Наконец, звонок от ребят. Хорошая новость: «Троица» получила визы в Венгрию. Булыжник — с сердца!

26 мая.

6.00. Коллеги мои вернулись с красивенькими визами! Наспех подкрепившись, начали «терзать» народные песни. Репетиция была продуктивной, но недолгой, так как уже возник Василь Литвинка с фильмами.

Днём он рассказал, что в одном селе до сих пор «водят куст». В

какой-то год не провели этот обряд — град побил урожай, и сгорела ферма. На следующий год председатель колхоза привёз ящик шампанского бабушкам и сказал самодеятельному «гурту»: «Проведите «куста», прошу!». Вот так, хочешь — верь, хочешь — нет…

Фольклор — вещь серьёзная. Литвинка тоже переживает за то, что в Беларуси ничего подобного нет (как этот деревенский фестиваль с гостями из Беларуси, Болгарии, Украины, Франции, Словении, Британии). Сколько глупости дома!..

Горло устало хлебать вонючие лекарства и начинает «зарубцовываться».

27 мая.

Вчера днём устали от совместных репетиций: кроме «Троицы» на сцене молодая белорусская группа «Рэха», духовики из Франции, молодые польки и бабушки из деревни, местная «звезда» — ансамбль «Черемшина». Я и Тодор ревём (пока без микрофонов). Зрелище!

А вот моя камера уже умерла — нужен серьёзный ремонт. И такой интересный материал я не запишу! Грустно. И очень завидую Василию Литвинке, который держит малышку камеру на ладони и фиксирует всё!

Практически мы подготовили программу к показу, её можно будет записать, если Бася найдёт деньги. Но ночью, а концерт с этой экспериментальной программой будет ночью, бабушки будут спать, и нас просят задержаться на воскресенье. Надо.

Этой ночью луна заползла в окно, затем в мои приоткрытые глаза. И я поневоле встал. Свет лился с неба на спящие дома, на заборы, леса. Было очень красиво: при таком ярком свете просматривалось всё до мелочей. Это напоминало какой-то космический пейзаж, захотелось стать лунатиком и побродить по лунным дорожкам. Но я, наконец, утонул в мягкой постели, и лунные дорожки растворились… Язык шевельнул свою молитву.

Архангелы -воины Божьи —
Святым кругом очертите!
Архангелы — воины Божьи —
Огненным мечом оградите!
Архангелы — воины Божьи —
Всех врагов отведите!
Архангелы — воины Божьи —

От завистников спасите!
Архангелы — воины Божьи —
Защиты у Боженьки просите.

15.30. Странно попадать в те места, где был десять-пятнадцать лет назад. Гайновка — то место, где когда-то выступал мой ансамбль «Диво». Место, где мы мучительно продавали какие-то электроприборы, голодали, грелись пивом в баре «У Володи», увешанном вымпелами, звёздами и фотографиями В.И. Ленина. Громоздился уже достроенный белорусский музей, где я спал на полу, гастролируя с «Дивом». Казалось, сейчас из-за угла выйдут мои дорогие участники и запоют сильно и проникновенно: «Ійшоў раёк». Но время текло в иное измерение, и студенты остались в золотом прошлом.

17.30. Конечно же, на фестивале не обошлось без накладок. Не подвезли во время свет, звук не подключили, и у всех участников сдвинулся по времени саундчек. В общем, на то, что мы репетировали, дадут двадцать минут перед самим концертом в 23.00. Как это всё прозвучит? Волнуется вся команда.

Мне нравится, как решают организаторы фестиваля разные проблемы. Приходит мужик: «Можно мне продавать экологически чистые деревянные игрушки?» «Дерево из пущи?» «Нет». «А что за игрушки?» «Китайские». «Но у нас этно-фестиваль!» «Я много где продаю, и меня приглашают». «Тогда пятьдесят злотых за место». «Ой, я могу не продать на столько. А если тридцать злотых и один день?» «Хорошо, в воскресенье».

Когда ехали из Гайновки, поляки рассказали мне и показывали полосу шириной пятьдесят метров, где прошёл смерч, сорвав все крыши. А теперь крыши, по их словам, не выглядят по-деревенски: розовые, голубые и т.д. Их это волнует…

28 мая.

Упали мы спать в 3.00, так как вчера ночью состоялась премьера! Правда, было уже мало людей — болгары своей серьёзной музыкой разогнали «просты люд». Наверное, остались сильные и те, кому было интересно: «А что же они могут показать?»

Шесть песен на местном материале звучали вызывающе мощно! Невзирая на все технические неполадки перед началом. Толпа притихла. В этой каше звуков даже «сбивочки» были на первый взгляд незаметны. После выступления кто-то пожимал руку, кто-то просто счастливо улыбался. Получилось! А что дальше? Будет ли студия? Будет ли

продолжение проекта?

Местный базарчик. Мне интересны лица, глаза, одежда людей. Меньше интересует товар. Кто-то просто рассматривает, кто-то смеётся с моей бороды.

Солнце-сковородка: в чём ходить, куда спрятаться? Готов нырнуть в озеро, высунуть голову и кричать белорусские песни! Не знаю, как переживём этот день. Сегодня наш концерт. Посмотрим, что получится со звуком, с публикой.

16.00. Четыре большие потные мухи в трусах (это — мы) валяются на кроватях. Птицы притихли от жары. Странно, всякая погода погружает тебя в состояние транса: зимой хочешь тепла, а летом — прохлады. Погода пронизывает не только пространство, но и нас.

Автобус горячий, как мартен! Фестиваль потихоньку катится к вечерним программам. В 20.00 выступаем мы. Саундчек прошёл без напряга. Посмотрим, что будет на концерте. Мороженое не спасает: пока лижешь — легче, прохладнее внутри, потом закипают кишки и мозги.

29 мая.

3.00. Три часа мы болтались по фестивалю из-за того, что он начался на два часа позже! Мы пили кофе, ужинали у шведского стола. Слушали «Божич» (Украина), они явно перетягивали время — после концерта стали разучивать с народом танцы! За ними стартанула Еханна Словиньска (Краков). Голос солистки понравился. Внешний вид нет. В её «сценичном» костюме чувствовалась безвкусица: белые брюки, чёрный лиф, явно не по размеру, какая-то цветастая ткань поверх живота. Небрежная причёска. А может, так и надо?..

УХАЖЕРЫ.
(басня)
Рвут на части Обезьянку
И Медведь, и Лось, и Волк.
Каждый гордо обещает,
Что семейный будет толк.
Бегемот сорит деньгами,
Обещает сказку-дом!
Только душно, неуютно
Обезьянке будет в нём.
Едет Заяц на машине.
Щёголь — мил жених Петух.
Только всё неинтересно —

Не семейный явно дух.
И, ехидно подползая,
В кольца крутится Питон.
Но милашке Обезьянке
Не подходит явно он.
Слон трубит: «Я твой навеки!»
Сотрясает всё вокруг!
Обезьянка точно знает:
Не по росту будет друг.
Ей хотелось бы покоя,
А они припёрлись вновь!..
Тихо смотрит Обезьянка
На парады дураков…

Нужно думать и искать сценический образ, нужно! И мне тоже. Видеоряд кричит об этом. Столько лет я в одном и том же. Навожу критику в адрес «Троицы» по поводу костюмирования, но и к этому нужно пройти кусок дороги, созреть, чтобы переживать за вид, костюм, украшения, которые нужны артисту как оберег от «злых глазищ» и недоброжелателей, от позавидовавших пусть даже «зелёной» завистью. Думать и рисовать, думать и искать тех, кто бы помог войти с тобой на одном дыхании в другую оболочку. Оболочку для сцены.

Мы сидели с полькой Катей, она говорила и говорила. Оказывается, родилась в Бельске-Подляском. Я стал рассказывать о своих поездках по этому краю с «Дивом», о дружбе с Иваном Добошом (директором белорусской школки). И вдруг она говорит: «Он умер года два назад — кровоизлияние в мозг». Шок!

Думаю, вот и объяснение, почему он столько лет не подходил на концертах в этих деревушках. Его уже просто не было здесь. Может, он слушал нас из этого Пространства, наполненного музыкой Мира? Царствие Небесное тебе, Иван!

Нас объявили, но мы явно не были готовы! Всё ещё разносили микрофоны. Я подключал шнуры, Юрий Дмитриев пульт, Юрий Павловский свои многочисленные барабанчики и тарелочки. Этого у нас много, и всё нужно вызвучить, иначе зритель ничего не поймёт.

Без фонарика, в темноте «чувень» (по-нашему «звукач») копался в пульте. Что он там мог увидеть? Махнув рукой на такую подготовку (пять минут на подключение двенадцати микрофонов и шести инструментов в чужой пульт), начали играть.

Конечно же, пропадал звук, играли на каком-то внутреннем чу-

тье. Но публике нравилось: она прыгала, визжала, хлопала в ладоши! Многие у края сцены рассматривали косички в моей бороде, инструменты, кивали в такт головами или просто слушали, замерев.

Но большого «кайфа» не было. Сказались «варштаты» — много сил забрали именно они. Напрягаюсь выдать, а нет сил, они где-то там, в среде и пятнице, где пришлось «проорать», попотеть в совместных проектах.

В темноте мы скорее ссыпали, чем складывали инструменты в короба. Конферанс в костюме «гураля»-горца с мощным, большим, дорогим кожаным поясом, отделанном серебром и золотом (о котором я мечтаю), уже рассыпал свои заготовки о французских музыкантах, а мой Дух всё ещё сидел на сцене, не соглашаясь уступить это тронное место другим. Он прижился за этот час с лишним, он вытащил из толпы всё, что мог, он дал ей (толпе) даже то, что она и не ожидала. Он наполнил пространство ночи белорусской народной песней. Но зазвучали аккорды французской гармошки, и он рассыпался, растворился в ночи, будто его и не было. Только толпа унесла его дух на своих ладонях, когда мощно и громко «бисировала», вбивая услышанное в кожу, кровь, глаза и мозг.

Обменялись компакт-дисками с краковским «Бэндом». Обещали подумать о нас на следующий год. Что ж, для этого и стараемся…

Ночь пахла звёздами и пригарью от польских колбас. Мы с трудом протиснулись на автобусе среди других машин, сбитых в кучи.

Тётка — сторож гостиницы — просила диск. А ворота вчера нам не открыла: значит, не судьба ей услышать белорусский фолк. Из приятного — остаётся, кажется, видеоряд! Камера сработала, но ремонт её нужен.

Днём Мирек (директор местного центра культуры) планирует в 12.00 саундчек и концерт с бабушками, но уже уехали французы, и, вообще, у нас «чемоданное настроение». Уже хочется шуршать колёсами в сторону Минска. Радует, что по-любому это свершится сегодня! «Широкей дроги, кировца!» — как говорят поляки.

30 мая.

9.00. Минск. Всё, мы свою миссию выполнили. Вчера совершили «подвиг» — показали своё совместное произведение по польскому ТВ.

Польские пограничники встретили нас, как родных: кто-то видел наш концерт, кто-то помнит, что мы играли два года тому назад. Их прошли — не шелохнулись. Один поляк разоткровенничался, глядя на очередь пустых «авто» со стороны РБ: «Они думают, что мы «козлы», а мы всё знаем — едут продавать солярку, за нашу смену по три раза! $30 зарабатывают за одну «ходку». Это не люди». Я говорю: «Хорошо ва-

шей стране»… Он: «Я промолчу». Разумно и достойно. Сказал, что помнит «Самоцветы», «Весёлых ребят». А мы в ответ «блеснули»: «Но-то-цо», «Скальды», Чеслав Немен. На последнем имени он величаво притих. А не знает, что Немен — наш белорусский парень! Прости, Немен, я ещё купил не все твои диски…

Зато как важно вели себя наши пограничники: потно-красные лица заставили нас заполнять бумаги и с тупым видом смотрели на наши ящики с инструментами.

Ветер Родины вкручивался в ноздри родными, зелёными запахами, и подумалось, что польские «варштаты» прошли как один день.

Дороги — как нити, со своими узелками памяти. Вот ещё один узелочек завязали. Приятная и хорошая работа слаженной команды. Не тянутся эти нити по земле, а летят над ней, унося и перенося нас всё дальше и дальше в Будущее. Шаг, шаг, шаг… Правая нога уже в настоящем, а левая уже в прошлом. И так — шаг за шагом. И за многое не стыдно. Спасибо, Боже!

31 мая.

Женя Калмыков предложил «Троице» выступить на Евровидении, на что получил конкретное «нет». Потом предложил быть аккомпонируещей группой для какой-то «куклы». На что я сказал: «Не наше это». Есть много этно-фестивалей, фестивалей world-музыки (1200 в год в одной только Америке!). А что творится в Европе? Кто-то должен этим заниматься?

Но тут, где мы живём, какая-то засада! Бардак! Террор! Недавно в Доме литератора запретили «Крамбамбулю». Что же осталось, кроме «полуголых поп(сы)»?

Это я даже не о фольклоре. Если бегло пробежать по афишам… «Неприкасаемые»! Хор М. Дриневского, «Свята», «Сябр-бр-бры», «Хорошки», «Бяседа», какие-то десятые «Песняры» (прости, Володя), появился мужской хор «Беларусы». Сколько народа корчится на сцене под готовую фонограмму, записанную другими! Неужели самим музыкантам не стыдно стоять на сцене, изображая «звезду»?

По-моему, эстрадный небосвод над Белой Русью пуст. Где-то далеко-далеко светится только звёздочка Мулявина… А если у людей «звёздные галлюцинации», то мне их искренне жаль. Они слепы…

Почему мне всё это не нравится? Я играл в ВИА, пел в академическом народном хоре. И всё время постигал новое. А тут отдельные коллективы застыли, будто лава вулкана. А те, что как-то проявили себя

по-новому — не ко двору!

Юрий Выдронак сидит в Варшаве («Юр'я»), Вероника Круглова — в Берлине («Крыві»), Дима Войтюшкевич — с польским проектом, Лявон Вольский — на Украине. Да и часть эстрадных артистов прошли какой-то путь за границей, а не Дома. Не от хорошей творческой жизни!

И нас, «Троицу», начинают замечать только после успехов за границей…

Какая-то прослойка, позволившая себе решать, кому жить в искусстве, кому нет. И что — они должны принять существование на равных кого-то другого? Без своей привычной оценки? Не получается. Будто боятся потерять своё…

Почему-то много могут европейские площадки! А тут — некому? Мы дурнее или ленивее, или коррупция разъедает и культуру?

Я не против хорошей эстрады. Но где фолк? Корни обрезали! А без них мы — ничто. Западные музыканты, использующие народную музыку или народные инструменты, прославились и восславили свои страны. Почему не могут понять этого у нас? Почему такое отношение у нас к родному? Можно ведь «загребать жар» и с этого костра! Например, за те три миллиона $, которые вложили в белорусскую «куклу в тряпках» на «Евровидении», могли провести шикарный Международный фестиваль фольклора в Беларуси.

Жаль, позоримся вместе со всей многострадальной…

Мы сидели с Эдиком (БТ, он сделал мастеринг «Столинщины») и говорили о Беларуси, о фолк-музыке, об участии на «Евровидении». Говорили честно и с болью.

Многие переживают за современное состояние музыки, культуры. Болит душа у многих. Значит, когда-то боль во что-то выльется. Будем ждать.

И да простят мою критику коллеги. Я был мягким, поверьте…

«ЭТНОСТИЛЬ» В ПИТЕРЕ

3 июня.

Питер. В день отъезда в голове, как в чемодане! Всё ли дома оставляю в порядке, всё ли на работе решил? Приезжаю, распихиваю какие-то долги, даю что-то младшенькой, стараюсь решить что-то с сыном, и снова на колёса. Кайф!

Питер! Мы («Троица») не виделись с тобой с 1996 года, когда Ю. Шевчук проводил рок-фестиваль. Это было со старой «Троицей». Мы

и не подозревали, что наше выступление вызовет столько шума в РБ: «Троица» выступала квартетом с Шевчуком! Надо же!.. Но Родина не в состоянии оценить «своё», и вскоре всё затихло. Волны «попсы» накрыли наш маленький успех. С тех пор прошло девять лет. Чем же ты нас порадуешь сейчас, Питер?

Дорога. Скорость, штраф, разговоры, анекдоты. Псковская трасса напомнила послевоенную Боснию: руины, покосившиеся дома, рухнувшие заборы, нет придорожных стоянок. Тринадцать часов пути…

4 июня.

12.30. Едем на саундчек. Огромные массивные здания, создающие коридоры, мосты, как в Голландии. Львы, застывшие от времени и увиденного, грязные, обшарпанные дворики, напоминающие внутренние органы города. Мы заселились в общежитие для иностранных студентов. Пятый этаж, общий туалет и душ. Но всё это уже не важно. Мы доехали! И будем играть.

«Этностиль» — первый фестиваль такого рода в Питере. На берегу канала — заросшая поляна, юрты, сцена и не густо народа. Скромные лавочки: бусы, платки, диски, керамика и т.д. Сцена у яхтклуба, хорошая аппаратура, свет. Посмотрим.

В команде ропот. Всех участников ожидает неудобство: предстоит футбольный матч, т.е. будут перекрыты дороги, а до метро далеко. Решаем остаться здесь! Часть падает спать, часть народа пошла искать продукты на вечер, обед и дорогу домой. В центр города летим на маршрутке № 321. Что-то хватаем и вновь на остров.

Слушаем и смотрим фестиваль: есть звёзды, такие как Сергей Старостин, Владимир Волков и другие. Есть просто какие-то дикие эксперименты: индийские танцы, танец живота, кельтские «скоки» и т.д. Зачем? Особенно, если говорят, что это готовили две недели…

Ждём своё. Рассматриваем CD, выставленные на продажу, видим пиратский диск «Журавы». Работают люди…

А вот и наше выступление. Старостин что-то щебечет о нас, мы расставляемся. Перед нами народ наплясался! А тут сел на траву и слушает. Идём по программе, благо, белые ночи, вижу лица, глаза музыкантов, выступавших перед нами. Кажется, их что-то трогает. Не очень комфортно на сцене, но знаем: Сергей сделает хороший звук для зрителя. Убираем из программы «Бору», «Свата», «А па морачку». Идём к финалу. Народ скачет! «Яблынь» — как гвоздь в сруб нового дома! Успех!

Нам повезло с погодой, ведь Питер — вечное рыдание неба.

Мы возвращались ко сну по светлому ночному городу. Огни,

мосты, парочки, целующиеся везде, прижимающие друг друга к холодным железным мостам. Мелькали улицы, дома, памятники, и я узнавал! Да! Я узнавал те места, по которым ходил девять лет назад!

Еле поднялся на пятый этаж. Дорога и, конечно же, концерт сделали своё дело. Я рухнул без сил. Где-то ещё слышались голоса, гремела музыка, стояли величественно чёрные львы. Я спал, а в снах — яхты, лодки, кораблики, которые толпились у берега и слушали, разглядывали этот бедлам-фестиваль. Артисты, автобусы, инструменты, собаки, диски, пиво, крики болельщиков в кафешках — всё-всё пролетело через трубу сна.

Ночью не было Юрия Дмитриева. Позже выяснилось: он полночи болтал с сигаретой на губе с Сергеем. Сильные и здоровые люди. Я бы лучше «посудачил» с какой-нибудь «барышней» у питерской позолоты…

5 июня.

6.00. Я заварил чай в дорогу, успел выпить две пиалы и разбудил «спящее царство». Всегда делать это трудно, но впереди дорога — двенадцать-четырнадцать часов.

Питер лил прощальные слёзы дождя, пустые улицы, проспекты, замусоренные болельщиками. Да, вечно «Троица» пересекается с футболом! Дождь стучал по крыше автобуса, гремела музыка, мы по очереди проваливались в сон, болтали, травили анекдоты, обсуждали «Этностиль», другие фестивали.

Псковская трасса напоминала ржавую стиральную доску, на которой в Германии удивительно виртуозно играл музыкант, насадив на пальцы напёрстки. Домой!

В 21.20 я ввалился в свой «фигвамчик» (непременно с буквой «ф»). Сестра Маша покрасила окно. Спасибо, мне всё некогда. Завертелся фестивальный диск, замелькали лица музыкантов, белые стволы берёз, ядовитая зелень, кочки средь болот, и мне вновь показалось, что я не дома, что мой Дом — колёса. Здесь — только временный причал?

Странное чувство. Я оставил частичку себя у железных мостов, я трогал холодные пасти львов, я бродил среди святынь-храмов, скользил по мутным каналам, напоминавшим Амстердам, разглядывал парочки, валявшиеся на зелёных лужайках и никого не стеснявшиеся.

Я всё ещё жил Питером, а тело уже начинало прорастать проблемками Белой Руси. Где же я? Сколько меня? Шлейф от Польши дотянулся до Невы, они перемешались, перетёрлись впечатлениями обо мне, но я уже ничего не слышал. Дух вспорхнул за Ангелом Хранителем, они распахнули окно и унеслись. По привычке? Наверное. До встречи, Питер!

ЗРЕЛИЩЕ НЕ ДЛЯ СЛАБЫХ

8 июня.

Зреет Купальем Земля…Какие-то строчки вырастают прямо на облаках, собираю и в дневник!

Все в пурпурах жрецы
В круг с тревогой заходят…
Молча вместе с огнём
Ритуал хороводят.
Пламя слабо дрожит,
Ветер треплет одежды…
Моё сердце стучит —
Просит Сил и Надежды.

Три дня до поездки в Москву. Вчера репетиции не было. Хотя просидели два с половиной часа. Что-то нужно менять. Уже знаем, как пройдёт концерт, где я буду шутить и т.д. Говорили о бас-гитаре, о новом звучании «Троицы». Юрий Дмитриев приводил примеры западных «монстрил» в мировой музыке. Но нам не до них. Да мы и так экспериментируем столько! Но у нас всё не так, всё по-другому. Что это? Конфликт в «Троице»? Или кризис «жанра»? Но есть работа, фестивали, приглашения. Что делать с этим?

Мы говорили о том, что последние вещи, в основном, с упором на гитару, что есть саз, домра, цитра, смык и они ждут рук Юрия Дмитриева. Многое можно пересмотреть в аранжировках.

11 июня.

День отъезда в Москву. А тут как раз повалила работа. Пришли с «Беларусьфильма», предлагают написать музыку для фильма в четыре серии, на полтора часа. Опять работа в студии! В декабре премьерный показ президенту Беларуси!

Наш фильм «Маленькие беглецы» получил «Золотого Витязя». Сергей Рыбаков показал «Сонцам асвячуся» — фильм увёз в Польшу Занусси. Документальный фильм «Подснежник» тоже с нашей музыкой получил приз! Его хвалил Гостюхин, что-то взяли на «Киношок» (там нас сразу вспомнили, увидев и услышав «Троицу»).

Вот с такими мыслями и настроениями «Троица» выезжает в Москву, где у нас два концерта. Беражы нас, Божа!

12 июня.

Забыли домру! Но настроение хорошее: мы едем на работу, мы купаемся в ней!

Нас встретил представитель московского фестиваля Макс и водитель Ярослав — мощный, чуть сгорбленный мужчина, похожий на пингвина. Настоящий гид! Так много рассказал. Утро с 7.00 до 10.30 прошло в хождении по заспанной Москве в поиках радиостудии.

Запомнилась молодая «бомжиха» под деревом. Она лежала в тёплом тополином пуху, как Спящая Королева…

Передача на радио о «Троице». Привычные вопросы, крутят записи с дисков, также играем в живую — хороший звук получился. Берёт акустика!

Дорога. Преодолеваем 135 км от Москвы. Деревянные и кирпичные дома, высотки среди поля. Богатые особняки и развалившиеся хатки с красивыми резными наличниками. Ока. Высоченные берега с парадом церквей. Что, грехи ближе к Богу?

Торуса. Гостиница «Интеркосмос». Всем по номеру! Гостиницу окружают берёзы. Наш концерт в 23.00. На фестиваль ходят маршрутки от гостиницы. Это в поле, в лесу? Птицы, петухи и коровы, ватаги коз, безвкусные особняки и высоченные заборы по три-четыре метра. Прощайте, деревушки прошлых лет. Лезут «монстры»!

16.30. Мы говорим с москвичами о высоких ценах на квартиры в Москве, Минске, пьём чай, перекусываем и пребываем в предчувствии фестиваля.

В гостинице длинный балкон, шумят высокие берёзы, ветер что-то говорит. Я не понимаю. Мысли уносят в детство, когда мама вывозила нас, детей, рано в лес за ягодами. Мне было лень сгибаться и дёргать по ягодке, я не был так трудолюбив, как сёстры. Я стоял и слушал лес, вглядывался в траву, в седые, сухие иголки, наблюдал трудяг муравьёв, гладил стволы деревьев. Я благоговел перед этим Чудом.

13 июня.

Мы в шоке! Таких отвратительных фестивалей, такой организации мы ещё не видели! Дороги? Отдельная песня! Такого понятия, как дорога, здесь нет. От гостиницы до фестиваля по полям и лесам — 10 км!

Около четырёх тысяч «молодых», палатки, машины в разброс, две сцены. Одна — главная. Где приткнуться музыкантам среди множества пьяных ватаг? Инструменты с 19.00 до 23.00 закрыли в «будке». Болтались по «фестивалю». У одной из сцен послушали группу «Гру-

зовик». Ничто не радовало, становилось всё тоскливее. Может мы разбаловались европейскими фестивалями? Народу-то тут нравится!

Пошёл дождь. Кое-как спрятались под навес вместе с пьяной, обкуренной толпой, позже полюбовались дракой. И ожидали свой всё сдвигающийся концерт. Дождь не прекращался. Умерло желание ещё одного такого фестиваля, который будет 31 июня 2005 в Подмосковье. Умерло сразу! Не родившись!

Под дождём мы таскали инструменты, уже не надеясь на саундчек. Только начали расставляться — на сцену нагло влезла толпа барабанщиков и барабанщиц в белых колготках и чёрных трусах! Хотелось «послать» всех, а их, дурацких «музыкантов», сбросить со сцены. Организаторы бегали вокруг нас: «Извините, мы не знаем, кто они и откуда. Не будете выступать, поймём». А зачем мы сюда ехали?

Сразу резанули свадебную песню «Галя». Потом всё подряд! Без звука, без настроения, злые. В мокрую толпу полетели песни. Три девушки возле сцены, похоже, спали, а может медитировали под музыку «Троицы». Одна, с полоумными глазами, размахивая руками, танцевала дикий танец. Толпа, то ли из-за дождя, то ли из интереса, облепила плотно сцену и внимала. Девки с камерами борзо лезли чуть ли не в рот и под руки. Зрелище не для слабых. Крики: «Давай колбаситься!»

Отхрипел, откричал… Ещё не успели взять последний аккорд, а другие «культурные музыки» уже полезли на сцену, сметая всё на своём пути. Мы только переглянулись: что сказать «варварам»?..

Дальше — хуже! Нас решили оставить ночевать в палатках, так как развезло дороги, и машины стоят в грязи по уши. Я был настойчив, и автобус всё же нашли. «Буданчик» с гуляющими лавками, пьяной братией, бездорожьем, ухабами, ливнем «Троица» запомнит надолго…

«Пойте!» — кричал в кузове какой-то мудак. Кулак просился в «пятак» этого умника. Мы все могли сорваться в этом пьяном «москальском» бедламе. «Троица» выдержала и этот жуткий экзамен на прочность.

Раненые души «Троицы» лечили после концерта вопросы некоторых трезвых людей: «Как вас сюда угораздило попасть? Вы были украшением фестиваля. Мы ради вас приехали сюда». Господи, что это было?..

Идол «зелёный»! —
Мы пред тобой на коленях!
Пашем и сеем,
«Косим» спиртное без лени!

Чувства — по факсу,
Будто слова позабыли!
Дети в пробирках —
Будто в могиле…

Мы только «зацепились коготочком» за уровень, а тут «тварам аб глебу!» И не дождь тому виной, был он в своё время и в Голландии, и в Венгрии. Наверное, многое зависит от уровня того, что называется фестивалем. «Тусню» в Калужской области с пьянкой, драками и плюс немного «музычки» трудно назвать фестивалем.

Мы упали в сон, стараясь забыть увиденное и пережитое.

Солнечное утро. Птицы «рвут» голоса на ветвях, но Юры мёртво спят. Душевный катаклизм. Коптят индийские палочки, одна моя рука держит пиалу, другая собирает чемодан, третья стирает грязные брюки, после вчерашнего «трэвала», четвёртая ищет таблетки, чтобы восстановить горло.

Три Ангела вытолкнули «грязную кибитку», и мы едем дальше. Сегодня Москва. Из Ада — в Ад…

А где-то далеко наши родные и близкие гордятся нами: «На концерте в Москве!..»

14 июня.

13.30. На верхней полке в купе в такт раскачивания вагона на лямках рюкзака болталась калужская грязь. Мы не просто устали. Вчера летели пулей, почти царапая встречные машины. Да, водитель заставил нас поволноваться. С одной машиной чуть не «поцеловался»!

Еле нашли прославленный московский концертный зал «Дом». Точнее — полупустой кинозал 70-х годов XX века. Вновь проблемы со звуком. Дама — «саундмэнша» — обрадовала: «Лучше не будет». Если в Москве такое!..

На оставшихся ошмётках связок откричал концерт. Тишина не радовала, эффекта почти не было. В конце концерта девушки сказали: «Извините, что мы так и не среагировали на вашу музыку. Мы просто не ожидали». Я просто махнул рукой. Из хорошего: мы сыграли новую песню «Ой, куме, куме», сделанную в Польше.

Мы пёрлись по цветной, захлёбывающейся огнями Москве. Что не вмещалось на её улицах, стекало в реку. Всё сияло блеском и «боблом». Было красиво и противно…

Сбросили наконец инструменты в багажное отделение и поехали ночевать к нашим новым московским друзьям.

В 6.30 мы уже на дороге, ловим такси и летим на вокзал, пробиваясь сквозь пробки. На скорости 100-110 км за полчаса долетаем до Белорусского вокзала.

В 10.30 наш поезд на Минск. Я остался караулить чемоданы и любовался пассажирами. «Бомжиха» принесла мальчика лет семи, накрыла цветными тряпками, а сама стала себя причёсывать и подкрашивать. Два негра кадрили приезжих девочек: писали им какие-то цифры в блокноте — явно «зарплата»…

В поезде упали без сил. Юрий Дмитриев опять заговорил о звуке, о бас-гитаре в «Троице». Говорил хорошо, и чем дольше, тем спокойнее становилось нам всем. «Троица» восставала из «праха»… Молодец Юра, что думает, ищет. Но есть то, что есть. И это нужно ценить, беречь. Всем! И с этим пока можно жить и работать. Большее нарастёт в процессе работы. Верю.

За окном вагона трава давилась влагой от дождей, реки пьянели мутью. Калужский дождь догонял нас. Мы возвращались Домой, где каждого ждали дела. Прощай, Калуга, навсегда! И до свидания, Москва!

ДРУГОЙ МИР, ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

18 июня.

Ну, вот дождались — завтра выезжаем в Будапешт.

Хорошо прошёл экзамен у моих хореографов. Мы много говорили о современном фольклоре, видео-аудиозаписях. Слушали, открыв рот! Нужно оформлять кабинет для работы, хоть за свои деньги. Хочу всем показать то, что есть в моём архиве. Закупил в магазине «Видимо-невидимо» DVD. Вечер сам сидел в шоке. Сколько всякой музыки в мире, какие концерты, какой звук, какие музыканты! А тут — «славянское» болото. Почему такая засада? Дебилы и мафия даже в этом. А мы едем в Будапешт на новый, нормальный фестиваль. Интересно, как примет своих белорусских друзей Лайош после нашего мощного приёма в прошлом году в Минске. «Троица» познакомила его с лучшими местами Беларуси.

19 июня.

13.00. Минск — Будапешт. Выехали с опозданием. Как всегда, я забыл приглашение. А без него было бы много вопросов на границе. Выехал грустный и усталый. В глазах — выступления моих студентов. Многие заочники — талантливые ребята. Вот с кем бы я создал театр

фольклора, о котором столько лет мечтал! «Замесил бы» фольклор с современной пластикой и пантомимой!

Дорога у нас дальняя: 400 км по Беларуси, 600 км поУкраине и ещё по Венгрии!

0.30. Граница с Украиной. Вспомнились поездки с «Дивом», когда из-за какой-то печати в паспорте вернули назад. Было и такое!

После Львова начались красоты. Они словно прятались и не хотели красоваться перед нашими глазами. А водитель ахал и охал. Туман — сметана, ехать невозможно.

20 июня.

5.30. На границе с Венгрией видели три радуги! Красотища!!! Наверное, это какой-то знак?

Чоп. За час прошли границу.

Здравствуй, «мадьярщина»! Ты — космос! Потому что вы люди как люди, но говорить с вами, как с марсианами. Крутите чёрными глазами, пожимаете плечами и плевать хотели на английский. Венгрия, ты сильная и этим, мощная и красивая, как девочка из-за границы для деревенского паренька. И завоевать тебя ой, как сложно!..

10.15. На завтрак опоздали, но всё равно повеселели. Сверкнуло солнце, и сразу забылся ночной туман. Водитель Вася принёс веточку конопли и напел купальскую песню. Да, её тут много, как в Голландии. Но разве нас это трогает? Отдых, а гостиница будет, в лучшем случае, в 14.00.

А за спиной — 1500 километров за двадцать пять часов!

16.00. Ура! Заселились! Кто спит, кто в душе. А мы (я и Юра Дмитриев) идём вечером на концерт Ингви Мальмстина! Лайош сделал билеты подешевле: один за $20 и один бесплатно.

21 июня.

7.00. Мы с Юрой вспомнаем вчерашний концерт роковой звезды, который, кстати, отвратительно вёл себя на сцене. Гитарист бросал гитару об пол, кричал на помощника за то, что он плохо настроил инструмент. А группа играла, спрятавшись за барабаны. И он, как идиот, один неистово носился по центру сцены. Важно рассеивал медиаторы в толпу. А мы хотели услышать музыку, а мы мечтали увидеть команду! Не смогли досидеть концерт до конца. Шли по красивому ночному городу. Замки с подсветкой, запахи лета и мелодии из всех щелей! Это кайф для туриста и путешественника. Другой мир, другое измерение. Венгры, да и сам Будапешт, излучают какую-то особую ауру. Почувствуй!

Днём подержали за руку Лайоша. Вот и всё общение. У нас гостей встречают по-другому. Потом послушали американскую команду. Обсуждали звук, мечтали о новом своём диске…

У венгров проходит столько концертов! И Род Стюарт и Dream Theater — в один месяц. Море афиш! И так весь год! Есть выбор у народа, да? А чем моя Родина хуже? Нет залов? Или некому организовать живые концерты? Да, намного легче принять российских звёзд, которые, как звери к водопою, идут ежемесячно! Одни и те же лица на афишах. Проходишь мимо тумбы: «Опять вы, здесь? И не стыдно кривляться под фонограмму и дурить моих земляков?» Будто какой-то идиот поставил защитный экран, и народ не видит и не слышит. Где же потом разобраться, что лучше и честнее? Поэтому на занятиях со студентами такой шок от просмотренных видеокассет. Для взрослых людей, музыкантов — это откровение.

22 июня.

6.30. Вчера молоденькая, худенькая, как велосипед, венгерка кругами возила нас по городу. Кругов десять! Явно не знала, где наша концертная площадка. Мы даже злились. Площадка оказалась недалеко от Дуная. Там уже гремели музыканты. А мы думали будет хороший зал. Но обстановка была тёплой, как будто согретая солнцем. Народ сидел на плитах, лежал под деревьями. В игре музыкантов чувствовалось какое-то безразличие. Музыкой, хорошей музыкой венгры тут закормлены.

Но красивая старинная песня дорогу найдет! И мы начали потихоньку будить это «сонное царство». Во время концерта я рассматривал публику. Часть зрителей слушала нас, закрыв глаза. Да, думаю, под нашу музычку особо не поболтаешь. Песни, как детишки, цеплялись ручонками друг за друга и водили хороводы над головами венгров. Они сидели притихшие. Из-за колонок за нами наблюдала команда музыкантов с вопросом в глазах: «Ну, и чем это они так берут?» Я сам не знаю, как это объяснить. Берём! И сегодня получилось. Успех. После концерта выслушали массу комплиментов. А какой-то чудак принёс мне коробку инструментов. Я бросился выбирать, а он говорит: «Это я принес вам показать, какие у меня есть»! Если бы ты видел, сколько у меня их есть!

Вечером Лайош пригласил нас на легендарную группу «Омега»! До армии у меня было много записей этой группы и вот… Неужели я увижу и услышу легенду?

Это было зрелище! Они играют сорок пять лет, да ещё как! Вокалисту шестьдесят три года, а выглядит на сорок. Он бегал и прыгал по сцене, как мальчишка! Клавишнику — шестьдесят пять... Звук, свет,

лазер, салюты! Зрители не вместились в концертный зал! Тихо завидовал команде, а когда пошли кадры их хроники 1975 года, чуть не расплакался. Кадры умчали в детство, когда так мечталось! Сильно, мощно и, главное, — виден их Путь! Радовало и то, что организаторы позаботились о тех, кто не попал в зал. «Омега» радовала своих земляков на огромном экране. Пятнадцать тысяч зрителей! Мы наслаждались концертом с высоты деревянного балкона, куда провёл нас Лайош. Он тоже был счастлив, его все поздравляли, ведь этот концерт организовал он. На радостях он оплатил нам еще день гостиницы.

24.00. Нас будоражат воспоминания и впечатления от увиденного, отодвигая сон до утра. Сквозь сон я разговаривал уже с собой: «Вот бы нам лет двадцать поработать вместе! Может и мы бы чего-нибудь достигли на музыкальном Олимпе».

Во сне меня с моими усами забрали в армию, и я бегал в поисках сестры Маши, чтобы она как-то спасла…

23 июня.

10.00. Молодец Юра Дмитриев! Бегает по магазинам и скупает ноты, диски. Хочет расти. А как без этого? Ведь в Минске не так много достойных гитарных учителей. Да и не только гитарных…

Мы обедали с Лайошом и болтали обо всём. В год у него до тысячи концертов! Только в этом году их было восемьсот! В день работает до десяти площадок. Вот уровень столицы! А что нам рассказать ему о белорусских этно-фестивалях? О состоянии народной музыки в столице?

В час ночи он затащил к себе в гости. На стенах висели огромные фотографии нашего озера Свитязь. И как-то все концерты померкли перед нашим белорусским чудом. Чем-то берём, братцы! Мы прощались, как родные, приглашали друг друга в гости. И понимали: мы сможем приехать, если только пригласят на концерт или фестиваль.

24 июня.

13.00-17.30 — время, потраченное на границе. Чоп. Виноградники и мысли о доме, о музыке. Вереницы автобусов, машин. Тут, оказывается, тоже бизнес с бензином, как у нас в приграничье с Польшей.

О, я точно знаю, почему в горах темнеет быстро. Просто горы встают на стражу ночи, и заслоняют собой небо. Кто-то же должен охранять эту красоту? Огоньки дальних домов — светлячки. И запахи! Запахи гор, ночи…И ты погружаешься не в сон, а в глубину гор. В их жизнь, в их мудрость, величие и спокойствие.

25 июня.

6.00. Сонная и пустая граница Украины и Беларуси. Что я везу домой на сей раз? Конечно же, «Омегу». И все волнения за наше будущее тонут в воспоминаниях…

СКВОЗЬ СТУДИИ…

10 июля.

Лето оголило формы, округлило круглое, подчеркнуло квадратное.

Смешнее всего смотрятся окольцованные пупы, утонувшие в жировых складках. Как напоминание мне: «Когда же ты сам займёшься диетами?» Но большинство — молодые, красивые, со вкусом одетые!

Может «свалиться» семинар «Багач» в Подмосковье, если «Купалу» сделаю грамотно. На сентябрь «просится» Прибалтика, и наверное, это лучше. Студия, плюс новый фильм. Не спрашиваю себя, как жить и как всё успеть…

Из смешного: «Троица» устроилась на работу на Республиканское радио! Нужны деньги на поездку в Гданьск на фестиваль. Всё у нас с загадками.

Потерпи, Гданьск. И пусть сложатся звёздочки так, чтобы нам оплатили наш автобус и т.д.

Я успеваю лишь постираться и впрыгнуть на подножку нового фестиваля, концерта. Хорошо, когда ты нужен людям. А себе?..

13 июля.

Фестиваль «Славянский базар». Нас, «Троицу», вытолкнули из «базара». А приглашали! Кто вычеркнул? Мы готовились, обсуждали песни, как подать материал, чем порадовать слушателей? Странно, что по какой-то команде «родное» задвигается на такие дальние задворки. Глупые! Мы ведь от этого только сильнее и интереснее становимся!

Прославленный дуэт после Евровидения взяли и уволили с работы. И что? Ребята уехали к себе в город и будут работать. А вы опозорились! Как всегда! Вы их подняли на Небеса и сбросили вниз без объяснения. Единственный дуэт в Беларуси! А что, вам разве есть до кого-то дело?

Ад-мини-страция, одним словом! Учитесь, вдумывайтесь, вникайте! Новое время! Новый пульс!

16 июля.

Поездки с желаниями «протащить» «Троицу» в России породили неуверенность, недоверие, грусть и безысходность. Многое раздра-

жало и даже злило. Почему к нам прилипают те, кто не может потянуть этот «воз»? А так пыжатся! Думаю, для горе-продюсеров само имя «Троица» привлекательно. Но мы для этого имени уже изрядно потрудились! От вас нужна такая же ответственность и работа, работа, работа! Тем более, что наша музыка — не демонстрация белья. Скорее, сокральное погружение в тела Предков, в их внутренний Мир, постижение древних таинств Живших до нас. Разве это может понять человек, у которого доллары вместо зрачков?

Что ж, это участь почти всех, кто был на нашем пути. Многое напомнило и Мартина из Голландии, и других, кто точно так же пытался натянуть пушистое одеяло на скользкие плечи.

Что-то рушилось в наших отношениях с такими «путеводителями», так толком и не построившись. Лишь в памяти, как в туманной дымке, оставались гастрольные туры и полные стадионы на пять тысяч зрителей… Всё — этнический проект «Руны», рок-легенды и многое другое — рассыпались на атомы, возможно, оставляя при этом комунибудь надежду сотворить это без нас…

18 июля.

Мы собрались в студии, расставили барабаны и ждём. Жуков позвонил, что задержится, но через потора часа выяснилось — он заболел и записи не будет. День вообще не удался. Почему-то окончательно умерла моя видеокамера. Обещают новую.

Я порадовал себя покупкой дисков. Звучала прекрасная музыка, и дом оживал, и сердцу было тепло.

19 июля.

Два часа Андрей выставлял микрофоны. Помощник у Андрея — новый, молодой парень — старается. С большим трудом — по три-пять дублей — записали барабаны в песни «Удоль па рэчачцы» и «Русальную».

Больше всего «напрягал» Андрей Жуков своими планами соединить с нами белорусскую «попсу». Удивлялся, почему я не хочу заработать и украсить чьё-то звучание. Зачем? У «Троицы» немеряно работы! Зачем нам «Евровидение» и всякие «барабашки»? Своё бы сделать.

Работа в студии с 13.00 до 18.00 — это очень мало времени. Только начинаешь «прорастать» где-то через четыре-шесть часов, а уже домой. Но мы не платим, и приходится «вертеться». Две песни мы уже как-то сбросили. Они — новые, мощные — поражают привычное ухо. Мне не очень нравится мой вокал в зимней песне «Каза» (а ля Валерий

Дайнеко, к которому, кстати, я очень хорошо отношусь). Я бы перепел. Но как решит «стая», так и будет.

20 июля.

День Юрий Дмитриев писал гитары в две песни. Процесс трудный, но очень интересный. Мы идём на такие эксперименты со звуком, что студийцы берутся за голову. Метал, «тяжеляк» и Бог знает что! Но Андрею Жукову — в кайф, видно, он подустал от слезливых завываний белорусских «попсовиков». Бегает, выставляет порталы, здание гремит, как стадион. Мы шутим: «Вот такая она, белорусская фольклорная песня». Пока нам самим непонятно, во что это выльется. За стенкой второй Андрей (Бобровко) «подтягивает», «тюнит», старается впихнуть в чистые ноты вокальную мелодию одной певички, постоянно хватается за голову: «Что с этим делать?»

Я дремлю в кресле, несмотря на мощный звук. Юры «угорают», щёлкая мой сон на «фотик». Быт студии, жизнь «Троицы»…

Потом спели «Кумэ» у Войтюшкевича Дмитрия на юбилейном концерте и убежали отдыхать.

Вечером включил ТВ и сразу выключил — день России на «Славянском базаре» — нафталин натуральный! Где они это выкопали: кабак, ляпистость, и вообще?.. Старая «тёлка» прыгала по сцене с криками: «Я к вам четырнадцать лет ехала!» Старый разукрашенный «павлин» ревел «Калинку», за его спиной выхаживала толпа таких же. Я переключил на «Планету зверей» и замер! Бывший рокер, металлист, весь в тату, двадцать шесть лет живёт рядом со слоном, пишет книгу об этом, гоняет на шикарном мотоцикле, делает красивейшие ножи. Это вызывает у всех удивление. Показывали его дом, построенный им вокруг большого дерева. А тут базар, базар! Я включил диск концерта Ал Ди Меолы и уплыл в Вечность…

22 июля.

Труженик-день пролетел ласточкой. Ворочали в студии круто. Я вплетал этнический вокал (хотя, думаю, это смесь того, что умею под этно-фолк) уже в готовую мощную партитуру. Фальшиво мучил дудки, не попадая в ритм. Но Андрей Жуков к вечеру был никакой, ведь он ночь делал у «Русалки» электронный «луп».

Об удивительной наглости белорусских «попсовиков»: одна «певичка» не поёт на сцене, только открывает рот. За неё, в её манере поёт бэк-вакалистка! Куда мы идём? Дурят братку-белоруса. А потом в сту-

дии с криками: «Как она может петь?» — бегает звукорежиссёр, «тюнит» фальшь, которая уже и не «тюнится».

Вечерам включаю себе, гостям, дамам живые концерты P. Gabriela, и мы вместе улетаем с этим «видео». А у нас такое можно сделать? Как? Кто? Вопросы, как назойливые мухи, заползают в душу.

Богатейший пласт белорусской культуры валяется на задворках. Может, когда этого участка земли не будет, нас будут искать через тысячи лет, как Атлантиду? Но мы здесь, творим сейчас!

«Фотосессия» идёт в студии на высшем уровне. Юрий Павловский прописал свои треки и теперь бегает и щёлкает, щёлкает фотоаппаратом! Что-то очень прикольное. Время — техника — уровень. Только я с техникой не дружу. Вчера купил будильник, еле подключил, зато, проснувшись ночью, вижу время, сколько осталось спать. А мечтал начать тренировки…

Вечером щебетал с Инной (пресса), сегодня Ната (ТВ), завтра проездом со «Славянского базара» Людмила Басинская из Краснодара. Какой-то наплыв гостей! Давненько такого не было, А тут «висит» над душой семинар «Багач» в Москве, книга для студентов «Кветка Перуна» и т.д.

23 июля.

Я задыхаюсь от материала, от новизны работы. Но чувствую, как слаб мой компьютер. Что сделаешь? Здесь уже четыре книги! За год с лишним! Не считая мелких «брызг», как-то: архив, дневники, сны.

Я постигаю что-то новое для себя и чувствую в этом свою страшную безграмотность. Вот уж где, воистину, «Век живи — век учись». Буду!

Подумалось: вот умер Немен, Мулявин, а они, люди, всё прибавляются и прибавляются. Когда-то и я уйду, а может, вернусь? Зачем?

Вряд ли с годами многие вещи воспринимаются спокойнее: то ли наелся, то ли невкусно… Это я обо всём!

24 июля.

Отдохнувший до 15.00 Андрей Жуков был в хорошем настроении. Скачал из Интернета белорусскую «попсу», где не было ни одного чистого (по исполнению) места и «угорал» так, что простому смертному такое было не понять. Включал нам и опять ухохатывался. С чего? Это наша действительность! Грустно.

Кусок сала развеселил его ещё больше, он говорил о значимости нашего проекта, спрашивал, как нам работалось за рубежом. И мы

говорили, обсуждали и даже удивляли его своими рассказами о европейских турах.

Песни, как дети, «одевают» на себя всё новые и новые одёжки, причёсываются, прилизываются. И начинают важно расхаживать по студии: «А мы вот такие, и лучше нас нет!» Знаем. Только вот что с Вами будет дальше? Мы всё ещё сидим над «Русалками» и «Удоль па рэчачцы». Всего четыре песни из неведомого пока количества. Сколько их войдёт в альбом? Какой он будет? Как назовём?

Студия с Андреем Жуковым — верх мечтаний! Человек-уши, и какие! Наши мечты поработать с ним материализовались. Мы пишем диск без денег. Он в вечном поиске! Как и «Троица». Знает современный саунд, как и что обработать. Сутками напролёт он ковыряет запись, тысячи раз перематывает и вслушивается в одно интересующее его место, что-то подрезает (как хирург), подстраивает и потом бегает по студии, размахивая «руками» с криками: «Как красиво звучит!»

Что это? Это — дар, это — мастерство и безграничная любовь к звукам, которые ложатся на диск и радуют слушателя. Спасибо, Боженьке, и за него тоже.

26 июля.

Вчера как-то сложили до конца кубики в песне «У цёмным лесе». На удивление, я спел всего раз двадцать, чтобы «высокая комиссия» приняла моё «сковытание в стиле а ля этно».

Было видно, что Андрей от нас подустал, и поэтому сегодня у него выходной! Вот где набегаюсь я (по делам: костюм, книги, ТВ) и наиграемся мы в 101-ом кабинете, где, хоть изредка, но репетируем! Нужно ещё две-три песни, нужно! Что успеем до Гданьска, где нас ждёт очередной европейский фестиваль? Сложно, но очень мощно и красиво ложится материал. Будто кто-то хочет утвердить значимость белорусского фольклора. Сделано пять песен из десяти. Андрей «мучает» всех, включая раз за разом новые песни «Троицы». Видно по лицам присутствующих — берёт, они не скрывают этого.

Услышал я и как попса живёт, как им заполняют (насильно, через профкомы) залы. Некоторые из них имеют до 10 тысяч «зелёных» в месяц. Вот бы часть нам в запись. А что, за эту сумму сегодня «квартирушечку» не купишь. Будем ждать своё Житло…

27 июля.

Вчера вечером сели репетировать и, конечно же, застряли с поиском баса в «Ведьму». Я искал его на «фоно», невнятно напевал. Юрий

Павловский и Юрий Дмитриев выходили, кто-то нервно курил. Через час поняли — всё, нужно остановиться.

Ждала новая работа. И радовала — я повесил в кабинете мамины старые шторы — стало уютнее.

Сегодня сели писать «Кумэ». Удивительно, как прилипла к нам эта песня. Её подарили в Черемхе, на фестивале в Польше. Мы сыграли её вместе с музыкантами из разных стран мира. Помогал нам ещё и Дима Войтюшкевич. А сейчас «рожаем» сами.

Пострадал Юрий Павловский с барабаном. Вновь обсуждали, думали, немного спорили, а Жуков уже нашёл «луп», и «дискотека» зазвучала. Юрий Павловский от этого ещё больше погрустнел. Но продукт явно нравился младшему Юре и мне, как любителю электроники. Бог, увидев наше недовольство, выключил свет не только в студии, но и во всём районе. Кажется, радостные, мы разбрелись по домам, так и не записав песню. В день — только барабаны и бас?

28 июля.

Уже час на ногах: душ, молитвы, кукурузные рыльца — гоню осколки камней. Это ж надо, как они за жизнь человеческую нагло «заселяются»!

Вчерашний день сложный по всему. Пока прописали кучу гитар в «Куме», было уже 17.00! Что-то не клеилось. На ходу подбирал Юрий Дмитриев, напевали все. Так мы ещё не тратили время записи. Обычно мы чётко знаем, что будем писать, какие инструменты, сколько чего, а тут Андрей (и в эту песню) вплёл «луп», и пошёл поиск. Я прокричал вокал, и выяснилось, что в мелодии последняя нота звучит в б.2 (большую секунду) с гитарным басом. Тупик? Или всё переписать, всю песню? Крутили, вертели, мудрили, и наконец Юрий Дмитриев нашёл выход. Что-то получилось.

Сегодня кроме студии, нам надо сбегать на ТВ, получить командировочные. Фестиваль в Гданьске приближается, а я ничего не соображаю, усталость, обыденность, забываю, что такое отпуск, отдых. В моих мыслях «Багач», «Кветка Перуна», мой сайт, DVD обо мне, фото, видеокамера (которая всё ещё не работает). Где-то больные родители, покинутые дети… Водоворот для больной головы. Для чего я здесь, сейчас? Как сказал Жуков: «НЛО». Начинаешь верить…

29 июля.

Я, сестра Маша, ливень, арбуз, дыни.

Асфальт — горячий утюг с плевками прохожих. Странно: каждое

утро сгорбленный молодой человек стоит на остановке, ждёт транспорт и через каждую минуту периодически плюёт на асфальт. Может поэтому и сгорбленный? Земля-матушка не прощает такого отношения.

Когда мы будем чище? Плюем себе под ноги и возмущаемся, что не везёт! Плюем на землю, в которой лежат наши Предки и на которой родились сами…

30 июля.

День подбирали духовые инструменты, потом мелодию на дудке, которую я случайно спел под «рыбу». Она понравилась Андрею. А перед этим он кинулся рассуждать вслух: «Студия с вами уже «попала» на большие деньги, всё мне, а я — саунд-продюсер и т.д.

А мы? О нас кто-нибудь подумал, или все только о деньгах? У студии уже есть «попадалово» с молодёжными командами. И тут Андрей Жуков рьяно стал «сватать» нам государственные структуры. Кто-то, мол, поможет. И это больше всего «садило» меня «на коня». Я отбивался, как мог, ещё больше злился на Андрея. Эх, Андрей, если бы ты знал эти структуры! Я их всю свою жизнь обхожу, хотя, если бы умел «лизнуть», давно получил бы все «регалии». «Троица» не против сотрудничества, но жизнь показывает, что многих к нам нельзя допускать — не выдерживают ответственности, нет стремления к профессионализму, того порядка, который царит в «Троице».

Вчера, уезжая на телевидение, попросил Андрея оставить нам по бутерброду. Как же я был удивлён: нам оставили только хлеб! И после этого он хочет что-то делать совместно? И это не мелочь. В «Троице» мы можем корку разделить на всех. Это много раз было в турах.

Андрей Жуков явно подустал от нас, от музыки, от частой перестановки микрофонов и такого напора, с которым мы работает. Думаю, до Польши он с нами не дотянет, сделает перерыв. А жаль, многое записали бы.

31 июля.

Вчера еле домучили песню «Тры Янгалы». Андрей Жуков был рад, что в ней прописали только одну «навёрнутую» гитару. Все добавки — окарина, «железяки», даже проигрыш на гуслях — кривили его недовольное личико. На улице неистовая жара — под тридцать градусов! Студия обдувала ветерком. Что сделали с «Янгалами», мне не понравилось, возможно, эта песня должна войти в новый диск. Время покажет. А пока семь песен улеглись в компьютер Жукова. И огромный кусок работы в наши сердца, души. А что с этим дальше?

Рассказали немного, как заработала группа «Новый Иерусалим». Они работали в церквях, билетов там нет. Но зато есть пожертвования. Кто-то подарил барабаны, кто-то автобус, на котором они гастролируют. В общем, зарплата хорошая, радуешься за ребят. Цифры приятные, но, как говорит моя мудрая младшая сестра Маша: «Вы уже кому-то принадлежите» — имея в виду, что «Троица» — христиане, а не евангелисты. Да и измену ВЕРХ не пропустит. Будем ждать «своё». Хотя, уверен, Всевышний — один. Это люди его так «поделили».

Два Небесных Глаза. Днём — яркий, тёплый, добрый Глаз.Он всё видит.
Ночью — бледный, холодный, коварный Глаз. Сквозь темноту всё видит.
Мужской и Женский. Вместе — плоды любви Планеты. Всё, что рождается, сразу попадает под взоры Глаз. Слово, мысль, поступок — всё вписывается лучами в Небесные Книги Вселенского Хранилища!
Думаешь, всё решаешь и всего добиваешься Сам?
Зря думаешь — ты в ореоле голубой, медленно вертящейся Планеты.
И Два Небесных Глаза всегда на страже твоей любимицы Земли.
Потому что вряд ли какая-нибудь другая планета могла бы содержать такое неблагодарное создание.
Пыль человечества! Помни о Небесных Глазах Космического Владыки!..

МУЗЫКА НАЙДЕТ ДОРОГУ!

2 августа.

Беларусь — Польша. Завтра отъезд в Гданьск. И если начать описание сборов, — а едем мы от Национальной телерадиокомпании как сотрудники — то компьютер захлебнётся, увы, не от благодарности. Всё с таким трудом и в такой притык! И едем ради давних добрых отношений с Татьяной Песнякевич, которая работает на Республиканском радио. Она — наш давний друг. Без гонорара — за Родину! Хорошо, что оплатили автобус, хотя добавлять своими всё же придётся…

Две с половиной недели провели в студии, и наши эксперименты со звуком уже многих «зацепили», но что будет с этой музыкой дальше?

Один наш белорусский исполнитель был в Юрмале, так Белорусское телевидение не умолкая расхваливает его десятое место! И вообще, что-то странное происходит с белоруской «попсой». «Зорка» подъехала на автомобиле в сто тысяч $. Альбом его записывают другие музыканты, он только споёт. А потом они, т.е. «зорки», выйдут на сцену пожинать плоды. Ещё одна «зорка» бегает и кричит: «Я белоруска от кончика до кончика, вот мой новый диск!» Нет совести. Куда всё катится? И «Звёздный дилижанс» и «На перекрёстках Европы» (вообще, перекрёсток — место, где собирается всякая нечисть, ведьмы)… Я бы искал более достойное название для фестиваля у нас, например «Пусти нас, Европа!».

Сборы, чемоданы… Беру компьютер — работать, чтобы успеть с книгой да и так зафиксировать впечатления о Польше, о фестивале.

3 августа.

24.00. Мы в Гданьске.

Доехали спокойно за двенадцать часов, как и планировали. Выехали в 10.30. До границы — без остановок, даже не обедали. Вася напёк таких вкусных мини-пицц! На ходу проглотили. Он рассказал, что торговал такой вкуснятиной на базаре, да ещё кашей, котлетами. И в месяц зарабатывал до $700. Только так намотался, что пришлось бросить. А лёгких денег нет, если не украл.

Дорога. Мысли. Выбираем «партизанские» тропы — едем короткими, почти просёлочными дорогами. Зато столько нового в окрестностях, всё в стройках работяг-поляков. Хозяйства, поля, техника, дома в три, а то и в четыре этажа. Почти у всех балкончики, на которых в цветах прячется народ от «спякоты». Менялись пейзажи, проскакивали мосты, и в какой-то момент сквозь дрёму я не понимал, что это — Германия, Голландия или Босния? Всё смешалось, только с марта мелькнуло столько городов, деревень, лиц, а уж мыслей, желаний! Что-то сбылось, что-то зависло в мозгу и ждёт своей реализации.

Наконец мы доехали. Из самого приятного: на границе не было ни досмотра, ни очереди. Так, две-три машины. Но у нас был «зелёный коридор»! Тут спасибо телевидению — их письмо открывало все шлагбаумы. Вот бы так всегда границу проходить!..

4 августа.

6.00. Ночью налетел шторм, казалось, волны добегали до окна. Но, выглянув в окно, я понял свою ошибку: рядом была автомобильная трасса, и пробегавшие по лужам под дождём машины и трамваи шу-

мом напоминали морской прибой. Я втягивал носом свежий воздух, но соли и йода в ноздрях не было.

Ночью дождь лил так, что открытая площадка фестиваля как-то съёжилась от такого неудобства и сырого внимания.

Мы у моря, мы все первый раз в Гданьске. Дом Музыки — шикарное, высокое, наверное, старинное здание с высокими потолками, чистое, уютное, будто после капитального ремонта. В комнатах красивые полы, сантехника, телевизор.

«Festiwal Folkowy EBU» — Беларусь, Норвегия, Германия, Венгрия, Украина, Словения, Россия. Сегодня открытие.

Гданьск — город янтаря! Тонны, тонны его в витринах, магазинах, россыпью, на вес, на ниточках, шнурочках, в металле и Бог знает в чём!

Столько я его не видел нигде. Люблю эту жертвенную смолу древности! Гданьск напомнил все приморские европейские города: храмы, музеи, витрины, кафешки, рестораны, ярмарки. Конечно же, бродячие музыканты.

Мы видели место для сцены, мы смотрели в небо с надеждой, что завтра дождь задержится где-нибудь в море. Мечтатели. Туристы, туристы, фотоаппараты, видео — со всех сторон. И мы, «Троица», в этой старине, в этой красоте.

Завтра под звон колоколов город (если Старый Дух древнего города не захочет испортить праздник) ляжет большими ушами у сцены. А мы попробуем наполнить их другой «начинкой». Мы порадуем тебя древними песнопениями, дружище!

20.30. Мы видели море. Оно не меняется — манящие волны, брызги на фоне заходящего солнца. Ехал, думал, море будет рядом, и я буду гулять по утрам, купаться. А тут — двадцать минут на трамвае, и билет доллар за 30 минут! А если я не доехал за тридцать минут? Возмущаются многие туристы.

Были на приёме в ратуше. Красивые слова и фуршет.

Направились к морю. Песок ещё греет пятки, в ушах шум волн — солёная медитация. Сцены отдыха. Дети, собаки, лодки, паруса и большие корабли, уносящие наши мечты куда-то далеко-далеко…

Гданьск, в тебе дух морского бродяги, в тебе бесконечность туристических троп, оставленных иностранными стопами в дорогой и дешёвой обуви. В тебе мелкий песок, как в часах, что давно перевернулись в наших душах. В тебе шум волн в такт колоколов!

6 августа.

Утром саундчек начался не вовремя. Уже шёл какой-то концерт, и нам нужно помолчать? Это разве солидно для такого фестиваля? К тому же нам не выполнили «райдер»: поставили всего два микрофона из восьми. Мало того — наш концерт транслировали по радио. С таким звуком? Не спросили, можно ли…

Грустные, мы вернулись в гостиницу и упали в сон. К концерту добрались вовремя. Народ был, дождя и грозы, как обещали синоптики, не было. Перед нами хорваты «мучили» народ звуком бутылок с водой и другими «музыкальными» инструментами.

У меня — полный чемодан дудок и окарин, и стол с «барахлом» — всё на белорусских рушниках. И красиво, и достойно, и дух Родины присутствует в знаках и символах. А то!..

Объявили: «Троица» из Беларуси». И впервые никто не поприветствовал, ни одного хлопка. Да, не в хорошее время выехали мы. Всему виной «мышиная возня» политиков — польско-белорусских или белорусско-польских придурков, или всех вместе! Причём же музыка, тем более на народных корнях?

Мы начали потихоньку, всё больше нарастая, с «показом» песен, инструментов. Я «блистал» новой, яркой рубашкой «а ля Индия». И мы всё-таки заставили их немного похлопать.

А может и не мы, а Пращуры-«бабули», которые сидели в это время на тучках и болтали ножками. Сыграли около десяти песен, часы на башне показывали, что скоро нам с поляками расставаться. И вот «бисовка» — «Яблынь» (могилёвский хоровод).

Да, мы еле растопили этот «холод». И не виноваты люди в этих конфликтах. Позже в телепрограмме мы увидели: закрытые посольства, обиженные дети без виз и т.д. Зачем всё это? В интервью польскому ТВ пришлось сказать, что таких команд, как «Троица», в Республике Беларусь немного. Тоже проблема: как сказать об этом? И что значит — немного? Есть, работают, но выступать с этим негде. Другие вопросы были традиционными.

Подошли Агнежка, Т. Песнякевич и Г. Кутырёва. Рассыпались в комплиментах.

Мы «приползли» в номер. Вася открыл шотландский «виски», и ребята пригубили «за успех». Наверное, завалились бы спать, но теребил Тодор (Дима Войтюшкевич), и мы вновь потянулись к сцене. Вокруг ревели, пели, кричали «музыки», гуляли люди, как на параде. Мы говорили о новом проекте с Черемшиной. Строили какие-то планы.

Позже зачем-то привели Тодора и Касю к автобусу и включили семь новых, не сведённых песен «Троицы». Был виден лёгкий шок. «Зачем вам так? Вы и так крутые!» — говорил Тодор. Дело не в крутости, а в эксперименте, в новом звуке. Да, не все поймут наш новый продукт. К этому нужно быть готовыми…

14.00. Мы окунулись в карнавал, ярмарку, и не хватит времени и томов энциклопедий, чтобы описать всё, что мы увидели! Блошиный рынок: фарфор, медь, иконы, картины, мелочь, диски, одежда, открытки, значки, монеты, марки, шляпы, колокола, скульптуры, оружие — столько всего… И море народу! Глаза наелись, и мы притомились.

Старый город живёт своей жизнью: днём одной, вечером — в лучах заката старинные купола, кресты — другой. А шествие народа по узким улочкам среди лавок, магазинов продолжается вечно. Даже ночью! Только ночью гуляют души…

Мы вливались в эти живые реки, выныривали из них, вновь нас втягивало, как в водоворот, мы смотрели, слушали уличных музыкантов (с дорогими инструментами!) и вновь плыли дальше. Кто-то прыгал головой вниз на резинке, привязанной к ногам, кто-то запускал воздушного змея, кто-то рядом грыз коржик или сосал леденец. Зная мою боязнь высоты, «Троица» шутила, что очень было бы интересно сбросить меня на резинке. Я отшучивался, что порвал бы её от страха, не долетев до земли!

Наверное, из-за дождя бары были наполовину пустыми, и, что самое непонятное, — пустая сцена посередине старого города. Концерты до 18.00? И это — фестиваль?

Ещё один день канул, размазался закатом где-то далеко за морем, втёрся нашей обувью в отшлифованные плитки старинного города. Мы вновь слышали новости по ТВ о проблемах и каких-то задержаниях поляков на границе с Беларусью. Мы тосковали и мысленно горевали о том, что граница для выезда на концерты и гастроли может захлопнуться, как мышеловка.

Но верилось, что музыка найдёт дорогу. Подумалось: «Прадеды мои копали разные тайные ходы и всегда находили выход». И мы найдем…

7 августа.

15.30. Мы всё-таки добрались до моря! Правда, с самого утра я понял, что печаль у сердца всё ещё лежит, и вышел в сонный город. Попал на службу в красивейший костёл. Краем глаза я разглядывал красивейшее здание с резьбой, картинами. А народ краем глаза разглядывал меня — явно из-за бороды.

Город ёще был в полудрёме, но уже начинали расставляться лавочники, тёрли глазки молоденькие, приталенные майками продавщицы. Похрапывали корабли и лодки, отдыхая от ночных видений и стенаний на их палубах. Я наслаждался утром, покоем, тишиной.

Днём мы выехали на море, и, думаю, все получили огромное удовольствие, так как там ещё светило солнышко. Море было обжигающе-прохладным, нежным и чистым. Оно скрасило наше настроение.

Все в песке и соли, мы ехали в трамвае в «келью», где пыхтел скучающий чайник и остатки сала зазывающе вываливались из холодильника. Хоть так, но не голодные… Завтра мы рассчитаемся за жильё и помчимся в сторону Дома. Завтра.

20.30. Вновь голосила М. Капуро из России! Что, нет в России других музыкантов? Кто определял список выступающих? В городе народу много, а музыки мало! И индейцы в перьях, и чилийцы, и в каждом кабачке кто-то «рыпает». И на каких инструментах! Дорогих и достойных! Так что нам приходится только мечтать о лучших временах для «Троицы».

Глазами прощались с этой древней красотой, с кораблями, наглыми чайками, будто заблудившимися в старом городе, С непустеющими ларьками и лавками, манящим янтарём, запахами пережаренного масла и притихшей на дне канала рыбы — от всего того, за что успел зацепиться глаз.

8 августа.

6.00. Вчера на вечернем банкете мы (и это отметил Юрий Павловский), как Беларусь, сидели отдельно от всей Европы: «Троица», Татьяна Песнякевич и фольклорист Галина Кутырёва. Мы говорили и говорили: о слабом фестивале, о несоответствии музыки названию фестиваля и т.д. Конечно же о Беларуси, о Европе, которая сейчас ела пригорелое и радостно подпрыгивала. Получилось? Получила? Но что?

Мы, наверное, уже не так мало видели, чтобы просто бежать к столу. Мы тянемся к «профи», мы хотим выглядеть мощно, красиво и достойно.

Нам было скучно и неинтересно…

Всё! Домой!

9 августа.

Граница поразила пустотой. Начальник смены при всех: «Здравствуйте, вы уже вернулись?» Я: «Да, всё удачно, спасибо». Толпа туристов только обернулась. А тут ещё Павловский Юра со своей «погра-

нично-начальственной» фамилией… В общем, примелькались мы даже на границах.

Только в 3.00 въехали в сонный Минск. Ещё час Вася развозил «паньство» по окраинам ворочавшейся во сне столицы.

Нашёл Немена, где он поёт русские песни — моё детство и та «пуля» в меня! Этот образ! Эта мощь голоса, эта борода, этот взгляд! Он знал, что будет таким? «Елочки-сосёночки» — с неё я начинал в парке играть танцы в родном городе, и старался «среветь» под своего кумира… С тех пор прошло тридцать два года, и вот его песни звучат с диска здесь и сейчас.

Разобран чемодан, распиханы вещи, дымит свеча и, конечно же, поёт Немен…

ТЕПЛО И ПО-ДОБРОМУ

11 сентября.

Как ни сопротивлялись, вчера со слезами на глазах приняли участие в концерте со всей «попсой»: «Звёздный дилижанс».

Когда же мы перестанем делать такие ошибки? А. Малинин, «Маски-шоу», академический хор, ансамбль танца, французский цирк, немецкий рок, А. Хлестов и т.д. И мы? Я не говорю, что они плохи, нет! Но мы там зачем?

Что это дало нам? Четыре часа мы ожидали окончания концерта, чтобы забрать барабаны. Одна наша песня и была «живым» звуком. Но с каким трудом всё это прошло!..

Город гудел, по улицам, и не только, текли молодые тела. Даже на Немиге! Что, она не научила никого? Народ с пивом, сухариками, молодняк с телефонами. Ищут, зовут, встречаются…

Мне давно не приходилось быть на таких массовых мероприятиях. Лет десять. Я будто прилетел с другой планеты! Последние два-три года я до того засиделся в своей комнатке! Музыка и книги, книги и музыка…

В толпе мне так неуютно. Я разглядываю, замечаю тонкие мелочи: капельки пота на звонких шеях, надорванную обувь, серое бельё, морщины-лезвия на лбах пенсионеров.

Зачем? Я вхожу в серое пространство метро и стараюсь хоть в молитвах оторваться от этой надуманной тишины и покоя, тихой грусти и «закрепощённой» демократии, от ярких афиш и серых зрачков.

Минску — 938 лет, мне скоро — сорок семь...

Серое метро. «Следующая остановка»…
Неужели всё? Приехал?

1 октября.

Нас ждёт Эстония! Мы готовимся. Уже пришла бумага, в которой мы плотно-плотно расписаны: ежедневно концерты, указаны города, люди, которые будут встречать, где ужин, обед, где бассейн и т.д. Год назад мы мечтали о туре в Эстонии. И вот сбывается. Без труда открыли визы, как-то нашлись деньги на билеты. В суете дел мы находим время ударить по струнам, очень хотим привезти программу поновее. Нас там так хорошо встречали и воспринимали. Но вот что странно! Как только берём новую вещь («Ведьма», «Три Ангела») в повтор, у всех появляются новые «фишки» и мы вновь «утопаем» в творчестве. Это очень непонятный и непредсказуемый процесс, когда моими руками кто-то руководит, или я начинаю дуть в рожки и окарины странные наигрыши. По чьей указке?

Перепрыгивая из транспорта в транспорт между концертами, фестивалями, моими московскими проектами, порой не соображаешь, где ты. Понимаю, когда в институте, — студенты, программы. Кстати, всегда, когда у «Троицы» взлёт, с ними спад. Плохо ходят, не радует расписание.

Эстония, мы мысленно и немного внутренне готовы порадовать тебя белорусскими песнями, тем более, что ты решила на мастер-классе разучить немного белорусских песен. Мы засыплем тебя белорусской яркой осенней листвой под журчание чистых крыниц и древних песнопений. А вот тут мы и разыграемся! Что ж, надеемся, границы будут лояльны и прозрачны, ведь мы с колёс на первый концерт!

5 октября.

4.40. При плотном графике только сегодня удалось включиться в подготовку к поездке. Мой кабинет напоминает «великое индейское переселение». Багаж увеличился: семнадцать наименований на шесть рук «Троицы».

Из приятного: нас отвёз на вокзал Вася на автобусе, не пришлось ловить такси. Из неприятного: поезд задерживается на два часа! Сидим в автобусе, «топчем» бутерброды, шутим и вспоминаем былое.

Но вот наконец загрузка! Поиск вагона, высоченная, мощная, как надзиратель в лагере, проводница. Купе, усталость. И мы гордо завалились спать…

6 октября.

Эстония. Городок Вастселиина. Утро обрадовало встречей: Пирит, Кристина и шикарный автобус, расписанный под тур «Троицы» с днями и городами. Уровень!

Мелькнули красоты тёплой осени, хорошие дороги. Начинаем! Небольшой городок, чистый, аккуратный, с афишами «Троицы». Их много и на дорогах. Клуб двухэтажный, зал на двести мест. Расставляемся, знаем, что сто билетов уже купили. Перед концертом Пирит и Анс просят не «глушить» народ силой звука. Начинаю сам: «Добрэ тому…», потом на гуслях «Цмок» и поехали. Удивительная публика. Я говорил и говорил, рассказывая о белорусских обрядах, песнях. Очень хороший и очень тёплый концерт. Сто сорок зрителей, тишина, цветы, восторг. Ужин в ресторане. Туман на трассе, поиск дорог. И — долгожданный сон…

7 октября.

Так как мы упали в сон в час ночи, подъём был тяжеловат, даже для меня. Ведь в 10.00 — мастер класс, а его нужно было приготовить! Завтрак наспех, и бегом в музыкальный класс. А там народу записалось человек двадцать пять! Больше всего поразило, что потянулись с инструментами: аккордеон, гитары, волынки, дудки и контрабас!

Распеваю. Поют сразу и хорошо, но в академической манере. Учим купальскую песню «Ой, пойдзем, сястрыцы». Остаётся минут пятнадцать. Хватаюсь за другую песню «По реке, реке гаголушка плывёць». Но время. Много вопросов о фестивалях в Беларуси, о музыке, манере пения и т.д. Их многое интересует. Но нам нужно успеть на вечерний концерт!

Очень плотный график, перелёты по 100-250 км.

Слаженно работает команда! Кроме нас, кто-то помогает продавать диски, кто-то носит фонари, свет и рекламу возим с собой. Расскажем некоторым на Родине, как надо работать…

Симпатичный городок Раквере. Театр, скульптуры. Мы выступаем в небольшом театральном зале на сто мест. Уютно. Я очень люблю такие небольшие театральные залы. Тут дышим вместе — «Троица» и зритель. Аудитроия тридцать пять-сорок человек, но как принимают! Тепло и по-доброму. Звукорежиссёр выполняет свою работу всё лучше и лучше! Был небольшой фон не по его вине, и за это Пирит сбросила часть денег за аренду. Молодец, работает. Шутит и смеётся.

Ужин в арт-кафе среди картин с морскими пейзажами. Ночной

городок с фонтанами. Номера в театре. Мне дали персональный! «Троица» возрадовалась: и мои ранние подъёмы, и чай, и работа на «компе» никому не будут мешать… Живу!

Мы всё больше и больше гордимся за этих людей, которые «проталкивают» белорусскую песню у себя: афиши, реклама по ТВ, я дал интервью по телефону на радио. Только слова благодарности! И восторг. Работаем. Чуть бы больше отдыха между перелётами, но…

По бокам дорог хутора, но много просто рухнувших, сгнивших домов и строений. Грустные картинки. Зато много валунов огромных размеров! Летим, а так хочется выйти и сфотографировать.

Видел красивейшее место — небольшая, но высокая гора, внизу озеро, а посредине его — островок из камней. Культовое место? Может, собираются язычники?

8 октября.

До отъезда и завтрака я успел подняться к замку и словил на «фото» восход солнца. Пока этот огненный «колобок» вылезал, я молился за родных и видел вокруг себя чёрные блики, летающие перед глазами. Странно, они не проникали в меня — я чувствовал себя будто в скафандре.

Утром выехали от театра большой компанией.

По дороге мелькнул край моря, и я закричал: «Купаться!» Остановились, пошли к морю. Обрыв, красивейшие особняки с огромными окнами и видами на море. Сколько мы ни пытались спуститься к морю — никак! Народ понял наше желание, и нас завезли на пляж с огромными валунами…

Светило солнце. Песок, у берега голубая глина (для керамики). Я полез в воду. Потом и Юрий Дмитриев удивил эстонцев. От купания «разбирало» как от хорошей чарки, всё внутри горело!

Дорога, экскурсия в Нарве, которая нам не принесла радости. Отдохнуть бы перед концертом в замке! Нарва — красивейшие места, замки, легенды. Но концерт!

Замок. Аншлаг — сто сорок человек. Боимся убить звуком. Начинаю я. Песни «Вясна, дзе бывала?», «Цмок», дальше по программе. Где-то «сбивочки» (может, от волнения?) и мёртвая тишина в каменном зале. «Звукач» старается. Наконец аудитория начинает реагировать. Я веду программу, подробно объясняя, что происходит на сцене.

Концерт закончен. Выходят представители белорусских «суполок», дарят картину, звучат слова благодарности. Потом вопросы и лица, уносящие удивление от прозвучавшей музыки. Мы их сегодня изрядно

удивили, это чувствовалось.

Тесное, шумное кафе — подвал сталинского дома. На стенах приклеены плоские камни, разрисованные чёрными человечками. Нас «доставал» местный фольклорный ансамбль разными вопросами. А так хотелось тишины, так хотелось обойтись без объяснений! Это всё напомнило мне участие «Дива» в разных праздниках, когда после концерта на застольях точно так же надоедал «выпендрёж». Но всё заканчивается.

Нас сопровождали к машине народной песней, пели хорошо и слаженно, старались. Нас «не брало». Мы знали, что впереди ещё 240 км дороги в тесноте и темноте.

Ночь вытряхивала из сундуков тысячи звёзд, мы резали фарами толщу темноты, пытались уснуть. Но концерт, люди, цветы, подарки, успех — всё это не давало уснуть. Каждый из нас всё ещё присутствовал на том действе, украшая песнями старинный замок, пространство вокруг — до самой границы!

9 октября.

Городок Имавере. Концерт в Музее молока. Интересное здание. Среди котлов, бочек и вообще непонятной аппаратуры установили инструменты, чтобы усилить гитары и обойтись без вокальных микрофонов. «Зал» набился битком — человек шестьдесят! Народ плотно сидел на лавках, как школьники, тихо. Рассматривал инструменты и «поглощал» голоса моих Предков. На «бис» мы вспомнили песню «Ой, пайду на рэчку». Хотят слушать подлинники. Похвально.

Хороший концерт, добрый зритель. Музыка «Троицы» сделала своё дело. Разошлись все удовлетворёнными.

Ужинали в большом деревянном, в два яруса, «сарае», где было уютно. Ковка, дерево, плетёные занавески и фотографии стариков… на дверях в туалетную комнату.

Фары искали дорогу, а мы мысленно посылали родным «отчёт» о хорошем, милом зрителе, о своих успехах, о новых планах на предполагаемые концерты в Финляндии, Норвегии.

10 октября.

5.30. Город Тарту. Поработал с архивом, гаданиями. Потом ринулся бродить по знакомым местам: гора, озеро, дубы. Осень. Фантастическое зрелище — вид на озеро с горы! И как только показалось солнце, мне явно послышались голоса. Я обернулся: здоровенный клён и дуб, кажется, переговаривались! Радовались первым лучам. Я дышал, обнимал дуб, думал о хорошем.

Любуюсь городом, где деревянные двух-трёхэтажные дома увиты зеленью, много дубов. Идёшь среди них, как жрец в дубовой роще. Мощь. Какие корни! Смотришь с завистью, думая о своих, таких не прочных родовых, фамильных…

Мечтаю о своём уголке, глядя на шикарные здания с деревянными колоннами, разноцветными крышами. А тут ещё осень-блудница акварелей подсыпала. И крыши от этого — как мухоморы в лесу. А фотоаппарат то, что видит глаз, не передаёт.

Из окон музыкального колледжа звучит волынка, ляпают барабаны. Идёт жизнь, которой лишён наш ВУЗ. Чья вина? Не знаю… Поэтому тут столько талантливых музыкантов, проектов, фестивалей! И что мы для них? Но чем-то берём! Дай, Боже, сил осчастливить их своими концертами.

11 октября.

8.50. Таллинн. Гостиница на берегу моря! Открыл окно: шумят волны, дремлют яхты.

Уже были в прямом эфире на радио. И что? Задают провокационные вопросы. Сколько таких групп в Беларуси? Есть ли концерты «Троицы» на Родине? Успеваем выкрутиться, уж больно не хочется говорить о политике и ситуации в РБ с этно-музыкой.

Вчера в Тарту было около ста человек — треть зала. Хороший концерт. Внимательный, интеллигентный зритель, добротный звук, хороший свет. Полтора часа пролетели незаметно.

Дорога в тумане среди звёзд. Мысли: всё ли получилось, почему тут звучало, а там нет? Как принимала публика? Поражает, как работают эстонцы! Они ещё больше, чем мы, анализируют всё по деталям: как сработала реклама, почему студенческий городок Пярну не собрал зал. Может нужно было ещё больше рекламы, сколько это всё будет стоить? Четыре эстонки (две из них за рулём) бегают, таскают наши инструменты, чемоданы, помогают. И при этом всё время благодарят нас за концерт!

Днём из шикарной гостиницы на берегу моря нас вытащила молодая дама из консульства. Что-то спрашивала, записывала (засланный казачок?), а нам так хотелось спать. В номера не попали, карточки уже не открывали двери. С трудом забрали вещи и поехали на обед, выстроив кучу планов на предмет посещения музыкальных магазинов. Но наши «великие» планы растеклись лужей масла под автобусиком! И мы попёрлись пешком к концерту.

Клуб. Хорошая театральная сцена, свет и акустика. Зрителей около ста двадцати человек. Так быстро пролетел концерт, что мы и не

заметили. Всё, как обычно: вначале тихий академический зритель под конец взрывается бурей эмоций.

В 0.30 мы уже заваривали чаи в номерах. Ещё были силы всё обсудить, взвесить, повосторгаться этими милыми эстонками. Мы им доверяем, они друг другу доверяют. И «команда» работает без «сбивочек», всё решается разумно, быстро, нет лишних, каждый что-то выполняет, знает своё место. Мы по-доброму завидовали их слаженной работе. Вот они вместе, но вот разошлись: кто пьёт кофе, кто читает газету, кто-то открыл «ноутбук» (завидно — их тут горы в кабинете лежат!). Одеты не броско, скромно, но чисто. Много маек и «шмоток» с фестивальной символикой.

Вчера выяснили, как мы попали в Эстонию. Оказывается, будучи на «Киношоке» в Анапе Юрий Павловский дал визитку эстонской журналистке, которая слышала наше выступление перед кинозвёздами. Кто бы мог тогда подумать, что нас пригласят? Что мы вот уже третий раз так успешно здесь будем выступать. Сожалеем, что Родина не «возжелала» нашего творчества так сильно, как эсты…

Эстонцы шутят: «Иван любит море и мороженое!» Да. Но эстонцы не разбрасываются деньгами: «Троице» — всё, что пожелает, а остальным поскромнее.

12 октября.

Сегодня концерт в Вильянди. Уникальное, красивейшее место! Посмотрим, как тут пройдёт концерт. Тут мы ещё ночуем и едем на пароме к острову. Говорят, место не хуже.

Работа потянулась к концу, и в памяти замелькали дела минские: университет, методички, родители (и к ним нужно подскочить). Думаю ещё заказать одну тёмную концертную рубашку и переделать коричневую кожаную шапку.

Сцена — и я должен выглядеть пристойно — этнично, «чистофольково»…

14.15. Солнце собирается нырнуть за разрушенный временем и людьми замок. Мы каждый в своих мыслях, желаниях, но вместе, рядом, мы стянуты одним жгутом под названием ТУР. Посмотрим, что ждёт нас сегодня. На полный зал (если даже Тарту и Таллинн не собрали полного зала) уже не рассчитываем.

23.00. Наши ожидания не оправдались. Пирит продала всего около сорока билетов, зрителей было сто десять человек. Отвратительный звук и свет. А в зале педагоги, студенты. Ответственно! Но зал, само помещение — только струнными «отпевать», а не с нашим «саундом» ваять!..

В общем, даже ужин не заглушил горечь «поражения». А завтра большой перелёт, паром и остров.

13 октября.

6.00. Мысли, мысли, мысли… О прошедших концертах, о зрителях, о звуке. Вот уж, поистине, человек сам создаёт себе проблемы! Играли бы бас, традиционные барабаны и клавиши — возможно, проблем было бы и меньше. А то лежит на сцене гора деревяшек, глины, «черпаков», и мы хотим из всего этого сделать приличный баланс. Да ещё в самых разных залах.

Жаль, но так хотелось тут, в Вильянди, выглядеть хорошо.

Да, мы сами придумали Эту Музыку — сами и мучаемся. Да, трудно сделать баланс между окариной, гитарами и барабанами, дудкой, мощным гитарным риффом и почти роковыми «барабасами». Но в этом слиянии и есть «кайф» стиля, музыки и самой «Троицы». Видимо, этим и «берёт» она зрителя, где бы он ни был.

14 октября.

Сегодня Пирит и «Маша-кошелёк» (бухгалтер) улетают в Грузию. Я должен попрощаться. А вчера?

Вчера мы долго катили по эстонским автобанам: сосны, солнце. Провалы в сон и вновь созерцание мелькающей природы.

Вскоре добрались до края моря. Вдалеке на камнях жменями лепились птицы, а в небе над нами проносились целые караваны — на юг. Хотелось их хоть как-то запечатлеть, но они явно не желали попадать в объектив.

Паром после голландского напоминал лодочку. И вот — остров. Места очень красивые. Чудо-городок Курессаре с деревянными, будто игрушечными зданиями. Обед в морском кабаке, и отель на берегу моря с сауной и бассейнами.

И конечно же, мы упали в бассейн! И джакузи, и вода на улице! Столько красоты! Столько удобства и комфорта.

Концерт в театре на двести-двести пятьдесят мест, а собралось окло восемьдесяти человек. Хороший звук, профессиональный свет, но мы уже напоминали шахтёров в забое. Мы устали играть одну программу. Зал принимал хорошо, но сами мы очень критичны к своему творчеству. Хоть знаменитый эстонский гитарист и сделал комплимент за концерт.

Ночь коротка и тревожна. Наши с Юрием Дмитриевым разговоры о «Троице», программе, инструментах, о том «тупике», который

близится в аранжировках. Об ошибках, которые так слышны на CD с концерта в Таллинне. Да, запись нужна и важна — всё слышно! Слушай и думай, думай и начинай действовать, если ты настоящий музыкант. Столько работы впереди! Хотя можно и не шевелиться, сошло бы и так. Но что-то внутри подсказывает: нужно тянуться к другому уровню. И этот тур показывает — нужно.

10.00. Вновь дорога, паром, море, сосны, чайки. И концерт (предпоследний) в Пярну.

22.30. Небольшой отель заглотил бродяг. За спиной перелёты через море, тряска по суше. За ужином в кафе — восторг артиста, слышавшего «Троицу». Говорил, что предки «эсты» тоже верили Солнцу, поклонялись воде, камням. И вот наконец — тихая «обитель»…

15 октября.

6.15. Интересный сон, который кто-то напрочь стёр из моей памяти, как только открыл глаза.

Где-то в подсознании вертелся актёр театра, который с восторгом и взахлёб нахваливал нас, крепко держа меня за руку. Оказывается, нас понимают. Возможно, молодёжь не знает ни слова, но многие понимают всё, чем я заполняю паузы.

Я веду концерты. А между исполнением песен иногда «плету» такое, от чего мы потом «угораем». Например: «Пётр первый ввёл срок 25 лет в советской армии» (поясняя текст солдатской песни). А что? В голове — какой инструмент схватить, а паузы заполнять надо. Между песнями такие молчанки — гробовая тишина! Я иногда не выдерживаю: «А что у нас так тихо?» Народ сидит заворожённо, будто боится спугнуть новую песню.

Странное чувство: вроде бы уже устали, хочется домой, но концертный тур со своим ритмом сделал своё дело. Стало грустно, что нужно уезжать, что всё это заканчивается. Как бы ни было тяжело, а мы получили «сладкую пилюлю» от своей публики, много сил выплеснули на разных сценах. И тот, кто видел и слышал нас, потащил по своим каменным норам запах дубравушки, кусок каравая, яблоко, семь рюмочек, осколочек солнышка — всего понемножку из нашего репертуара.

Городок Хаапсалу. Сегодня здесь последний, десятый по счёту концерт, а учитывая ТВ, радио плюс мастер-класс, — всего двенадцать выступлений в Эстонии. Плотно, хорошо, с хорошей организацией, с выполнением всего «райдера»! И мы всё больше анализируем, говорим о программах, инструментах, наших планах, покупаем инструмен-

ты и не дешёвые. Работа милая, дорогая. И тут не главное та «копейка», которая приходит, а весь тот комплекс, который умещается в одном слове — ТУР.

16 октября.

5.00. День отъезда. До 11.00 ещё можно в сауну, в бассейн для пенсионеров. Кстати! Пенсионеров тут полно, много из Финляндии. Они в парилке, они в бассейне, они в фойе, они ходят вокруг корпуса пешими тропами. Тут только белая зависть и боль за своих родителей…

Я шёл на банкет через лабиринт коридоров и думал: «Нужно говорить тише — старички отдыхают». Каково же было моё удивление, когда в ресторане я увидел занятые все столы и вальсирующих под музыку седых старикашек. Важно, величаво, с достоинством!

Хаапсалу, до свидания! До свидания, Эстония!

17 октября.

Родина, не злись за столь долгое отсутствие, мы же бродячие артисты, мы возили Твои песни. И многим они очень понравились.

Эстонцы нам сказали: «Это вам повезло, или вы всех «взяли», так как эстонцы почти не вызывают на «бис» и могут вообще уйти с концерта. А вас по три-четыре раза вызывали. Молодцы! Возможно, мы подготовим вам тур с эстонской группой по маршруту: Эстония — Финляндия»...

Мы сами горды, что нас пригласили, что нам организовали тур так профессионально и грамотно. Ни одной «сбивочки» у оргкомитета.

Уверен, что мы ещё долго будем анализировать, вспоминать всё до мелочей, прокручивая в памяти десятки эстонских городков и пейзажей. Кстати, вчера мне объяснили, почему так пустынны просторы. Нет коровок, как в Беларуси! Просто, их не выгодно держать, дёшево ценится молоко.

Много сгнивших, заброшенных, заколоченных досками хуторов. Есть места, где остались только горы валунов и старые сады. Но Эстония — красавица! И вчера на фоне тёмно-синего неба жёлтые листья, красная рябина радовали уставший глаз. Будто почуяв наш отъезд, Эстония вдруг разрыдалась дождём. Всё. Ветер маленькими вихрями закрутил калейдоскопы прилипших листьев. Мы засобирались в дорогу, хотя только завтра в 7.00 будем в Минске. Тур-молния, тур- испытание, тур-работа, тур-познание самих себя и осознание Беларуси здесь. Миссия выполнена. Нас ждёт паровозик в утренней росе и молочном (хоть

и не держат так много коровок) тумане. Мы ввалимся в купе со своим багажом и будем ждать новых встреч. И с Эстонией тоже…

17 октября.

Всё ещё «переваривается» отъезд домой. Кажется, было Чудо!

Въехали в Ригу в 18.00, а в 18.17 — поезд! Выехали заранее, но перед Ригой — ремонт дороги со светофорами (около пятнадцати штук) с паузами по пять минут! Все сидели, не выдавая своё волнение. Из «страшного»: поезд ходит через двое суток, а виза заканчивалась в этот же день! Юрий Дмитриев мчал на «бусе» под 130 км в час! Если бы тормознул полицай, можно было бы не спешить на вокзал…

Когда въехали на паркинг и высыпали все инструменты с личными вещами, получилась гора из двадцати наименований! А рук, включая двух эстонок, — десять. До отъезда оставалось три-четыре минуты. Мы бежали вместе с толпой грузчиков, которых как-то организовали эстонки. Проводница в белом держала красный флаг. Я лихо забрасывал в тамбур всё, что подавали. Завалили очумевшую от нашей скорости и наглости проводницу, грузчик держал красный флажок. Это — зрелище!..

Мы упали в купе, не веря, что такое может быть. Ни пограничники, ни сонный город Минск, ни Вася, встречавший нас на «бусе», не смогли вычеркнуть из памяти те дивные дорожные минуты, оказавшиеся такими сложными и важными в нашей жизни.

Дома тяжело привыкать к действительности…

Поступки щемят сердце. Парад зомби. Муравьи текут в метро. Серая река молчания. Выныривают Судьбы. Короли, королевы, пешки заполняют шахматные доски. Начинаются дневные баталии…
А я — кто? Где я? С кем?

А ГДЕ РОБИНЗОН?

2 ноября.

Метро под землёй... Когда-то мы все ляжем пластами времени, дел, памятью других о нас. Если заслужим...

Пришла идея молиться в метро, когда еду на работу. Где-то в таких же пластах далеко-далеко лежат Предки.

Тут, под землёй, я молюсь за родителей, бабушек и дедушек. В одной плоскости вагоны разносят мысли и слова благодарности им, Жившим.

Вот так когда-то и меня не будет, а будут ли молиться мои дети?

Нет, я не научил. Простите.

Веру не навяжёшь, это трепет Души перед Всевышним. Это разговор с Ним напрямую. И боязнь, и уважение в одном вздохе. Это не только разговор в Храме.

Слушать и слышать одновременно, тонко чувствовать, как поступить сейчас и потом.

Вера — искусство, которое постигли Предки и которое такое далёкое ещё для нас. Но оно сидит где-то внутри, в генной памяти. Я уже крещусь перед едой и после.

Я молюсь, как мама, папа, бабушка. Молюсь за сестёр, детей, за работу, за коллектив, который принёс мне эту известность. За творчество, которое мне дал (наивно думать, что это возможно просто самому) Господь, Космос или Мировой Разум. Не знаю кто Там, но благодарю!

Верю? Как мама? Нет. Но думаю, что уже понял значение Веры. Видимо, как крепкому вину или коньяку Вере нужно перебродить в Тебе, настояться, чтобы выплеснуться вовремя и покорить не присутствующих, а себя самого. Достиг! Верю! И не сомневаюсь.

Благодарю тебя, Господи! И голова сразу освобождается от плохих, назойливых мыслей. Ты в полёте, ты в молитве. Неважно, какими словами, главное — с Верой. Ведь о плохом думать грех.

Папа очень много молился бессонными ночами, утром, днём. Может, он ещё должен тут кого-то «отмолить». Кого? Себя? Нас? Предков?

Он ещё Здесь нужен. И слава Богу!

Родительский Мир — старая добрая планета, постепенно улетающая в Даль…

Верить сегодня модно. И молодые, красивые, модные спокойно, не стесняясь, крестятся, становятся на колени.

Моё зашуганное детство — преследование за Веру. Да, за Веру!

Мы прятались в дальние уголки Храма, постоянно оглядываясь: «Поймают комсомольцы или нет? И, как ни странно, эта боязнь, а может и какой-то стыд, что ты не такой, как все, пионер, остались во мне до сих пор. Детские страхи, неуверенность — всё это осталось во мне и сейчас.

А если вспомнить бедность семьи… Хотя об этом почти не думалось, ведь мама из ничего могла накормить нашу семейку. До обеда пробежать по лесам, набрать детишкам ягод и сходить во вторую смену на работу. Если вспомнить, то можно представить, что живёт внутри сейчас.

А что могу я сейчас сказать своим детям? Ни-че-го…

5 ноября.

Беларусь — Россия. Нам нужно смотаться в Москву — туда и обратно. Парень из группы «Пятница» (а где Робинзон?) презентует «сольник». Оказывается — наш поклонник, и мы должны сыграть минут сорок.

Удивительно тёплая осень позабыла про дожди и холода. Сухих листьев — хоть матрац набивай. Погода дарит блаженные минуты, но зима ждёт уже у входа во Врата Времени. И если погода продержится, нам будет спокойно и комфортно лететь к сердцу бывшего Союза.

Всегда столько вопросов, мелочей: думали брать «звукача», уговаривали, чтобы человек отпросился, заменился. А выяснилось, что там есть свой, который нас знает, слышал. Сергею дали отбой. А по звуку остались волнения. А если не получится? Возможно, сыграем программу 7 ноября в клубе «Апельсин» (новый, на полторы тысячи человек).

Интернет пестрит разными разборками и сплетнями. Жаль, там что-то «льётся» и про нас. Время такое: легче прикрыться кристаллическим экраном и полоснуть словом, как ножом. Слово убивает и лечит, ласкает и кромсает сердце! Как тяжело порой в нужный момент найти нужное слово! Интересно, сколько хороших слов мы говорим за жизнь? Плохих, понятно, больше. А сколько слов и каких мы скажем после концерта в «Апельсине» 7 ноября?..

6 ноября.

700 км и мы в холодной, сырой Москве. Сравнительно быстро нашли друга Жени Калмыкова. Он живет на четырнадцатом этаже двадцатидвухэтажного здания. Шикарная четырёхкомнатная квартира, добротная мебель и техника, видео, диски! Пригласили за стол — чай, разговоры.

Отходим от дороги и пытаемся немного поспать. Любуюсь квартирой, мебелью, фотографиями детей. Вот где душит «жаба», что у меня этого нет…

Мы в клубе. Молодые музыканты с интересом рассматривают «Троицу», саундчек вызывает у них восторг, у нас — грусть. Пожалели, что не взяли своего «звукача». Тут — конвейер из нескольких групп, значит, лучше не будет!

В гримёрке душно, поэтому болтаемся по клубу. Слушаем других. Многое похоже. Молодёжь. Местами интересны все. Женя Калмыков хотел, чтобы мы ещё поболтались по ночной Москве. Но дорога

отняла все силы, а концерт (то, ради чего мы летели, как голый по проспекту Ф. Скорины в баню) скоро.

Все прошло, как мы и думали. Суета, расставлялись в темноте, перед нами экран с каким-то фильмом. Во время выступления программу сократили. Явно мы гости не на своей «свадьбе». Народ ждал именинника. Вокруг лилось пиво и коньяк, красовались в гримёрках бананы, апельсины и сок. Мы отработали, получили тысячу комплиментов. Народ явно не ожидал. А мы, как всегда, недовольны звуком.

Сборы, прощания с московскими друзьями, которые подарили огромнейший букет! И вновь дорога.

Я, как гигантский «червь», пытающийся найти сон на полу автобуса. Дёргание автобуса на постах ГАИ, прокрутка концерта в памяти, лица, квартиры, в которой осталась частичка «Троицы». Мы резали автобусом, как бензопилой, плотный туманище, прокладывая дорогу домой.

Наземь крестом упал,
Будто полжизни проспал!
Будто всю жизнь прожёг.
В прорубь войти не смог.
Злит истуканов круг…
А Ты — не порочен, друг?..

Песня-росток в ком-то может и прорастёт? Летим сеять, зачем-то именно мы и именно туда. Воспринимаеся как работа, но явно — это что-то большее и что-то очень нужное. Нам, в первую очередь нам.

Мы припухли от тяжёлой музыки, а радиостанции сеяли «фуфло». Для зомби!

Мы в медитации дорог. Потому что уже через час, вглядываясь в толщу тумана, ты можешь увидеть всё, что захочешь. И фары встречных машин не испортят твоих «галлюцинаций», напротив, усилят их. То ты раздвигаешь космические облака, то ныряешь в молоко тумана... Но страх, дремлющий внутри, всё время рядом: «А вдруг авария с встречной?» Гонишь его от себя, уж больно хочется ещё попеть. А Цой? А Мулявин? Поют, только мы не слышим…

«Эх, дороги, пыль да туман», — вот где в строчку. До встречи Москва -ква-ква! Меня ждёт полынья.

Две Души с полыньи
Снегирями взлетают!
Кромку льда освятив,
В песнопениях тают…

Мы ещё раз преодолели 700 км и в 9.00 — в Минске. Инструменты важно встали в 101-ом кабинете пятого корпуса педагогического университета, накрывшись огромным букетом. Знай наших! Нас тоже достойно принимают! Не только Сергея Бабкина с его презентацией диска «Сын», ради чего и были мы приглашены в Первопристольную…

Через неделю едем в Польшу, и неизвестно, может наши мысли и планы утонут в белом снегу. Наша судьба — быть в этом странном состоянии «покорителей» Пространства и Времени…

ДА, МЫ НЕ ЗРЯ ЗДЕСЬ!

16 ноября.

Беларусь — Польша. Завтра мы покатим в третий раз в Польшу. Надеюсь, белорусско-польская «грызня» закончились?

Проводил московских гостей. Показал Жировицкий монастырь, озеро Свитязь, которое у гостей вызвало не просто восторг! «Здесь был НЛО или упал метеорит — озеро аномальное», — говорили они. Потом — ночной Мирской замок, Логойск, храм, разговоры о сильных местах, энергетике и т.д. Вот уж где можно написать роман!

Сейчас «Троица» собирается редко, но если садимся — обязательно «прёт» творчество: крутим старые песни, наполняем их какой-то прожитой музыкальной мудростью, «рожаем» новые, записываем их на демо-кассеты и потом, через два-три месяца, удивляемся: «Это наше? Когда?»

Вчера мы попытались проиграть всю программу на Варшаву. Но Юрий Дмитриев принёс «примочки», и мы их включали, пробовали. Конечно же «заревновал» процессор и «полетел»! И это перед Варшавой. А что? Новое всегда отвоёвывает себе пространство у старого, а старое даёт сбои в самые неподходящие моменты.

Этот год — калейдоскоп событий! Даже не верится, что Польша в третий раз, что за спиной Венгрия, московские концерты и мои семинары по «Масленице», «Купалью», «Богачу». С книгами-методичками, новыми дисками и DVD, в которых «купаешься». Захлёбываешься в материале и профессиональной музыке. Пока чужой.

На носу — покупка нового компьютера. Да, цифровой фотоаппарат уже работает на всю катушку (только из Эстонии семьсот фото!) Техника выручает, техника нужна: время такое. Да и архив пополняется.

У меня плотные лекции. Драма «Ирод» с пластикой и совершенно без декораций получается очень необычно! Завтра отъезжаем.

17 ноября.

20.00. Мы быстро загрузили автобус и полетели в ночь. Дорога ремнём хлестала пригорки и уползала всё дальше и дальше от моего вуза. Фары машины, как глаза ягуаров, сверкали и пропадали в белой массе снега. Лес в диковинных снежных одеяниях, полусонно разглядывал пролетавшие мимо авто. «Куда?» — казалось, кричали деревья…

18 ноября.

00.00. О, ужас! Сотни, сотни «авто»! На таможне очередь на сутки, а то и на двое! Давненько мы такого не видели. Пошли к пограничнику проситься. В такие моменты он смотрится как судья, как «бог». Он долго вертел польское приглашение, бурчал, что у него могут быть проверки, что нужно оформлять всё заранее и правильно. Я трясу бородой, что-то плету о концерте и т.д. Что его пробрало — то ли мой и Юрин скулёж или молитвы родителей — нас пропустили без очереди! Едем и ещё больше волнуемся, а вдруг вернут? Но Вася уверенно сказал: «Командировка!» — и мы прошли таможню. Чудо!

Сколько же дорог под нашими ногами уже было? Сколько нервов мы оставили на таможнях разных стран!..

5.00. Мы в Варшаве. Мокрый, сонный город в рекламных щитах. Ещё час дремлем в холодном «авто», ворочаемся на сиденьях, вспоминаем дом. Гремит рок-музыка, но, на удивление, как-то спиться. Все устали, хотя дорога в Варшаву была намного легче, чем в Москву. То ли сон, то ли провалы в памяти и пространстве. Звоним Игорю, и только через два часа нас привозят на «хату».

12.00. Отель «Под лясэм». Тут чисто, уютно, телевизор, номер на двоих, душ. Впереди нас ждут два концерта: «Беларуская вечарына» — минут на пятьдесят и сольник — на полтора часа.

19 ноября.

Анализируется вчерашний вечер. Из лабиринтов варшавских улочек мы с трудом вырулили в театральный дворик. Театр маленький, на семьдесят мест, но очень уютный. В фойе картины, манекены в старинной одежде. Готовятся столы, носятся «стяги», волнуемся — мы ведь

далеки от политики, тем более тут, с «бел-чырвоным». Мы с радостью тратим время на звук: ещё бы — нам играть. Поляк бегал, что-то менял, переносил — то мониторы, то микрофоны. Часа полтора ушло. И после столь милой работы мы двинулись в уютный ресторанчик, у входа которого громоздились огромные тыквы в зелёных ёлочках. Гирлянды тупо светились: «Скоро Рождество!» Как, скоро? Вкусная еда, свежий морковный сок, утка и т.д.

Замова от переедания.
Бог мой! Господь мой!
Я, раб Божий (имя) — грешный человек —
Прошу Тебя:
Убереги, Господи, от еды «нашествия»
До Твоего Второго Пришествия!
Аминь.

Игорь «мурлыкал» с четой Камоцких. А мы о своём. Ближе к концерту публика разогрелась вином, домашним хлебом, испечённым на листьях хрена. Поблёскивали картины на цветном стекле, тени гуляли по масляной поверхности пейзажей. Слащавый польский конферанс «лил» по-своему, народ вкушал, а в паузах «голосила» баба под баян. Когда зазвучала «Катюша» и «Подмосковные вечера», стало подташнивать. Ведь сегодня День белорусской культуры и музыки! Прости, Россия…

Благо, мы начали своё! Я запел балладу «Цмок», потом зазвучали «Русалки», «Дубравушка». Три-четыре песни — и масса в зале ожила. Спало первое оцепенение, и народ закачался. «Браво!» — это что, закончился концерт? Мы и не заметили, как пятьдесят минут ушли в вечность.

Восторг, слова благодарности, интерес к инструментам. Ведущий, несколько директоров театра явно испытали непонятный для нас «оргазм». Верю. Пожилые дамы хватали за руку, вглядывались в глаза: «Можешь». Что? Могу! Но не один — с товарищами! Петь! Да, мы не зря здесь…

Уезжали в хорошем настроении, а в зале прибивали флаг, готовилась Кася, показывали фильм, явно не о любви.

В гостинице я пытался уснуть после чая, а в голове, как в библиотеке, мелькали этапы моих польских поездок — таких разных и таких важных. От продажи кипятильника возле ратуши в 1989 году до сегодняшнего концерта в театре прошло шестнадцать лет. Каких-то шестнадцать… Значит, их нужно было пройти.

20 ноября.

Сумасшедший день — по значимости! Я был у могилы Чеслава Немена! Как-то сказал, что хотелось бы увидеть. И вот утром Игорь повёз нас на кладбище, мы купили свечи в огромных керамических тарелках и стали искать могилу. Среди старых могил и высоченных скульптур в «катакомбах» мы увидели его имя. Земля была устлана отплакавшими свечами. Мы умолкли у Тишины и Вечности, у Настоящего и Прошлого, у великого Музыканта — нашего земляка!..

Потом мы с Игорем бегали по магазинам, чтобы купить всего Немена — двенадцать дисков. Даже музыкальные магазины не смогли вернуть в действительность. Немен… Руки перекладывали диски, трогали коробки, глаза вглядывались в старое фото человека, который будоражил моё детство. И вот мы рядом, так близко и так далеко…

Концерт, зритель, хороший звук, диски, — всё блекло. Я видел Немена второй раз в жизни: до армии на концерте в Минске, и второй раз — здесь, на кладбище.

Выглянуло солнце. Будто он увидел нас и улыбнулся…

Вылетаем на трассу — домой! В дороге я не выдерживаю, включаю Немена. Народ притихает: «Это в 70-80-х годах?» Да! Немен — человек, проживший не одну музыкальную жизнь: от «попсы» до авангардных электронных симфоний.

17.00. Мы на границе. Волнуемся: «Как долго ждать?» Но судьба вновь радует нас — всего час, и мы несёмся без остановок по Беленькой Руси домой!

СКВОЗЬ СТУДИИ…

21 ноября.

Часами звучит Чеслав Немен. Я вслушиваюсь в те песни, электронные композиции, которых не слышал, вновь и вновь листаю журнал, выискивая по крупицам информацию о Нём. Непонятно, почему я попал на обложку «Джаз-квадрата» а не Он, ведь о Нём статья.

Гданьск — город, где он начинал. Мы были в этом году там! Ладно, Республика Польша, всё равно Беларусь гордиться этим самородком — непонятым, неоценённым при жизни своей Родиной. Сколько я всего услышал в Неменских электронных полотнах! Даже драма «Цар Ірад» (которую я ставлю со студентами) полностью ложиться на музыку из его «Катарсиса».

А мы приступаем к записи музыки к фильму «Тры талеры», сегодня уже смотрим видео. Нас ждёт сложная, но очень интересная работа!

Проблемы со студией: там дописывает свои «хиты» белорусская «зорка». И как нам вписаться в график Андрея, если он спит до обеда?

Хочется сделать приличный «продукт», чтобы не смеялись, а как? Планов и проектов много, но решение, как всегда, не за простыми смертными, а на Небесах, в огромных фолиантах, припорошенных звёздной пылью. Кто-то сдует, пролистает, если пришло время, поможет. Ангелы «Троицы» уже отправились по мраморной лестнице в густые облака. Выпрашивать по-мо-щи. Мощь для CD.

22 ноября.

«Беларусьфильм». «Тры талеры».Сценарий мы листали ещё летом, в дороге не то на Венгрию, не то на Польшу. Осень ушла на подготовку кучи бумаг, сборов подписей, встреч с телевизионщиками, режиссёром. В общем, нервов потратили вагон! И вот, вроде бы, всё подписано, должны выдать деньги на работу в студии, и — хочешь смейся, хочешь плачь: сдать музыку нужно к 1 декабря! Всего за восемь дней!

Сегодня садимся отсматривать видеоряд. И начинаем работу, хотя давно должны были закончить. Вот так работается в Беларуси с официальными лицами и государственными организациями. Простите, я вас никогда за это не любил. «Я не хочу ходить строем, хочу ходить один», — пел Гребень (Борис Гребенщиков).

23 ноября.

8.00. Опять прихватило горло, вот что значит вырезать гланды…

Вчера отсмотрели две серии фильма «Тры талеры». Сложно пока что-либо сказать. Детский фильм, приключения, а смотреть неинтересно. Какая-то дутая современность: умные, ушлые дети, кривые бандиты и выдуманные города. Опять все съёмки в Троицком предместье, опять та же девочка, что и в «Маленьких беглецах»: неужели в Беларуси других куколок нет? Тоскливо видеть плохо приклеенные усы. И вот сюда, в этот «проект века» нам надо что-то насочинять. Что ж, это работа, и мы начинаем с четверга, хотя я буду сильно загружен работой со студентами. Не разорвусь, где-то работа будет сделана хуже. Это — закон. Всё стеклось в одну реку с двумя берегами. То справа гора, слева низина, то наоборот. Вот так и плыву по своей реке с названием Судьбинка. Тут и студентов надо подтягивать к показам. «Куски» программ с музыкальными инструментами и режиссурой. Работа, за которую нужно держаться, так как масса людей ходит в поисках милого,

тихого местечка, а на бирже мест нет.

Нам нужно к каждой серии что-то написать. Кое-что предложил режиссёр. Но, вообще, это ювелирная работа — попасть в кадр с музыкой, с настроением и т.д. Не зря же хороших композиторов, которые пишут музыку к фильмам, так мало. Мы пытаемся войти в этот «коридор», пытаемся… Знаю, будем стараться, пыхтеть вместе над каждой минутой. Такова команда «Троицы».

29 ноября.

Через два дня мы должны сдать саундтрек к фильму. Но мы ещё не получили деньги на студию от ТВ. Обещают сегодня и задают кучу глупейших вопросов: «А вам что — наличные деньги нужны? А вы к 1 декабря успеете?» и т.д. Вот тебе и организация! Сначала выплатили «массовке», а потом вспомнили, что нужно и музыку как-то оплатить. Бред системы, в которой левая рука не знает, что делает правая.

А тут ещё Ксения Ситник (неожиданно!) взяла да и победила на Евровидении! Что тут началось! ТВ, газеты, программы «затаскали» десятилетнего ребёнка. А пафоса! И пошли речи: «Это программа президента, это комплексная программа для детей, это заслуги телевидения»… И что самое смешное — Министерства культуры… «Попсовых звёзд» загнали в эфир, приволокли в студию — давай, валяй-восхваляй. Да, победил ребёнок. Это — удача, но это и случай. Радость? Да.

Но победа бывает ниспослана только с Небес. Не за красоту, а за глубину! Труд, само собой, без него ничего не бывает. Или аванс. Много маленьких «звёздочек» так и остаются маленькими «звёздочками» со сломанной судьбой. Просто противно слушать по ТВ по поводу этой «мировой» победы. Хотя мне тоже, как музыканту и жителю этой земли, приятно, что мы показались на небосклоне европейского «олимпа». Но ведь во всём должна быть мера…

Я шёл на работу. Бабки продавали семечки. Одна: «Я уже эту малую па цыливизару… у-у-у, ай-яй-яй!» Да, «простым смертным» это вообще не понять: красный ковёр в аэропорту, ТВ, поздравление президента. Каждому своё. Бабке семечки малюсенькими стакашками продавать, чтобы кто-то мусорил в городе, где мы творим! Можно многое рассказать о том, как и что здесь в Беларуси происходит в эстраде, в моде, в искусстве, но лучше не «сотрясать» пространство и не «дразнить гусей»…

Музыка к фильму «Тры талеры» — сейчас для нас главная головная боль. Студия всё ещё занята проектом (ещё один блеф творческой пули). Я дал бы автору проекта «звезду» в Москве на конференции и не

создавал бы мыльных пузырей в концертном зале. Богат и так. Но кто меня будет слушать. Сейчас много таких «голосистых» проектов настрогали, столько, что не успеваешь отследить, кого куда протолкнули! Он — динозавр и старожил в эстраде. Заслужил.

Андрей Жуков — «уши» студии — занят до упора. Как сделать свой продукт? Сейчас всё больше вопросов у «Троицы». Но мы готовы работать даже ночью. Вопрос только в одном — когда?

30 ноября.

Вот он — старт! Только вчера получили от ТВ деньги на оплату студии, встретились у Андрея дома. Понять не могу, как он, человек без рук по локти, открывал все двери? И вот, дав треть гонорара, мы стартуем в ночь, то есть, можем работать с 20.00. Буквально через час — моё время спать. Но работа есть работа!

Много говорили, много вслушивались в другие фильмы, особенно зарубежные. Теперь о каком-то чуде нет смысла говорить, главное, хоть что-то успеть и побыстрее. Такова действительность. Фильмы (четыре серии) просмотрены, восторга от материала нет, а может мы тянемся к другому уровню? Но этот фильм — только вторая проба в кино. Нам Небеса дают то, что заслужили...

В этой суете просто некогда съездить к родителям. Лишь их молитвы ночными птицами прилетают в Минск на проспект Пушкина, где я живу…

1 декабря.

Как обидно, что вчера в студии всё сорвалось!..

Взял бутерброды, чай, лимон, повидло, тапочки. Настроился на работу в студии. И тут… У Жукова какие-то проблемы дома. Летят у всех планы! Расставили барабаны, час прождали, настроили инструменты. Перезвонили Жукову, с трудом перенесли всё на сегодня. К Андрею прибежал музыкант Фил из группы «Драм Экстази» тоже с какими-то проблемами по звуку. У них из компакт-диска пропало две песни. Вот тебе и лучшая студия…

Говорили о студиях, спрашивали, почему Фил не строит свою. Выяснилось, что сегодня это невыгодно. Выгодно прибежать, записать и быстро продавать написанное. Оборудование стоит немалых денег, скорее, очень больших. Посмотрев косо на него и в сторону дома Жукова, мы стали собираться домой. Одно только сделали — сбросили с винчестера музыку в компьютер Андрея.

Но остаётся напряжение ожидания: а как сегодня нам будет рабо-

таться? По договору нам сегодня сдавать музыку! В глазах утро и поклонники «дракона»…

Зима расползлась, как кобылица, упирается копытами в тощие лужи. Я с трудом встаю на прогулку, тянусь к влаге. А Чёрная дыра (прорубь) держит свои тайны и не очень-то хочет мне их открыть. Сколько ни силюсь что-нибудь получить в толще холоднющей воды, не получается! Сиди и не рыпайся, человек, всё уже решено и будет так, как написано в Небесной книге. Не дёргайся! Живи без ожиданий скорейшего осуществления своих планов. Всё было запланировано ещё до твоего рождения. Не веришь? Давай, сделай шаг в сторону -- наказание сразу! Да, тяжело осознавать, что всё до мелочей тебе уже написали. А так хочется быть значимым! Хоть в музыке!

Многое меняется в Мире, а нам кажется — всё по-прежнему…

Ежи-снежинки прошуршали,
Листву промёрзшую стоптав…
Мы всё святое разгуляли,
Душу антихристу продав.
Всосала грязный снег Земелька.
Развеян юности нектар.
Качает Время-колыбелька
Оставшихся мгновений Дар.
Свои детишки подрастают,
Судьба свою плетёт им сеть…
Законы Жизни все узнают —
Коль суждено до них дозреть.

2 декабря.

Ночь кошмара и бреда! Мы разошлись в разные концы города в 5.20! Если бы кто-то снял фильм о вчерашней записи, получилась бы комедия!

В 20.00 мы не начали — проспал помощник режиссёра Вадим. Барабаны строили четыре часа. Конечно же, нашли красивый тембр, но Андрей ушёл спать! Запись проводил Вадим до 24.00. Потом уехал. Мы сидели в комнате, вливали в себя зеленеющий чифирь, говорили о записи, о загруженности студии, о нас в этом проекте. И все сошлись в

едином мнении: даже если бы дали всем по пять тысяч у.е., то всё равно нет желания так работать!

Наконец разбудили Андрея. Он привычно сел за пульт, и мы продолжили работу. Стали прописывать четвёртую тему («Галя», «Калинка», «Ня ддай», «Бору»). Прослушали, успокоились — получилось.

Понятно, что в фильм войдёт намного больше записей, придётся использовать тот материал, который не вошёл в «Маленькие беглецы». И вместо вокала везде нужно прописать мелодии. Вопрос один — на чём? Это ещё нужно подобрать. Когда? Сегодня студия занята до упора: Стас прописывает кого-то ночью. Обещает завтра…

Мы вышли из студии, пропахшей потом Андрея, звуками «Ляписов…», Drum Ecstasy, «Троицы» и многих, многих других, таких же горемык, которые пытаются хоть что-то оставить после себя.

Дом встретил тишиной и грустью: «Ты где болтался? Комната битком набилась снами!» Я упал на милый старый диван, он обнял меня последними воспоминаниями с подтекстом: «Зачем тебе ещё и Это, старик? Отдыхал бы…» Тело растянулось до студии, я вновь и вновь наигрывал на гитаре «Ня ддай, ня ддай мяне, мамачка». Вот уж где в точку! А отдала она (Мама) меня с момента рождения — в сад, в школу, в армию, «замуж» и опять «замуж»... Да сколько же можно?

4 декабря.

С 4.00 не спится…

Тут всё: и молчание по семинару из Москвы, и какие-то болезни у родных, и снова «засада» в студии. Запись перенесена на 14.00, хотя окончательно работа в воскресенье не утрясена. Настроились на запись с утра, но вечером позвонил Фил, забрал Андрея, и я привычно огорчился. Ах, Жуков! Ах, студия! Когда вы нас будете радовать пунктуальностью и стабильностью?

Сегодня нужно прописывать гитары, домры. Так нужно продолжать, что важность музыки меркнет в сравнении с понятием «срок»…

5 декабря.

Вчера как-то вбились в студию с 17.00 до 21.30. Андрея не было, но успели прописать в четыре песни струнные инструменты. Чуток я помучался с «Калинкой» и с «Ня ддай». Вечно с темпом у меня проблемы. Юрий Дмитриев как-то быстро справился со своими партиями. К ночи появился Жуков с дамой («зорка»): «А чего это вы такие смурные?» Для нас у тебя не было времени? А для «массовой» культуры (Гюнеш, «Сябры», А. Гайдук) у тебя есть. У нас сроки, а они учат с

тобой английский, правят своё произношение… О, ведущие во тьме! Во тьму! Их фото и календарики (в знак благодарности) висели в рядок на стене студии.

Мы вышли на мороз с двояким чувством. У студии стоял «мерс». Я спросил у ребят (сам я в авто не разбираюсь): «Сколько такой стоит — тысяч сорок-пятьдесят?». «Сто», — сказал Юрий Дмитриев. Ребята — тысяч долларов! Зачем песни?

Следующий наш этап записи — духовые, а потом ещё домры, цитра и т.д. Ещё столько работы. А со студией, с режимом, графиком — завал. Ангелы, в помощь станьте!

Но мы не теряем надежду.

6 декабря.

Вот он вечер, хотя темнота приползла раньше. С 10.00 запись, но вновь перенесли на 12.00. После всех душевных травм я еле приволокся. Андрея не было! Но, учитывая «цейтнот», стали записывать с Вадимом, решив больше не связываться с лучшими, но непунктуальными «ушами» в Минске.

Домры записались быстро. А вот с дудками и окаринами пришлось помучиться. Простите, «Тры талеры», идём, как паровоз без рельс, по полю и бездорожью! Кстати, когда звучат все треки, включая голос, звучит очень интересно!

Калмыков Женя принёс хорошую новость: он дал послушать две песни из нашего нового проекта известному на Украине музыканту Олегу Скрипке («Вопли Видоплясова»). Тот потерял дар речи! Сказал, что это прорыв в музыке. Кажется, такое было после «Рун», когда по Москве ходили слухи о новой музыке в Беларуси.

Нас приглашают в Киев на «Купалье — 2006». Сразу стали думать о составе (клавиши, бас, барабаны и т.д.), набралось человек шесть-семь. Ну и кто нас такой «кодлой» пригласит, расселит, прокормит? И это один концерт, на который нужно отдать полгода заработка. Зачем? В дискуссии своя работа нарисовалась главной, и мы притихли. Ещё прописывать жалейки, бас, что-то убрать, а где-то добавить.

Студия! Эх, засесть бы мне недельки на две, поэкспериментировать с новой сольной программой, с хорошим «звукачом»! Чтобы от музыки веяло свежестью и чистотой! Может, такое когда-нибудь ещё случится в моей жизни, а пока — работа в студии «Селах»…

Мы близки к финалу, но главное — мастеринг и сведение — падает всё на те же «лучшие уши».

8 декабря.

Лёг в 1.00 ночи. День работы со студентами. Потом — бегом по слякоти на остановку. Потоки машин, вылетающая из-под колёс грязь, новые, неразношенные ботинки, отсутствие маршрутки...

Достало всё! Падаю в такси и млею от комфорта: тепло, уют и мирно щебечущий водитель. Мы летим на его «субмарине» сквозь эту мерзкую жижу в студию! Оба Юры уже ждут!

До меня был режиссёр (о ужас!) со «звукачом» с «Беларусьфильма», который обещал «долби-саунд», но так и не сделал этой красоты. Жаль, меня не было, говорят, он ещё чем-то был недоволен? Что-то им понравилось, что-то надо дописать. Но на финал фильма им нужна новая вещь в стиле «латинос».

Юрий Дмитриев прописал бас в «Калинку» и в «Ня ддай». Изрядно помучил себя и пальцы. Но «ходильник» нашёл красивый. Устроит ли он Андрея Жукова? Потом «ковыряли» тембры на клавишах. Заполнили пустоты, повеселели. Уже ближе к полночи я искал наигрыши на духовых, перебирая весь свой чемодан дудок, окарин. Забыл про бессонную ночь (откуда силы?), про студенческие «рок-оперы» и искал, искал. Вадим — «звукач» — взмолился спать, и я поплёлся по жиже снега и воды на остановку, чтобы упасть в какой-нибудь транспорт. Юры разлетелись на своих авто…

9 декабря.

В 10.00 мы снова сбежались в студии. У меня была напряжёнка со временем (работа со студентами), и я бросился сочинять партию дудки в «Раёк». Вот где вырисовывается вся ценность народной песни и чудо «Троицы»! Андрей в студии так и не появился. Да, не голландский продукт получается, когда мы дышали вместе, «рожая» «Журавы»...

Студенты не собрались, я озадачил их концертом 19 декабря и маленько отдохнул дома. Нужно готовиться к семинару в Москве, те же «Колядки» выучить самому, разобрать сценарий «калядавання», както настроиться на «Варажбу». Думал уже отказаться от всяких семинаров, но получил сообщение из Москвы: «Надо, Ваня». Ждут мою четвёртую методичку «Гадания славян». И нужно думать про новую работу, и нужно отработать с заочниками, и нужно как-то дописать новый альбом «Троицы», и нужно съездить к родителям. Нужно, нужно, нужно…

10 декабря.

Вчера чудом вынесли телевизор через вахту, укутав его в какие-то «транты», с его помощью нужно искать видео и звук синхронно. А что студия? Не может предоставить нормальные условия для работы музыкантов? Необходимого не имеет?

Приехали, а Андрей Жуков, как «сомнамбула»: двое суток его терзали «Сябры». Когда зашли в студию, они «ревели» из колонок. Простите, ребята, но нам тоже нужен Жуков. Деньги-то он взял (и, оказывается, не только у нас). Обещал хорошо поработать, но как-то сник и телом и «ушами». А тут фильм горит!

Жукова увезли спать. Позже его «домогались» на предмет работы еще и другие «зорки». Мы в шоке, стали искать другой вариант. Как не обидеть «великого», и можно ли «не великим» его работу выполнить? Бред! Студия берёт деньги, она же и должна наводить порядки. Сошлись в одном — надо искать варианты.

Пришёл режиссёр, стали прокручивать куски, урезать, добавлять. Где-то бандиты весёлые, где-то девочка грустная. Но во многие моменты, как ни странно, попали! Пришлось лишь дописать барабан французам (тут сгодился мой новый «комп»!), и ещё крики: «Е-хо, у-хо, у-й!» Все изрядно поржали. К ночи Юрий Павловский лежал на полу с компьютером, а Юрий Дмитриев виртуозно вкручивал аккорды на титры фильма.

Я возлегал на странном — без дна — диване. Тошнило от всего: от студии, в которой завис новый диск «Троицы», от сроков, к которыми явно не успеем с музыкой к фильму, от криков «Жыве Беларусь!», долетающих с концерта за окном. Оказывается, недалеко в церкви проходил концерт средневековой музыки. Тошнило от ТВ, Министерства культуры, которые 29 ноября дали деньги на студию, а «продукт» требовали к 1 декабря. Тошнило от самой обстановки в музыкальном мире Белой Руси! «Сябры» гонят «фанеру» на Москву, попса с дорогущими тачками, ТВ с музыкальными проектами, похожими, как уродцы-близнецы друг на друга. Где мы? Какой век?

Юрий Павловский драл замёрзшие стёкла машины, а я тупо смотрел на здание «Селах». Когда-то Стас показал мне студию, и я чуть-чуть помечтал что-нибудь здесь записать. И вот мы всё пишем и пишем, пишем и пишем. Может, не стоит мечтать, дабы потом так не страдать?

13 декабря.

Мы собрались в университете, так как наметился небольшой концертик с Филом в Доме дружбы. Висел огромный, как Вселенная, воп-

рос: что с музыкой к фильму? Юрий Дмитриев с трудом нашёл Андрея Жукова, который собирался спать, но обещал к 14 декабря предоставить «продукт». Несколько раз звонил «утомлённый» режиссёр фильма, но чем мы могли обрадовать парня? Сами ждём, да ещё как!

Сели «рыпнуть» программу, но что ни начнём — смех душит и тоска. Старая программа подошла к горлу. Все хотят делать новое, но так завязались со студией, с Андреем! Будто щупальцы оплели нас и не дают рвануться в сторону. А тут ещё позвонили с предложением выступить в клубе «Граффити».

Но у всех в голове одно — делать новую, солидную программу! Делать! А вот что получится с фильмом — одному Богу известно.

14 декабря.

Сегодня мы сдаём музыку к фильму, вернее, забираем её у Андрея Жукова. Позвонил Юрий Дмитриев и предложил мне не приходить, зная, что я не выдержу «наездов убогих». Я сказал, что буду тих, как крещенский лёд. Но через пару часов сдача музыки с 20.00 была перенесена на 22.00. А это время моего «улёта» в сон. Так что я даже не знаю, как будет происходить «сие таинство». Знаю только, что Юрий Павловский и Юрий Дмитриев будут выдержаны и предельно тактичны с Андреем. Что ж, и этому мне нужно учиться.

Каким будет Новый год, который мы с сестрой Машей и сыном Ваней планируем встречать с родителями? Рождество-то у меня в Москве, на семинаре...

15 декабря.

Целую ночь Юры разгребались с ворохами нот и инструментов. Под утро разошлись, оставив мне на вахте в студии диски. А сами поплелись спать. Я забрал диски, завёз на «Беларусьфильм». Лицо режиссёра было не просто испуганное. Каково было моё удивление, когда он через полчаса позвонил мне и с дрожью в голосе сообщил, что диски не открываются! Выяснилось, что это ошибка и Синявского, и Жукова Андрея: они не оговорили эти тонкости. То есть, теперь в 12.00 всё нужно делать по-новому? А уже звонили из бухгалтерии: «Когда сдадите музыку?» И добили: «И приложите все ноты!» К тому же нужно почистить акценты для фильма. В общем, думаю, не скоро мы согласимся ещё на такую работу. А конца с этой — увы! — не видно…

Мокрые зеркала — дыхание декабря. Шкура на шкуре — бег молодых и пушистых…Тощая «сэкондхэндовская» куртка, тесная обувь, молчаливая мобила, плавание в море книг…

Учусь жить. Всё ещё?..

16 декабря.

6.30. Мокрые, холодные, пронизывающие пространство за окном капли таящего снега в судорогах барабанят по моему железному подоконнику. А так хочется пушистого снега, мороза со скрипом под подошвами. Но пока то, что заслужили у Всевышнего. Льются, сыплются по ТВ «куриный грипп» и человеческие эпидемии, зло и ненависть, трупы и реки крови...

И ценники на жильё, и жульё рано или поздно могут привести к тому, что толпа под каким-то неземным влиянием будет бить, громить, крошить всё на своём пути, думая, что тем самым наказывает богатеньких Буратинок.

Да, время неспокойное…

Пусть говорит наша музыка, ведь в ней есть тоже нотки протеста против засилия «попсы». Попса льётся зловонной массой, выталкивая из радиостанций классику, джаз и фольклор. Мне кажется, это не засилие, а насилие! Потому что даже в маршрутных такси на всю мощь поют про «трусики». Я не против хорошего, эротического белья, вот только всё бы вовремя…

Сегодня у «Троицы» концерт в Доме дружбы. Пусть маленький, но концерт. Их тут, на Родине, катастрофически мало. А нам так нужно выступать! И ещё: очень необходимо отвлечься от «терзаний» по поводу студии…

18 декабря.

Сегодня целый день отсидели в студии на «Беларусьфильме» и за смену сделали только одну серию из четырёх.

Студия обнимала холодом и темнотой: вместе с теплом ещё экономили и свет. Раз за разом компьютер давал сбивки, и приходилось всё время перезагружаться. Возможно, дело в «ведьме» (так называлась песня)…

Но дело шло: что-то урезали, что-то подставляли, стараясь попасть в долю, ритм, новый сюжет, акцент. Завтра кто-то из «Троицы» должен опять помогать, так как к 24 декабря планируется сдать фильм. А вчера шёл фильм «Маленькие беглецы» по белорусскому телевидению. Даже не верится, что эта работа уже в истории «Троицы». Позабыты неудачи, и нервы куда-то растворились. И вот новая работа. Посмотрим, куда мы с этой музыкой двинемся. Всё в спешке…

Пульты по два-три метра в длину, горы какой-то аппаратуры, шнуры, джеки, розетки, огромный экран в темноте зала, похожего на ангар, и робкие аккорды нашей музыки, зависающие на экране. Новая, но интересная работа. Ещё один день в прошлом...

Тишина Рождества.
Трепет Души. Дрожь Свечи. Тени. Почему всегда это странное, непонятное чувство?
На луче Первой Звезды спускаются к праздничному столу Предки.
— Как живёте? В достатке ли? Как Пост? Не оторвались ли от Стеблей-Корней?
Хрусталь Рождества.
Бархат чёрной ночи. Как 2000 лет назад? Ожидание. Всего!
Родители. Дети. Внуки. Мечты и боль реальности.
Рождество приходит с Неба. Воскресение — Пасха — из Земли.
Человек — подобие Бога. Значит Воскресение — Новое Рождение?
Рождество. Рождение. Род.
Перерождение Себя. Ежегодно. Вновь. Всегда! Через трудности, болезни, потери, личные неудачи и боли — к Рождеству!
Бесконечно?
Пока не надоест Творцу…
Аминь.

30 декабря.

18.00. Последние денёчки старого года потекли мокрой грязью, впитали в себя проблемы, болезни, удачи и неудачи, которые, как в водовороте, вертели и крутили меня и моих близких. Их, близких, то приближало что-то ко мне, то отодвигало далеко за горизонт, и я на какое-то время забывал о них. Мои сыновья от двух браков, как далёкие айсберги в разных концах людского океана — холодные, могучие, независимые! И никак не могут встретиться. А живут в Минске. И я — как блуждающий остров между ними. Родитель называется…

К своим Родителям добираюсь, как на хромой лошади, так редко.

Работа, «Троица», водоворот мыслей и дел. И просто нежелание что-либо делать. Сутками! И такое бывает.

Зима растворилась, и грязная грусть тихонько, как солёная медуза, поползла в душу…

Душа, что ждёт нас в новом, 2006 году? Мой год. Год Огненной Собаки.

Дома, у маленькой, общипанной, жиденькой ёлкочки торжественно бродят старость Родителей и мудрость Предков. Смогли столько прожить, смогли нас воспитать, дать образование, помогают сейчас, как могут.

А я? А мы? Всё по-другому. Мы — будто бумажные снежинки на ёлке детства, будто игрушки из ваты, посыпанные мишурой, только запоминаем то, что проходит рядом. Вглядываемся в глубины колодцев-глаз Родителей, в их морщинки, скользим, как на санках, по белым прядям волос — в Прошлое и обратно. Пока мы рядом. Нам удивительно тепло и спокойно вместе.

31 декабря.

10.00. Мы рассыпаем поздравления по замёрзшим колеям последних дорог Старого года. Мы желаем, желаем и даже не знаем, что сбывается, а что зависает тёмными косматыми облаками на сером небе декабря. Где-то далеко-далеко в толще длинных декабрьских вечеров отпечатались следы Трёх Царей, что прошуршали своими дорогими одеждами. Где-то проскакал, бряцая копытами, чёрт. А где-то и Смертушка «мило» поглядывает по сторонам в поисках рождественской жертвы: «Ну что, пора?»

Звенят небесные бубенцы Коледы, и вливаются крики и поздравления современных Дедов Морозов. Всё смешалось! Всё стеклось в огромную декабрьскую реку со своими запахами, надеждами, мечтами, желаниями.

Новый год, как икона — смотрим с надеждой! Вглядываемся в чёрное небо, рисуем что-то в пространстве, в судьбах своей, родных и близких, оставляя за собой последние дни уходящего года. Спасибо за то, что было. Ибо всё течёт, меняется, и мы не знаем, куда нас поведёт Красная Собака. По тропам и «завуголлям» китайского календаря? Или славянские Боги погонят китайских зверушек со своей территории? Эй, батогами их по дорогам старинных славянских городов, утверждая наши древние традиции: Огня, Воды, Земли и Солнца.

Свеча на новогоднем праздничном столе — связь с тем, Небесным Огнём — веками греет нас, связывает хрупкие Души тут и сильные Холодные Кометы Там. Они, разрезая огненным хвостом чёрную толщу, ищут свою Небесную Пристань.

А где моя?..

Сколько всяких мыслей кружится, как вороньё над крышей? А Новый 2006 год уже потихоньку подбирается к Белой Руси, к городу со старинным замком, к улице, где галопом пробежало моё детство. Скоро полвека, а картинки детства стоят перед глазами и не собираются возвратиться в прошлое. Странно: такое ощущение, будто детство и не собиралось покидать повзрослевшую голову.

На пороге Собачьего года всем родным и близким — здоровья, сил, счастья, любви и благополучия!

А Земле — мирно и спокойно вертеться, без обид на нас, вредных, высокомерных людишек, претендующих на господство среди живых организмов. Восстанови Земля свой ритм! Создателю — благодарность за всё!

2006 ГОД
МЫСЛИ МОИ, МЫСЛИ…

* * *

После долгого перерыва я появился у родителей…

Ночь спал на маминой постели, и мысли, как невидимые ужи-обереги, обвили тело …

Мамина постель, в которой её мысли, её желания, её молитвы всё за тех же неблагодарных детей, приезжающих так редко. Как выглянувшее из-за горизонта зимнее солнце, эти горе-дети ласкают стариков. Трогают глазами морщинки у глаз, всматриваются в Своё будущее.

Мамина постель — шахта времени. Туда годами-пластами укладывалось всё и, конечно же, детишки с их проблемами. У каждого из них — свой путь. А тот ли? А туда ли шли, оставляя без должного внимания тот обрубок маминой пуповины, что до сих пор связывает и будет связывать грешное тело с Отчизной?

Мамина постель в бусинках-брильянтах горячих слёз за «детушек», что приезжают схватить «копеечку». И кто на что! Эти денежки — и на «бутылочку», и на сигареточку. А мама давала на хлебушек…

Днём говорил с папой. Он вспоминал своих Предков. Я записывал всё, чтобы хоть что-то осталось Идущим за нами.

Потом Алла с Машей принесли огромную ёлку. Как в детстве! И не хватило игрушек, ведь столько лет их просто никто не докупал. Я ещё в прошлом году хотел это сделать, но сбылась мечта только теперь. Нарядили с Машей ёлку и ахнули: красавица! Завтра, как сорок лет

назад, станем мы под ёлочку, чтобы, как тогда, в детстве, «запечатлиться» на Века!..

* * *

Студенты с восторгом смотрят на меня, на моих товарищей по коллективу. Эх, если бы они только знали, сколько раз и от чего мы отказывались! Здесь, в Беларуси. Даже от приличных гонораров. Мы знаем своё место. Особенно отказываемся, если речь идёт о политике.

Группы, выступившие в Минске на площади Бангалор — «Палац», Войтюшкевич, «Крыві» — запрещены! Они вычеркнуты из программ радио и телевидения. Что происходит? Где мы? Что за дебилизм? Неужели такой мощный пласт народной Мудрости, как фольклор, не может «вытолкнуть» из Белой (Чистой) Руси этот маразм? Ведь у многих в репертуаре нет ни слова о политике! Или «зайчик» кому-то что-то напоминает?

У нас и так нет ничего для продвижения таких групп. Нет фестивалей, нет клубов, теле- или радиопрограмм. Почему?

Фольклор — в подполье! В Боснии даже во время войны проходили рок-концерты…

* * *

В мамином колоске — три зёрнышка. Есть мелкие — внуки-внучата. Нам и им продолжать засевать поле.

Можно пройти, оставив после себя «пустозелье», колдобины, за которые добрым словом никто не вспомнит. Можно пробежать до последней межи за пару десятков лет. Состарившись в двадцать, или ожив в тридцать-сорок.

А можно идти спокойно, трудиться и в семьдесят, оставляя за собой Красоту и Память людскую. Поле Жизни… Как мы его засеем? Чем? Покажет Время.

* * *

На моих проводах в армию столы стояли в трёх комнатах: тётки, дядьки, братья, сёстры, знакомые! Человек сто двадцать! И вот стол на золотой свадьбе моих родителей — пятнадцать человек… Увы, многих уже нет, да и не те силы принимать, ухаживать за гостями.

Но вот что тронуло: только чуть пригубили гости — и зазвучала песня. На голоса! Сразу, будто бы репетиции в храме не прекращались. Жила Песня! Заканчивалась одна — взлетала другая. Польская, белорусская, украинская, русская…

Я вглядывался в лица маминых сестёр, вслушивался в их голоса. И чувствовал силу, мощь этих отголосков древнего песенного Рода, что продолжал звучать во мне, детях и тянул свои звуки-струны к внукам и правнукам.

«Мы не запоем так, как они», — сказал я сестре Алле. На что она ответила: «Будем слушать тебя». Что — я? Слышишь, какая сила всё ещё бурлит в нашей родне?

Мы, как скорые поезда, — летим, спешим, невзирая на погоду и время года. Как полустаночки, мелькают года…

Но есть одна станция — маленькая и такая желанная. Мы всегда останавливаемся там, хоть на минутку. Это — родной дом, это место, к которому мы спешим. Спешим зарядиться энергией и вновь лететь, гремя колёсами, выбрасывая в небо пар и дым будней. И всё дальше за спиной остаётся родное гнёздышко. Мы вылетели и летим, как механические заводные птички. Лишь бы чего-нибудь поклевать. А как родители? А сможем ли? Клювик-то не тот…

* * *

Есть те, кому комфортно жить на Земле. Их всё устраивает: семья, работа и т.д. А кому-то и в облаках тесно! Всё время маешься, страдаешь, мучаешься. Наверное, это я. Другие смотрят на тебя и удивляются: «Чего это он мучается? Зажрался!» А как им объяснить, что внутри?

Руками рвёшь назойливые мысли, думаешь — вылез из них. А утром, открыв глаза, сразу же натыкаешься на нерешённые проблемы. Толстыми канатами тянутся они из вчерашнего дня, из прошлого года, из десятилетий. Как отключиться?

Ведь верю — была тесная связь с Дедами, Прадедами, которые в трудную минуту могли помочь. Хоть советом, хоть примером из своей копилки мудрости. Утеряно многое, и жить от этого не легче. Решаем что-то сами. А правильно ли?

Папа, старость, болезни, ожидание встреч днями, месяцами… И занятость, безденежье, лень. Гости — порой за последнее, в долг. Зачем? Приличие? «Понты» нищего? Внимание и забота чужим?..

* * *

Утром пришла мысль: как всё с годами меняется! В 1982 году я бросился собирать музей. И мне казалось, что я выгребу все экспонаты из всех уголочков Беларуси. Азарт был сумасшедший! Потом в 1989 году, будучи директором Центра этнографии и фольклора «Каляндар», решал «вселенские» задачи и планы: Национальный парк, школы ремё-

сел. С покойным ныне художником Василием Тишковым мы рисовали деревни, улицы и дома мастеров. Мне хотелось «захватить» всё пространство Беларуси фольклором и музыкой.

Но всё это умерло, так и не родившись. Хотя поначалу занимались этим очень серьёзные люди. Как отголоски моих идей — зоопарк в Чижовке, паровозик в парке имени М. Горького. Потом — фонд «Сберегите наследие» и театр фольклора «Диво». Всё это далеко-далеко! И всё, всё, что я делал — для людей. Но люди и идеи тянули силы, здоровье, деньги. И самое главное, идеи так и оставались идеями…

С годами я стал отказываться от Славянских караванов. Вселенная стала сворачиваться. Я заглянул в себя и понял, что должен что-то сделать и для себя. Мои тренировки, мой творческий рост, моё развитие! У меня — свой мир. Из того огромного он свернулся в мой — маленький. Но он, оказывается, такой же огромный!

* * *

Отошли на задний план все глобальные задачи, проблемы, планы. Друзья. Зачем? Мне бы в себе разобраться…

Столько концертов, фестивалей за границей. И никакого внимания к моему творчеству дома. Никак не отмечен мой творческий путь за столько лет? Может, я не то делал? Один мой знакомый как-то сказал: «Тебе дадут звание позже». А я добавил: «Посмертно»…

В Сочи коллега из отдела культуры злился, что они в Беларуси давали по двадцать концертов в день! На выборах, в костюмах!

Я на выборах не выступал. Почему я должен поддерживать того, кого не знаю, кому не верю?

Что ж, Родина моя, значит, ещё не заслужил такого внимания дядя Ваня. Не там выступал просто…

* * *

Расту или вылезаю из кокона? Время покажет. То, что мне не сорок восемь — это точно! Лет двадцать. Я ещё не жил. И всё хорошее ещё впереди!

* * *

Кабинет напоминает вселенский переезд: горы инструментов, костюмы, обувь и много всякого лишнего. Давняя мечта — иметь свой театр фольклора. С костюмами, реквизитом, инструментами и т.д. Что-то сбывается, а до чего-то ещё топать и топать!

Театр — это толпа «сумасшедших», окутанных одной бредовой идеей. А где их искать? Студенты? Отпадает. Работа со студентами закончилась с «эпохой» «Дива». Этот путь пройден. Если уж тот вариант не сработал, то новый умрёт в зародыше!

Пока я своей работой в университете не очень доволен. Нестабильное посещение занятий студентами, слабый вокал (не та база, как в училище искусств), отсутствие актового зала, должного оборудования, слабые инструментовки (иногда только я один дую в дудку). И многое другое, что не позволяет подняться на другую ступеньку даже такому студенческому театру. Но, в общем, — всё это очень интересно! Для меня.

С моего первого показа в декабре 1983 года прошло всего ничего — «каких-то» двадцать три года! А я всё ещё ищу…

* * *

Мысли, мои мысли… Как свёрла! Где всё? Куда струятся эти потоки миллионов живых и неживых пульсаций? Где оседают? Кто растаскивает эти вязанки? Где? На Небесах? Или они сгорают, как ненужное, в мантии Земли? Что-то мы чувствуем, но так мало. И это — как комар на большом лугу, где за кочкой столько другой зелени и живности, до которых не долететь и за три жизни. Вот так и зудим, как тот комар, и незаметно приходит пора, когда всё замирает, умирает…

* * *

Может это и есть Рай — покой, тишина и блаженство? Когда ты никому ничего не должен, и тебе тоже, и спешить никуда уже не надо? Земная суета растворяется в тонкой корке льда, как пыль влезает в поры Земли.

И вот — всё. Мумия в новых одеждах, ногами вперёд, с куском хлеба (а вдруг там не дадут?) укладывается головой к кресту. И сон, и покой. Что вечно?

Ты что-то успел Здесь? Неважно, значит успеешь Там! В путь! По первым снежинкам! Вверх! Лезь! Цепляйся! Ты можешь. Теперь можешь! Там много интересного, на тех пушистых невидимых полях, если ты там ещё не был. Будешь. Ибо — все Туда. По Спирали Времени, виток за витком, как бы догоняя Родных…

Что происходит на старости лет с людьми? Где уважение, благодарность за совместную жизнь, заботу? Или она есть только когда серые крылья хлопают по «голодному» телу? И всё происходит не по твоей воле, не по твоим планам?

Вопросы, вопросы, вопросы… Их не стало меньше. Легче всего идти прямой дорогой, как все. Но мне неинтересно! Я люблю раздирать эти колючие кусты голыми руками! До крови! Тогда я чувствую Жизнь! А если ещё могу закричать на ошмётках обглоданных связок — кайф!

Где-то в далёком безоблачном детстве мечтал, рисовались такие радужные картины. А пришло время — размазанные, порванные, поломанные мольберты. Среди мазни, подаренной временем, — размытые лица тех, кто «полоснул» по твоей ранимой Душе словом, делом, телом… Погружаясь в живительный родник древних песнопений, — отхожу, омолаживаюсь Душой!

* * *

Чего кичиться национальностью? Не царь и не барон, чтобы в тебе кровь одна была! Чего только в нас не намешано! Если бы знал далёких Пращуров, то… и еврея, и цыгана обнял бы! Выделяясь, ты унижаешься! Ты даже не понимаешь, сколько от себя отрываешь, когда говоришь: «Да, я — русский! Православный!» Это — теперь. А лет семьсот, а три тысячи лет назад ты кто был?

У каждого человека есть Путь. Путь от Рождения до другого Рождения. Важно, что ты на этом пути возьмёшь с собой.

И там, в Другом Мире, тебя не встретят только поляки или негры. Там встретят тебя Люди, что жили на этой Земле и тоже шли Своим Путём.

Поэтому я считаю глупостью разделение людей на расы и религии. Человек — Космос! Он многолик и величественен! Чего его делить?

СКВОЗЬ СТУДИИ...

17 января.

Студия Андрея Жукова. Из-за очередной болезни Андрея запись перенесена на 19.00. А все вновь сорвались, перевезли инструменты. Такими темпами мы будем писать альбом два года. И наше возмущение понятно. Настроиться на запись и…

19 января.

С 13.00 мы в студии. Будем писать «колядку». Неспешно расставляются барабаны, а их немало. Всё прослушивается, каждый в отдельности. На отстройку барабанов уходит два с половиной часа. Но зато потом они звучат фантастически красиво. И тут низкий поклон всё тому же Андрею, на которого вчера злились. Барабаны пишем в три-четыре дубля. А потом уговариваем Юру Павловского прописать ещё одну

партию на бонгах (а ля Африка). Он «тяжёл» на добавочный эксперимент (после своей сложной партии по всем барабанам и «железу»), но под «давлением» Юрия Дмитриева и моей седой бороды крутит в руках инструмент и лупит по коже не хуже негра-барабанщика! А что? «Волд мьюзик», однако…

Приготовили к записи две песни: старую — «Ведьму» (купальскую), с которой уже несколько раз выступали, и новую «Ой, рано-рано» (колядку), которая родилась с покупкой новых инструментов. Пришлось ещё смотаться на мою работу в университет, где почти до потолка разложены инструменты, чтобы забрать «джамбу» и «дарабуку» — барабаны с другими тембрами.

Пока туда-назад, у Юрия Дмитриева уже гитара «булькает» тембрами позднего Чеслава Немена (из «Катарсиса»). Конечно же, пропала его красивая гитарная партия, но зато появилось Рождественское «варево» дивной ночи с её весёлыми «чертями» и ряжеными. Какие интересные образы возникают! Хоть «мультик» снимай.

Дальше — бас-гитара и «мясные», сочные, такие непривычные к звучанию «Троицы» гитары. Да, Юрий Дмитриев растёт не по дням, а по часам. Меняя гитары, импровизируя чуть ли ни на всех одновременно, возможно, копируя своих любимых мировых гитаристов, он вкидывает в запись необычно красивые партии, оставляя потомкам новую «Троицу».

К 23.00 мы успели записать барабаны, гитары, домру, духовые инструменты и вокал. Возможно, Андрей Жуков накрутит своих фирменных «фуфликсов». И «ретрограды» (это мы, по его словам) зазвучат современно, красиво.

Вот такой наш день в студии в Минске. А сегодня одному известному белорусскому «музыке» в Москве на Аллее Звёзд закладывали звезду. Уважение. Хотя бы за то, что человек столько продержался.

Краем глаза все в студии смотрели другой концерт — легендарного, больного, старого Оззи Озборна. И восторг у всех, кто сидел в студии, был невероятный! Звезда! И наша «зорка» — четвёртая от белорусов. Под «фонограмму»?..

Два мира, две звучащих музыкальных Галактики. К одной из них мы тянемся с таким трудом. Дотянемся ли?..

День в беготне. Свеча, молитвенник и бродяга сон, гуляющий где-то по морозному проспекту. Давай сюда! Завтра тоже сложный творческий день. Но сон не спешит…

День ко дню, звук к звуку, аккорд к аккорду…

21 января.

Вчера вновь перенесли запись! Сидели с Юрой Дмитриевым, смотрели и слушали Korn — тяжёлую музыку — и мечтали о новом диске, о новых аранжировках. Пришёл Андрей Жуков и, наконец, прорвало! К вечеру белорусскую «колядку» нельзя было узнать. Тут и варган, и домра, и гитары, и жалейки! И так мощно! Дудка не строила, пришлось наиграть «что-то» наподобие мелодии. А уж из «этого» Андрей «нарезал» в компьютере ноты и додумывал «мелодию», которая с согласия всех четырёх причудливо легла в партитуру.

Но ещё надо писать гонг (сделанный профессиональным музыкантом и скульптором из Голландии), большой барабан и вокал. Три дня на песню?..

22 января.

Морозы! На улице бежишь вприпрыжку. А в студии жарко. Вчера наслушались у меня «тяжелика», и это поползло в «колядку». Как результат — партитура утяжелилась! Ещё вчера перед студией я «взахлёб» слушал электронные полотна Чеслава Немена. И это поползло в «колядку»!

Часа два-три Андрей перебирал в памяти «компа» звуки, тембры, и это тоже хлынуло в партитуру. Было ощущение, что где-то рядом сидит Чеслав Немен в своей большой шляпе и кивает в такт каждому ритмическому рисунку.

Я опух, ожидая, когда же наконец начнём писать вокал. Пока укладывали электронные звуки, сверяли их с другими инструментами, темпами «пэдов», я потерял «нюх». Вышел к микрофону и расстроился. Других тоже заставил поволноваться. Дублей двадцать — в мусорку! Вроде и ритм слышу, и стараюсь, а нет «кайфа», нет настроения в песне, тембр испуганно-поганый. Кое-как всё же допел. И было уже 23.00. Андрей добавил своего «горлового» пения, чем повеселил «Троицу», и засобирался в баню. Мы заспешили домой.

«Колядка», кажется, ты родилась! Так свободно и вальяжно мы ещё не работали в студии никогда. Часами подбирать тембры инструментов, переигрывать сотни раз, тысячи раз прослушивать кусочки мелодий…

Андрей заговорил о концерте с этой музыкой, о шоу с атлетами, с шотландскими волынками, о больших гонорарах. Мы только переглянулись, такое тоже у нас уже было. Дай Бог выпустить и понемногу распространять среди тех, кому это будет интересно. Какое там шоу в Беларуси!

23 января.

16.45. Конечно же, опять «сбивочка»! Андрей после парилки лежит дома с больным сердцем. И наши дела, и запись — всё летит в топку той банной трубы, где вчера с него соскрёбывали усталость и болезни.

30 января.

Мы засели писать «Ведьму» (купальская песня)! Произведение сложное, а тут ещё решили на ходу поменять форму. Мало того, что в самой песни древний заговор против ведьм, так тут ещё решили ритмами и «балалайками» их погонять. Студия много раз срывалась перед этой песней: то отключался компьютер, то меня бросало в жар, а потом в холод, то вдруг охватывало состояние купальской ночи…

Молился, посылал друзьям в Москву «эсэмэски» — просил поддержки. Там тоже кинулись помогать с этой песней. Может, в студии никто ничего и не заметил, но… шла «борьба». Песня продвигалась с большим трудом. И как только «болванка» улеглась, то есть, форма стала готова к начинке инструментами — магия! Хочешь верь, хочешь не верь! Юрий Дмитриев сыпал тоннами гитарные риффы, подбирая и навешивая на свою основную, привычную партию что-то всё новое и новое. Где-то далеко звучали барабаны Юрия Павловского. «Ведьма» всё больше и больше походила на шествие современных вампиров. Вечером перед сном я всё ещё переваривал «купальский компот», ночью не спал, просыпался. А что? Что Коляда, что Купалье — разгул Сил! Борьба Сил!

Ведьма! Слёз не лей!
В лентах околей!
Сотни глаз — в Огонь…
Больше нас не тронь!
Сгинь и замолчи
В пламени свечи!

31 января.

Хорошо, что Андрей спал в студии — мы бегом туда! Всё ещё записывались разные гитары, «синтюки». Андрей искал и весело кивал лохматой головой: «Хорошо!» Правда, его пробило на еду, и он нас подкалывал: «Где сало, яйца, кофе?» В обед я сорвался в университет, быстро отрепетировал с третьим курсом экзамен и бегом назад, в студию. А там Юры уже смык прописали. Но партия не устроила саунд-

продюсера. Эх, продюсеры! Выяснилось, что CD «7» продаётся по $10 в разных магазинах. Неподъёмная цена для белорусов! И мы знаем, чьих рук это дело.

Так я и не дождался записи вокала. До ночи всё ещё добавляли: «жмуровый» барабан, вязанки колоколов. Кстати, Андрей, не зная фолка, очень грамотно вставил «железо», шумовые. И — прямо на ведьму!

Работу завершили к 24.00, записав железную косу.

Несмотря на «ведьмины» козни, всё получилось. Когда мы тебя услышим, альбомчик наш?

4 февраля.

Шикарное утро: мороз, снег. Долбил «девственную» прорубь…

Сегодня должны прописать вокал в «Ведьму». Зная «сбивочки» Андрея, гарантии, что это получится, никакой. Но всё равно нужно перевозить инструменты и садиться за новые песни для студии, для концертов в «Граффити» и в Москве («Золотая маска») .

С прошлого года мало репетируем новое.

Фильмы, которые дали немного денег, отняли золотое время, и свои программы у «Троицы» зависли. Зато купили какие-то инструменты, технику, которая очень нужна для работы. Может, в этом году хоть что-то сдвинем в новом музыкальном направлении.

С 14.00 мы должны стартануть! На улице шикарная морозная, солнечная погода!

5 февраля.

Вчера мистика с «Ведьмой» продолжалась. Резко (на полтона) уползла тональность всей песни вверх! Хорошо, что заметили сейчас, а не тогда, когда записали бы всю песню. Что только не делал Андрей! Потребовалось немало времени и звонков, чтобы найти нужную тональность, вернуть её обратно. Дальше — больше! Я пропел раз двадцать-тридцать сначала, не попадая то в настроение, то в такты, то в характер, то в манеру. Мысленно читал бабушкину «замову», начинал петь сначала, и опять было не то. Пришлось рассказать парням о «силах», которые не дают такой текст уложить в запись. Юрий Дмитриев шутил, просил позвонить в Москву, подключить московских экстрасенсов, целителей, чтобы помогли «камень сдвинуть с места». Я думал, справимся сами, но не тут то было…

Так и ушли мы со студии, не согласившись с записанным вокалом. Студия кипела народом — концерт какой-то звезды. Мы вышли на

мороз, и было грустно, и было непонятно, что за «силы» так мешают записать «Ведьму». В ушах звучала фраза сонного Андрея: «Голос Ивана Ивановича как-то влияет на меня». Да не голос! Тут что-то большее и не зависящее от нас. Был удивлён и его помощник Вадим: обычно я пишу вокал с первого дубля, а вчера было какое-то издевательство над связками. Хотя один из дублей, который, к сожалению, стёрли, был неплохой. Я чувствовал в нём купальский костёр, воду, запах трав. В какой-то момент чувства заполнили душу, и я чуть не прослезился! Но эмоции не очень нужны в студии, когда пишешь. Настроение — да, а так волнение сковывает горло. Дребезжишь, и нет той мощи и силы, которая идёт на обычных репетициях и концертах. Вот так бесславно закончилась запись вокала…

28 февраля.

Приглашён на «Рок коронацию»...

И тут же звонок: «Радио «Свобода». Как политика сочетается с музыкой? Что скажете о номинантах на «Евровидение?» И т.д. Чуть не выругался! Политика льётся из всех дырок, даже из крана с горячей водой! Тошнит! Сколько можно говорить, что «Троица» не касается политики! Хочу говорить о нашей музыке, о фестивалях в Европе, о разных музыкальных стилях, о дисках, которых у меня тысячи.

Что будет на «коронации»? Её тоже «отмели» в политическом калейдоскопе, как зловредную «бациллу», которая не радуется успехам Беларуси? Каким успехам?..

1 марта.

Вчера прошла «Рок коронация», на которой мне вручили «корону» (III приз на коронациии) и диплом в номинации «Традыцыя і сучаснасць».

По словам Вайтюшкевича, когда-то всё проходило намного солиднее, и он получал телевизор, холодильник, стиральную машину. В этом и была солидность?..

Сцена выглядело жалко, потому что по краям возвышались две бутафорские бутылки пива. Пустые. Как символ пустоты этого мероприятия, которое с годами стало ещё хуже и неинтереснее.

Зал заполнился. Приятно, что запустили поиграть молодых из всех областных городов. Такие разные команды. Понравился Брест, Гомель (блюз), и уж совсем «очумелые» из Новополоцка! Солист декламировал, кричал, бегал и валялся на сцене. Театрал. А что? Вот такие они! Дёргались и рвали на себе одежду. Удивляли столицу.

Дальше номинировали рок, блюз, фолк. И тут совсем непонятно: как в моей номинации стали выступать «Гуда», «Альтанка»? И я? А где «Этно-трио Троица»?

«Троица» — какая-то невидимка в Беларуси. Что, мы мало сделали в прошлом году? И музыка к фильмам, и альбом «7», записанный в Беларуси! Кто решает? Выяснилось, что здесь тоже плетутся интриги…

Я послушал ещё «Рок-князёўну» (Русю из группы «Индига») и поплёлся домой.

Какой-то особой радости не было, много непонятного во всём этом. Всё это было на каком-то «районном» уровне. Столицей не пахло. Выяснилось, что кто-то в зале кричал: «Голосуйте за Милинкевича!» Явно отрабатывал деньги. Услышав это, отказались выступать «J:Морс», а ведь ребята готовились к концерту. Просто всех уже «достала» политика, которая, как «птичий грипп», мутирует во всё, что только можно «замутировать».

Одно очевидно: Бог даёт всем по очереди. Всё течёт, и всё меняется. На смену одним идут другие. И не хуже, а может даже интереснее.

На концерте «За Беларусь» люди кричали: «За бацьку!» А в Германии, наверное, прошли концерты «За матку!» По рукам на коронации ходили подпольные диски «Песьнi Свабоды» из двадцати четырёх композиций. Что ж, народ пыхтит, хоть внутри…

Зал стонал, когда выступала «Крамбамбуля», когда шёл видеоряд с «Нейро дюбелями», когда голосили «Саша и Сирожа»… Сиротливо смотрелась «Гуда» и, вообще, фолк затёрли. А можно было все номинации представить очень ярко и достойно. Но — режиссура такова… Как наша действительность!

5 марта.

Мы вовсю обкатываем новые и ещё не записанные вещи. Вообще, мне было бы очень интересно послушать те первые вещи, аранжировки тех же «Песняров». Но как их найти? И наши многие песни, возможно, кому-нибудь тоже были бы интересны. Но уже никто не услышит наши первые полотна: «Валачобники», «Ой, маю», «Удоль па рэчачцы» и т.д. Эти песни здорово сделаны и очень мне дороги. Но продукт не устроил Юр.

Очень много времени ушло для переаранжировки песен, которые уже легли в новый альбом. Подбирали, подрезали, решали, как заменить тридцать треков на три живых музыканта, чтобы песня не проиграла и не потерялась в пустоте. Очень сложная работа…

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЭТНОМАРАФОН

29 марта.

Москва. Из Иркутска я упал в номер. За спиной — перелёт к Байкалу, концерты для белорусов и просто для любителей фольклора. Иркутск, Байкал — фантастичекое состояние души! И столько фраз влезло в голову, что родились какие- то строчечки.

Тот утёс — как шаман:
Трогал воздух руками,
И как ворон парил,
И как омуль нырял,
Проходил толщу льда
Нерпу дёргал игриво,
Ангару выпивал,
Нас в Байкал окунал.
Тот утёс — как шаман!..

В 21.00 в московскую гостиницу заселилась измученная дорогой «Троица». Все были счастливы! Ведь по ТВ падали самолёты… Но, слава Богу, я и взлетел и приземлился. Хотя Душа моя ещё явно там!

Стань ты бурой байкальской медведицей,
Как утёс.
Подними меня в горы дремучие —
В горы грёз.
Затащи меня в воды чистые —
В царство рыб.
Я распел твои тайны древние
В шатах лип.
Обними меня мхами-шубами,
Ворон-враг.
Усыпи меня сказкой бурятскою,
Ведьма-маг.
Стань Небесным огнём-защитою
От врагов!
Пригвозди ты их к скалам серым
Без оков!
Захлестни их водой байкальскою,

В бездну смой!
И всесильные, и бессильные —
Мы с тобой!

30 марта.

Фестиваль «Золотая маска». В дни фестиваля в Театральном Центре на Страстном — музыкальный этномарафон! Организаторы мероприятия подготовили девять концертов. Как написано в афишах, — «крупнейших представителей современной этномузыки». Список поражает! Джеффри Ориема (Уганда), Трибэнд (Германия), Тони Левин (США), Пат Мастелотто (США), «Капэлла зэ вси» (Польша), Нина Настасья (США), Гари Лукас (США).

Россию представляли «Ва-Та-Га», новый состав «Фарлендерс», Ольга Арефьева и Оркестр Неизвестных Инструментов.

Мы представляли Беларусь. Как написал Александр Чепарухин: «Из всех музыкантов, кто занимается именно аутентичной музыкой, я выделяю ансамбль Дмитрия Покровского, Сергея Старостина и «Троицу». Эта команда является своеобразным мостиком между современной молодежью и архаичной культурой. И делают это очень искренне и уверенно».

Да, такой фестиваль — фантастический микс современной и корневой культуры, различных эпох и стилей, где правит балом аутентичный фольклор, смешанный с джазом, роком, электроникой. Тут и тувинское горловое пение, и балканский пост-фолк, и белорусские «галашэнні». Позволить себе проводить такой фестиваль могут немногие. Москва может. И сюда спешат из стран СНГ артисты, музыканты, художники, да и бизнесмены. Мне уезжать из родного «гнёздышка» совершенно не хочется.

Места в моей минской «келье» немного, зато у меня комфортно и хорошо. Маленький, но свой Мир! А что даст Москва? Возможно, если бы мне было лет восемнадцать-двадцать, я с радостью ступил бы на землю древней славянской столицы. А теперь и калачом не заманишь. Поработать — да. Но к нам, бывшим «советским», осталось то же отношение. И ой, как надо потрудиться, чтобы белокаменная приняла как своего. За спиной много стран, где мы никогда не были «союзными». И к нам нормально относились, не свысока. Слушали и восторгались.

Москва — особый мир. Мир проспектов, казино и банков. Церквушки съёжились среди высоток. И Москва-река блестит мазутом и

пластиковыми бутылками. Не до фольклора…

Мы привычно начали концерт. Наигрыш на гуслях в «Русалках» прорезал толпу голосами нерождённых детей. Я видел, с каким интересом наблюдают за нами музыканты группы «Волга». А вот и «Канапелька» простой мелодией «зачадила» нотками в зале. И народ зашатался в такт Юриных барабанов. «Триптих» хватал тела и забрасывал в нашу музыкальную «машину». Народ то скользил по зимнему льду (в «Німа лёду»), то уступал дорогу разудалым «сватам» (в «Ехалі сватове»), то в «Чіжіке» помогал выносить на жертвенный костёр Купалку. Так через толщи лет и древние песнопения мы добрались до финальной песни «Яблынь». И тут произошло что-то непонятное! В конце песни я стал петь не своим голосом и в другой тональности. Будто кто-то крутил ручку приёмника или другой аппаратуры, и голос не подчинялся мне. Такое было впервые! Я не знал, как это объяснить. Мои московские друзья объяснили мне, что в зале сидел мощный колдун. И зачем мы ему, чего он припёрся на концерт? Как позже выяснилось, люди такого плана ходят только на этнические фестивали! Зарядиться! Вот так: век живи — век учись…

Мы резали колёсами ночь, а я сидел и думал о колдунах, о фольклоре, о силе Музыки и Слова. О моих дорогих Предках. «Как вы, родные мои, сражались с этой нечистью?»

Казино лили дорогой свет под колёса, памятники стояли призраками в полумраке столицы. Ответ из чёрного Пространства не приходил…

Три свечи — три огонёчка…
Через тысячи годочков
Предки ищут свояков,
Выйдя из своих оков
По святому полотну…
Много Их! Спешат к окну…
Кто-то рядом видит Их,
Узнаёт в ночи Своих.
Мы едой Их угощаем,
Хмель пивную наливаем —
В тишине помин вершим,
Лучше чтоб жилось живым.
Просим силы мы у них
И здоровья для родных.
Чтобы деток, нас и кров
Защищали от врагов.

Тает ночь, и тают свечки…
Добрый путь Вам, Человечки!
Посидели в тишине,
И спокойней стало мне.
Вы на тучки улетайте,
Долго нас там ожидайте.
И велик Господь наш Бог,
Что понять нам Вас помог.

НОВЫЙ «ПОЛЬСКИЙ» ЭТАП

25 апреля.

Польша. Я отмучался со студентами четвёртого курса. Отмучался, потому что не было аудитории, где можно было бы развести хоровод. Пришлось вынести занятия на улицу, благо, была погода. А ночью схватило горло, то ли от проруби в Переславле, то ли от ветров Ярославской губернии, где я недавно носился с фотоаппаратом, щёлкая величавые храмы и массивные монастыри.

Мы выехали в Польшу с Васей, на его автобусе. С волнением ждём, как встретит нас граница. Сколько неудобств придумывает себе человечество! Ты становишься в очередь с хорошими мыслями о посещении другой страны (может, я в ней когда-то жил), а тебя душат заполнением бланков, очередями. И денег за это просят.

Солнце радовало своими красками. Мы пытались упаковать его в «фото», а оно ныряло, убегало, оставляя в лужах своё отражение. Затем спряталось за чернеющим лесом. А вода всё ещё гладила и гладила влажными руками солнечные поцелуи. Всегда дорого внимание, всегда. Мысли мои гроздями зависают над ухоженными, красивыми, родными полями. Глаза радуются облакам, солнцу. Всё остальное кажется этаким налётом пыли в старой хате.

23.50. С помощью молитв границу прошли без проблем. Солидно, достойно, даже подарили два диска нашим пограничникам. Этого давно не было. Значит, в Беларуси перемены?

Ночная дорога в Варшаву. Летим в ночь, летим в гостиницу, чтобы завтра вновь испытывать судьбинушку с визой.

26 апреля.

Игорь «вёл» нас по городу по сотовому телефону, и мы, выполняя его команды, нарушали правила, благо, польские полицейские имеют хорошую зарплату и лежат в это время с тёплыми жёнами. В половине второго ввалились в знакомую гостиницу.

Опять заложило горло. Утром я вливаю лекарства на вырезанные по глупости в армии гланды и мечтаю выздороветь к концерту. Никогда не любил болеть, даже в детстве, когда пропускалась ненавистная школа и мама приносила больному сладости. Потение и валяние в постели было мне неприятно.

10.50. Мы в очереди. Посольство поражает своим авангардом, «наворотами»: бетон, мрамор, железные растения, ветви, стволы из крашеного, почти салатового металла. Вся эта «красота» напоминает голландскую колонию «2В», в которой начиналась «Троица».

В очереди русские, белорусы, два индуса. Кучи бланков, вопросов, наших ответов (ах, вы всё хотите знать!) Я сижу в сквере на поваленном дереве. «Троица» в очереди. Волнуемся.

Утренняя Варшава такая же, как Москва — с «пробками». Машины нервно дёргаются, пытаясь влезть напропалую в едва образовавшуюся пустоту! Газетчики приплясывают у обочин: «Купите новости!» И зелень прёт из земли так мощно и быстро, что на глазах зеленеет всё вокруг. Я молюсь за нас, за Варшаву, за её реки и, вообще, за всё хорошее, чтобы оно, хорошее, вернулось к нам.

27 апреля.

4.15. Я летал во сне! И так здорово — и в помещении, и на природе! И уже не в первый раз. Может, приду к такому? В другой жизни.

День провалялся в постели, то падая в пропасть сна, то взлетая с рваными лёгкими от кашля. Юрий Дмитриев ездил с Игорем в поисках «оружия». Новое и довольно-таки странное увлечение нашего гитариста-аранжировщика. Лучше «постреляем» в зрителя нотами! После ужина с перелётным гриппом (жареная курица) я вновь упал в сон, а «братва» потянулась воевать с поляками в биллиард. Вернулись с победой.

28 апреля.

17.45. День трудный, но счастливый — все живы. Прождали в Голландском посольстве больше часа! Гуляли у канала с утками. Я обнимал берёзу, пытаясь избавиться от болей в сердце. Жара. Купили две стойки под гитары и уехали отдохнуть. На перекрёстке зацепили польскую пани «у самаходи». Ждать полицию пришлось бы часа три,

заплатили бы штраф 200-300 злотых. А так ждали её мужа, и он «вытряхнул» из нас 400 злотых (100 евро). Позже я заглянул в ближайший костёл прочитать хоть одну молитву. У входа Христос с трудом нёс крест. Невольно подумалось о нас…

Но это ещё не финал дня. Ещё концерт и, по словам московских экстрасенсов, с 23.00 — трудный период. А до этого, что — был лёгкий?..

1.30. Да, трудности были впереди. Концерт проходил в подвале под названием «Склад бутэлек». Хуже всего, что за пульт села дама. И мониторов не было. Всего три микрофона!

В общем, мы только переглянулись, подготовка к концерту уже была не нужна. Гримёрка? Тоже напоминала больше место для бродяг, а не для музыкантов. Кое-как мы настроились на концерт и отыграли его достойно. Играли, не слышали друг друга. Народ веселился, прыгал сразу на второй темповой песне.

После концерта пили кофе и отбивались от надоедливого поляка, речь которого напоминала звуки автомата. Гремела музыка Г. Бреговича на польском, а нам хотелось тишины и покоя.

29 апреля.

7.00. Ночь толстым зайцем, которого мы вчера чуть не «раскатали» колёсами у гостиницы, проскакала в прошлое. На столе стоит начатая бутылка виски: так вчера снимали стресс с нашего родного «водилы».

10.15. Новый театр ждал нас. Интерьер был тот же, те же люди и обстановка. Стали расставляться. Я суетливо раскладывал горы дудок и окарин. Всё богатство явно не укладывалось на один столик, включая мой традиционный чемодан от цимбал на ножках, и пришлось доставлять другой. Мне пришлось на ходу переделывать программу, проверенную в Иркутске. Из двадцати пяти песен я оставил пятнадцать, отобрав только зрелищные и на динамических контрастах.

Наше выступление началось с фильма «Сонцам асвячуся». Потом внахлёст на титры вышел я с дудой. Голос был разным, я старался менять и настроение, и характер, и силу голоса. Но зал, заполненный, в основном, людьми пенсионного возраста, оставался непробиваемым. Работалось тяжело. Больное горло не выдавало тех тембров, которые я привык слышать.

Перерыв. Даю интервью польскому радио. Выясняется, что в зале брали интервью у поляков, и они ошеломлены концертом (что-то я не заметил). Они думали, что в Беларуси нет добротного фольклора.

Игорь рассказал, что белорусская художница по дороге в Германию предложила свою картину (без денег). Но поляки отказались. В

Германии девушку ждал успех. И тут поляки спохватились, предложили сто тысяч евро за выставку. Теперь уже отказалась девушка… Это нам знакомо, так как и «Троицу» в Беларуси не воспринимали до наших заграничных туров.

19.30. Юры пошли в бильярдную гонять шары. Дождь моросил вовсю, радуя зелень, нагоняя на меня сон и тоску по близким. Пора собирать чемоданы!

Часа три мы «колесили» в «шопингах» — огромных ангарах типа «2В». Разные товары, продукты громоздились до потолка, и люди не несли всё в сумочках, а катили чуть ли не вагонами! Пока живёшь, всё надо. А всё ли?

Где-то в глубине души понимаешь, что нужно очень мало. Но мода, устои и так, дурь «шопинговая», таскают тебя по километровым этажам. И ты роешься в этих горах, что-то загребаешь себе, домой, близким. И счастлив тот, кто не знает этой заразы и живёт другими интересами.

Утром я и Юрий Дмитриев вылезли из «кельи», пропитанной музыкой, чаями, мыслями. Решили побродить по окрестностям. Каково же было наше удивление, когда на краю леса мы увидели огромные, мощные дубы, которые будто охраняли странные курганы. На них повыкручивало по три-четыре деревца. И они стояли мёртвые. Место явно веяло необычной силой, и древние стволы с переплетённой корой подтверждали это. Почти рядом с отелем было непознанное чудо. Чудо Природы, которое всегда рядом, нужно только внимательно посмотреть, куда тебя, браток, занесло.

Этот тур отмечен не только стоянием у посольства и аварией, но и многократным просмотром мультяшек. Вот где посмеялись! Выучили несколько оригинальных фраз главных героев. Упакованы техникой и аппаратурой. Здорово, как настоящие музыканты. Вот только бы ещё хорошими, добротными инструментами упаковаться.

1 мая.

Село Буды. Утро в Беловежской пуще! Те дубы, с которыми я фотографировался в Варшаве — семечки. Мы в настоящей пуще! Концерт проходил на «фазенде». Какая-то семья взяла в аренду поле, поставила музей, коптит колбасу и… проводит концерты! Народу собралось под семьдесят человек — туристы и отдыхающие в домиках. Звук привезли, но без мониторов. Кое-как отстроились и начали…

Народ сидел, как заворожённый. Они явно этого не ожидали. Привычно отработали свою программу, добавив «А па морачку».

День завершился баней, где рекой разливалось пиво, даже на камни, и народ пускался в политические дискуссии. Досталось и белорусским политикам, и польским. Много похожего, много юмора и много «ушлости» с одной и с другой стороны в совместном «сосуществовании» политиков и простого народа.

Из приятного для меня: завёл разговор о музее, возможно, пристрою его в Польше. Вроде бы парни неплохие.

15.00. Летим по родным бугорочкам. Много времени потеряли на границе: вдруг поляки потребовали отчёт о том, где мы были целую неделю, что делали? А наш погранец даже в сумки залез: сколько спиртного, а что в ящиках, покажите гусли? Но и это уже осталось за спиной, как и этот тур по польской земельке.

Кладбища полны посетителей. Видимо, весной мы должны похлопать ладошкой по могилкам Предков, напомнить, что не забыли их.

Летим! В памяти лица, люди, их вопросы, наши ответы. Мы стали выступать в тех местах, где отбарабанили представители «Нейро Дюбеля» и Камоцкой. Кстати, её концерт 2 мая будет проходить там же, где только что выступала «Троица».

Наверное, здесь и народ, и земля подустали от «попсы», и вот Небеса пригнали «Троицу». И песни прозвучали, и землю наполнили, и в души слушателей, возможно, достучались. Всё не зря, надеемся. Как волны морские, докатываем мы до далёких берегов, касаемся их звуками, ищем почву свою и вновь откатываем. Творить, искать, думать, сравнивать, обсуждать то, что мы создаём.

Мы откатываем вновь в Минск на три дня, чтобы затем переползти границу в Беловежу. И вновь мы будем стоять на границе, лететь по польским дорогам, расселяться в разных гостиницах, расставляться на деревянных подиумах, ругая звукачей, которые приезжают на концерт без мониторов, как хирурги без скальпеля.

И радовать публику тем, что умеем, в чём уверены. С Богом, с Ангелами!

Байкалом напился,
Валаамом крестился.
Но в сердце — озеро Свитязь…
Спаси нас, Белая Русь —
Наш Белый Витязь!

От тибетских гор до Иерусалима
Ведут нас тропой незримой:
Ламы, маги, старцы, йоги,
Духи, Стихии, Боги,
Камни святые, ручьи живые,
Дубов кроны, птиц звоны,
Тропы зверей…
И помощь добрых людей!

Байкалом напился,
Валаамом крестился,
Но в сердце — озеро Свитязь…
Спаси нас, Белая Русь —
Наш Белый Витязь.

5 мая.

Минск. Вчерашний день поверг меня в ужас новостью: летом, в июле, мы, педагоги, должны забыть про святое — отпуск! Должны сидеть в приёмной комиссии, считать с родителями средний бал их «отпрысков». И две недели нужно отдать в июне для тестирования. Бред! Бред! Бред! Идиотизм! И этот маразм по всей стране? Бедная моя Родина!..

Целый день я переносил лекции (в связи с поездками), зачёты и экзамены. Даже поработал со вторым курсом, хотя у них экзамен в июне. Но и здесь накладка — на те же дни поездка в Польшу, в Люблин.

В грот вошёл с молитвой…
И Старик-Святой
Озарил улыбкой
Лик суровый свой.
Я повёл со Старцем
Робкий разговор:
— Почему так плохо?
До каких же пор?
Мне в ответ — молчанье,
Холод тысяч лет…
Что ж — не всем Святой
Может дать ответ…

И вот мы опять в «родном» автобусе и готовы лететь в Беловежскую пущу. Пугать «рыкающих» зубров и полосатых кабанчиков своими «троицкими» звучаниями.

Мы все в паутине звуков, пульсирующего времени и просто каких-то непонятных для нас энергий. И что-то тянет и вытягивает из Пространства нужное только сейчас и здесь. Нам этого никогда не понять и не объяснить, ибо мы всё равно живём и дышим в другом измерении.

Вглядываюсь в свежую зелень и думаю, что каждый листочек, каждая травинка, как и «Троица», входят в Пространство, раздвигая землю и воздух. Вырастая и утверждаясь среди собратьев...

Много говорим о состоянии музыки (фолк, волд) в родимой сторонушке.

В Минске многие знают о наших выступлениях в Польше. «Забралі кавалачак хлеба»? Не знаю, но то, что у нас новый «польский» этап в творческой жизни — это точно. Годовые визы. Замелькали выступления. Хочется петь, играть, хочется ездить. И желания четырёх (включая водителя Васю) несут в себе огромную силу!

Мы летим и грузим Пространство музыкой, а может приземляемся сами, оставляя полёты-мечтания для жаворонков. Летим, вспоминая больных родителей, дачи, на которых ждут наших рук. А руки едут перебирать струны для белоруско-польских или польско-белорусских жителей Беловежи.

Музыка — это наше непаханое поле! И нам, и детям нашим, и внукам — копать и копать. А пока что-то вырастет да принесёт плоды — пройдёт не один годик. Значит, мы — пахари. Если что-то плохо вскопал — по спине! По лицу! От Судьбы, от этнического Эгрегора. А как же? Не заносись, не возвышайся. Только работай!

21.00. Наших пограничников кое-как прошли. Всё напоминало «мёртвое царство», парни двигались вяло — им явно не хотелось трудиться. Кто-то носил мешки со спиртным: местный пограничный переход жил своей «контрабандной» жизнью, невзирая на все «нельзя».

А на польской стороне нас узнал таможенник с чёрной бородкой, шутил, вальяжничал. Но нас вновь чуть не вернули назад, хоть оставался один километр до «поляндии». Позвонили Басе и Миреку. И вот, наконец, под звуки лёгкой музыки мы прорвали очередную полосу «нельзя».

В Черемхе нас ждал сюрприз: мы увидели, как живут простые музыканты из польской деревни. Двухъярусный дом украшал камин с белой трубой. На второй ярус вела дубовая лестница. Душ, джакузи и сауна! Хоромы радовали и веселили всех. Мы все о таком мечтали и

продолжаем мечтать. Вместе с хозяевами слушали наш новый CD. Было видно, что диск поразил их так же, как нас их дом.

А потом мы неслись по пуще к нашим друзьям в Белой Веже. В автобусе была общая тишина. Каждый примерял увиденное к себе…

6 мая.

6.30. На усадьбе дымилось большое кострище, у которого нас ждал подуставший от майского воздуха наш польский друг Игорь.

Заселили в ухоженный домик, в комнате по две кровати. Впереди встреча с пущей, концерт и, как всегда, много впечатлений. Такая природа не может не впечатлить.

Крики журавлей тонут в многовековой пуще, дивным многоголосным эхом сплетаются с голосами других птиц. Это они так пишут свою звуковую партитуру. Они тоже музыканты! Подумалось: если птицы — наши предки, то вот он, Рай — тут, в Пуще! И мы побывали в райских уголочках, и как они, оставили свои звуковые партитуры. Звуки наших песен мягко улеглись не только в души слушателей, но и зависли гирляндами на вековых дубах, смолянистой хвое и просто растворились в молодых, зелёных, сочных травах. Вечером с Юрой младшим говорили об энергиях, энергетике. Если одна травинка по весне рвёт асфальт или ломает бетон, то какая же сила во всей этой зелёной массе, которая устремилась к солнцу и так возбудила птиц?!

Сегодня праздник св. Георгия — Юрья. А у нас в «Троице» их два. Так что сегодня будет трио из трёх: один небесный и два земных. Значит, и концерт должен пройти неплохо.

14.40. Беловежа. Мы в гостинице или, если быть точнее, в доме престарелых. Но условия и интерьеры не хуже пятизвёздночной гостиницы. Ковры, шкуры животных, рога, черепа оленей и уют. Тишина, а за окном Беловежская пуща.

Пуща — непостижимое понятие для городского жителя! Мы немного погуляли по ней, были в питомнике для зубров. Не надышаться, не насмотреться! Пуща сама себя спасает от пожаров. Их тут не бывает! Дубы по триста-четыреста лет. Как такое понять? И не только дубы — сосны, липы — огромные, мощные, сильные. И тёплые, если прижаться к ним щекой. Действительно — чудо природы!

Парк, где в 1990 году я выступал с «Дивом», тот же. Но железнодорожная станция и рельсы, где проходил праздник «Ноч на Яна», заросли травой. Шестнадцать лет отделяют меня от той знаменитой поездки, когда брали с собой телевизионщика, а он был без камеры и чарочку любил больше работы. Поляна, на которой я увидел четырнадцать

мощных, много поживших дубов, поразила силой и временем. Они все уже отжили свои сотни лет, но всё так же мощно торчали из земли. Когда я зашёл в их круг, поднялся ветер, солнце спряталось за облака. И я почувствовал на себе их (дубов) взгляды. Они продолжали жить и влиять на всё через столетия! Пуща!

7 мая.

5.30. Я на балконе третьего этажа. Чай и утренние концерты милых пташечек, которые волнами доносятся из пущи. Свежесть, радость, тишина, чистота и благодать в Душе. Будто они поют именно в Душе!

На концерт в парк мы приехали вовремя. Выступали на открытой площадке Беловежы, где всегда проходят концерты и праздники. Лавочки к вечеру уже складывались, и народу было около ста человек, учитывая сидящих в кафе. Саундчек прошёл быстро, мы так и не услышали наши барабаны, а мониторы были выпущены «в день рождения моей бабушки». Из них классно шипело и шкварчело. Публика была разная: дети, волонтёры, старики и молодые пары. В ожидании новой музыки переговаривались и переглядывались, показывая глазами на сцену.

Мы начали, и я мысленно пробивался в их души с их же песнями. Я вспомнил! В 1990 году там, впереди, стояли три огромных лохматых столба. Как языческие идолы! За ними садилось солнце. На площади выстраивались фольклорные коллективы, несли венки со свечами, и все пели «Купалинку». И шли на восток. Не понимая, что происходит, все сдерживали дыхание! Таинство ночи, красок, запахов подняло с глубин древней памяти далёкое прошлое…

Сегодня солнце снова садиться там же, но нет идолов, а напротив этого места на сцене сидит «Троица». И заливает площадь звуками, такими близкими древнему Духу Пущи.

Понравились три седых старичка-зрителя, которые кивали и хлопали в такт. Выяснилось: иностранцы, из Голландии.

А вообще, зритель сидел тихо и настороженно. Да, такое звучало здесь впервые. Сразу после нашего выступления включили свою привычную «умца-умца» под клавиши и побежали танцевать. Как бы показывая: «А вот наше, любимое». Но, родимые, песня уже вошла в ваши позвоночники, вкрутилась в остатки генетического кода ваших Прадедов! И сегодня, а возможно, и в другие дни, вы будете думать, вспоминать не нас, а свои Корни, которые вот так бездумно обрезали этим «умца-умца».

Из приятного: Игорь оказался очень грамотным человеком, всё делает профессионально, с толком и расстановкой. После концерта в Беловеже у нас появилось два новых приглашения. А что ещё надо?

ЙЕТИ.

Мокрая осень кричала холодными, густыми туманами. От этого дороги, которые тянулись далеко-далеко за горизонт, казались серыми, зябкими, длинными змеями. Йети возвращался домой. За спиной лохматого, нежного зверя болтались тяжёлые мешки увиденного и собранного в Белой Веже. Пуща радовала Йети каждую минуту! Услышав крики зверей в непроходимых чащах между дубов-великанов, он отвечал! Кричал как настоящий человек-зверь. От этого грудь Йети наполнялась Силой и Мощью. Мощью этой Великой Зелёной территории, где каждую секунду что-то умирало и рождалось что-то новое. В этом коловороте зелёной и почти не видимой магической пыльцы стоял такой волшебный запах! Он пронизывал тело приятными мягкими иголками. Йети носился среди могучих сосен, выворачивал с корнем покрытые зелёным панцирем старые берёзы. Пуща дрожала от такого напора чувств и эмоций, которые странно умещались именно в этом теле! У огромного дуба-великана Йети притих и стал разглядывать на коре письмена. Он находил знаки, символы, даже слова, складывал буквы, выстраивал предложения и находил в них только ему понятный смысл. Символы рисовали картинки далёкого детства. Он видел красивый хутор на берегу бурной реки, какие-то горы, густые леса. видел себя рядом с маленькой и очень дорогой ему девочкой. Они купались в реке, собирали ягоды и мазали друг друга фиолетовой черникой. Чертили тайные иероглифы густым соком, потом слизывали их, смеялись над ритуалами, придуманными на ходу. Бегали по жёлтым листьям. Валялись в пухе новогоднего снега. Они были счастливы! Там, в том далёком детстве. А сегодня Йети всё ещё стоял у дуба, читал тайные послания и ждал. Ждал встречи. Встречи со своим детством. А кто его не ждет? Даже если между маленьким мальчиком и лохматым Йети — сто лет…

ЙЕТИ И ЗВЕЗДА.

Холодная струйка ледяного воздуха обвила ноги Йети и стала сжимать свои кольца, подобно толстой змее. Йети приот-

крыл глаза и увидел, как далеко уполз сон, как внезапно наступило утро, и куда-то в сети Прошлого улетела хвостатая Фея. «Ночь подобна падающей звезде,— подумал Йети. — Пока летит звезда, столько всего происходит! А она, Звезда, пока летит, столько видит нового!» Перелёт! Куда? Никто не знает... Перелёт — всегда тайна и магия. Так и ночь — она всегда тайна, всегда магия. Даже если спишь. Ты мёртв, для всех ты недвижим. Такое ватное тело, так небрежно разбросаны волосы, будто нырял в водопад...

Но Дух! Этот проказник, этот путешественник! Сколько всего он посетит, увидит, пролетая, подобно сгоревшей Звезде! «Где он?» — возмущался Йети. А Дух, как непослушный ребёнок, неторопливо скользил по земле, ещё только у капища. Он смаковал увиденное в ночи, он помнил тело горячей Звезды, он лежал клубочком на её волшебной груди.

Йети выглянул в морозное окошко. Зима хороводила с только что рождёнными снежинками. Будто звёзды с Небес, опускались они к окошку Йети. Йети зажёг свечи, задымил в лесной келье смолой сосны, и ему стало спокойно. Губы зашептали привычные слова благодарности Богам и Силам. За всё, что уже было в жизни снежного великана. Внезапно мокрый, окоченелый Дух с шумом опустился на колени у молитвенного стола и тоже присоединился к молитвам. Йети улыбнулся, косо глянув на четырнадцатилетнего мальчишку в пене, и вновь пристально уставился на Огонь. «Огонь Батюшка — Славы Государь», — шептал он в морозное утро. И Дух вторил ему. «Родная моя Звёздочка, лети, пришел твой черёд срываться с насиженного места и лететь, лететь сквозь пургу, метель, колючий снег!» — Подобно небесной Звезде, в чёрную ночь улетали мысли Йети. За новыми ощущениями, новыми делами, ритуалами, тайнами, магией и мистикой! Йети закончил молитвы, Дух привычно спрятался за пазуху и сразу же уснул. Дымил травами напой, и мысли — добрые, красивые — расползлись по келье.

ЙЕТИ И ТАЙНЫ.

Йети приоткрыл глаза. Таинство ночи продолжалось. На постели сидела большая и очень тёплая женщина. Она мягко, как мама в далёком детстве, гладила Йети по ногам. Будто шептала: «Поспи, сынок, ещё будут у тебя бессонные ночи». Она ласкала так нежно и проникновенно, что Йети вновь впал в водоворот ночных снов... Он вновь гонял Жрицу Ночи по

замысловатым коридорам Света и запахов Луны. Потом они купались в бирюзовых озёрах, взбирались на причудливые, зелёные, мохнатые горы и оттуда мысленно летели в Долину Обрядов. Там хороводили, кланялись Огню, пили горячий мёд с травами и ласкались, ласкались, проваливаясь друг в друга… Он очнулся ото сна. А кто сидит на постели? Жрица Ночи? Йети вздрогнул: «Что же это за женщина?» И его древняя мудрость быстро раскусила: это Матушка Лень! Вокруг своей постели Йети увидел её воинство: толстых, обрюзгших, мордастых человечков! Сотни! Они расселись на постели в надежде увязать его в свои путы. Но он со злостью рванул одеяло — и всё рассыпалось в прах! Исчезла и тёплая женщина.
Йети зажёг свечу, и губы привычно зашептали утренние заговорные слова. За Всё и Всех. Огоньки свечей весело прыгали в такт текстов, радовались новому, свежему утру. Слова-скалы, слова-огненные круги наполняли келью, растягивались по старым буреломам и уходили мощными, будто волшебными кругами далеко-далеко в древние славянские земли. Тёмное утро и скрипящий под босыми ногами снег будто отрезвлял от странного утреннего видения. Йети шёл, уверенно напевая священные слова. И Небеса сыпали и сыпали ему силу и мощь.
Йети пришёл к Проруби и опустился в чёрное Пространство Воды. Он будто вошёл в Другой Мир! Он увидел в толще воды своих Пращуров. Они улыбались и что-то говорили ему. А он видел, как шевелились их губы. И вдруг понял: они благословляли его на Новый Путь! Пришло Время!
Йети опомнился только в келье. Что это? Сон? Видения? Или реальность? Пузырьки в деревянной чашке душистого чая напомнили ему о Предках в тёмной толще воды... Губы привычно зашептали молитвы Предкам. Слава Предкам! Слава Богам! В Путь!

СКВОЗЬ СТУДИИ…

21 мая.

Мы вновь планируем садиться в студию, хотя надоело даже думать о дозаписи альбома. Мы просто предчувствуем, сколько нервов потянет студия, и сколько раз сорвётся назначенный день, перенесётся назначенное время. А его у меня нет! Заочники, экзамены, зачёты, встречи, подготовка к двум концертам в Польше и семинар в Москве.

Но, изредка прослушивая записанное, понимаем, что продукт неплохой, и его как-то надо уже «выдавать на гора».

На днях зондировали песню «Жар-Жар!» к записи, и сразу попёрла «творчасць», поплыли новые партии, и «Троица» опять ожила после стольких потерянных репетиций. Мы вновь готовы в студию, а она? Она явно перегружена всякой обрыдлой «попсятиной», которую тоже, кстати, за очень большие деньги, прописывает шикарный, но такой безответственный звукорежиссёр.

22 мая.

Опять «ржали» от того, что «родили» новый клип-мультик на песню «Жар, жар!» Столько информации и столько юмора со зверьками и людьми в этой шуточной свадебной песне! Юрий Дмитриев уже тряхнул студию, и со среды мы снова можем погрузиться в запись. В общем, получается какая-то сказочка с весёленькими «сватами», которые отправляются за «девками» и попадают в смешные истории. Это будет одиннадцатая песня «Німа лёду, німа пераходу». Это — полотнище, от которого сводит зубы! Ещё нигде оно не понималось сразу. Шок и задумчивые лица от начала до конца! Вот с него и планируем начать. Если на студии всё будет «па-чэснаму».

25 мая.

Вчера пришли в студию с новой песней «Триптих», в которую вошли три разных песни: «Німа лёду», «Ехалі сватове» и «Ходзіць чыжык». Мы их как-то увязали на один «стержень». Жаль, нет времени часто собираться.

Андрей снова засыпал нас музыкальными новинками, странной музыкой. Но всё звучало здорово, свежо, ново. Правда, порой это совсем не было похоже на музыку. Но и оно живёт, имеет место быть в огромном Мире Звуков.

Шоком был сайт одной очень «знаменитой» белорусской певички. Порно фото! Она стояла в прозрачной юбке, широко расставив ноги. В «нутро» светил прожектор. Вторая фотография была похожа на первую, поменялась лишь поза: девочка застыла в изготовке на шпагат. Что не села? Тот же прожектор приятно грел её между ног. Боже, что будут думать о всех белорусах?

А «тэвэшники»? Они что — с дуба рухнули? И что, кроме «Евровидения» в мире больше ничего нет? В других странах даже в маленьких городках проходят международные фестивали! Люди, как мы ог-

раничены! Загнаны в какие-то «совхозные» рамки. И радуемся (основная масса), что где-то «пукнули»…

Андрей Жуков «добивал» нас разными весёлыми записями белорусской «попсы». Тут не просто мимо нот, но и руки мимо инструмента! Мы смеялись, а в душе каждый переживал: когда же в республике «сдвинется лёд»?

И наш продукт, в связи с отсутствием у «Троицы» денег, продюсера, раскруток, сродни российским и европейским — тоже выглядит «замёрзшим». Мы устали, перегорели, но как-то нужно дописать альбом. А что с ним будет дальше? И ещё дописывать, сводить, мастерить, как минимум, до Нового года!

С 15.00 до 21.00 записали барабаны. «Триптих» очень сложен в ритмах. Я не знаю, как вступать, — чудо! Пришлось много потрудиться Юрию Павловскому, так как новую партию на дарабуке пришлось подбирать на ходу.

Много слушаем в студии «тяжёлых» групп: их саунд, аранжировки, находки поражают. Мы меркнем на их фоне. Не дотянуться — так здорово, так мощно! Благодаря своим многочасовым прослушиваниям разной музыки и работе с Андреем Жуковым появилось определённое отношение к звуку, который величаво укладывается на диск, чтобы будоражить слушателей и радовать нас. И «фантиков» вокруг нас прибавляется. Юрий Дмитриев бегает к В. Мелуну — гитарному мастеру, который «вынимает» шикарные звуки и тембры из выключенной гитары и выглядит «сумасшедшим профессором».

27 мая.

Целый день искали «козырные» тембры в гитарах. Здесь Юрий Дмитриев даже подустал заметно. Андрей сто раз, не меньше, бегал крутить ручки. Как он находит нужный тембр, остаётся загадкой. Это не просто сходить в «святую святых», а открыть и закрыть двое дверей! Ему-то!.. Помощников как-то не видно. Не все выдерживают и пожелания Андрея, и тот ритм, в котором может работать этот уникальный человек. Найдёт нужный ему тембр и хитро улыбается, посматривая на нас. Одобряем, качаем головами: гремит и жужжит на все голоса старинная белорусская песня, раздвигая обычные песенные рамки, цепляясь за образцы «волд мьюзик».

Мы творим. Не обходится без шуток и прибауток, благо, такого добра у нас хватает. За время записи из академической серии «Беларуская народная творчасць» я перебрал «жарты, гумарэскі». Возможно,

появится добрая «сказочка» в «Жар, жар!». Это будет последней песней в «многострадальный» альбом нашего нового эксперимента. Результат и рецензии на него придётся ждать ещё дольше. Но, понимая это, мы всё равно благодарны судьбе за возможность так творчески работать, причём бесплатно. Второй год. На выходные «Троица» разлетается «кто куда». Пока в «Триптих» прописаны лишь барабаны и несколько гитар.

28 мая.

Вчера Юры работали в студии без меня. По словам Юрия Дмитриева весь день искали тембр гитары. Я отсутствовал по уважительной причине — был в Турове. Поражён! Каменные кресты почти в рост человека! Когда-то, судя по легенде, приплыли по реке. Против течения! Двенадцать человек не могли их поднять, а они спокойно плыли по реке. Теперь они стоят в церкви, и к ним нескончаемым потоком идут люди: трогают, целуют, молятся.

А вообще, Туров — второй город, который принял Христианство. Давным-давно тут было множество монастырей и храмов. И ещё одно чудо Турова — крест, что растёт из земли на месте Борисоглебского монастыря по пять сантиметров в год. Автобусы паломников. Так что извиняйте, Юры, я тоже был в их числе.

30 мая.

Праздник Святой Троицы. И грусть. Вспомнилось, что на концерте в Краснодаре в белорусском блоке выступали кубанцы — все Заслуженные работники культуры Беларуси? Как выяснилось, за предвыборную концертную деятельность, за Чернобыль. Я, конечно, не стоял у реактора, просто пел и гастролировал. Хотя, в 1996 году пел у реактора в Берлине — была там такая акция в честь десятилетия Чернобыля…

4 июня.

В холостую пролетели такие хорошие для работы в студии дни, свободные от лекций, зачётов и экзаменов. Всё по вине студийных работников — перепутали график. А с понедельника появляются заочники. В связи с концертами «Троицы» в Польше очень плотное расписание! И когда мы «дострогаем» «Триптих»? Впереди очень трудная неделя. Дай, Бог, силы и удачи! Появились книги по энергетике, целительству. Очень захватывает работа в этом направлении.

7 июня.

Вчера бросил заочников, пообещав материал на диске. Когда я разберусь с методикой работы с фольклорным ансамблем?

После утреннего холода привалила жара, и было жаль Землю-матушку. Потому что её людишки необдуманно носятся со своими мелкими проблемками с криками: «О, беда!» А она — Земля — давно от этого больна: в Польше наводнение, в Италии — снег, у нас в Беларуси — непонятки…

На студии в кресле привычно восседал саунд-продюсер, везде валялись инструменты, микрофоны (правда, в кейсах), одеяло (видно, Андрей снова спал в студии). Да, была группа, так они за два дня записали пятнадцать песен! А мы мучаемся с альбомом полтора года. И, судя по экспериментам, которые происходят в студии, — до финала далеко.

Мне включили гитарные «рапсодии» Юрия Дмитриева. Да, мелодия утонула или затерялась в звуковой красоте? Трудно разобрать. Но работа проделана огромная. Стали прописывать «жмуровый» барабан. Юрий Павловский стал молотить резиновыми палками по свинячей коже, и вибрация пошла по всем чакрам. Вот где массаж внутренних органов и мозгов! Пока придумали партию, весь организм отвибрировал…

Потом стали думать, куда она и зачем. Я предложил прописать электронные барабаны, но Юры навалились на меня: «Это эксперимент, тут днями ищется звук!..» Хорошо, я только хотел ускорить процесс записи. Дальше мы стали в тупичок. А тут ещё пришёл Фил со своими шутками. И масса других людей выстроилась к «телу» Мастера Звука, и нам пришлось свернуться. Зато, когда все ушли, мы «молотили» в барабаны, звенели в тамбурины и, кажется, нашли, что прописать сегодня. Эксперимент, однако...

8 июня.

Эх, если бы слышал «народ», как прописал Юрий Дмитриев саз (турецкий струнный инструмент, который подарили в Голландии) на «метал»! Будто «металисты» на концерт чукчу пригласили, и он сидит себе и наяривает, невзирая на чуждый ему аккомпанемент. Но устал Андрей. Отправляем его вздремнуть, а сами продолжаем экспериментировать. Когда ещё так «повыделываемся» бесплатно, где час записи стоит $25. Потом опять зовём Андрея. Полусонный, он устало кивает лохматой головой, даёт добро и вновь убегает на диван. За что себя так человек терзает? За звуки, которыми потом можно гордиться! И в записях его ничего не скрипит, не жужжит, не бурбулит, как на студии бело-

русского телевидения. Да, воистину, дни в студии с Андреем — великое счастье для музыканта!

А в памяти рука вновь заводит Патефон. Скрипит Игла-привычка…

…Черной грустью, с трещинками, царапинками, как рваный мокрый асфальт, лежала Она. Я легко тронул её рукой. Тело крутнулось в привычном для Неё ритме. Скрипуха Игла коснулась Её тела. Вдруг Она затрещала, забурчала, как старушка. Звук — гвоздь по стеклу. Юбкообразный рупор затрубил надоевшее. Не те «мура(?)-ши» заспешили по хребту. Вновь нытьё Прошлого?! Моё отвращение толкалось со звуками. Неожиданно Она стала подпрыгивать и заикаться. Дурь, не музыка! Не жизнь! Вонючая ржавчина слов! Оборот за оборотом, день за днём, год за годом. Лишь мелькание цветных конвертов. Знакомая до отвращения моя коллекция грампластинок...

Мы сидели в полумрачной кафешке «Селаха» и говорили о диске, о звуках, мы словно сошли с ума! О другом — ни-ни? А где-то в углу, опустив головы, сидела группа молодёжи. Один, явно «гуру», что-то твердил вполголоса. Подумалось — тоже свой «фольклор». Только он «парит» их сразу, а мы — когда выйдет желанный диск.

9 июня.

Шёл на студию с тяжестью на сердце: то ли после заочников, то ли от того, что насмотрелся и наслушался красивой музыки — «Легенда Грузии». В голове вертелся вопрос: «А где подобное белорусское?» И студия добила раненое сердце — она была полна чужаков. Андрей явно хотел избавиться от нас и сесть за новые «бренчалки» эстрадников.

За стеклом студии величаво, по-шамански, лупили в барабаны Юры. Жаль, не взял «фотик». Андрей капитально опоздал, два часа искали звук на барабаны. И… закончили запись? Всё пришлось бросить, сворачиваться, везти инструменты в университет. И у всех осадочек многометровый. Я предлагал остановиться и больше песен не писать — закончить «Триптихом». По дороге, сидя то в одном авто, то в другом, я «обрабатывал» Юр. Но они оба, скрипя зубами, хотели записывать ещё и «Жар, жар!» А я готов прекратить эти мучения. Тем более, что судьба этого «продукта» под большим вопросом. Но большинство перетянуло край одеяла, и я остался лежать голым… со своим мнением.

Человек пришёл на Белый Свет —
Жизни вкусил.
Деревом вернулся через сотни лет —
Соку попил.
Вернул Господь на землю Травой —
Кому-то еда.
Камнем упал у дороги большой —
Навсегда!..

ВСЕ У НАС ПОЛУЧИЛОСЬ

11 июня.

Погода шикарная. После холода и дождей мы летим в солнечных лучах и яркой, свежей зелени во Вроцлав. Там проходят «Дни белорусской культуры». Посмотрим, зачем нас судьба вытащила в эту «мясціну».

Выехали в 8.20. Настроение подпортил марш военных автомобилей, который растянулся, как зелёная гусеница по капустному листу. Сразу вспомнилась армия, и как я подписывал в военных билетах солдатам, кто и когда прошёл марш.

Мы летим в Польшу, где поёт Anna Maria Jopek. Заслушиваюсь аранжировками и настроением, которое спряталось меж звуков польской речи. На трассе горела машина, но народ не тушил, убегал — может рвануть. Подъехали пожарные.

Мы остановились у речушки, и я с удовольствием упал в прохладную воду. Вновь дорога захлестнула воспоминаниями, так как я показывал Юрию Дмитриеву фотографии Турова и Киевской Лавры. Удивлял его и сам удивлялся: «Это было?»

На границе встретили «Крамбамбулю». Приятно, что наши хоть где-то выступают. Они ехали в Беловежскую пущу. На те дивные места, где польская колбаса «тянется до горизонта» и звериные голоса щекочут нервы по ночам.

Много разной музыки в пути. Сегодня диски в дорогу брал Юрий Павловский. И я «зло» подшучивал: «Позорься дальше». Хотя, кому какое дело, что ты слушаешь? Чем живёшь. Нас объединила дорога, и мне пришлось посидеть и послушать то, чем живёт он. Быстрее всего ты уважаешь человека, его выбор, а потом себя в его выборе. И нет конфликта. В жизни так: не уважаешь человека, и что бы он ни делал — всё тебя раздражает.

До Варшавы ещё 150 км.

Мысли, мысли…Я вновь оторвался от заочников, загрузив их и себя профессиональными выступлениями. Думаю, народ задумался, да и мне каждый раз что-то капает на мозги: «Думай, Ваня, пробуй, делай». Много идей всё по тому же театру фольклора, по созданию фолк-шоу программ, по сценическим решениям разных славянских ритуалов. Когда и с кем? Последний раз, встречаясь с друзьями в Москве, мы говорили о создании моей новой программы (соло) с видео, со сменой костюмов, реквизита, шумами и т.д. Может, стоит попробовать? Сделать себе подарок к пятидесятилетию? Надо подумать или запустить эту идею в Пространство, пусть оно решает.

18.30. Крутимся по Варшаве. Когда они поставят нормальные знаки или — ещё лучше — построят кольцевую дорогу?

Сегодня разговорились о спецназе, «ниндзя» и белорусском фольклоре. Всё умели Предки, и их знания, конечно же, сохранились в белорусских сказках. Для посвящённых. Ищи, читай вдумчиво.

21.00. Ещё ехать 180 км. Слева выходит полная луна (женское, левое), а справа заходит солнца диск (мужское). Вот так и мы, мужчины, — то ныряем за горизонт, то выныриваем счастливые. А женщины — за нами со своим холодным, бледным ликом важности…

Колосья в лучах солнца — фантастическое зрелище. Я не выдерживаю, прошу Васю остановиться, и вся «Троица» заходит в рожь. Пахнет дурманом молодого, зелёного хлеба. Делаем фото. Полный кайф: мы будто три колоса в зелёной массе переплелись с лучами горячего, красного диска. И мечты мои потянулись за горизонт, за диском. За солнечным диском и за нашим новым диском «Жар, жар!» Когда? Один Бог знает.

Косули в лесах у дороги, много птиц в полях, молодые аистята, по два в гнезде, орлы над зелёными морями трав — всё это устремилось к зениту! К Купалью! Раскручивается земная спираль, набирая силу и мощь, даря её щедро тому, кто видит, чувствует, хочет. На, бери!

12 июня.

5.15. Через два часа мы завтракаем и — в дорогу. До Минска 940 км, но мы должны заехать в Варшаву и забрать (надеемся) визы в Голландию. Вчера мы заселились в пансионат Dom Jana Pawla II.

Красивейшее здание из стекла и бетона на острове в старом городе. Современных кельи — уютные, чистые. Утром я уже убежал фотографировать красоты города. Мосты, старинные улочки, скульптуры. Я бегал и только успевал нажимать кнопку фотоаппарата.

Попал на службу в костёл Иоанна Крестителя. Мощное здание, красивейшее, с витражами, в которых купалось солнце. Зашёл случайно,

сел на скамью, а передо мной доска к столетию Норвида. Опять напомнили о Немене. Образа, скульптуры и мои мысли — за всех, за всё.

Саундчек радовал, но никто не появлялся из организаторов фестиваля. На наши звонки из трубки «валило» белорусско-польское безразличие.

Фестиваль белорусской культуры проходил у синагоги совместно с еврейским фестивалем.

12.25. Летим в непривычной жаре и отхлёбываем тёплые напитки. Мороженое освежило лишь зубы. Мы говорим и думаем о странном фестивале у синагоги. Меньше всего беспокоят национальные «захлёсты». Радовало то, что «звукач» серьёзно отнёсся к «райдеру» и обещал постараться со звуком.

Фестиваль. В подвале томились люди под непонятные разливы еврейского трио (саксофон, гитара, перкуссия). Мы вновь вышли на улицу, где перед синагогой за столиками восседал народ Моисея. Куда мы попали и зачем? Здесь явно кто-то отмывал деньги, выбросив «беларускамоўных» детей на затравку.

Наш концерт начался спокойно, ровно, без «сбивочек». Энергетически он был лучшим. Где-то с «Дубравушки» народ ожил. Дальше — больше. Всё получилось. Даже лопнувшая струна в «Триптихе» была хорошим и достойным испытанием. Сыграли! Звуки гитары вкручивались в сердца, дудки стучались в души. «Яблынь» трясла их языческим весенним галопом по подземелью. Кто-то пытался петь с нами. Получился хороший, достойный концерт. Слова благодарности, автографы. До нас здесь бывали белорусские группы. Мы идём их дорогами, их фестивалями, концертами и «точками». Всевышнему зачем-то это надо…

А теперь — дорога домой!

18 июня.

Я очень много экспериментировал с песней. Участники «Дива» были хорошими импровизаторами. О коллективе ходили легенды. Мы много гастролировали, поражая белоруской песней не только слушателей, но и маститых руководителей. Вот пример: руководитель кубанского казачьего хора Виктор Захарченко был влюблён в коллектив! И мы часто выступали вместе. Однажды он спросил у меня: «Иван Иванович, а почему вас не ценят дома? Вы ведь каждый год привозите новые программы, свой этнографический музей, кукольный театр «Батлейку». Коллектив ваш существует восемь лет! Неужели, Вас не за что наградить?»

Я ответил, что все эти годы существую и работаю один. Министерство культуры и другие организации приглашают тех, кого знают.

Например, в Туапсе на концерте «Дива» к нам подошёл министр культуры РБ и спросил: «А почему я вас не знаю?»

Многие самодеятельные коллективы были очень популярны, их руководители были «вхожи» в кабинеты, где им была оказана помощь. Мы ни разу не выступали на правительственных концертах, как другие.

Отличие моих коллективов от остальных было налицо. Во-первых, они были малочисленные (8-12 человек). Во-вторых, участники нашего коллектива свободно импровизировали! В-третьих, мы делали реконструкцию обрядов. Что всегда было зрелищно. Но это не попадало в общепринятые программы самодеятельности. Потом для большей зрелищности мне пришлось заказать маски «Козы», «Медведя». Мои программы всё равно отличались от других коллективов.

Вместе с этими коллективами учился и я, всё больше и больше проникая в белорусский фольклор. Обогащали многочисленные экспедиции, благо, нужно было проверять полевую практику студентов в сёлах.

У меня был свой путь.

21 июня.

14.30. Посольство Голландии в Варшаве. Такой спокойной обстановки в посольствах я не видел давно. Мы сидели в ожидании, и хоть нам сказали приехать, когда захотим, волновались, так как случались отказы с визами. Всем наплевать на Голландию, тем более, что мы примерно знаем, что нас там ожидает. Но уже оплатили визы, страховку.

«Тётя в окошечке» возмутилась, что мы приехали после обеда, а надо утром, тогда после обеда выдадут. Мы «заскулили», что только с концерта из Вроцлава и т.д.

В общем, неизвестно как, но растопили сердце милой дамы, и к 16.00 были с визами.

Варшава забита пробками, и мы с трудом пробрались к «святая святых» — музыкальному магазину. Юрий Дмитриев купил новую гитару и искал кейс. Они были, но цена кусалась. Решили повременить, ибо кейс стоил $120!

Мы снова стали пробиваться к выезду их города.

Сегодня Духов день, а в этот день рекомендовано обнимать дерева. По дороге на стоянках я трогал корявую кору дубов, входил внутрь берёз, вместе с солнцем раскручивал энергию вокруг себя, «Троицы». Мы летим домой! Со своими мыслями о еврейско-белорусском фестивале, о Доме Папы Иоанна II, обо всём, что вкрутилось в зрачки, заползло в мозг и теперь бурлило там. Из воспоминаний формируется уди-

вительное состояние менестреля, путника. Путника, которому идти и идти по тропам, разбитыми и укатанными современными телегами…

За час мы прошли границу, и вновь темнота проглотила красный автобус. Он шагнул в темноту с Васиной уверенностью и нашим общим желанием упасть в свою родимую постельку и рассказать подушке, что и где. Уже перед столицей родной «бульбяндии» я встрепенулся от провала в Вечность и узрел рождение Дня! Солнце резало белый хлеб ночи — туман. Он оставался белой, чистой мукой на полях, лугах, а на горизонте в него вплетались краски восхода. Так возвращалась старая «Троица», и мы пели песню чумаков, которые когда-то возили соль на Украину на подводах. Думаю, они тоже наслаждались каждым утром. Зрелище и сегодня не оставило равнодушным никого, даже меня — сонного Йети. В нём тонули все впечатления и мысли о Польше.

22 июня.

Минск. Утром, ещё до отъезда в Польшу на фестиваль «Соседи», успел сбегать на тренировку в лес.

Веснянка с водопадами, дубами, каскадами — настоящее открытие для меня. Думаю перенести свои тренировки в лес до «проруби». Такого кайфа от занятий и просто прогулки по лесу давно не было. Пришла мысль: Храм Божий — сам Человек. А дворцы Храма — окна и двери тела нашего. Центры, круги, куда устремляется вода, воздух, пища и, главное, мысли. Иногда или всегда, они открыты. И течёт в них, бурлит, как в каскадах, сила, энергия (не очень люблю это слово). А порой всё закрыто и так глухо, что не пробиться этой силе. А она сейчас, перед Купальем, так прёт!

Цветы по реке плывут,
А Демоны притихли, ждут:
Кто от костра отойдёт,
В их котёл попадёт.
Сорван зверобой —
Ведьмы в вой!
Филина крик —
Купалья миг!
Головешки бросаем —
От ведьм убегаем.
А вот — встреча
Влажных рук

И робких Душ!
Испуг…

Возвращаясь обратно, я встретил спортивного, загорелого пенсионера и бабулю с рюкзачком. Мужское и женское (начало и конец) в Природе. А какая медитация у каскадов, где серебро (так блестит вода на солнце) чистит и выносит всё плохое, скопившееся на работе!

После небольшого перерыва сегодня снова держим курс в «Поляндию». Жарища, как в духовке! Много ржи, пшеницы по краям дороги в обрамлении васильков. Вот ты и богат, человек! А будешь трудиться — будет золото. Осенью! И в закромах, и в кошелёчках.

Мы тоже спешим на работу. В Люблин, на фестиваль «Соседи». Люблин, давненько мы у тебя не были в гостях. В 2001 году в новом составе. Тоже на Купалье. Посмотрим, что сейчас придумали поляко-евреe-украинцы. Вот такой культурный замес там!

23 июня.

7.00. Вчера так и не искупались в мутных речках Польши. Зато в гостинице сразу попали в цивилизацию.

13.00. Обошли старый город, который жил и живёт своей жизнью. Он даже не обратил внимания на нас. Мы фотографировали его здания, двери, окна, росписи, самих себя на фоне этой старины и не замечали, как город косится: «Кто здесь?»

По возвращении в гостиницу нам сообщили о трагедии: утром разбилась труппа артистов из Чехии. Один насмерть, четверо в больнице. Концерт завис. Решили немного изменить программу, меньше играть «веселух». Хотя, таких у «Троицы» и нет. Пришлось отказаться от «Свата», «Камянай печанькі» и других.

Саундчек прошёл неплохо, но театральный дворик в форме коробки не балует звуком.

Концерт начал директор фестиваля. Было видно, что он многое отдал бы, чтобы не было трагедии с чехами.

Я начал с «Цмока». Потом — «Русалки», «Дубравушка». «Три Ангела» я посвятил чешскому парню, который ещё день назад радовал зрителя, а сейчас спешит к Ангелам.

Народ попивал, жевал и немного болтал. Хотя были и те, кто слушал и даже делал замечания тем, кто болтает. Да, это не театральный зал. Это — открытая площадка под навесом. Из плохого: рядом жарили мясо, а пепел и вонь от пережаренного масла летели на сцену, на инст-

рументы, на нас. В какой-то момент мне показалось — это мотыльки или мелкие звёздочки. Но вовремя встрепенулся, чуть не потеряв текст песни. Да, это тоже нужно записать в «райдер». Много чего добавляется, тот же «паркинг», за который должны платить музыканты. Что-то всегда добавляется. Везде по-разному.

А вот у глупых репортёров-«журналюг» вопросы всегда одни и те же: «А как вас слушала польская публика? А как вас слушают в других странах?» Да, нас и дома не особо-то слушают! У нас такое засилье поп-бреда, что этносу не разгрести себе и тропинку в этом лесоповале. А как слушают? Сами могли бы присмотреться к публике, походить, поспрашивать, как мы им…

Под конец концерта мы всё же расшевелили народ. Особенно после «Яблынi» (за неё бабулькам с Могилёвщины нужно ставить памятник!). Кто-то желал фото, но нам уже ничего не хотелось.

Поляки обещали пригласить ещё, директор остался очень доволен, театралы Бреста, Гродно пожимали нам руки. Директор брестского театра даже похвастался: «Я знал, кого им подсеять». Да не ты это, а сам Люблин, само Пространство уже соскучилось по нашим песням. Ведь прошло всего пять лет с тех пор, когда мы в купальскую ночь резали песнями чёрное пространство ночи своими дремучими песнопениями. Это — тайна, и постигать её не менее сложно, чем восточные единоборства. Своё не хуже, а где-то мощнее.

Понять бы это тупоголовым «наверху». Или это их затмение? Сейчас будут хвалиться «Славянским базаром», стащат всё, что пропахло нафталином и таблетками от тараканов. А они, тараканы, будут ползти и ползти, чтобы плести свои сети и опутывать стариков, да и молодежь — слушателей Белой Руси — тем, что давно могло лежать с драным хвостом мамонта на полках Берлинского музея.

Я листаю в памяти музыку «выбiтных», от которой всегда тепло внутри: «Deep Purple», «Led Zeppelin», «Dream Theater». Слушая такое, мы учимся хотя бы думать профессиональнее.

14.30. Люблин провожал хорошим впечатлением о людях, о театральном фестивале, на котором звучали песни «дзядоў».

21.30. Простояли над Бугом на мосту два с половиной часа: огромная очередь машин со стороны Польши. Если бы не приглашение на фестиваль, ночевать бы нам в купальскую ночь с демонами Польши. А так прошли, и вновь колёса целуют родную землю. И каждый из нас сидит, погружённый в свои мысли.

Славянская Дива,
Как ты красива!
В золоте куполов
Глаза тебя ищут вновь…
Славянская Дива!
Стан твой — как ива!
Глаза — гроты!
Вхожу…
— Кто ты?
Ответ мой глупейший:
— Я твой…
— Милейший,
Ты на пороге,—
Сказали Боги.
— Можно войти?
— А что, есть другие Пути?

СЕРО, КУЦО И ТОСКЛИВО…

14 июля.

Москва. Фестиваль «Этно Лэнд». Грандиозное мероприятие! Везде только начинают разворачиваться ларьки, магазинчики, сцены, плакаты, флаги и другая атрибутика. Я вернулся из круиза по святым местам. «Троица» приехала из Минска. Мы встретились здесь. Волнуемся за звук.

Репетирует Ольга Арефьева. Вокруг неё ходят участники группы «Калимбы» в тканях и с удочками. Перфоманс, однако. В репертуаре Ольги явно слышится влияние моего сольника «Чаму зімачка».

Буквально через полчаса пришло штормовое предупреждение. От Москвы шла тучища с градом. Мы сразу «укутали» наш автобусик в фанеру и доски. И началось! Лило часа два! Позаливало всё — и аппаратуру, и шатры, и ларьки. «Вопли Видоплясова», как ни странно, не выдержали, уехали. Грустил, предвидя срыв, Сергей Старостин. Концерт так и не состоялся. Ровно в 24.00 мы «рванули» в ночь — на другой фестиваль.

Что-то не получается с московскими фестивалями. В прошлом году мы от такого отказались, а в этом не играли. Организаторы обещали пригласить нас в 2007 году. Жаль, что московские друзья так и не услышали наш концерт.

Мы летели на Родину, там нас ждал новый белорусский этнический фестиваль. И мы очень надеялись, что все проблемы и трудности уже позади.

«ВОЛЬНАЕ ПАВЕТРА»

15 июля.

12.00. Мы влетели в Крупки, оставив за собой московский международный фестиваль «Этно Лэнд» в Сорочанах (50 км от Москвы). Перед самыми Крупками нас встретил дождик, напоминая о том, что всё в руках Господа.

Сразу поехали на берег озера, где должен проходить фестиваль. Искупались, и сон свалил нас прямо на солдатские плащ-палатки. Огромные мокрые сосны, будто стражи, охраняли наш сон. А на размытом дождём плацдарме устанавливали сцену, готовили туалеты, дымила солдатская кухня.

«Вольнае паветра» явно не тянуло на такое претенциозное название. Серо, куцо и тоскливо было вокруг. Полдня нам нужно просидеть в автобусе или найти себе какое-нибудь занятие. «Палац» уже не участвует, вместо него будет дуэт. Ни гримёрок, ни воды, ни еды… Уже обрывают телефон: «А есть ли тут дождь?» Тут пока нет, а в Минске льёт и льёт. Вот так прорывается «Вольнае паветра» в атмосферу белорусского Пространства.

19.45. Через пятнадцать минут что-то начнётся. Бедная наша Белая Русь! Ты пытаешься сделать невозможное — прогреметь белорусским фольклорным фестивалем. Но тот, кто начинает это делать, должен обязательно поучиться хоть где-нибудь — В Польше, в Эстонии — везде, где это уже делается достойно.

Ровно в 20.00 начался фестиваль. Народу было много. Но странно: сразу же пошёл дождь, как и на московском «Лэнде». Мой телефон обрывали люди с вопросами: «Есть ли дождь, будет ли «Троица»?

Начали местным фольклорным коллективом, который, дорвавшись до сцены, потерялся в Пространстве и, видимо, думал, что это их сольный концерт. Организаторы носились под дождём, со злостью урезая и кромсая все выступления.

Вторым был землячок Войтюшкевич. Он был в весёленьких брючках, видимо учёл мои замечания в Черемхе. Да, он — шоумэн! И конечно же завёл мокрую толпу своими сцендвижениями, вокалом и темпераментом, подобным цыганскому. Мы честно порадовались за колле-

гу. Тем более, что у него уже созрел проект: «WZ» — «Гуда» — «Троица» в туре по Польше.

Потом сцену занял какой-то «клезмерский» бэнд. Повеселили звуками «Вольнае паветра». Тут же появились белорусские «Тату» — «Яр», наши старые знакомые. Мы сидели в автобусе, смирившись за трое суток с седушками, подушками и неудобными позами застывших зародышей. Говорили о фестивале. О плохой организации, в которой ни подъезды к сцене, ни «паркинг», ни гримёрки для артистов не продуманы.

А то, что называлось сценой, напоминало старую больную бабушку с недержанием мочи. Она не была закрыта по бокам, и ветер с дождём заливали её: на ней всё дрожало от такой непогоды. Сверху то ли специально, то ли так «мастерски» были сделаны отверстия, что вода лилась прямо в инструменты. Мы жалели, что не было камеры, такое зрелище не для слабых нервов.

Со «Славянского базара» «залетел» известный дуэт, и он «услаждал» своим творчеством мокрую толпу. Программы групп сокращались, так как дождь лил как назло, не жалея никого. «Троица» в шутку предлагала, чтобы я своими молитвами остановил такое безобразие. Но я ведь просил Небо уберечь наше «Купалье» в Подмосковье от такой «беды». А возвращаясь из круиза, «разрешил» дождику повеселиться. Шутка? А может и нет…

«Троица» парилась в автобусе, то впадая в спячку, то выползая из неё, то соглашаясь на выступление, то напрочь отвергая любое полоскание гитар водой. Мы очень волновались за инструменты, ремонт которых не покрыл бы ни один гонорар, за аппаратуру, которая плавала по сцене без вёсел. Пит предложил ещё сократить программу. Это всегда сложно делать, ведь нужно убрать что-то. И потом — что это за концерт? Наши традиционные инструменты не вылезли из кейсов и чемоданов, их не услышит зритель. Какое впечатление будет у тех, кто услышит нас впервые? Осадок. Грусть. Почему дома такое?

Мы оставили в программе только то, что можно исполнять сразу. Убрали песни с гуслями, смыком, жалейками, дарабукой. Лучшее — это пять песен. Сидя на сцене и слушая рёв толпы «Троица!», мы с трудом подключились. Я откричал сольно «Траву» в надежде, что за это время нас подключат. В темноте я видел и пляшущих, и удивлённых, и шокированных, и безразличных.

А чем брать? Каким звуком, какими песнями? Хотя звук был не из худших, ведь работал наш Сергей Хлыстун. А он-то чувствует, где и как крутить ручечки на пульте. Мы отмучались на сцене.

Сгорел пульт, сгорел процессор у Юры Дмитриева. С мокрыми гитарами и злыми лицами «Троица» сползала со сцены. А народ визжал, звал. Люди, мы очень хотели выступить достойно, мы очень хотели показать красивейшие песни Белой Руси. Но…

Да и горло бастовало, связки явно не хотели брать верхние ноты. Вот такое выступление… Итог всех ожиданий, волнений, споров о репертуаре, инструментах, которые легли на заклание примитивной организации.

Мы с грустью скручивали свои «цацки» и бросали не глядя в чемоданы. Ведь зарекались же не участвовать в таких тусовках!..

Мокрая ночь. Пьяная толпа. Грязь будто не выпускала автобус. А нам так хотелось побыстрее убежать от этого позора. Как попугаи, ляпнувшее «не то», мы с болью смотрели в темноту. По телефону с нами связалась «Крамбамбуля» и, узнав условия работы, быстренько повернула с фестивальной дороги обратно на Минск.

Вася развозил нас по сонному, залитому дождём Минску. Нам всем хотелось, чтобы такое больше не повторилось. Будем надеяться, что наша Родина когда-нибудь будет выглядеть достойно и величественно, даже с таким маленьким фестивалем. А первый «блин» и не был комом. Были люди! И прежде всего им — наши слова благодарности.

18 июля.

Минск. В заставках «Славянского базара» по телевидению мелькает мое лицо. А нас вычеркнули…

Открытие витебского фестиваля убило «совковой» помпезностью. Я не могу принять такой показ — это, наверное, навсегда. Зачем всё смешивать: мёд и селёдку, хрен и кефир.

Когда «запел» известный спортсмен, раскинув руки в каком-то ритуальном «танце», мне стало плохо. Что, больше некому петь? Это же сцена, а не футбольное поле. Я даже студентов учу: святое место — сцена!

Н. Бабкина блистала недевичьей помадой. С. Серов серел временем и старыми песнями, и т.д.

С одной стороны было грустно: что, некому показать песни наших бабушек, свою музыку? И раздражало с другой — не наш это фестиваль. Да и в названии — «базар». Есть товар залежалый. И, как на любом базаре, есть ещё жулики, воры, шулеры. Правда, есть и скоморохи. А настоящие артисты? Думаю, у них были другие концертные площадки…

«БАСОВІШЧА»

21 июля.

Едем на фестиваль «Басовишча», который проводят поляки почти у границы с Беларусью.

7.15. Мы уже загрузились и тронулись в путь. Вася аккуратно и красиво сложил наши «цацочки». Это всегда хорошо влияет на погранцов — нет претензий.

Утром в Беларуси спала жара, а вообще, везде, особенно в Европе, днём жара под сорок градусов. Куда планета раскрутилась? Пыхтит и явно куда-то торопится.

Всё ещё идут обсуждения «Вольнага паветра». Надя Кудрейка сказала: «Так всё было хорошо». Боже, вот где я сорвался и стал «полоскать» такое «хорошо». Да, оттого, что наш народ не видел лучше, такое «хорошо» будет радовать их уши. А нам стыдно за то, что было, и стрёмно ехать на «Басовішча». В обойме групп столько лет всё те же. Наверное, только мы впервые да ещё «Drum Ecstasy».

22 июля.

15.00. Вчера приехали в красивейшее место: в лесу величаво раскинулась большая крытая сцена. Народ восседал среди мощных сосен, попивая пивко. Мы успели сразу к саундчеку. На границе потеряли два часа: удивительно, у наших пограничников всего около пятнадцати минут. А вот у поляков тормознули: «чистили» они каждого, даже у нас заглянули в каждый кейс. Саундчек прошёл хорошо, был наш знакомый поляк из Люблина, и, конечно же, он обещал, что все ручки будут нетронутыми до нашего концерта. Эх, зачем мы этому поверили? Список команд не радовал, мы ведь столько лет от таких списков отбивались.

Гостиница была за семь километров от фестиваля. Но хорошая, удобная: два двухместных номера с душем, с телевизором. Просмотрели хороший DVD — последний концерт Оззи Озборна. Порадовались за старичков, как играют, как заводятся сами, как чувствуют зал! Звук, свет — отдельные стоны с подрагиванием. Будет ли у нас такая реальность в скором будущем?

Попытались уснуть, и, к счастью, сон свалил нас на два часа. Концерт должен начаться в 1.30.

Автобус летел в темноте к «заветной» площадке. Поразил политизированный дух фестиваля: вокруг развевались бел-чырвона-белые флаги, репер скандировал политические тексты. Что-то напоминало «несанкционированный» митинг. Такое впечатление, что здесь собра-

лись «белорусы», а скорее — «беларускамоўныя», которые спекулируют знанием «тарашкевицы» и политикой, но имеют очень далёкое представление о белорусском фольклоре и, вообще, о жизни белорусов. Вокруг шумело, гудело, бухало. «Беларускамоўныя» радостно жали нам руки, будто радовались, что мы наконец-то попались в их «сети». От этого мы расстроились, чувствовалось, что это выступление «сожрёт лучшее в нас красной ржавчиной». Многие приехали только на «Троицу» и ждали наше выступление. Мы с трудом наскребли коротенькую программу. В спешке вынесли свои «скарбы», стали расставляться, подключаться. А ведущие несли «пургу», будто я — из института культуры, а не из педуниверситета. Что «коллекционирую» фолк. Что сам «собрал гурт» и т.д. Не понимая, что любой творческий коллектив — это Богом данное! Много говорили и ни о чём конкретно…

Перед самым нашим выступлением вышел какой-то идиот и выкрикнул в микрофон политическую реплику, которая к нашему концерту, да и к нам, не имела никакого отношения. Опять взгрустнулось: причём тут белорусский фольклор? И вообще, что это за игра? Во время концерта заметил, как к сцене подошла какая-то «замарашка» и стала, явно работая на камеру, размахивать флагом. Её работа закончилась через четыре-пять минут, и она «дёрнула» в толпу, свернув «сцяг».

Да, кто-то ждал музыку, а кто-то явно отрабатывал полученные гранты. Тошнило от этих лиц, не похожих на добрые белорусские. Неужели нельзя разграничить политику и фольклор? Я уже не говорю о музыке…

Мы начали с колядной песни «Каза». Сразу не было слышно гитары. То есть, ручки на пульте всё время крутили. И так весь концерт. У края сцены стояли приличные лица, внимательно слушали, рассматривали инструменты. А толпа резвилась с флагами. Им, кажется, было всё равно, кто и что на сцене. Политическая эйфория фестиваля была налицо. Но для меня он так и остался политическим митингом под аккомпанемент «запрошаных» и «абраных».

Осадок после концерта тяжёлый. Зачем? Кому? Эти вопросы не давали уснуть. Сейчас бы в баню! Вот что спасло бы и тело и душу.

Чай-варево втекал в горло. Юрий Дмитриев дымил в окно гаванской сигарой. Мы говорили и говорили о фестивале, о звуке, о музыке, о своих новых проектах. Без устали, пока сон с первыми каплями дождя не вполз в душный номер…

…А теперь вот уже скоро час, как мы стоим в душной, потной очереди. До дома ещё пилить и пилить. Главное, не свариться вкрутую, хотя, кажется, этот момент уже приближается…

За три часа мы «проползли» на автомобиле через все проволоки и пропаханные полосы. Ливень с градом остудили красную крышу автобуса и наши сердца. Из приятного: мы понравились итальянцам, и они, не скрывая удивления, трясли наши руки, зазывая к себе. Да, хотим. И будем ждать приглашения на нормальный этнофестиваль, а не «полоскания» власти на сцене под барабаны и пиво…

СКВОЗЬ СТУДИИ…

24 июля.

Минск. Мы с радостью снова собрались в студии! Но Андрей то ли перепутал, то ли сделал вид, что перепутал время, и пришёл через два часа. Сегодня мой вокал в «Триптих».

Андрей Жуков пришёл в длинной белой тоге или «ночнушке», вот где молодец! На затылке выбрит круг (видимо, для приёма космической информации), волосы выкрашены в разные цвета. Вот бы «Троица» так подошла к своему имиджу…

Я сел к микрофонам, которые паутиной оплели пространство между мной и звуками. Куплет за куплетом, то тихо, то надрываясь совсем не по-фольковому, а по-народному, залезая на какие-то немыслимые верха, с надрывом, с глиссандо вниз-вверх, я продвигался вперёд. И где-то за три часа прописал все треки вокала. Да, утро среди дубов и тренировки у воды сделали своё дело, и я справился значительно легче, чем обычно.

Нас, вернее меня, ещё ждал вокал в «Ведьму», а я напрочь позабыл всё, что писали. Пришлось вспоминать. И тут сразу возник «затор»: где-то зазвучала «лажа», и Юрий Дмитриев стал высчитывать ноты — где бас, где вокал, какой аккорд не тот. Это сильно притомило, я почувствовал, что обереги и талисманы теряют силу (хоть я был обвешан, как иконостас) и меня уморила «Ведьма». Я взмолился, чтобы «Троица» отпустила меня спать. В 21.00 упал в сон, а в 22.00 проснулся от духоты.

В голове звучала «Ведьма». Какая же красивая музыка получилась! Эх, ведьма, с каким трудом ты «ложишься» на диск! Явно тебе не по нраву «замовы» и магическая мелодия. Крутит тебя? А нам так тяжело писать и резать тебя на треки!..

29 июля.

Вчера сели в 101-ом кабинете и решили поработать с новыми идеями по концертам в Голландии. Что-то получилось сразу, а на песне

«У цёмным лесе» мы впали в оцепенение. Я не мог вступить во второй части ни разу! Начали крутить, вертеть, а партии уже до того отработаны, что никак поменять нельзя. Это вызвало споры и дискуссии, тем более, что приходили «ребята» и предложили концерт в октябре. Это тоже вызвало массу споров. Да, выступать по-старому уже нельзя. Время другое! А видеоряд, слайдфильм, сэмплы, пэды и всевозможные подложки мы ни за какие деньги не успеем сделать. Такое нужно готовить год! И со спецами, а не своими силами. Наверное, более всего непонимания у моих коллег. Я очень хочу нового. Ведь с теми же студентами я варьирую. Что нам тут мешает делать спектакль? Столько идей, а теперь уже и материала (фото, видео).

В студию приехали немного подавленные тем, что реализация идей должна произойти прежде всего в головах у нас! Как только мы найдём согласие между собой — всё решится. А работать, как я понял, все не против.

Студия гудела «барахлом», а не музыкой. Андрей возлегал на диване, его помощница Таня сводила «шлягер» о кедах и велосипеде. Прости, Господи, но это пришлось слушать часа два. Ещё одна грусть ожидала «Троицу» — когда решили сделать из Юрия Павловского рокера. Он старался. Молотил в барабаны часа два, но тот звук, та манера, которой у него не было, выписывали в пространстве кукиш. Да, это тоже самое, что мне взять в руки саксофон и попытаться сыграть джаз. Это «обломило» всех. И я бросился дуть в жалейки, дудки. Старались в оставшееся время успеть сбросить хоть что-нибудь. Успел, после десятка дублей. Тем более, что прописка двух голосов на дудках сразу не сулила успеха. Ритм и темп — два моих милых «врага».

Мы расставались у студии, успокаивали Юрия Павловского, говорили о том, что нужно готовиться к Голландии. Это очень серьёзная и долгожданная работа. К тому же я хочу перевезти музей в Польшу. Он (музей), бедняга, с 1999 года бесхозный.

18.20. Эх, жаль, что компьютер не передаёт тот звук, что выворачивает внутренности и ломит доски студии. Это мы почти дописали «Ведьму»! Вот где «разгуляево» получилось! И бас ещё больше нагнал шороху. Что-то резалось, что-то переносилось, что-то подставлялось, но, в общем, появилась прикольная, мощная белорусская песня! Восторг и процесс ожидания выхода сего продукта в народ. Ой, бойтесь, ребятушки, за свои ушки! Наши тут в трубочки поскручивались… Пришла мысль: Предки гоняли «ведьм» шумом, стучали в разные железяки — значит, мы тоже гоняем ведьм? Так, наверное, можно «запрограм-

мировать» каждую песню. На добро, на здоровье. На любовь. И против ведьм, конечно…

Вот к чему приходишь, через много лет.

28 июля.

Да, нахаляву процесс в студии непредсказуем. Пришли вовремя, а студия пуста. Юрий Дмитриев говорит: «Так хочется взять и уйти, не ждать». Я: «Святые слова». Но вот вваливается полуживой Андрей Жуков с помощницей. Оба никакие. Выяснилось, что они ушли из студии в 7.00. Всю ночь веселились с «Драм Экстази», те не поехали даже в Москву на концерт. И получается, что сорвали нам последний день записи перед Голландией. Эх, собратья!

Конечно, дома много работы, но когда-то же надо закончить этот нескончаемый процесс сбрасывания на диск своих чувств, звуков, умений, навыков, фантазий и импровизаций — прямо на ходу.

УСПЕХ!

31 июля.

Голландия. Страна, которая дала нам дорогу и определила направление, в котором «Троица» теперь «варится». Мы с Юрой Дмитриевым стали продумывать программу на очередной фестиваль в этой стране.

Песен много, но хотелось наскрести новых. И тут возникли вопросы. «Удоль па рэчачцы», «Ой, маю, маю», «У цёмным лесе» — песни, которые записали в студии. Но они никак не готовы к концертам. Нужно менять аранжировки. А времени на это уже нет. Зато едут «Три Ангела», «Куме», «Каза», «Триптих». На днях мы отправимся в путь. Далеко, но очень-очень интересно. И хоть все стонут от слов «Мартин», «сквот», «Бернард», но, уверен, всем хочется ехать. Правда, за последнее время многое приелось, мне так уж точно. Столько я проехал в этом году, столько впечатлений, столько фотографий! Когда только разгребу и налюбуюсь? На пенсии, наверное…

Мы давно не были в Голландии. Готовимся и будем готовиться всю неделю. Разбросаны по всему кабинету наши инструменты. Нет занятий. На столе новая «игрушка» — «надутый поросёнок» — болгарская волынка. Уже дую пару нот. Красавица и очень аккуратно сделана. Новый инструмент, значит, обязательно будет новая песня. Как только оторвёмся от дома, чуть-чуть заскучаем, и зазвучит «чумацкая» песня, чтобы стать «чумной» и трясти зрителя непонятной дрожью. А тут уж мы постараемся. На то мы и «Троица»!

4 августа.

Честно отрепетировали два последних дня. Я даже не всё хотел играть. Подготовили новые песни: «Жар, жар», «Триптих», «Куме», «Три Ангела», «Русалки», «Коза». Где-то переделали вступление, где-то паузу всунули. Всё веселее. Сегодня я часа два распихивал и укладывал инструменты по коробкам и ящикам. Учитывая то, что мы берём с собой ещё постельное бельё, продукты, «шмотки» и сумки, — вещей получилось немеряно! Как мы загрузимся?

Голландия… Около десяти лет назад, только, правда, это было осенью, я впервые выехал к тебе. Теперь и не вспомнишь всё до мелочей. Как выехали, как покоряли публику, как странно выглядели голландцы в наших глазах. А мы в их? Мелькнуло десять лет! Концерты, диски, фестивали, города, страны, даже континенты!..

5 августа.

10.00. Мы выехали. Водитель Вася подготовился к поездке: сделал полку для вешалок, и главное, — стол! Теперь сижу, как профессор, за столом и строчу!

18.00. За полтора часа прошли две границы! Но много времени потеряли на заправках — достали поляки со своим «бизнесом». Возят «палива» и тем самым создают очереди на границах. Но мы, возможно, уже чуть-чуть примелькались, поэтому «пролетели» рядом с очередью.

Была проблема с музыкальными инструментами. Да, тут нужно десять раз перепроверить, а об этом и не думаешь, когда выезжаешь. Попался нормальный «цельник»: с усиками, в очках, изучил документы и пропустил. Хотя мог и домой отправить или лишить окарин.

Остановились на знакомой речушке, и народ защёлкал фотоаппаратами, снимая пейзажи. Я влез в прохладную воду. Скучаю по проруби. Хотя нашёл сейчас в Веснянке шикарные места для тренировок. И так утром тянет в лес, что бегу вприпрыжку! Что это? Предки так жили, мама из леса не вылезает: травы, корни. И у меня в интернате висят над головой травы: цикорий, полынь, пижма, зверобой и др. Я не могу надышаться перед сном, а если приближается дождь, то травы так пахнут, что дух захватывает. Травы, деревья — мир, который мы, городские жители, не скоро поймём. Он тянет, он будоражит, он успокаивает. Я вслушиваюсь в него и старюсь понять.

Я готов жить в лесу! Выезжать на работу в город и вновь возвращаться в избу, топить печь и слушать любимую музыку. Как сказал

польский пограничник, сейчас по радио такой «гоголь-моголь» звучит, что слушать нельзя.

Мы фотографируем величавые мельницы, которые, то ли приветствуя нас, музыкантов из Беларуси, то ли пытаясь взлететь, машут своими блестящими рукавами. Как это символично! Есть у них сила, столько машут, а стоят на месте. Так и люди: многие машут-машут, машут-машут, и денег немеряно, а взлететь на музыкальный Олимп не могут…

Серая лента вьётся по бугорочкам, и мы по ней летим в Варшаву. Там встреча с Игорем, разговоры о моём музее, перевоз музея из Голландии в Польшу. Музей, если его ещё можно так назвать, — это моя боль. И будет ещё больнее, как только я его увижу.

6 августа.

8.40. Тридцать шесть часов пути. Всю ночь «пилили» колёсами трассу. Болтали, заезжали в американскую забегаловку, крутили какието диски. Мне на полу автобуса спалось плохо. Не вмещались ноги, и я их закручивал, как мог, в разные стороны. Разве это сон — не на своей кроватке? Но ночь, подобная кошмару, упала в копилку памяти.

Утро. Граница с немцами. Волнения по поводу досмотра были напрасны. Они ляпнули штампы в паспорта, и мы плавно покатили дальше.

Гладкий, как зеркало, асфальт. Ухоженные деревушки и здания у дорог, вереницы «фур», которые никак не натаскаются через границу «туда-сюда». Всё это — та аура, о которой когда-то просто тихо мечталось. А сейчас два водителя спят, а мы с Юрой Дмитриевым потягиваем гаванскую сигару и несёмся по дороге со скоростью 130 км в час.

Юрий Дмитриев сегодня опробировал газовую горелку на стоянке. Мы попили чаю! С бутерами. И это на трассе! Мы стали такие автономные, что можем и кашу разогреть. В общем, с голоду не умрём.

Многое изменилось с того 1996 года, когда я, слегка напуганный страной легальных наркотиков, сидел в автобусе с рокерами, панками, художниками и дизайнерами Беларуси. «Русские идут!» Да, но не только русские, а и белорусы. Одним словом — славяне. И сейчас мы посмотрим, как вам, голландцы, наш новый «замес» фолка с тем, что Бог подарил в руки, в голову, в горло. Это всё позже, а пока летим на встречу с вами.

9.20. Посетили музыкальный магазин, больше похожий на склад или ангар. Конечно же, сделали закупки. Я не решился на деревянную окарину (такой у меня нет) — ценник кусался. Решили на обратном пути заехать в этот же магазин, а вдруг будет за что купить. Склад шикарный: сколько перкуссии уникальной, сколько дудочек разных. И

столько нам всего надо! Плох тот музыкант, который не мечтает о хороших звуках. А взять слушателя за «жабры» может только хорошее и дорогое. Такие звуки я сегодня услышал! И барабаны хочу, и шумелок разных, и гремелок. Всё хочу…

Через каких-то пятьдесят минут подъезжаем к дому Мартина.

7 августа.

Эйндховен. 8.00. Вот и прошла первая ночь в Голландии, после столь большого перерыва. Мартин был дома один. Он заметно похудел, но было видно, что живет всё теми же бредовыми идеями, ибо говорил о них с блеском в глазах. Продолжает собирать картины по всему миру, пишет книги. Дом превратил в маленькую картинную галерею. Мы привычно обнялись, сели за стол. И вот за что я уважаю европейцев, так это за их «гостеприимство»! Чай и по чуть-чуть спиртного за встречу. И всё. А у нас? Ломились бы столы! А уж как «нажрались» бы все от счастья! Даже не от того, что встретились, а что появился приличный повод…

Я благодарен Мартину, что он на 80%, по его словам, сохранил мой музей. Теперь будем готовить его к отправке в Варшаву.

Ночью за окном гремела музыка. В комнату вползала прохлада. Будоражили воспоминания о тех давних встречах, о робких выступлениях в кафешках, барах, на улице. Как сон, долгий и очень необычный. Будто камень, который мы нашли здесь, а потом годами наводили на нём огранку, пока он не приобрел товарный вид. А сейчас? Мы приехали другие и хотим других ощущений, впечатлений. К тому же и здесь, в самой Голландии, многое изменилось. Ведь за такое время весь мир изменился. Их быт, зарплата, и всё остальное сильно пошатнулись. Мы-то как жили в «гетто» (по словам Мартина), так и живём, а им это было чуждо.

Красивейшие участки, на которых располагалась колония молодых голландцев в те далёкие времена, исчезли. И музыканты, и строители, и дизайнеры, и фотографы, и скульпторы, и ещё Бог знает кто ушли куда-то в прошлое, оставив за собой не только воспоминания, но и концерты, выставки, которые и нам довелось увидеть.

Хотя, чего я «шебуршусь»? Я и сам дома делал почти всё, что хотел. Уже в парке, играя на танцах, я вставлял в программу песни собственного сочинения на стихи Шекспира, Гёте, Байрона. Под них не танцевали, но они звучали! В училище искусств я создал своё направление в фолке и до сих пор экспериментирую. Ну, нет должного признания, ну не выступаю на правительственных концертах, ну и что? Я сам не хотел выступать. А работаю, потому что люблю. Может, поэтому та же Голландия, как-то прочувствовав, «проглотила» в далёком 1996 году такое

нашествие белорусских художников, дизайнеров, музыкантов, фотографов? Кстати: почти всем нам вселили уверенность в своих силах.

8 августа.

19.45. Я по полной программе «загрузился» дисками. Даже «Троица» обижается, что мало уделяю им времени. Быстро убегаю копировать диски! Столько разной и нужной мне музыки!

Вчера услышал песню в исполнении «Альтанки» и огорчился. Ожидал большего. Что-то есть. Но жаль, очень жаль — я не услышал творчества.

Сегодня мы с Васей сходили с утра в магазин и поразились не столько обилию продуктов, сколько отсутствию покупателей вообще. Мы были одни. Но, было всего!

Завтрак, путешествие по городу, поиск «Полиции». Оказывается, нам влепили в паспорт по штемпелю, чтобы мы не ходили каждый день отмечаться. С ума сошла Европа?

Вечер. Юрий Павловский перетягивает пластик на барабанах, а Вася и Юрий Дмитриев пошли ловить рыбу. Да, тут рядом с домом речушка. А вдруг обожрёмся скумбрией или палтусом? Если, конечно, такие будут мимо проплывать…

Приходил друг Мартина Хьюз посмотреть на нас. Он сейчас живёт в Японии. У них с этим просто.

9 августа.

9.30. Вчера вечером схлестнулись с Мартином. У него опять свои бредовые планы! Он хочет не просто поставить «Батлейку», но ещё и поразить голландцев кукольным представлением. Он совсем не понимает и не хочет понимать, что мы уже четыре года не работали с «Батлейкой». Я уже давно, даже со студентами, не беру в руки куклы. Так хочется работать профессионально, а тут тебя опять толкают в «скоморошество».

10 августа.

Утром у Мартина дома появились «рыбаки»: Вася и Юрий Дмитриев вчера наловили рыбы, прямо под окном! Вот они с азартом бросают хлеб обезумевшей рыбе. Видно, такого она не видела отродясь. Правда, нужно прятаться, так как необходимо иметь разрешение на лов, иначе светит штраф.

Так мы коротаем свободное время в Нидерландах. Даже по городу не болтаемся. Все при деле. Едем сегодня на фестиваль смотреть площадки.

15.00. Да, умеют они готовиться к фестивалям! Я вчера был приятно поражён тем, что за три-четыре дня устанавливались крытые площадки, шатры, монтировалась сцена. И техника, и люди работают неспешно и удивительно спокойно. Видно, всё, что надо, привезли, и нет причин для беспокойства. Белорусские «ребятки», приезжайте и поучитесь! Сам фестиваль будет проходить в лесу. Нам очень рады и очень ждут. Мы спросили: «Аккредитация? Как мы пройдём и проедем на автобусе без документа?» На что нам ответили: «Скажите: «Троица» — и вас везде пропустят». Бог есть на земле, и мы не будем позориться с кукольным театром. То есть, «Батлейка» будет стоять фоном у Мартина на его выставке. Да, думаю, нам не стоило волноваться. Предки позора своей родни не допустили бы…

Мы вернулись в дом спокойные, и каждый «запал» на любимое дело. Рыбаки вновь «беспокоили» рыбу. Правда, вчера они глотнули адреналина чуть больше обычного: рыбина у самого берега порвала губу и ушла. Вася уже её и руками выгребал. Но где ты «лося» мокрого на берег выманишь. Но обед был и с одной приличной рыбицы. Даже Мартин и Хьюз угостились. Правда, были очень удивлены, что можно не ходить в магазин за продуктами. Мы спросили у Мартина: «А можно прямо из окна ловить, ведь речка рядом с домом?» Но он сказал, что так можно было бы только зимой. Тут пошли шутки: «Троица» предложила голландцам новый фестиваль — «Фиш». Примерно, по такому сценарию. Я ныряю в прорубь и гоняю битой рыбу. Рыба в шоке выпрыгивает на лёд. Тут её хватает Вася и быстро готовит с луком, морковкой и чесноком. Юры молотят в барабаны, создавая незамысловатую музычку, на которую прибывает и прибывает народ. И главное — «разметаются» диски вместе с рыбицей в «революционной» фольге…

11 августа.

4.00. Встал очень рано. Молитвы, медитация — это уже входит в привычку. Вчерашний вечер был бурный. Мы не пошли к коллекционеру музыкальных инструментов (у него их тысяча), а бросились обсуждать «наболелое». Говорили долго, спорили (как никогда), каждый высказывал своё мнение. Разговор шёл о новой «Троице», о новой музыке, о поиске новых форм, новой подаче материала, новых полотнах, новых звуках, об отсутствии, порой, привычного ритма и т.д. Разговор нужный и очень важный. Видимо, мы созрели для следующей ступеньки на творческой лестнице.

Впервые на таком «кухонном форуме» присутствовал наш водитель Вася. Мы не просто ему доверяем, он полноправный член коллек-

тива. Он был удивлён нашими жаркими спорами, но одобрил.

Я всё ещё копирую на CD музыку: фолк, аутентик, world и т.д. Это занимает время, но я очень рад. Во-первых, постигаю работу с компьютером под чутким руководством Юрия Павловского. Во-вторых, овладеваю премудростями электронной почты. А главное — я привезу домой для ушей, глаз, тела, души много новых, разных звуков!

Сегодня наш первый концерт в Голландии за последних четыре года. С Богом, «Троечка»!

12 августа.

4.30. Мы вернулись с концерта. Мы счастливы! В одном только была беда — дождь. Он налетал, он улетал, вновь возвращался. Палатки и кибитки, в которых разместился народ, стояли в воде. Кто-то ходил босиком, кто-то придумал «новшество» — одел целлофановые пакеты. Кто-то, зная голландскую «капризницу»-погоду, топтал грязь в резиновых сапогах. Наверное, это было единственным минусом на фестивале. Готовились факела и очень странные конструкции из верёвок, палок, камней. У края воды возвышались какие-то белые скульптуры. Кто-то соорудил из песка скилетик и т.д. Мы прошлись по сухим дорожкам, посмотрели, как народ обосновался. Увидели на берегу у воды расписной домик на колёсах. В большом окне были видны две «жрицы любви». Лежали они совершенно голые: тоже на работе…

Наш концерт переносился, как и в прошлый раз, всё ближе к ночи. Мы немного злились, но вот стал надвигаться вечер. И изменилось небо! Северное небо особенное! Такие краски! Мы фотографировали воду, закат, появляющиеся свечи, огни, факела. И вот все деревянные сооружения, которые днём смотрелись грудой мусора и досок, ожили! Приобрели Дух магических существ. А огней всё больше и больше. Большой костёр у сцены собрал не только тех, кто хотел согреться: там гремели барабаны, и люди танцевали, выбрасывая руки в небо.

Перед нами выступали африканцы вперемежку с голландскими девушками-барабанщицами. Ярко, но с музыкальной точки зрения не очень интересно.

Мы долго готовили звук: аппарат был «ниже средней паршивости». Но был Дух! Он витал вокруг, и это очень чувствовалось.

Ровно в 24.00 мы ударили «Козу». Уже на «Русалках», на второй песне, зал был наш! Такого я ещё не видел! Они кричали, они танцевали, они «работали» с нами. Кто-то тянул ладони к сцене, кто-то чертил круги прямо на краю сцены и впадал в транс. Нас сжирали глазами! Можно многое списать на знаменитую «травку», но были простые лица, были

такие взрывы эмоций у людей, что «травка» тут ни при чём. Мы были для многих из них шоком! Что бы так завелись от белорусской музыки!..

Да, не простой народ был на этом фестивале. Нас не отпускали, нас благодарили.

В порту, на другой стороне озера, зажглись огни. Они перемешались с огнями фестиваля. И Дух праздника носился над полем, явно напевая «Яблонь моя»…

Это был успех. Это был долгожданный концерт «Троицы». Да, был неважный звук, были и наши помарочки с темпами, паузами. Но дважды заплакал Мартин. И это дорогого стоит…

Мы неслись в коридоре света по автобану, и сон морил не только нас, но и многоуважаемого водителя Васю. Слава Богу, вернулись, живые…

14.00. Музыкальный магазин. Смотрели мне бас гитару, а увидели гитарный синтезатор. И всё! Бегом за деньгами. Долгая дискуссия, подсчёт денег — и вот мы снова в магазине… Юрий Дмитриев стоит в раздумье — 600 евро!.. Но через полчаса его мечта сбывается, и он с любовью открывает коробку, нежно трогает синтезатор.

А мы несёмся на фестиваль. Дождь, поэтому выставка Мартина зачехлена, «Батлейки» вообще не видно.

Мы слушаем группы, ходим по шатрам. Смотрим свою сцену, говорим о звуке и — спешим домой! Подключать синтезатор и наслаждаться, наслаждаться новыми чарующими звуками!

13 августа.

«Folkwood fest» — название очередного голландского фестиваля.

До обеда каждый был занят своим делом, если не считать, что утром я два часа гулял по пустынному городу. Нет привычных бабушек и детворы, играющей на асфальте. Пустынный город навевал воспоминания о прежних посещениях Нидерландов. В первую поездку, в последний день пребывания, прямо в «сквоте» я нашёл странную бумажку с рисунком солнца. Оказалось, это 50 гульденов! На эти деньги старая «Троица» купила продуктов в дорогу…

На фестиваль приехали задолго до нашего концерта. Погода была как на заказ — солнечная ! Команды гремели на добротных подиумах. Но — и это заметили все — были похожи, как братья-близнецы. Засилие ирландской музыки. Правда, цены на лиры и волынки были далеко не «детские»: от пятнадцати до тридцати тысяч евро! Но и зарплата у них не наша «бульбяная». Я купил только поршневую дудку за десять евро. Такой нет в моей скромной коллекции. Были приличные гримёр-

ки, и я их сфотографировал: а вдруг белорусские продюсеры и «промоутеры денег» захотят спросить у меня: «А как проходят фестивали за границей? Чему мы можем поучиться?» Многому. Хотя, входной билет в семьдесят евро явно не тянет на «поучиться»…

Была хорошая подготовка к концерту — почти сорок минут. Было бы больше, но гремели в шатре волынщики, наслаждаясь гулом и валом звука, важно топотя чёрными ботинками и сверкая белыми гольфами. До сих пор не воспринимаю мужчин в юбках.

Мы впервые постелили на пол «посцилки» и, когда установили на них стулья и расставили инструменты, возрадовались! Будто на коврах-самолётах, вытканных нашими бабулями, мы привезли сюда песни!

Такого концерта мы давно не играли. Шум, гам и визг взрослой публики не прекращались. Мы сами завелись, ибо звук на сцене был хороший. Зрителей в ангар набилось человек под восемьсот. Явно им «закатили» наши песенки! По словам Лаури, на концерт пришли давние поклонники «Троицы». Концерт шёл на подъёме. Только в «Сонюшке» напрочь вылетел начальный текст, и я такое залепетал, что мои Юры чуть не прыснули от смеха…

Люди шли, и мы раздавали автографы. Лица, светящиеся глаза не скрывали удивления!

Представитель Pan Records явно переживал, что взял на продажу только одну коробку дисков. Потом, при обсуждении дальнейшей судьбы «Троицы», у него звучали разные страны, куда он хотел бы нас «пристроить». Эх, Бернард, ты мог этим заниматься с 1997 года, когда новая «Троица» начала «бомбить» Голландию!..

Мы не сразу отошли от концерта. Оказалось, и Юрий Павловский, и Юрий Дмитриев во время концерта вспоминали своих бабушек, дедушек. И конечно же, было «подключение» к Предкам. И это пошло сверху на нас, а потом и на зрителя. Действительно, очень необычный концерт.

14 августа.

Вася и Юрий Павловский уже в Германии. Будут помогать нашим польско-белорусским друзьям покупать автомобиль. А потом, если всё будет нормально, мы будем упаковывать музей в Польшу. Что-то сейчас размечтался: «А вдруг он и дома понадобится?» Дай, Бог!..

Весь день — дождь, дождь, дождь…

Грусть от того, что до Польши не будет работы. И надо сидеть тут, потому что и там нас теперь не заселят. Мы «зависаем», как компьютер.

Дом Мартина давит неубранностью, его голландским порядком: вещи не просто разбросаны, но лежат годами! Книги, диски и техника, которая тоже распиханы по углам. Картины! Их сотни! Они везде!

Мне бы такой домик. Костьми бы лёг, а порядочек навёл бы. В трёх комнатах на втором этаже, на первом и на чердаке. Но, опять же, я толком не знаю, где хочу жить. Даже не знаю, в какой стране… Я, как пластинка, которую возят, заводят на патефоне, проигрывают, складывают и везут дальше. До следующего прослушивания, в другой стране. И порой мне без разницы, в какой я стране и где я. Важно — концерт и хоть немного слушателей, чтобы почувствоать: приезжал не зря. Хотя и такое в моей творческой жизни уже было.

Однажды в Германии, во время футбольных страстей, на тогда ещё никому не известную белорусскую группу «Троица» пришло семь(!) зрителей. И шесть человек, обезумевшие от музыки, купили диски. Седьмой извинился, что нет денег на CD…

15 августа.

Уже 16.00, но ещё нет моих товарищей и поляков с автобусами. А думал загружать музей.

Мои экспонаты сиротливо выглядывают из разных углов и будто не верят. Не верят, что я их заберу и куда-нибудь ещё перевезу. Что-то истлело за семь лет, что-то порвалось, что-то поломалось (от частых перевозов и перезагрузок). Но живы «Батлейка», «Зорка». А как красивы стали куклы! В пыли и времени! Были сделаны в 1992 году. И кто тогда думал, что они столько отработают, да ещё восславят родную Белую Русь.

Но вот судьба вновь что-то готовит новенькое для моего музея. Так что, экспонатики, потерпите ещё чуть-чуть…

16 августа.

18.40. Отобедав у немцев в каком-то ресторане и потратив сумасшедшие деньги, «Троица» впервые вспонила и по достоинству оценила кулинарные способности Васи. Он, несомненно, приготовил бы лучше.

Вчера поляки пригнали три автомобиля, из них два автобуса. Музей быстро перекочевал в автобус.

Поражало спокойствие поляков — не было даже намёка на то, как они собираются отблагодарить моих товарищей за работу. Хотя бы условно. Как-то не по-славянски…

Вечерние сборы, и последняя ночь в Голландии перед дорогой домой.

Порадовал разговор с Мартином, в котором мы подвели итоги

творческой деятельности. Он поразился нашему росту, самостоятельности и полной автономии. Мы обменялись комплиментами и впервые разъехались настоящими друзьями.

Утром рванули на Тилбург, потом мчались в Германию, где нас ждал музыкальный магазин. Тут мы затарились «по полной»: я купил деревянную окарину и африканский «кувшин» с дыркой, Юрий Павловский — рототомы и стульчик. Красиво и достойно. Возможно, к концерту в октябре эти инструменты выйдут на сцену.

И вот мы летим по Германии, и нам опять весело машут ветряные мельницы: «До встречи!» Надеемся, что будет так.

Наш «караван» из четырёх автомобилей летит почти без остановки: поляки к утру хотят успеть на работу. А нам нужно в посольстве предъявить Васю, что он не остался там работать! Бред какой-то! А кто нас домой повезёт?

18 августа.

Преодолели 1300 км за двадцать часов. Титаническая работа для водителей! Ночью я так старался не уснуть, но падал и вновь подхватывался в шоке. Трасса!

Сколько я не уговаривал поляков отдыхать — бесполезно. Им на работу. Да, ладно — живы, и слава Богу!

В дороге много говорили, вспоминали своё старое, новое. Хорошо сказал Юра Дмитриев о современных отношениях двух полов: «Нужно держать птичку на плече, а не в клетке. Тогда она будет прилетать к тебе, весело чирикать, клевать зёрнышки. И будет, как и ты, — свободна». Да, свобода и переоценка своих чувств, сильных чувств — теперь моя постоянная забота…

Белые полоски дорожной разметки в какой-то миг не просто улетают под колёса, а взлетают в небо. И ты чувствуешь, что не только улетаешь с ними, но и раскатываешься колёсами — вдрызг! Подхватываешься — нормально, едем. Всматриваешься в плоть ночи, а через мгновение — вновь провал. Отвлекаешься, проезжая маленькие деревушки и сувенирные городки. Но стоит только попасть в темень, «галюники» наваливаются, как звери! И это я — не водитель. А каково же ребяткам пришлось (за «дзянькуем») крутить баранки чужих «повозок». Но радовала Голландия, её фестивали, наш успех. Немного грустно, что мы расстались с Мартином, который десять лет назад стал раскручивать белорусских фолк. И мой музей, наверное, не зря был всё это время именно у него. И те выставки, что он делал, пусть даже в рамках своих проектов, лишний раз напоминали мне, что это тоже здорово!

Сегодня будет решаться вопрос о музее. Потом — переезд в Беловежскую пущу. Завтра там концерт.

Наконец, усталые, как драные коты, что опомнились в старости от «бурной» жизни в молодости, мы возлегаем на новенькой мебели Сергея в его новой уютной квартире в Варшаве. Смотрим видео. Новый микрорайон гремит работягами с утра. Не дали нам выспаться, набраться сил. Хотя я с удовольствием встал через три часа. Но медитировать, когда гремят со всех сторон, сложно.

Ни душ, ни чай, ни уют (в сравнении с жильём Мартина) не успокаивают. А силы восстановить надо. Душно. Любуюсь природой, новостройками и потихоньку начинаю приходить в себя. И хочется, как в детстве, к маме…

Мама…
Эти пепельно-седые волосы некогда были шикарной причёской. Каждый появляющийся седой волос — белая отметина на чёрной смоле, толчок, переворот в судьбе. Как много этих отметин!..
Огрубевшие от пахоты руки, скрученные, покрытые многолетними мозолями, когда-то были нежны и изящны. Эти ноги с узлами вздувшихся вен в своё время были блаженством для мужского взора.
Это лицо. Глаза — порой пустые от безысходности, порой усталые от стольких лет тревог и ожиданий, порой смотрящие сквозь меня. В будущее моё, моих детей — её внуков.
Этот взгляд — молния через Поколения, это Любовь за всё, что дал Всевышний. Этот взгляд — молитва за всех!
Время безжалостно!
И как бы далеко я не заехал — везде и всегда я до сих пор связан с ней кроваво-золотой ниточкой-пуповиной.
Моя милая, седая, добрая, дорогая, святая, стареющая Планета — МАМА…

19 августа.

8.30 Мы в Беловежской пуще. Возвращаемся из Голландии.

Вчера тоже летели в дождь, и очень хотелось отдыха. Мы много говорили с поляками о наших планах, о музее, артгалерее, в которой могли бы проходить концерты. Но пока остановились на том, что «Батлейку» можно будет показать детям на Рождество.

В ночь яблочного Спаса плоды были вкуснее манны небесной. Звёзды так же величаво, как и сама Пуща, смотрели на нас сверху. Наверное, пытались рассмотреть.

Утро наполнено той волшебной тишиной, которой мне так не хватает в Минске. Я брожу по пуще, ищу столетних гигантов и поражаюсь их мощи и силе. А человек — такой слабый и болезненный — ломает их ветви, спиливает на дрова. Словно бивни доисторического мамонта лежали на земле старые толстые ветви. Да и сами гиганты, поросшие мягким зелёным мхом, больше напоминали плывущих в морских толщах кашалотов. А дупла! А корни над землёй, толщиной в мой торс! И порушенный у корней мох, и поломанные ветви вокруг говорили о том, что здесь ночевал не зайчик, а явно царь пущи — зубр. Час прогулки пролетел, как минута. Я только боялся заблудиться, чтобы не сорвать сегодняшний концерт.

В диких травах заблудился, захмелел.
В стае уток на юга улетел.
На горячем на песке загорал
И солёную волну разгребал.
Всё хотел Звезду Морскую достать.
Всё срывался с насиженных мест…
Деревянный срубите мне Крест!

20 августа.

7.30. Мы несёмся по лесным дорогам пущи, мысленно прощаясь с проплывающими деревушками.

Утром меня разбудили ласточки. Я успел навестить пущу, постоять у дуба-великана, которому явно лет пятьсот. Пуща гудела и звенела, как улей. Кто-то страшно выл или стонал, ему вторили собаки. Но на душе было спокойно. Как комфортно в лесу одному: ты, деревья и твои мысли...

Как прошел вчерашний концерт? Звук привезли с небольшим опозданием, но обрадовало, что на сей раз привезли мониторы, значит, мы себя будем слышать. Настроились и расставились быстро. «Концертный зал» был красиво оформлен. И люди были, и звук неплохой. Играли два раза по сорок минут. С моими «переодеваниями» из рубашки в рубашку. О, как звучит «Дубравушка» в Беловежской пуще! Кажется, звери тихонько подходили и слушали: мы ведь выступали в пяти метрах от пущи. Народ рассматривал, слушал, благодарил. Кто-то

говорил: «Шоу, шоу!» Маленькие дети, на удивление, пританцовывали прямо на полу. Я как-то незаметно отпел программу. И пришла усталость, видимо, она была, только пока дремала где-то внутри. Думаю, это отголоски перегона машин из Голландии в Варшаву. Только теперь доходит, что могли и не доехать.

Хозяин «фазенды» — крепкий разговорчивый человек — благодарил. Радовался, что были люди и что многие остались довольны концертом. Одна беда: Игорь забыл наши промо-диски в Варшаве.

Хозяин рассказывал, что кабаны совершенно не боятся собак и внаглую «копают» бульбу. Одну собаку, которая много тявкала, порвали в клочья. Вообще, он планирует еще десять домиков строить. Говорил, что летом полно людей. Да, воздух и тишина пущи — целебный бальзам на раны городского жителя. Не зря народ так стремится глотнуть свежего воздуха, ожить, выплюнув гарь и асфальтную пыльцу городов.

Сегодня срезали трассу по лесным тропам и где-то через семь километров будем на границе.

11.30. Уже узнают пограничники, кто-то даже слушает наши диски. Значит, многое не зря.

Всего час на жаркой границе среди «бензовозов»-поляков, и мы окунаемся в Дух родного Пространства.

А была ли Польша, а была ли Голландия? Может, это один длинный сон, который почему-то приснился нам всем и сразу. Только разгрузив инструменты и увидев новые, купленые в чужих странах, поняли — это явь!..

День! Солнце — жёлтая сковородка — кипятит кровь. Волосы медной проволкой...
Ночь! Не спят, снуют, как слепые котята, авто. Толпа, загрузившаяся в «ночнике», ревёт, как на футболе...
Утро! Прочь из «кельи»!
Пространство!
Не остывшую за ночь землю набальзамировала скошенная трава. Скворцы метут всю мелкую живность. «Иней» тополей до безобразия назойлив. Дятел — красная рубаха — утренняя зарядка клюву. Зелень под ногами! Зелень над головой! Зелень внутри сердца — мягким огнём.
Пространство! Лечится Душа. Рубцуется тело-лентяй. Скоро липа окропит всё мёдом. Рыбаки — старые грибы с червями. Червяк — рыба — человек — червяк!.. ПРОС-ТРАНС-ТВО!

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

11 сентября.

Нас ждёт фестиваль в Варшаве.

Выехали воскресным солнечным днём. Но, работа есть работа — летим! Быстрый перекус на любимом месте с валунами и опять вперёд. На любимой речушке я погружаюсь в прохладную воду — оживаю!

Граница опять полна «бензовозов»! Что, становиться в очередь и «кипеть» шесть-восемь часов? Едем, прямо как танк, к погранцам: «Фестиваль, пустите!» Странно — пропускают. Может, мои усы, свисающие из окна автобуса, помогли? Границу пролетаем как мухи!

Но, не всё коту масленица: за час до приезда попадаем не просто в пробку, а в «пробищу», и едем ни мало, ни много — пять часов! Василий издёргался сам и задёргал свою машину. Порой он не выдерживал, кричал в окно своё любимое ругательство: «Семейка!» Один раз этим «матом» чуть не свалил мотоциклиста, который как раз проезжал мимо.

Приехали поздно, заселились в номера и ещё больше потухли. Номера явно для новобрачных: кровать на всю комнатушечку. Не пройти, не проехать. В сравнение: моя комната в общежитии — полигон.

Тяжёлый сон и ожидание крутого фестиваля. Как оно всё будет?

12 сентября.

Мы в центре города. Казалось бы — иди, гуляй, смотри достопримечательности. Ан нет. Не оторвать от кроватушки…

12.30. Отъезд на саундчек. Центр города, ангар и рядом огромное здание, где в 1989 году я впервые в составе тур-группы попал в Польшу. И стоял, как все, продавал последний кипятильник из дома, чтобы привезти то ли «шмотки» в семью, то ли доллары для жизни. Смутные времена, они где-то далеко, как сон. Кажется, и не я это вовсе был, честно!..

Теперь у меня тут концерт. Зал хороший, очень понравилось оформление. Хороший дизайн. Ярко и красиво. Только будет ли такой свет на концерте? Выяснилось: вход свободный, зал на пятьсот-семьсот человек. А рядом, на других площадках, море команд и других концертов! Организаторы фестиваля волновались, будут ли люди.

Вечер принёс ещё большие разочарования. Нам опять сократили программу! До сорока пяти минут. Мы чуть не переругались в гостинице: «Что убрать?» Столько дорогих сердцу вещей! И это сокращение не последнее. Так как в 21.45 нужно «умолкнуть»: центр города, будут штрафы! А нам и вынести, и подключиться, и настроиться на концерт

надо. Мы последние. Перед нами были «хохлы», у них, видно, тоже не всё хорошо с программой. Как начали тянуть балладу на минут десять! На диске они мне больше понравились. Потом ещё были литовцы-язычники! В добротных костюмах, со «свастикой», с берестяными трубами, барабанами, странными хороводами, с обращением к Перуну и т.д. Я думал, они этой программой нам помогают — Предков приглашают. Но нет. Наш концерт, хоть и прошёл хорошо, для нас так и остался несыгранным. Конечно же, команды затянули время, мы вышли в суете, не зная, что и сколько сыграем. Но больше всего меня разозлили «беларускамоўныя» поклонники. Они носились перед сценой с флагами и с криками «Жыве Беларусь!» даже на медленной песне «Журавы». Да, «жыве», так, как может жить. Чего кричать? Ну, в общем, — я был зол, и это сказалось на энергетике программы. К тому же — темпы. Спешка, чёртова спешка! Для зрителей, и тем более для организаторов фестиваля, всё прошло хорошо, все остались очень довольны. А мы — нет!

Весь вечер, утро следующего дня и по дороге домой мы обсуждали прошедший фестиваль, искали новые варианты концертов, звука на сцене. Только Сергей Хлыстун за пять минут до концерта может сделать мало-мальски приличный звук. И как много ещё нужно работать, чтобы голландский — последний летний концерт — стал для «Троицы» нормой. Работать и готовиться на самом высоком уровне. Не обращать внимания на всю «мышиную возню» и попытки превратить этнический концерт в политический митинг.

Осадок — не всё получилось. Да, казалось бы, столько лет ищем, экспериментируем, а не всё получается. Каждый концерт как в первый раз. Тревога, трепет, волнение и всякие «подводные камни», которые нужно проплыть во время концерта, не коснувшись их острых краёв. А я в начале концерта «зацепился» и прокричал все девять песен, «обливаясь кровью». Вот уж где правда: «Век живи — век учись». И мы хотим и учиться, и по — другому работать. Все!

Мы летели в темноте родной земли, разрезая пространство автобусом, новыми мыслями и желаниями ещё что-то успеть сделать хотя бы к сольнику в октябре. Мы очень хотим.

Разгрузив инструменты в университете, ровно в 24.00 я зашёл домой. Чай стал снова и снова возвращать меня на концерт в центре Варшавы. Как будто я снова продавал там кипятильник. А когда же я стану настоящим музыкантом? Дом обнял меня по-отцовски, а Гребенщиков запел: «Там, где я родился, основной цвет был серым…»

СКВОЗЬ СТУДИИ…

6 ноября.

Опять, опять! Да, студию отменили, и Юрий Дмитриев уже звонил об этом даже не со злостью. Говорил, что уже всё ему самому надоело.

А так как я переболел «этим» безобразием, то был мудр и спокоен.

Мы начали с записи сказки (сюжет которой придумали сами), хотя я и текст забыл на работе, и, вообще, настроение было не очень.

Но пока выставили микрофоны, появилось желание петь, и я «ревел» на все голоса, включая фальцет. Студия жила своей жизнью: кто-то отрывал нас от записи, Андрей Жуков шутил по поводу сала и т.д.

Но мы уже так прижились в студии! Чашка чая и — вперёд!

За день подготовили вокал в сказке. Неплохо. Хотели ещё прописать гитару в «Ведьму» и были ошарашены! Она уже есть?! Когда? Выяснилось, что за полтора года мы уже «потерялись». Где, когда, кто и что дописывал. А гитара была красивая! Решили прослушать все песни и записать, где чего недостаёт.

Из одиннадцати пять были готовы к «употреблению»! В остальных малость «трэба было далiваць».

Интересно, я чуть не разрыдался — такие есть красивые и достойные места. Да, «Русалки» не в характере, но и вся программа такая необычная.

Песни, словно дети, вышли в центр студии и стояли в красивых шапочках и цветных костюмчиках. Кого-то надо чуть причесать, подутюжить. И — вперёд!

ДУДА.

— Ду-(нуть)?

— Да!

Вселенная — тёмный пузырь: нет начала-конца. Слюна вынашивает плод-звук. Волнуется сердце Исполина, отдаётся эхом в оживающем пузыре. Напрягается Звёздный Алфавит. Скоро кончики пальцев приоткроют отверстия и хлынет Жизнь. Зазвучат деревянные трубы Архангелов, возвестят — в темноте Там и в тиштне Здесь — Рождение! И клинопись Неба выложит новое имя — Звук! Он пришёл на Свет! Пронизал Мать-Землю, святую Воду, небесный Воздух и всеочищающий Огонь. Звучим — Живём! Мелодия — Карма. Паузы — потери. Октавы — параллельные Миры. Фермата — эпиграф. Божественные Звуки всего. Совместное звучание! Поют капли дождя, рассы-

пая аккорды океанских посланий. Шуршит полифония снежинок, выкладывая интервалами сказки полюсов. Ласкают песнопения травы, оставляя в памяти трезвучия былинных корней. Кружат амулеты ораторий четырёх ветров.
Звук — интервал — аккорд. Зерно — колос — поле. Мужчина — женщина — Поколения. Вечная музыка Жизни! Дыхание Вселенной. Пульс тотемов Неба. Молитвы Пращуров.
О, Дуда!
— Ду(нуть)?
— Да!

7 ноября.

Было решение пригласить сессионщика и прописать роковые барабаны. Конечно же, выбрали А.Сторожука. Он прибежал заранее, хоть должен был появиться после обеда, отслушал материал, на зависть нам расставил новенькие барабаны. Как разыгрывался! Потом долго подбирал, что играть. Приятно: человек так переживал, выбегал, переспрашивал, если надо, добавлял своё. И продукт начинал пульсировать «иным духом». Добавился великолепный музыкант-ритм-секция. Я назвал его для себя «золотой пружиной».

На это ушло часов восемь. Но зато барабаны прописали в три песни: «Русалки», «Триптих» и в «Ведьму». И как стало всё красивенько!

Народ в студии был ошарашен, так как «Троица» звучала необычайно тяжело. Ну, и хорошо! Мы такого и хотели.

Андрей Жуков не скрывал своей радости: прыгал на стуле, стучал по столу! «Какой саунд!» И мы тоже только разводили глазки в стороны: «Вот так получилась «Троица»!..

Я немного протестовал, называть ли этот продукт «троицким», но народ развеял мои сомнения. «Троица» — это «Троица». Но с такой вот программой!

Я уж было думал — всё, пойдём домой. Но Андрей скомандовал: «Ещё будем прописывать голоса в сказку». Приступили с неохотой.

Потом студия тряслась от хохота. От фантазий о зайце, который и пьян, и любит всех и вся, кого только ни поймает. Потом хуже — стали читать по ролям! Когда Юрий Павловский сказал «дебильным» голосом: «А дзе шукаць гэту жонку?», от смеха мы не могли работать минут десять. Юрий Дмитриев говорил за Зайца — и пьяным тембром, и шепелявым. Это нужно было слышать! Я добавлял всякие эротические «вставочки», которые, к сожалению, не вошли в запись. А потом у

микрофонов выстроилась вся «Троица» и Андрей. Нам нужно было изобразить пьяную свадьбу и гуляющих зверушек! Мы и выли, и мычали, и стонали, и визжали! За пультом народ рвал животы. Так мы давно не смеялись. А если учесть, что каждый видел свой мультик, — настроение передали на плёнку шикарное!

Потом ещё долго стояли возле студии и обсуждали планы на будущие. У нас есть работа — и в этом счастье «музычаров»!

10 ноября.

Мы всё ещё ходим в студию как на работу. Андрей даёт нам прослушать конечный вариант каждой песни, мы спорим, соглашаемся, немного ругаемся, миримся, опять слушаем и… ждём очередного приглашения в студию.

В последнее время у меня появилось ощущение, что мы все — Андрей и «Троица» — срослись в одно могучее дерево. Переплелись корнями и ветвями и... скоро появятся «цветы». Как на том огромном тюльпановом дереве, которое я когда-то видел на юге.

Ангел Света, стань на страже!
Отгони чертей!
Запрети колдуньям-ведьмам
Чаровать людей!
Ангел Света! Круг защитный
Начерти троим,
Чтоб ни горе, ни заботы
Не пристали к ним.
Ангел Света, стань меж нами!
Мы пойдём втроём
Под Твоей защитой мощной,
Под Твоим крылом.

14 ноября.

Целый день Юры записывали, то есть, подписывали те треки, которых не хватало. Я ещё мучил студентов разными сценариями. А так хотелось бежать и помогать в студию. Потом летел туда на «такси», гремел шархунами, балалайками, которые были в багажнике.

Мы — молодцы. Партитуры песен обросли мелодиями, звуками, как днище пиратского корабля. А, что? И пиратского! Ведь много и мелодий, и звуков мы откуда-то выкопали. Может, вырвали из Пространства. В

«Триптих» Юры прописали много красивой перкуссии, разных барабанчиков. Потом Юрий Дмитриев прописал цитру (немецкий струнный инструмент), и Андрей удивлялся «низу» — звучанию инструмента. Выяснилось, что «низ» он накрутил сам. Юрий Павловский вдруг нечаянно выронил колокол, и он ударился о корпус коробки. Андрей вздрогнул и… долго «мучил» виновника, чтобы прописать именно этот звук. И он украсил песню! Не зря у Андрея Жукова такие ушки! Заканчивал дописывать я: вздох (почти эротический) и кусочек в «Удоль па рэчцы».

Потом ещё раз всё прослушали, но так и не переписали на диск. А ведь нужно отслушать, что-то решить по звуку и т.д.

Усталые, мы выпали из студии… Нам не верилось, что больше не надо ходить в студию! А у Андрея ещё полгода для сведения и мастеринга.

Сыпал снег. Много снега — машин не было видно. В душе я радовался зиме, предстоящей проруби, но даже не догадывался, что через день всё растает, как сон, как полтора года записи в студии. Всё тает…

Лишь Земля всё помнит…

ЛЕСОРУБ

ПРИТЧА

Ранней весной на плешку-полянку среди уползающего снега вышел молодой, здоровый Лесоруб с новеньким, блестящим топориком.

В его глазах отражалась бездна голубеющего неба, в голове звенели хоры птиц, а душу распирало какое-то необъяснимое чувство. Весна — время, когда многие сходят с ума…

Он долго высматривал свою первую жертву, наконец нашел и легонько ударил топором. Молодая, пугливая нежно-зелёная ёлочка только ойкнула. Но через какое-то мгновение упала на спину, широко раскинув свои хрупкие веточки. Запах ее тела ударил в ноздри Лесоруба, хвоя защекотала его руки, лицо. Потрясённый и одуревший от всего этого, он встряхнул головой, будто сбросил с себя что-то, и, не оборачиваясь, шагнул вглубь леса.

Второе дерево, третье... Топорище гуляло с утра до вечера. На его пути попадались совсем молодые и уже старые деревца, тонкие и толстенные, с пышной шевелюрой и с совсем редень-

кой листвой. Валил всё. Что-то поддавалось очень легко, что-то нет. Многие сопротивлялись, и их приходилось оставлять со скрученными ветвями, почти нетронутыми, с белыми насечками, из которых, будто слёзы, стекал по стволам сок.

Он вошёл в азарт, и топор стал стучать даже по ночам, при свете Ночного Солнца.

Порой Лесоруб встречал таких же, как он, «лесосеков», и шумной, весёлой компанией они до утра засиживались у костра. С упоением рассказывали они друг другу о своих влечениях-похождениях, хвалились топорищами. По утрам, как сонные мухи, расползались по огромному лесу…

Незаметно отбушевала весна, отстрекотало кузнечиками лето, появился жёлтый ковёр осени. И когда поредела и зашуршала под ногами листва, его вдруг охватило горькое чувство печали. Он стал задумываться: «Кто он? Куда идёт?»

Всё чаще и чаще он стал отрывать взгляд от топорища, глядеть в Небо, словно ожидая ответа. Удары топора становились реже. Давно исчезли шумные компании «братьев по топору». Если где-то и были слышны их голоса, он старался обойти эти «ямы с углями», заведомо зная, что ждало его там.

Сейчас ему важно было понять, зачем он здесь? Но душа, будто в темнице грехов, томилась, молчала. Беззвучным было и Небо.

И вот однажды, когда деревья совсем разделись, не стыдясь своих тел, и надолго застыли в ожидании новых нарядов, он вспомнил, зачем когда-то пришёл в лес. Он должен был найти в этой чаще только одну свою Кровинушку. Припасть к Ней губами, породниться, испить её сок — чистую, светлую кровь Земли. Весной… Но уже Зима! Столько бездумных, разудалых дней!.. Он брёл через кусты, через поваленные им же деревья, уже ничего не соображая, как когда-то Весной. Но как всё изменилось!..

Ночью, когда на небе Святые рассыпали сундук с драгоценностями и выкатили огромную светящуюся монету, он остано-

вился на берегу лесного озера и вдруг увидел Её. Освещённая луной, Она одиноко, но гордо стояла на небольшом островке. Кажется, тоже искала, ждала его, тихонько позвякивая украшениями-сосульками на ветвях. Звала его. Усталый, истерзанный мыслями и сделанным, седой, как многолетний можжевельник, он стоял на берегу озера с тупым, ржавым топором в руках. Со страхом и болью оглянулся он назад. Поваленные деревья, горы поломанных веток, пепелища… Ужасное зрелище! Все это, как в зеркале, отразилось в Душе. Боль и раскаянье нахлынули на него, будто горный поток, залив каждую клеточку пустого тела. Весь этот бурелом с вывернутыми, обгоревшими корнями надвигался на него чёрной стеной, будто толкал в ледяную купель...

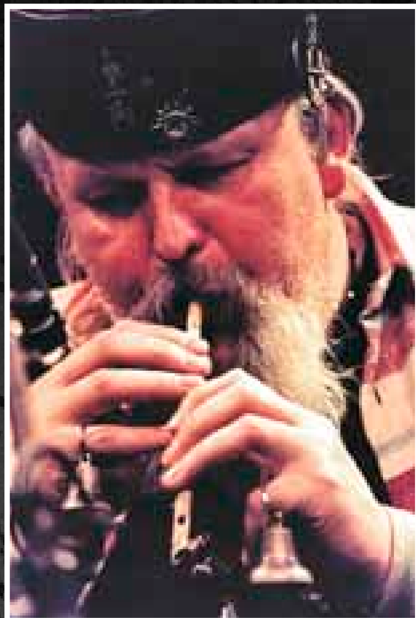
А впереди, на белом чистом снегу, вся в гимне лунного Света стояла Она…

Лесоруб бросил на мёрзлую землю уже ненужный ржавый топор и вошёл в обжигающую ледяную воду…

Оратория декабря.

Пальцы судорожно перебирали воздух вокруг, будто искали ноты Гимна. Полуоткрытый рот Мумии не издавал ни звука Священного Текста. А Душа, рваная, истоптанная, гремела трубами сотен оркестров! Без нот! Без текста! Все вокруг расступились — внутри Тела звучала Оратория.

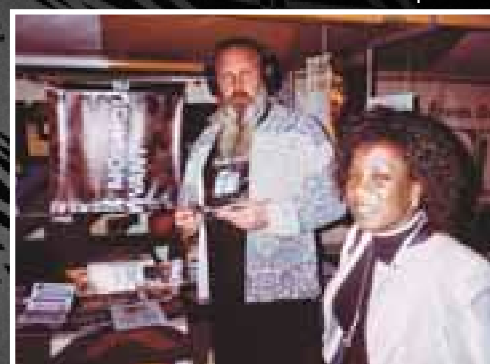
Оратория декабря…

Концерт

Михель. Германия

Womex

Руигурд. Голландия

«Руны»

Эстония

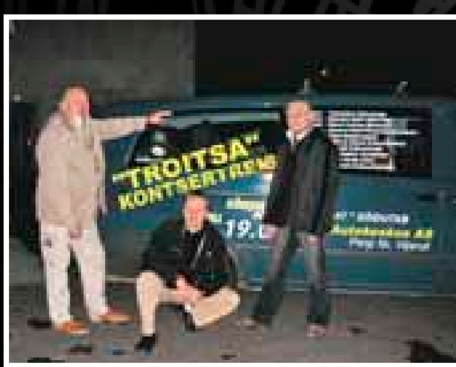
Эстонское ТВ. Таллинн

Гданьск. Польша. 2005

Эстония

Наш тур. Эстония. 2005

Концерт. Эстония

С Д. Войтюшкевичем

А. Жуков

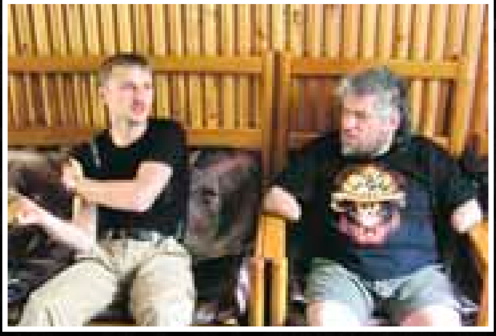
В студии...

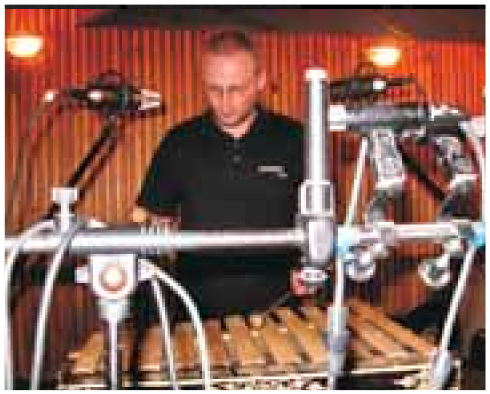

...в студии...

...в студии...

...в студии

«Басовишча». Польша

Наш «кировца». В. Ковалев

Белосток. Польша. 2006

Белосток. Польша. 2006

С И. Зныком

Руигурд. Голландия. 2006

Съемки для польского ТВ. 2007

«Краина мрий». Киев. Украина. 2007

Белосток. Студия. 2008

Folkwood. Эйнховен. Голландия. 2006

Шешори. Украина. 2007

Приехали...

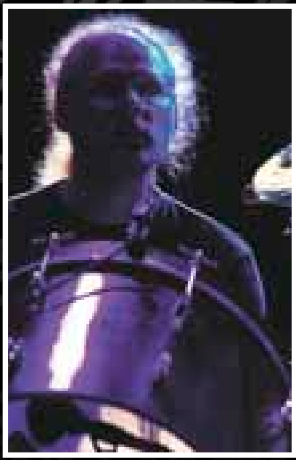

С С. Рыбаковым

Минск. 2008

Спектакль «Варажбит»

Спектакль «Варажбит»

Ю. Дмитриев. 2008

Ю. Павловский. 2008

2007 ГОД
ЭТО — МОЯ ЖИЗНЬ

2 января.

Мы слоняемся по дому, помогаем маме, папе. Какие-то мелкие заботы, а на улице сыро, дождливо. И еле-еле пробивается солнышко. Вот таким был Новый год. Мы «щёлкнулись» у Снеговика без морковки на пустой площади. Я с грустью посмотрел на светящиеся окна своей первой «любви». Боже, прошло тридцать лет, как я стоял под её окнами, забрасывая комнату цветами! Тридцать лет… Она, наверное, уже бабушка?

Елка, подарки, радость близких — что может быть дороже? Старые ёлочные игрушки времён нашего детства смотрят величаво-грустно. Они явно помнят всё до мелочей и хранят, как копилка, тот всплеск эмоций от картонных подарков с одним ярким, желанным мандарином…

Елка кололась, будто злилась, что её вытащили с родимой земельки. Жертва… Не понимала, что она жертва этому времени, когда стирается грань Ночи и Дня, Темноты и Света. Земля, Время уже взяли столько, сколько нужно. Они веками, без перерыва укладывают в слоистый пирог сухие мумии Прошлого, освобождая место Новому. Новому телу, новому Солнцу, новой Звезде. Без перерыва. Мы пыхтим, что-то стараемся успеть, куда-то летим, сломя голову, позабыв и оставив в стороне близких. А Там, Наверху, всё расписано, всё известно. Там только посмеиваются над нашей муравьиной суетой.

Что же нам надо?

Сколько? Ежедневно, ежечасно.

Новый год (год кабана) уже второй день шагает на слабеньких поросячьих копытцах к декабрю, когда старый, упитанный хряк упадёт в последний день декабря и, как в сказке, вылупится Крыса. Начнётся Новый Круг. Новый хоровод Зверушек.

Или просто продолжается наша жизнь? С родными и такими близкими сердцу родителями, которые оставляют свои

глубокие следы на Земной Тверди. А нам идти дальше, дальше и дольше их. Если так записано в Канцелярии Неба…

«Коленды» (святые песни на Коледу) — без снега за окном, без морозных проказ на окнах — веют Вечностью и Детством. Оно так и осталось внутри, оно греет душу тем, что мы всё ещё чего-то ждём, хоть нам уже за сорок, а то и за семьдесят. Просто мы идём от Детства — к новому Детству! К другой жизни, в другом Пространстве. Вечное Детство — вечная чистота. Так как взрослые уже набираются «грязного», а дети нет. Идут по облакам босыми чистыми ножками, с чистыми беленькими ручками и хрустально чистыми душами. Пока не ступят на грешную Землю…

ТРУД.

В уши ударил Колокол. Ноздри засверлил Ладан.
Высокий бестелесный Ангел ждал меня на ступенях огромного белого здания с колоннами, напоминающего библиотеку. Он был почему-то с моим лицом, в возрасте двенадцати-четырнадцати лет, с короткими, редкими блёклыми волосами, худосочный, с небольшими крылышками за спиной.
Я робко протянул ему книгу и ужаснулся. Ещё утром она была безупречно чиста! А сейчас?.. Из мятой, выцветшей, развалившейся обложки вывалились чёрные оборванцы-страницы! Я суетливо бросился вытирать рукавом обложку, но ещё больше размазывал грязь.
Ангел протянул прозрачно-розовую руку и сразу же отдёрнул её.
– Это не хочется брать в руки, — буркнул он сухим голосом.- Страницы в грязи, книга плывёт грязью!
«Даже не покраснел», — подумал я, увидев пару мелькнувших оргий.
– Прочти, там столько интересного, — робко начал я.
– Это для тебя. Внешнее — оно и внутреннее, и не может быть иначе, — звучал голос Небесного Судьи.
– Да, я жил по-всякому — думая и не думая, — продолжал я, неловко оправдываясь. — Делал Это и убегал от Этого, радовался своей, казалось бы, твёрдости. Огорчался своим новым падениям и окутавшей меня слабости, вновь вставал, стараясь забыть Это.
Он мягко перебил меня:

– Мы приносили тебе каждое утро чистый белый лист, а к вечеру ты утяжелял книгу. Что в ней ценное Небу? — спросил он строго, глядя на меня в упор голубыми безднами. — Много ли пользы в ней людям?
– А почему моя Жизнь должна быть кому-то интересна? — стал я заводиться. — И тем более поучительна? Это — Моя Жизнь!..
– ???
– Так куда её, мою книгу, — в костёр? — спросил я.
– Время — Весы, — спокойно ответил Он. — Вечность взвесит, положив в одну Чашу твою книгу, в другую — горсть девственно чистых, лёгких звёзд. Время покажет…
Он ушёл, опустив смешные крылышки, бесшумно растворился высоко на ступенях Храма.
Одиноко стоял я в белом Пространстве, в тишине и покое. Я знал — равновесия не будет…

10 апреля.

Москва — Беларусь — Алтай. Вместе с Н. Грозновой мы подготовили уникальный международный проект «Дорогами Предков». Это концерт-спектакль, в котором показаны все этапы жизни человека. В основе этого проекта был мой моно-спектакль «Варажбит». 6 апреля мы показали его в Москве в д/к «Стимул», а 7 апреля — в д/к «Искра».

Мероприятие получилось важное и сильное! В проекте ещё участвовали и другие коллективы. После второго концерта ко мне подошёл один из участников проекта и спросил: «Вам интересен русский фольклор?» Я ответил: «Да. Я вообще интересуюсь музыкой народов мира». Как же я удивился, когда утром он принёс мне двадцать пять дисков CD и DVD. Бесценный и уникальный материал! Это фестивали и конкурсы народного творчества в различных регионах России. Это ткачество, узоры. Мастер-класс по хореографии «Северный пляс». Песни донских казаков. Русские бои под гармошку. Былины русского Севера. Антология народной инструментальной музыки. Архивные материалы и экспедиции. И многое-многое другое. Ну и что? Я доехал бы туда сам? А тут всё принесли — сличай, изучай! Вот так пополнился мой архив!

Странно, и другие приносили и отдавали мне много материала! Алексей Коршунов — археолог из Москвы, Станислав Ермаков из издательства «Ладога-100», да и просто совсем не знакомые мне люди передавали, присылали мне диски, книги. Значит, мне это нужно!

И это не считая тысяч CD в личном архиве, где музыка, песни, танцы не только родной Беларуси, но всего земного шара. А то! Всё интересно!

НАМ ПОМОГАЮТ ПРЕДКИ!

24 апреля.

Польша. 19.00. Вчера мы все крутились как веретёнца! Перед поездкой в Польшу у всех накопились много дел: у кого дома, у кого в университете. Мы красиво загрузили автобус, аккуратно расставив кейсы с надписями «Троица». Солидно. Забрали Сергея Хлыстуна — нашего звукорежиссёра — и покатили на границу. Ничего не предвещало каких-то неприятных моментов. Если не считать, что впервые не везли с собой бумаги на провоз инструментов. Просто внесли их в декларации. А что, разве это антикварные инструменты или цены на них с пятью-семью нулями?

По пустынной дороге летели в ночь наши мысли и мечты о том, что мы скоро будем созерцать Краков. В 3.00 мы поразились абсолютно пустой границе. Милый пограничник попросил компакт-диск и пропустил. Таможню прошли без проблем. Выстроились на паспортный контроль и…оказалось, что в моём паспорте просрочен штамп на выезд, а виза на Польшу уже красовалась.

Лица пограничников становились такими родными, хотелось обняться, договориться, дать денег, рассказать, как нам надо в Краков. Но человек в зелёной форме явно жаждал дырочку в мундире для ордена: «Враг не прошёл!» Лицо его сияло круглой, побритой луной. И он, как айсберг, вырастал в глазах своих товарищей. И не стыдно такую бороду возвращать на Минск?

В общем, убитые горем, мы повернули обратно в Минск. Всё упиралось во время, ведь у нас в Кракове ответственный концерт!

Обратная дорога в Минск напоминала картину «Бурлаки на Волге»: то есть, я — баржа, а товарищи мои тянут меня через границу. А воды нет!

Стали искать все возможные варианты решения моей проблемы.

Весь день наша команда работала, как крепкий кулак! Где-то внизу шевелился мизинец — Вася. Сверху — старший и толстый я. Указательный и средний — Юры. А безымянный — звукорежиссёр. Кулак работал сильно и верно! Пробивал непробиваемое!..

В 18.30 я приоткрыл паспорт и… родился заново. Штамп радовал глаза и хитро посмеивался: «Как я вас?» Мы летим! Мы вновь хотим глотнуть этот удивительный воздух польской земли! Я вновь пробегусь глазами по всем костёлам, что режут Пространство, тянутся своими огромными, высокими крестами прямо к стопам Всевышнего. Едем!

25 апреля.

6.00. До Кракова 150 километров.

Ночь, пустая трасса и красивейшие светящиеся дороги. Небо всё в звёздной россыпи, в которую так хочется окунуться, чтобы смыть земные заботы и усталость. Думаю, и Предки так мечтали, глядя в звёздные ночные окна. Домечтались! Сидят на звёздочках и наблюдают за нами. И, конечно же, помогают.

Автобус плывёт в густом тумане, из которого величаво выползают дома, деревушки, зубья заборов, паутина телеграфных проводов. А по беспроводной связи летят наши утренние слова родным, близким, любимым. Ведь они так всегда переживают, когда у нас какие-то проблемы и трудности. Вот эту беспроводную связь ценишь больше всего. Всякие другие «связи», блат и даже дружба — зависают вопросом. Я уже больше начинаю верить в силу мысли и молитвы.

Вновь поражаешься находчивости водителя Василия: соорудил кровать, краник для рукомойника, коробочки, ящички. Кажется, нет места в автобусе, куда бы не заглянул его творческий глазок. Жил бы в Японии, за такие идеи озолотился бы. А тут?

10.15. Краков! Весенняя яркая, цветущая клумба! Прости, старый город, сегодня явно не пройдусь по твоим древним улочкам. Лежим после завтрака в студенческой гостинице. Уютно, чисто. Телевизор, чайник, холодильник. Уезжающие и приезжающие студенты и студенточки. Эх, молодость!..

13.00. Наш сон прервал звонок. Интервью! Дама с белой гривой выглядела внушительно, дико извинялась, что разбудила. Два вопроса. Первый — о белорусской культуре, второй — где как нас воспринимают. Люди! Когда в ваших головках хоть чуть-чуть поменяются вопросы? Весна, и не хочется говорить о грустном. Хочется работать.

17.00. Поехали на саундчек, понимая, что вернёмся в гостиницу только ко сну. Город «радовал» пробками и дико скачущими прямо по газонам машинами. Красовались цветущие деревья, как невесты, ожидающие свою вторую половинку. Весна! Полноправная хозяйка этого удивительно приятного для глаз и сердец времени…

17.30. Студенческий клуб, бар, подиум. Мы привычно таскаем чемоданы, кейсы, гитары. Это первый концерт в этом году, тем более за границей. Стелем «постилки», определяя своё пространство на сцене и утверждая «белорусское» на «польском». Расставляем многочисленные инструменты, а Сергей Хлыстун мастерски подключает микрофоны.

20.10. На конец мы выходим на сцену и начинаем… Погружаем неподготовленную аудиторию в иные звуки, иные аранжировки. Зритель сидит тихо, немного шокирован: всё, включая инструменты, их завораживает.

21.40. Мы «вплетаем» в их души «зялёны чамбор», «ведём» по густым «дубравам», «оберегаем» от «русалки», «кружим» в купальской «канапельке», «кормим» свадебным «караваем», «опьяняем» шуточной песней о семи чарках «гарэлкі». И, наконец, поднимаем часть зала в хоровод «Яблынь». Вот теперь они «готовы», а наше выступление закончено. Не понимая, что произошло, они хлопают и кричат. Что, дошло? Мы выходим на сцену ещё раз и рваными, как облака, связками я пою «Ня ддай»…

24.00. Ужин не лезет в больное горло, и я падаю спать. Эх, Краков, может хоть во сне я увижу твои красоты?..

26 апреля.

Краков — Варшава. 9.00 — отъезд.

Машины за 100 км до Варшавы выстроились в многокилометровые очереди! Будто бы все спешат на наш концерт. Вот бы такое было! Да нет, это ремонт дорог. А ещё добраться до самой Варшавы, до гостиницы, умыться, пообедать и — бегом на концерт! Колесо! Новые лица, и вновь наш «ликбез» с белорусским фольклором. Такова участь «Троицы»…

Ночь. Уже позади концерт в одном из клубов в центре Варшавы. Было девятнадцать зрителей и негр-бармен. Бывают и такие концерты. Но принимали тепло и слушали очень внимательно. Правда, у нас были свои «сбивочки», и мы с горечью это обсуждали.

В номере небрежно разбросаны вещи, чайники, компьютер, телефон, свечи, диски. Но приводить всё в порядок просто нет сил…

28 апреля.

Мы в Беловежской пуще.

Природа щебетала голосами птиц из пущи, и мы радовались предстоящей бане и прогулкам. Но баню сломали отдыхающие немцы, и грусть приползла на сухие банные полки…

Мы прогулялись по тропинкам нетронутой природы, сделали пару фотографий. Потом Игорь показал нам Королевские дубы, которым по триста-пятьсот лет, и знаменитое «Место Силы» с камнями под землёй.

Вечером вовсю гремела «Черемшина».

Когда подошли к залу, где нам предстоит выступать, поляки уже ударили последний аккорд. Нас потащили к столу, а на сцену вышли другие музыканты. И пошла «развлекаловка»!.. Выдержать такое можно было, лишь употребляя спиртное. Но это не для нас, и мы потянулись спать.

Мы долго сидели в шезлонгах и медитировали с луной…

29 апреля.

Утром поехали на «Место Силы». Записали птичек.

День томились сном и не могли понять, где делась наша сила. К вечеру территория наполнилась машинами, гостями. Я повстречал своих бывших студенток, которые приехали на концерт «Троицы».

Мы привычно начали с «Русалки», выбрасывая звуки и слова прямо в пущу. Было ощущение, что происходит какое-то невидимое действо прямо в пуще. И она, пуща, вслушивается, всматривается. Звучат «Дубравушка», «У цёмным лесе гаманіна», купальские «Канапелька», «Як на той жа на даліне».

Разве это просто песни? Чем больше я их исполняю, тем глубже вхожу в транс времени и лабиринты звуковых вибраций. А они явно были! Какая-то пара вышла перед нами, и их крутило и ломало, даже не в такт с музыкой. Странное восприятие музыки «Троицы»…

Заглянуть бы в души зрителей, что там творится? Остальные сидели, как пригвождённые, и лишь отстукивали ритм. Кто ногами, кто ладонями. Действо «Троицы» не оставило равнодушных. Правда, в середине концерта ушли два старикашки, которым явно наш фольклор был чужд. А в общем, по просьбе хозяина, мы сыграли два отделения.

Огорчило только то, что мои бывшие студентки орали песни на «заказ», позабыв о том, что это не ресторан. Они даже пели песни из моего сольного альбома прямо у сцены. Как жаль, что они не чувствуют всё той же грани, что была и есть между преподавателем и учениками.

Нас весело благодарил хозяин в чёрной ковбойской шляпе. Он был счастлив — были люди, пиво, еда, и все его затраты не напрасны.

Вновь сетовал, что в этот раз не показал заповедные места пущи. Рассказывал, что они с сыном очень близко видели хозяина пущи. Рассказывал о своих планах, приглашал приехать летом. Его дела за год взлетели вверх. Сутки проживания в домике — $30 с человека. Вот и приедь на неделю с семьёй. Дорого, но людей полно!

Около получаса назад закончился концерт, а мы всё еще мысленно перебирали струны, гудели в окарины, раскачивали гонг. Мы ещё были там. И это состояние могло продолжаться ночь или даже несколько дней. Такова сила фольклора!

В ушах ещё звучит вечерний концерт, а мы уже настраиваемся на новую поездку. Завтра — домой!

ЗДОРОВЕНЬКІ БУЛЫ!

8 июля.

Киев. Пятый фестиваль «Краина Мрий».

Через пару часов мы должны выпустить белорусский фольклор в пространство киевского фестиваля. Список гостей небольшой, но размах чувствуется.

Аллеи парка обрамлены ларьками, выставками-продажами. Поражает обилие народной одежды: рубахи, пояса, головные уборы. По краям теснятся гончары: миски, тарелки, кружки. Тут же народные мастера режут корпус для бандуры. Где-то, согнувшись от мудрых текстов, голосит местный бард в белой рубашечке. Рядом, раздув щёки, как меха горна, терзает свистульку пышногрудая женщина. Дети давятся сахарной ватой и топчут сандаликами поп-корн.

Какие-то безделушки, деревянные поделки, кожа, мех — да разве можно всё перечислить?! Кажется, вся Украина развернула ярмарку. Хотя, в национальной кухне мне видится пробел: жарится шашлык, а так хотелось заглотить десяток «варэничков» с вишней.

Певчее поле всё больше и больше наполняется разными звуками. Кто-то покручивает колесо лиры, и оно уносит сознание в древние пласты. Тут же, расталкивая толпу, старается пройти какой-то дед с деревянной трубой. За ним, как куры за петухом, плетутся участницы коллектива, тащат мешки, сумки, чемоданы и костюмы в чехлах. Не будь то украинцы!

А в театральном дворике носят чучело ведьмы, его готовят к «смерти». Было интересно сравнить, как они это будут делать. Участники обряда шагнули в толпу и стали просить вещи. Кто-то навязывает

на чучело свой носовой платок, кто-то шнурок, стараясь таким образом сжечь всё плохое…

Вот так в городской среде начинает приживаться старинный ритуал. А ведьмы-то не очень хотели жариться и нагнали тучу! Хочешь верь, хочешь не верь. И влупил дождь!

К своему представлению готовится театр магии: инструменты, маски, соломенные колёса с крестами внутри. Всё явно претендует на изотерическое действо: «настоящие» колдуны, прикрывшись масками, рубят на колодках капусту, как человеческие головы, махают саблями, жгут соломенные кресты и бесятся в танцах с длинными, яркими полотенцами. Тяжёлое зрелище и не для слабых. Явно что-то о Жизни и Смерти.

Наш саундчек, как всегда в такой ситуации, прошёл скомкано. Инструментов много, микрофонов тоже, поэтому по времени мы дольше расставлялись, чем играли. Светило солнце, а где-то над Днепром, как чумаки за солью, ползли тёмные тучи. Мы молили Небо пронести их мимо во время нашего концерта …

Шум, звуки, песни, музыка — всё вкручивалось в гору, где совсем рядом покоились мощи святых Киева-Печерской лавры. Хорошо ли это? Если песни хорошие, — хорошо. А что? Пусть святые потешаться радостным ноткам. А так я представляю, сколько слёз, молитв, просьб выплеснул народ на стеклянные саркофаги в тёмных пещерах.

В 19.00 мы вышли к публике. Народ вольготно разлёгся на горе, томился на трибунах и толпился у сцены. В толпе явно угадывались белорусские слушатели. Мелькали национальные флаги. Мы привычно быстро подключились и ударили песню «Каза». Юрий Павловский молотил по барабанам, а звука в мониторе у меня не было. Гитара тоже была еле слышна. И я огорчился, что весь концерт буду играть и петь на каком-то внутреннем чутье. Но народу у сцены было комфортно. Наверное, Сергей Хлыстун всё-таки сделал хороший звук, и публика подпрыгивала и визжала.

Для людей неподготовленных хочу сказать, что звук на сцене и в зале всегда отличается, как небо и земля. Порой два звукорежиссёра (один на сцене, другой в зале) тоже не всегда решают эту проблему. Качество звука — синтез всего: уважения музыкантов друг к другу, покоя и внутренней уверенности в своём творчестве.

Я смотрел в небо и радовался, что все грозовые тучи проносились мимо. Всегда грустно, когда капли дождя разгоняют драгоценных слушателей.

Мы ударили последний аккорд «Яблыні»: барабанами, шархунами и остатками голосовых связок, так как знали, тут «бисовки» не будет. На

неё просто уже не было сил. Честное исполнение «Яблынi» вытягивает жилы, даже если все Предки встали на помощь и кружатся в неистовом языческом танце. Последние удары — барабаны, тамбурин, коса — закрыли древнее Пространство и вернули нас в действительность.

Оказывается, во время нашего выступления приезжал президент, поэтому поклонников и желающих приобрести компакт-диски не пустила украинская полиция.

Клубок мыслей размером с гигантский шар катался по Певчему полю. Святые, заслушавшись современной музыкой, пытались понять, что же происходит там, наверху…

После концерта с десятого этажа гостиницы «Славутич» я глядел в ночь: огни Лавры, гирлянды ламп над мостом, огоньки одиноких пароходиков. Ночь стёрла границы между действительностью и той древностью, из которой мы черпаем свой фольклор. Только шум машин напоминал мне, что это не вражьи племена скачут на конях. Лавра, как тебе такое окружение? Как мы тебе, Киев?

9-11 июля.

У нас двое суток свободы! Отъехали на 150-180 км и наши Ангелы вывели нас на прекрасное место! Правда, пришлось прилично намотать на колёса по сельским ухабистым дорогам, но зато познакомились с достопримечательностями Украины.

С одной стороны — лес с молодыми дубками, а с другой — речушка. Тихая, спокойная обстановка погрузила «Троицу» в необыкновенное состояние. Такой отдых во время тура был впервые за всё время существования «Троицы»!

Все явно к такому готовились, и через полчаса стояла яркая палатка с надувными матрацами, бурлила вода в котелке и готовилась еда! Мы растворились в природе: купание, рыбалка, хорошая солнечная погода и… общение, разговоры на разные-разные темы. Вот такого общения порой не хватает в Минске. Главное, никто никого не раздражал, не напрягал, всем было комфортно. Огонь чистил наши городские души, влезая в тайные уголочки памяти, и мы становились чище и мудрее.

На рыбалке Вася видел большую черепаху!

Глубоко в тёмной толще воды, как морские водоросли, шевелились мысли. Они крепли, важно качаясь в такт воде. Хотелось многого! Но в какой-то миг подплыла старая, как мир, Черепаха, и от мыслей о многом остались ошмётки. Они уже не суетились, как прежде, а просто успокоённо качались.

«Обрежь лишнее, дружок»,- прошептала проплывающая мимо Черепаха…

Время пролетело незаметно. Утром в день нашего отъезда в Немиров о себе заявил киевский дождик, и мы свернули лагерь. Дорога на Немиров была омрачена поиском мужского монастыря. Уж больно мне хотелось увидеть старые мудрые лица с длинными бородами, с очами в землю, с силой и мощью этой земли.

Всё же мы нашли монастырь, открытый не так давно — в 1999 году. Я шагнул на территорию. Пахло современностью и пустотой. Из седых старцев по территории монастыря «Троица» увидела…только меня.

12 июля.

Немиров. Санаторий «Авангард». Дубы-трезубцы, множество цветов и… «попса» из радиорубки, которая зомбировала посетителей и раздражала «Троицу». Здесь нам ночевать две ночи, жить и готовиться к предстоящему концерту.

Мы посетили фестиваль «Шешоры» и были приятно удивлены красотами! Ледник, проползавший в далёкие-далёкие времена, был явно расторопен, искусно расставляя свои метки. Валуны, река и большая поляна для зрителей. Ларьки, магазины, полевые рестораны, палаточный городок — это уже современность…

С Юрой Дмитриевым мы лихо прыгали по валунам, всё дальше и дальше продвигаясь на середину реки. Вот так и «Троица» шаг за шагом покоряет Пространства на карте. И новая точка — Украина — тому подтверждение.

Открытие фестиваля. На сцену вынесли гору барабанов, и украинцы в японских одеждах стали разгонять тучи. По словам Юры Дмитриева, одежды не соответствовали мастерам.

А мне представилось такое открытие фестиваля. На скале, выступающей слева от сцены, стоят три музыканта. Они поднимают длинные трубы-трембиты и начинают гудеть в Пространство. Слева на валунах, которые облизывает река, начинают играть волынщики или лирники. Все эти звуки вкручивают, втягивают народ в таинство Музыки. Звуки катаются огромными шарами по полю и вбирают в себя очумелых зрителей. Где-то вот так… Так что приглашайте, сценарий подготовлю!

Музыка фестиваля очень разная. Мы немного волновались, как нас воспримут. Были белорусы. Пару парней подошли ко мне у ларька с музыкальными инструментами и сказали, что приехали специально на «Троицу». Это всегда приятно.

Мы сели на малюсенькую сцену и начали своё таинство, всё глубже и глубже погружая публику в древние песнопения наших дедов-прадедов. Во время концерта белорусы в толпе кричали «Жыве Беларусь!» Когда они умолкли, я сказал в микрофон: «Жыве и Украина!» Толпа завыла, аплодируя.

Концерт шёл по нарастающей. Я разглядывал лица зрителей, радовался спонтанным хороводам у сцены и ревел, не жалея связок.

Мы рассыпали в долине звуки и ноты последней песни, и я с радостью отметил, что люди, взявшись за руки, будто по кокой-то команде каких-то невидимых Сил закружили хороводы.

Так что, Украина, думаю, мы тебе понравились? Ведь столько лет мы просто проезжали твои границы: то в Молдавию, то в Венгрию, то в Боснию. И вот через столько лет мы рассыпаем зёрна-звуки, такие похожие на нашей и вашей земле. Слова, диалекты, музыкальные напевы, да и песни целиком — у нас с тобой так похожи!

Дождь мудрым старцем сидел на скале и внимательно слушал белорусский фольклор, и мы благодарили его, что он нам не помешал. Кажется, он впал в какой-то необъяснимый транс! Потом он догнал нас по дороге в санаторий, целовал своими мокрыми губами наш автобус, просил песен, музыки, но мы уже спешили в свой номер.

Еще одна страничка жизни «Троицы» наполнилась содержанием и эмоциями. Кажется, песни, как звуковые полотна, накрыли весь фестиваль «Шешоры». Валуны пульсировали, поглощая древние песнопения. Река приостановилась, наматывая лады народной музыки на травы, купающиеся в прохладе. Наши Предки сошли с небес и присели на седые валуны. Ноты, как крупинки соли, таяли и орошали землю.

Как чумаки когда-то возили соль, так и мы привезли свои «мешки» с песнями. И раздали все до крупинки. До новых встреч, Украина!

И СНОВА «ВОЛЬНАЕ ПАВЕТРА»…

14 июля.

Хутор Шабли Воложинского района. «Троица» на очередном белорусском фестивале.

Ноги ещё не отошли от украинского тура, и вот опять автобус!

Странно, но фестиваль до того зашифровал своё место проведения, что музыканты его нашли с трудом. Мы ехали со странным чувством: что это за фестиваль, если его ищут исполнители?

Место оказалось приличным. Это хутор Владимира Шаблинского: дома, военные палатки, полевая кухня, биотуалеты и приличная сцена!

Мы приехали вовремя, но саундчек не начался — монтировали сцену. Мы наслаждались гористыми видами Воложинщины, и каждый в душе уже мысленно строил себе такой же милый уголок. Эх, родная земелька, как ты прекрасна!

Нам обещали пять автобусов зрителей, но было значительно меньше. Только тут мы узнали, что будет одиннадцать команд: «Пит», «Крамбамбуля», «Александра и Константин», Войтюшкевич, «Гуда», «Яр», «Драм экстази», еврейский бэнд и молодые команды Беларуси. Все ещё непонятно, кто за кем и когда?

Мы рассматривали окрестности. Какой-то чудак играл коню на трубе. Ведущий глумился над ним, шутил, что у коровы не будет молока. Дмитрий Войтюшкевич добавлял в копилку юмора свои анекдоты, и время пролетало быстрее.

Народ прибывал. На хутор ступила нога Артемия Троицкого? Когда-то он представлял «Троицу» после питерского рок-фестиваля в телепрограмме «А». С тех пор прошло десять лет…

Нам обещали прессу, ТВ, радио. Посмотрим.

Солнце начинало садиться за гору и было прекрасной декорацией для выступающих. «Драм экстази» ударили в новые, блестящие барабаны, и звуки поползли с горы в лес. Меня радовало то, что звуки были наши, белорусские, а не японские, как в Шешорах. Дальше всё продолжалось по обычному сценарию. На сцену поднялись малышки «Яр», но с барабанщиком. Их выступление в стиле фолк-причитания под виолончель были явно ещё не вовремя.

«Гуда» со своими песнопениями была «ко двору». «Александра и Константин» уже начали радовать публику своим творчеством. Меня не отпускала какая-то внутренняя радость, что мечты об этнофестивалях в Беларуси начинают осуществляться. И хоть после прошлогоднего фестиваля я плевался, как верблюд, сейчас наши замечания (возмущения) учтены. Горят костры, счастливые музыканты с гордостью носят инструменты, народ, покуривая, рассматривает сцену, гостей. Кто-то обнимается, кто-то шутит — действие фольклора на присутствующих на лоне природы началось! И мы наготове.

Перед нами, нарушив очередь, заголосил Пит. Мне трудно оценить такое творчество, особенно вокал. Но, и такое должно существовать. Кто-то из исполнителей выпрашивал аплодисменты, кто-то про-

сил добавить звук в мониторы. В общем, до профессионального уровня «Вольнае паветра» явно не дотягивало.

Настало время «Троицы». Буквально за пять-десять минут нужно быстро с нашего восьмиканального пульта отстроить два канала (левый и правый), в которых две гитары, две домры, гусли, смык. Вот так. Учитывая многочисленные фестивали, на которых нам помогал Сергей Хлыстун, «Троица» нашла новый подход к настройке. И через несколько минут мы «ударили» песню «Пасярод мора».

Барабаны резали ночь, гитара буквально расчёсывала толпу, а жалейка, как сахарной пудрой, накрывала всех сладкими звуками. В свете цветных прожекторов начало было праздничным.

Потом к хутору «Шабли» из густой зелени поползли «Русалки». Мелькнула мысль, что «русалки» — не рождённые из-за многочисленных абортов дети… Души-ангелы заплакали гуслями, и нотки стали мокрыми. Потом из земли вылезла «Дубравушка». Потрясая могучими ветвями, она рассыпала спелые жёлуди с надеждой, что на этом месте вырастут её «детки».

Вдруг посреди толпы разгорелся огромный купальский костёр! Звуки гитары и варгана стали крутить ведьм так, что они кубарем покатились с горки. Языки пламени шуганули в них снопы искр. И в святом пламени переплелись «Канапелька» и венки из трав, как символ чистоты и невинности Белой Руси.

Мы будто замешивали «каравай» из народных песен. Это был чудесный, румяный ритуальный «каравай» с фигурками музыкантов наверху. Будет хлеб — будут песни! А где «каравай», там и «Сем чарак гарэлкі»...

И вот — финал! Как мировое древо, в котором сплелись Родовые ветви, из земли попёрла ввысь «Яблынь»! Яблоки красовались в свете радужных ламп!..

Что ж, попробуй «яблочко», как Ева, и ты постигнешь Тайну. Тайну песни, тайну Времени и тайну Бытия.

В интервью по поводу «Вольнага паветра» я сказал, что там, где хочу, всегда чувствую «вольнае паветра». То есть, в любом городе, стране, на любой планете, в любой Галактике (это я о своём будущем) мне дышится легко и свободно…

16 июля.

Мы сидели в кафе: «Троица», Игорь Знык (Польша), Наташа (директор студии Андрея Жукова) и мастер клипов — Сергей «Тротилл» Дмитренко.

Дело в том, что наш диск всё ещё не готов! Он не сведен, не было мастеринга. Зато готов и оплачен Польшей видеоклип на песню «Тры Янгалы». Он классный, и никто не скрывает восторга от первых секунд просмотра. Тротил — явно мастер.

Мы говорили о новых работах, хотя у Андрея вновь проблемы в студии — поломка компьютера. Пока Тротил рассказывал о своих похождениях с российским бизнесменом-олигархом на «Славянском базаре», мои мысли были далеко…

В тёмных лабиринтах Киево-Печерских пещер будто во сне лежали в стеклянных гробах седые старцы. На киевском фестивале и после, возвращаясь из Шешор, мы коснулись руками святых. Мы думали и просили одного — помощи! Так как за пять лет работы в студиях два диска умерли, так и не родившись. Столько сил и надежд! Кто же нам так мешает? Кому мы не в радость? Белорусский фольклор — такая Сила! Какая же другая Сила его так сдерживает? Сто двадцать два гроба растянулись в чистой горе светящейся ниточкой. Толпы людей припадали, целовали, касались руками, лбом холодного стекла. Тысячи, тысячи паломников! И среди людской реки со свечами в руках — «Троица». «Пусть хоть что-то изменится в нашей творческой жизни, Старцы!..»

Я вздрогнул, будто меня вытащили из вырубленной в скале пещеры, как Старца, что ушёл от мирской суеты к лестнице Бога. Разговор закончился. Игорь увозил первый достойный клип в Польшу. «Почему, почему снова всё не дома?» — вертелось в голове. «В нашем Раю жить некому», — последние слова песни клипа. Воистину…

14 сентября.

Завтра мы едем в Польшу: ТВ плюс радио (запись).

Сентябрь шуршал событиями, разбрасывая их, как отжившую листву на стриженые поля. Мы вновь переехали в старый кабинет №101. За три дня! Университет совершенно не решает вопросы подготовки студентов. Нет класса и оборудования для лекций и практических занятий. А ведь столько платников! Все варианты, включая ремонт аудитории за свои деньги, покупка изоляционных плит, строительство сцены со светом для «Батлейки», не получило поддержки у администрации. Как всегда. Грустно. Хочется всё бросить и найти место, где ты нужен. Со всем своим «скарбом»!

Зато в старой аудитории мы вновь окунулись в творческую жизнь. Здесь в 1999 году начиналась наша новая жизнь. Там, на третьем этаже, мы почему-то всем мешали…

Растворились, как ночные сны, предполагаемые гастроли в Чехию, Англию, Швецию. Без каких-либо объяснений. Что происходит во Вселенной?..

Сокровенное
У МОГИЛЫ ОТЦА

14 октября.

Лида. Покров. Ранним утром сквозь колючий снег и дождь мы с сестрой Машей пришли на кладбище. Как странно устроен Мир! Ещё совсем недавно мы приезжали домой, и там нас ждал папа. Он с интересом рассматривал все мои дорожные фотографии, интересовался моей работой, концертами «Троицы».

А теперь он среди тех, кто уже прошёл свой земной Путь.

Я шёл среди мокрых холодных плит с застывшими на медальонах лицами и датами жизней на памятниках. Кто-то что-то успел? А я?..

Папа, я так много мог бы тебе рассказать! Столько всего произошло за три с половиной месяца…

Самая грустная картина с нашим альбомом «Жар-жар!». Мы, то есть, «Троица», уже давно шагнули в новый пласт своей музыки, а старое, как хомут в современной квартире, висит где-то в прихожей. Почему не всё получается у «Троицы», я не могу объяснить.

Мы ещё больше стали слушать разной музыки. Я и Юра Дмитриев съездили в Варшаву на концерт «Dream Theater». После трёхчасового концерта хотелось бросить и музыку, и мечты о дисках. Профессионалы, виртуозы сыпали в ледовом дворце тонны нот! Экран, свет, мультики! И главное — мелодизм в такой тяжёлой музыке!

Знаешь, папа, наслушавшись такого, «Троица» тоже приобретает другие музыкальные формы. Стираются границы, теряют привычную форму песни. Может, у нас это и не песни. Это молитвы! И даже больше! Молитвы — какие-то волшебные слова, которыми мы пытаемся достучался в тайную дверь. А здесь — звуки! И они не просто тревожат душу. Они выворачивают её наизнанку, они обкручивают позвоночник так, что начинаешь верить в тайные параллельные Миры. И чувствуешь, как под твои стопы подставляют горячие, сильные ладони далёкие Предки. Держат и помогают! Это явно не современная песня из набора примитивных возгласов и детского текста. Эти буквы и звуки — как колокола во Вселенной, куда улетают такие, как ты, папа. Которые достойно прожили свою жизнь, даже если просто всю жизнь плели

корзины. Это — обращения к живущим и думающим. К тем, кто ценит и уважает Живших до нас, Идущих по горячим далёким планетам в Вечность. Мы, «Троица», бережно несём в своих сердцах лишь то, что нам разрешили взять. Потому что, я уверен, многое и нам недоступно. Идущим по этому непростому пути разрешают нести ношу по силам и по их духовному росту. А в последнее время «Троица», несмотря на неудачи, немного выросла, стала тоньше чувствовать звуки, увидела другие краски в этой серой белорусской жизни.

Так что, папа, звучит наша новая музыка, которую являют живущим твой сын и его товарищи.

…Ветер бился о стеклянную колбу на могиле, снежинки таяли на венках, подаренных от костельного хора, где папа с мамой отпели четыре десятка лет. Одиноко, в такт с моими мыслями, дрожал в лампадке красный огонёк. И мне казалось: папа вновь слушал меня…

А я — шёл…
«Я вошёл, но не знаю куда, И там я находился, ничто не узнавая. Всё превосходило Пределы познания».
(Св.ИОАНН. «О Святых таинствах»).
Я шёл. В жёлтых песках впечатались следы моих Лет. Дрянные цепкие сорняки влезали в мои рваные, истоптанные сандалии. Казалось, я шёл среди своих, родных, но уже глухих, слепых и немых. Я шёл. Судьбы, буквы и цифры на холодном мраморе, молитвы улетали в омут Прошлого. Кто дал мне эту возможность идти? Ветрище рвал волосы, сыпал песком в бессонные глаза, трепал бороду.
Но я шёл!.. И неимоверно тяжёлой ношей на моей неслабой потной спине болтались и стучали головы НЕРОЖДЕННЫХ МОИХ ДЕТЕЙ… До хруста и боли Они раздвигают мои лопатки своими детскими ручонками, шлёпают ладошками по моему затаившемуся сердцу…
А я — шёл…
Сколько же мучительной тоски впереди?..

МОЙ ДОМ

Однажды, гуляя у родительской дачи, я случайно вышел на небольшую полянку. Что-то насторожило меня, и вновь Дух собирателя фольклора, излазившего белорусские хутора и деревни, подтолкнул меня вперёд.

Среди высоких кустов сирени и буйной травы виднелся бревенчатый, развалившийся, рыхлый скелет старого дома. В жгучей резной крапиве, захватившей в плен забытый сухой малинник, подрагивали вывалившиеся, плоские, как старые груди, окна с причудливыми узорами на грязных, треснутых стёклах. Чертополох и осока — живой забор — всё ещё охраняли умерший дом. В зарослях угадывался сад — без спелых яблок и фиолетовых слив. Только одиноко плодоносила никому не нужная дикая груша. В густой, косматой траве еле угадывалась тропинка-артерия в давно забытый двор...

С грустью я шагнул вперёд, и меня зло зацепили осколки забора из жердей, переплетённых дикими колючими травами. В центре двора ветром плакал колодец с полусгнившим деревянным срубом и покосившимся «журавликом». Жутко, словно с мольбой к Небесам, торчали гнилые брёвна сруба. А ведь некогда этот колодец делился целебной силой земли со всеми, кто жил рядом. А сейчас?..

Растасканные кем-то брёвна оборванца-сарая, шумевшего некогда мычанием, ржанием, блеянием, кудахтаньем — кажется, всё ещё дышали, звали Хозяина. Рваными бликами лежали сгнившие лозовые корзины и растоптанные соломенные короба: зёрна, мука, пироги, песни — всё кануло, сгинуло…

Чудом уцелевшие семена пшеницы на старых грядках вновь взошли! «Мы выжили! Мы тысячи лет колосимся!» — стучали они полными зёрен колосьями. Словно издевались: «А Вы?»

С болью в сердце я глядел на слетевшую с кованых петель дверь. В Красном Углу избы белел «иконостас» из толстенной, многолетней паутины. Его вид резанул душу: «Где окна к Богу — образ?? Может, увезли дети?»

Дети… В одной деревне такие «дети» с усмешкой отдали мне чемодан икон: «Дзедава наследства, бярыце!»

Поймут ли они когда-нибудь, каких оберегов лишили себя, своих детей, внуков? Какую Память потеряли?!

Широкая деревянная кровать, засыпанная почему-то песком, как покойник у подгнившей стены — ложе утех молодых тел, болезней, рождений и смертей. Невидимые ниточки из прошлого бабушек, дедушек — в будущее. В будущее?..

Огромный, ещё крепкий стол — почти по центру отжившего строения. Сколько раз садились за него гости, семья? О чём мечтали за ним? О чём говорили? Эх, услышать бы…

Разваленная, заплаканная сажей, размозжённая печь-кормилица, трясущаяся теперь долгими ночами от зубастого холода без жара и тепла людей.

Выстрелом в облака — печная труба. Чёрным беззубым ртом она звала дым пищи, а не вороньё. Полуобвалившаяся деревянная крыша пробивалась через балки внутрь дома. Будто Души умерших, не дождавшись близких, родных, пробивались «к своим».

Какая боль! Странное чувство…

Старый Дом — история жизней, поколений, некогда их надёжная крепость. Бревно к бревну — венец. Венец к венцу — сруб, дом. Как люди. Старики, женщины, мужчины, дети — брёвнышко к брёвнышку. Из брёвнышек — Фамилия. Из Фамилий — Род. Рушится Род — рассыпаются Фамилии, погибают, не зацепившись за вехи своей истории…

В одной из своих экспедиций я видел, как на колхозном поле за считанные минуты трактора сгребли в ямы старинный хутор. Со всем добром! Хоронили память, мудрость народа! Заживо!

Целые деревни были располосованы, расстреляны мелиорацией! И остались «слепые котята» — дети, внуки, оторванные от пуповины Рода. Они тащились в города, где их перекручивала мясорубка непонятных проблем в монолитных, многоэтажных норах. Позже, потеряв надежду, уверенность, прежний уют и спокойствие, они спотыкались, падали и летели в бездонную пропасть. И только задыхаясь в объятиях дядьки Горя и тётки Беды, прибегали, приползали со слезами к оставленным и позабытым: «Что делать? Спасите! Вы же мудрые, вы всё знаете!..» Кусали пьяные губы, забывшие молитвы и слова благодарности. И жалели Их, и плакали, когда Они уплывали в Вечность, так и не научившиеся житейской мудрости дети…

Однажды, собирая в лесу грибы, мы с мамой зашли попить воды в ветхий домишко у дороги. Земляной пол, жуткое подобие кровати, кусок сала на столе — еда! И — грязная, жалкая, с чёрными ногтями старушка. Выяснилось, что есть дети (?) в городе, что она им не нужна (!). Поэтому она доживает свой оставшийся век здесь одна. И выходит по ночам выглядывать в звёздном небе свою «спасительницу» Смерть: «К мужу хочу». Чья-то мама…

Уезжали, покидали — учёба, армия, замужество. В город!

И вырастали в пригородах жалкие — на шесть соток — «термитники». Взамен веками тёплым домашним очагам. А родной Дом терял крепость. И рассыпались брёвнышки… А ветра-неудачи, и болезни-

метели в вихре чертей довершали начатое дело, всё дальше и дальше отталкивая Ангелов-Хранителей от домашнего очага.

Почерневшими язвами-болячками глядели на меня из-под крыши пустые ласточкины гнёзда. Сколько же Всего мы разрушили? Вокруг. Рядом. В себе.

Я вышел из Дома со странным чувством, будто бы прожил здесь не одну жизнь. И вдруг в этой медитации шока, мыслей, чувств, боли, обид мне показалось, что... из-за пригорка в сторону этого разрушенного Дома вышла толпа хмельных, голодных, оборванных детей. Они с шумом, с криками тянут пустую телегу. По бездорожью. Ничего не соображая. Нестерпимо противно скрипят кривые колёса. Куда? Зачем? Не знает никто…

А на краю леса у заросшего, забытого погоста с поваленными деревянными крестами, среди заброшенных могил, будто Знамения, стоят в выцветших белых одеждах Воскресшие из праха. В их пустых, безнадёжных глазницах тихая мольба: «Детки, не проходите мимо... Это ваш Дом»…

МОЙ ДОМ

Станция Курган. Лидский район, Гродненская область.

Курган — место, в котором дремлет моя Память.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Я, мама и мои сёстры стояли в Храме. Сколько лет прошло, а всё так же торжествует душа в этот День. Будто перерождается!

Маленький Христосик лежал в яслях, а рядом с ним толпились люди. К нему обращались мысли, просьбы и тайные желания. Он тихо лежал, и, казалось, слушал и внимал. Лампочки не дрожали, как свечи от дыхания в моём детстве, а гнали зелёные токи по гирлянде. Мобильные телефоны изредка прерывали службу. И Храм, и мы были уже другие…

В эти святые для нас моменты, когда на Звезде прилетает Спаситель, так хочется возвратиться в Детство! Туда, где ещё были живы мудрые бабушки, строгий папа, работящие тётки и дядьки, сильные братья и весёлые сестры. Те, кого уже нет Здесь.

Только солнце ласкает кладбищенские кресты, и одинокие свечи дрожат на ветру. Как грешники перед входом в Чистилище. Ты сам должен сгореть Тут, чтобы улететь Туда лёгким, чистым дымком…

Детство! Ты — мир счастья, далёких надежд и планов. Только ты так быстротечно! Почему хорошее пролетает быстро? А плохое годами булькает вокруг вонючим болотом? Детство запечаталось восковыми печатями и вот этой тишиной, в которой изредка слышался кашель молящихся.

Храм — остров, стоящий на многолетних молитвах Родных и на Вере! Он у каждого свой. Даже у атеистов есть то святое место, куда они приходят с тревогой и надеждой.

Кажется, он понимал и слышал мои мысли…

Сейчас всё по-другому. Мы выросли, у кого-то есть дети…

Детство — оно где-то уже очень далеко. Оно унеслось по мёрзлым ухабинам за колядниками и молодым Щедрецом. Оно растаяло, как снежная Баба в лучах солнца, как сахарная вата во рту ребёнка. Оно протянулось радугой в Небесные Врата. Оно так же красиво и недосягаемо, как радуга! Оно прошуршало красивым кленовым листочком над засыпающим прудом… Оно — вечерняя колыбельная, которую никогда, сколько ни старался, я не мог дослушать до конца. Оно — парад игрушек, о которых мечтаешь, давно покорив территорию песочницы. Детство осталось в душе маленьким огарочком рождественской свечи. Как добрая память о том, что ОНО БЫЛО.

Нам трудно примерять сейчас на свою всё ещё детскую Душу взрослое тело. С такими-то годами?

И мы всё так же, как малыши, стоим у колыбели Христа со своими просьбами и надеждами. Хоть рядом с нами стоят уже и наши дети. Сколько нам ещё раз подойти к Христу? Не знаю…

Но буду всегда благодарить Его за то, что было. За предков, за родителей, за любимых сестёр, за далёких детей, за моих друзей, которые творят со мной!

А ещё я буду просить у Высших Сил лучшей, достойной жизни моей родной Земле, на которой жили и живут такие Мудрые и Добрые люди.

Что ж, пойдём дальше… Пока звучит музыка «Троицы» — вперёд по ступенькам жизни, пока сами не станем Далёкими Предками!..

ДИСКО- И ВИДЕОГРАФИЯ

MC (Аудиокассеты)

1. **Этна-трыю ТРОІЦА *«LIVE AT OEROL»***, 2000, Нидерланды (ethno-trio TROITSA)
2. **ТРОІЦА *«ТРОІЦА»*** (1996-1998), 2000, Беларусь (BULBA Rec.)
3. **Іван КІРЧУК *«СПАДЧЫНА ЗАГІНУЎШЫХ ВЕСАК»***, 2000, Беларусь (BULBA Rec.)

CD (Компакт-диски)

1. **ТРОІЦА *«TROITSA»***, 1998, Нидерланды (PAN Rec., №171);
   «ТРОІЦА», 2006, Беларусь (БМА);
2. **Іван КІРЧУК *«HERITAGE OF THE LOST VILLAGES»***, 2000, Нидерланды (PAN Rec., №185);
   «СПАДЧЫНА ЗАГІНУЎШЫХ ВЕСАК», 2003, Беларусь (WEST Rec.);
3. **Этна-трыю ТРОІЦА *«ZHURAVY»* (*«ЖУРАВЫ»*)**, 2001, Нидерланды (PAN Rec., №196);
4. **Этна-трыю ТРОІЦА *«СЕМ»***, 2004, Беларусь, (МАЗУР);
   «СЕМ», 2006, Россия, (SCETIS MUSIC, SKMR-048)
5. **Этна-трыю ТРОІЦА *«СОН-ТРАВА»***, 2008, Беларусь, (WEST Rec., WR 0211);
   «SON-TRAVA», 2008, Польша (RECORDIS);
6. **Этна-трыю ТРОІЦА *«ЖАР-ЖАР»***, 2008, Беларусь, (WEST Rec., WR 0241).

Иван Кирчук в составе группы «КНЯЗЬ МЫШКИН»

1. **КНЯЗЬ МЫШКИН *«КОШЫК»***, зап. 1998, Беларусь (ГЕОМЕТРИЯ, Россия, 2004)

VIDEO (Видеопрограммы)

1. ***TROITSA*** (45 мин), 1998, (БелТВ);
2. ***КОНЦЕРТ ТРОИЦЫ В 2000 г. в г. МИНСКЕ*** (55 мин), 2002, (Белвидеоцентр, реж. В. Шевелевич);
3. ***ИВАН ИВАНОВИЧ*** (12 мин), 2003, (Белвидеоцентр, реж. В. Шевелевич);
4. ***Концерт ТРОИЦЫ в г. МОЛОДЕЧНО*** (30 мин) 2003, (БелТВ);
5. Док./фильм ***«СОНЦАМ АСВЯЧУСЯ»*** (13 мин), 2005, (БелТВ, реж. С. Рыбаков);
6. Фильм ***«ТРОІЦА»*** (45 мин), 2007, (БелСАТ, Польша).

САУНД-ТРЭКИ этна-трыю ТРОІЦА

1. Худ./фильм ***«МАЛЕНЬКИЕ БЕГЛЕЦЫ»***, 2005, (Беларусьфильм);
2. Худ./фильм ***«ТРИ ТАЛЕРА»***, 2006, (Беларусьфильм - БелТелеРадиокомпания);
3. Худ./фильм ***«ТЕНЬ САМУРАЯ»***, 2008, (Беларусьфильм).

За ўсё, што мы мелі, маем і будзем мець,
Продкам нашым — нізкі паклон!

Ян Ліда

СОДЕРЖАНИЕ

Это было так азартно! 3

1997 год

На фестивале «Oerol» 6
Русская тоска 8

1998 год

Дух Северного моря 11
Дорога на Адриатику 13
Пиренейские мытарства 23
«Пахвалёны Езус Хрыстус» 33
Первая ласточка 37

1999 год

И плакала лира… ..... .41
Есть Судьба!.. 47
Не всё коту масленица… 54

2000 год

Автобаны и менестрели 65
Балканские страсти 77
Эх, красногрудая, златоглавая!.. 85

2001 год

Летите, «Журавы»! 89
Огни! Костры! Купалье! 104
Что-то тоже в этом есть… 107
Ярмарка музыки 117

2002 год

Fest в Черемхе 125
Дни перед неизвестностью 126
В стране райской птицы 131
«Славянский базар»?.. 136
«…шок в Анапе» 138
«Тепло и трепетно душе…» 141

2003 год

Встречай, Балтика! 145
Нас не ждали 149
Фестиваль — не фестиваль… 151
«Здрасьте Вам!..» 152
«Балкан-балаган-тур» — 2003 157
Labas ritas, Lietuva! 188
Сквозь студии — к «звёздам»?.. 190
Прибалты отметились все 193

2004 год
Сквозь студии… 200
«Казачок» на Кубани 210
Пирог по имени «фолк-фьюжн» 226
Сквозь студии… 233
Значит, мы кому-то нужны!.. 239
Распахни свою душу, Москва!.. 244

2005 год
Экспедиция 247
Сквозь студии… 249
В гостях у московских «кельтов» 254
Вот такая Черемха! 255
«Этностиль» в Питере 267
Зрелище не для слабых 270
Другой мир, другое измерение 274
Сквозь студии… 278
Музыка найдёт дорогу! 285
Тепло и по-доброму 291
А где Робинзон? 301
Да, мы не зря здесь! 305
Сквозь студии… 308

2006 год
Мысли мои, мысли… 321
Сквозь студии 326
Музыкальный этномарафон 333
Новый польский этап 336
Сквозь студии… 347
Всё у нас получилось 353
Серо, куцо и тоскливо… 360
«Вольнае паветра» 361
«Басовішча» 364
Сквозь студии… 366
Успех! 368
На перекрёстке культур 382
Сквозь студии… 384

2007 год
Это — моя Жизнь… 390
Нам помогают Предки!… 393
Здоровеньки булы! 397
И снова «Вольнае паветра»… 401
Сокровенное 405

Диско- и видеография 411

Содержание 412

И.И. Кирчук
Автобаны и менестрели – Минск, 2008. – 414 с.

Редакторы: *Г.Г. Дмитриев, А. Шамак*

Компьютерная верстка *Ю.В. Павловский*

Корректоры: *З.Ю. Дмитриева, А. Островцев*

Фото: *архив И. Кирчука, В. Урбанович*

Подписано в печать . .2008 Формат

Гарнитура Таймс Нью Роман.

Печать офсетная.

П.л. 19 Тираж Заказ

О КНИГЕ

Иван Кирчук – одна из наиболее заметных фигур в белорусской этнокультуре. Более тридцати лет своей жизни он посвятил сбору, изучению и пропаганде национального фольклора. Любовно собранные им в многочисленных фольклорных экспедициях полузабытые песни Предков, описания уникальных народных праздников и обрядов стали не только предметом его научных изысканий, но и хорошей базой для создания нескольких творческих коллективов. Под его руководством и при его деятельном участии эти коллективы успешно представляли белорусский фольклор, в основном, за пределами отечества. Ибо в своей стране исконная национальная культура, как, впрочем, и родной белорусский язык, традиционно не пользуются уважением и поддержкой чиновников-манкуртов. Благодаря усилиям Ивана Кирчука и немногих других энтузиастов белорусская народная культура пробивает себе дорогу в мировое Пространство.

Обладая хорошими творческими и организаторскими способностями, Иван Кирчук в сложные девяностые годы прошлого столетия сумел создать этномузыкальный коллектив «Троица», став не только его основателем, но и его душой. Вот уже более десяти лет три музыканта радуют людей своим искусством, пропагандируют уникальную культуру Предков. Без какой бы то ни было государственной поддержки, движимые исключительно собственным энтузиазмом, на собранные по крохам средства они принимают участие в многочисленных фольклорных фестивалях в самых разных странах мира. Талантливый музыкальный коллектив оказался в положении средневековых менестрелей, востребованных на мировых праздниках фольклора, но таких незащищенных в бытовом отношении творческих личностей…

Дневниковые записи Ивана Кирчука и легли в основу его книги «Автобаны и менестрели», представляемую вниманию читатаелей.

В то же время эта книга – не только хронология поездок «Троицы» по странам и континентам, не только впечатления автора, иногда, может быть, немного субъективные. Она содержит глубокие философские рассуждения о смысле и ценности жизни, о божественном предназаначении человеческой миссии на земле, о высокой общехристианской морали, веками создаваемой и завещанной нам нашими Предками. Она наполнена обоснованной тревогой за сохранение всего того, что дал людям Создатель. Вот как об этом размышляет автор в одной из дневниковых записей:

«Бог создал нас по подобию своему. А мы? День в день, как Иуда и Пилат, мы на Лобном месте. Мы до сих пор творим Голгофу вокруг, в себе. Мы зрячи, и мы слепы. Мы слышим больше себя. Собираем не те богатства. Гоним Ангелов. Бражничаем с падшими. Словами, как молотками, вбиваем гвозди в чужие Тела и Души…

…Мы потянулись в Храмы, а кровь не просыхает. Эпидемия ненависти ползет невидимой лавой…

…Что ж Мы не ладим меж собой, христиане?»

Книга изобилует притчами, сказками и стихами собственного сочинения. Они не всегда профессиональны с литературной точки зрения, но всегда глубоки по смыслу, привлекательны по своей метафоричности.

Покрова – листья. Креститель – дождь.
Капли – монахи. Живешь и ждешь.
Тропки. Дорожки. Стопы следят.
Дети – ошибки… Может простят?..
Знахарь – природа. Пение – нож.
Горлу не больно: режешь – живешь!

Все это позволяет говорить и о литературном таланте Ивана Кирчука – музыкально одаренной личности, уникального певца, неутомимого собирателя и пропагандиста белорусского фольклора.

Нет сомнения, что эта книга заинтересует не только почитателей «Троицы» и таланта ее лидера, но и расширит представление читателей об отношении к своей национальной культуре, к своему народному достоянию – фольклору – в разных странах мира.

Г.Г. Дмитриев